

№ 9 (88) 9 ИЮЛЯ 1955

КРОКОДИЛЫ И КОКО

ПРОКОДИ

КРОКОДИЛ

КРОКОДИЛ 12
1977

№ 14 • ноя • 1981

ISSN 0130-2671

КРОКОДИЛ

№ 6 • ФЕВРАЛЬ

КРОКОДИЛ
№ 20 (1742) • ГОД ИЗДАНИЯ 474 • 54 МАЯ
КРОКОДИЛ

№ 16 (198) • ИЗВЕСТИЯ • ПОДАРОК ТАЛАНТЛИВЫМ ЛЮДЯМ • ГОД ИЗДАНИЯ 24 • 1 ЦЕНА КОПЕЙКА 1 Р. 75 К. • 9 ИЮНЬ 1979

КРОКОДИЛ

2 р. 10 к.

Крокодилу —
60 лет

КРОКОДИЛУ- БОЛЕТ

*Юбилейная
летопись*

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1983

Составитель М. СЕМЕНОВ

Ответственный редактор
Е. ДУБРОВИН

Художественный редактор
А. КРЫЛОВ

Крокодилу — 60 лет: Юбилейная летопись. Сост. М. Семенов; отв. ред. Е. Дубровин. — М.: Правда, 1983. — 448 с., ил. В пер.: 1 р. 90 к., в суперобложке 2 р. 10 к. Тираж 100 000 экз.

«Юбилейная летопись» — это сборник лучших юмористических рассказов, эссе, стихотворений, эпиграмм и карикатур, опубликованных в журнале «Крокодил» за 60 лет (1922—1982 гг.). В летописи представлены как прославленные прозаики, поэты, мастера сатирической графики, так и талантливая молодежь, которые по мере творческих сил и таланта старались запечатлеть в смешном виде современные им события, нравы, характеры. В художественном отношении издание может быть отнесено к разряду уникальных собраний маленьких шедевров. Нет сомнения, что оно вызовет всеобщий читательский интерес.

4502010000—578
К ————— 578—83
080(02)—83

© Издательство «Правда», 1983. Составление.

«МОСКВА «КРОКОДИЛУ»

1. ВЕЧНО МОЛОДАЯ ЗРЕЛОСТЬ

Шестьдесят лет... Много это или мало?

— Много,— отвечает один.— Все лучшее позади... А впереди инфаркт, инсульт или еще что-нибудь похуже... (Хотя вопрос в этом случае проблематичный, что лучше, а что хуже.)

— Мало,— отвечает другой и демонстрирует стальные мышцы и прекрасно сохранившиеся зубы.

Кстати, о зубах. Если вы хотите полюбоваться прекрасными зубами, загляните к нам в редакцию. На полированном столике лежит, приготовившись к броску, почти двухметровый Крокодил.

Это наш символ. Символ миллионной армии наших читателей. Очень, кстати, прожорливый символ. Это ему ежедневно приносят... Нет, нет, не хлеба и не мяса. Наш Крокодил питается совсем другим.

2. КРОКОДИЛЬСКИЙ КОРМ

Помню один случай, когда я был еще маленьким. Проходил я однажды возле подъезда большого дома, как вдруг возле этого подъезда остановился грузовик, и здоровенный грузчик стал сбрасывать на асфальт мешки с чем-то тяжелым. Мешки как мешки. Я уже было прошел мимо, как вдруг услышал:

— Это Крокодилу!

Из подъезда выбежали люди, стали хватать с торопливостью мешки и уносить их внутрь дома.

Я остановился как вкопанный. Мешки крокодилу? Что там? Корм? И почему так много, целый грузовик? Потом, откуда взялся тут в Москве крокодил?

Грузовик уехал, мешки унесли. Я решился обратиться к вахтеру.

— Дяденька, здесь живет крокодил?

— Здесь,— ответил вахтер.

— Это... ему корм?

— Ему.

— Что же он ест?

— Письма.

— Письма?! Какие письма?

— Те, что люди пишут.

Я стоял ошарашенный. В восемь лет вообще жизнь подкидывает человеку множество загадок, а тут совсем потрясающая история. Вахтер сжалился надо мной.

— Крокодил—это журнал. Слышал про такой? Вот журналу и пишут...

Конечно же, я слышал про «Крокодил»! Но не только слышал, но и сам однажды написал письмо в редакцию, когда учитель, по моему мнению, несправедливо поставил мне плохую оценку. И письмо не осталось без ответа. Учителя и меня вызвали к директору школы. Мне пришлось отвечать второй раз; и в конце концов справедливость восторжествовала—я получил хорошую оценку, хотя, признаться, зубрил эту тему день и ночь.

И вот с того времени прошло много лет. Теперь, направляясь по утрам в «крокодильский» кабинет, я вижу, как дюжие молодцы несут такие же запечатанные мешки к подъезду—число их только прибавилось,—и слышу неизменное:

— Это крокодилу!

3. ОБРАЗ ЖИЗНИ

Однажды меня толкнули в очереди в кассу магазина. Я посторонился и нечаянно толкнул стоящего сзади человека. Тот от неожиданности выронил бутылку с молоком. Бутылка с молоком упала на пол и разбилась. Очередь взволновалась.

— Это хулиган,—сказал один человек, показывая на меня пальцем.—Я сам видел, что он нарочно толкнул.

— К тому же он и пьяный,—добавил другой.

— Я его не первый раз за этим делом застаю,—сказал третий.

Четвертый, самый нервный, закричал:

— Сдать его в милицию! Пусть знает, как хулиганить!

Очередь сгрудилась вокруг меня. Я попытался было оправдываться, но вскоре понял, что это бесполезно. Четыре свидетеля, знавших меня как хулигана, и разбитая бутылка с молоком — вещественное доказательство — говорили сами за себя.

— Не надо его сдавать в милицию! — сказал вдруг человек, который видел, как я нарочно толкнул покупателя с молоком. — Отделается штрафом, и все. Надо его проучить как следует!

— Как? — заинтересовалась очередь.

— Написать в «Крокодил»! Послать туда его фотографию! У кого есть фотоаппарат?

— Правильно! — обрадовалась очередь. — Пусть над ним вся страна смеется.

И тут я по-настоящему испугался. Что милиция? Конечно, неприятно попасть в милицию, но в конце концов я отделаюсь внушением или штрафом. А тут будет смеяться вся страна! Я только на миг представил свою физиономию, красующуюся на страницах журнала, а мои ноги уже сами несли меня вон из магазина.

Мне удалось спастись от «Крокодила» бегством. Однако надо сказать, что не все нарушители так удачливы.

Нас часто спрашивают, кого может критиковать «Крокодил» и кого не может. Никаких инструкций нет. Редакция самым тщательным образом подходит к любому письму, особенно к тем, которые написаны объективно и содержат конструктивные предложения. Так, по одному читательскому письму был раскритикован... целый город, другое письмо послужило основой для фельетона, который был обсужден в правительстве, и по нему было принято постановление.

Так что «Крокодил» ведет довольно агрессивный образ жизни.

4. ГДЕ РАБОТАЕТ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ?

Традиции первых крокодилцев — быть на переднем крае в борьбе за все новое — продолжали молодые. «Крокодил» брал шефство над строительством «Магнитки» на Урале. (В редакции до сих пор стоит статуя Крокодила, отлитая из первой плавки Магнитогорского металлургического комбината.)

«Крокодил» участвовал в коллективизации, сражался

на фронтах Отечественной войны. Причем самым непосредственным образом. Однажды на Ленинградском фронте художники «Крокодила» нарисовали огромные карикатуры на Гитлера и выставили их перед передовыми позициями немцев. Карикатуры были столь «выразительны», что немцы не выдержали, пошли в атаку и попали под наши специально для этой цели приготовленные пулеметы.

И сейчас зубам «Крокодила» хватает работы. Журнал вместе с читателями борется за мир, всеобщее разоружение, повышение качества товаров, за выполнение Продовольственной программы, повышение производительности труда, борется с бюрократизмом, равнодушием, ханжеством, хищением социалистической собственности, выступает на стороне несправедливо обиженных, ставит важные государственные вопросы.

Крокодил имеет в каждой союзной республике и в некоторых автономных своих младших братьев. Все вместе мы — большая сила, большая помощь партии, народу в построении нового общества.

Журнал активно и целенаправленно готовит смену. При редакции вот уже несколько лет работают литературный Лицей и студия молодых карикатуристов. Молодые литераторы и журналисты перенимают у опытных мастеров секреты профессии сатирика, вырабатывают в себе качества бойцов. А эти качества, как никому другому, необходимы каждому крокодилу.

Может создаться впечатление, что «Крокодил» — серьезный, «разгромный» журнал, которого все боятся. На самом деле журнал люди любят. В том числе и за улыбку. В «Крокодиле» публикуется много юмористических рисунков, рассказов, анекдотов, афоризмов. Журнал охотно предоставляет свои страницы лучшим образцам зарубежного юмора, активно участвует в зарубежных выставках, конкурсах, сам организует их.

Международную выставку карикатур «Сатира в борьбе за мир», организатором которой в числе прочих был и «Крокодил», посетили руководители партии и правительства во главе с Л. И. Брежневым.

...Шестьдесят лет... Много это или мало? По отношению к «Крокодилу» можно смело ответить: и ни много и ни мало, ибо журнал имеет тот возраст, о котором можно сказать: «Вечно молодая зрелость».

Е. ДУБРОВИН,
главный редактор журнала
«Крокодил»

1922—1927

РУБРИКИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

РОДИЛСЯ!

Главным событием воскресенья 27 августа 1922 года в Москве и ее окрестностях явилось, конечно, рождение «Крокодила». В 7-й типографии «Моспечати» (быв. Мамонтова) был отпечатан тираж первого номера нового сатирического журнала. А предшествовали ему 12 номеров воскресного иллюстрированного приложения к «Рабочей газете». 13-й же номер оказался счастливым — сквозь газетные листы прорвался... крокодил. Именно так изобразил рождение «Крокодила» на обложке журнала художник Ив. Мажютин.

Впрочем, предоставим далее слово очевидцу, некоему мистеру Стьюпитхеду, письмо которого в Лондон опубликовано в первом номере журнала:

«И здесь появилось самое страшное, что я когда-либо видел в жизни. «Рабочая газета» вдруг раздулась, распахнулась и вывалилась на середину комнаты. Прорвав газетные листы, в комнату вылез огромный крокодил и, разинув свою страшную пасть, кинулся на меня. Я не видал таких ни на одной фотографии. Его огромные зубы коснулись меня, и... я проснулся. Сердце почти не билось, рубашка была совсем мокрая».

Вот с тех самых пор, как только рождается новый номер «Крокодила», влажнеют рубашки у многих мистеров и зарубежных господ, и наших отечественных хапуг, бюрократов, дармоедов...

ВИЛЫ — В БОК!

Эта рубрика появилась в первом же номере журнала. Правда, сначала она называлась «Вилами в бок» и лишь с 14-го номера «Крокодила» приобрела теперешний ее вид. Для наглядности приведем одну заметку из самой первой подборки «Вил».

ПАТРИАРХАЛЬНОЕ СЕЛО

Симбирская газета «Эконом. путь» помещает корреспонденцию:

«В Уваровском волисполкоме состоит председателем Пав. Ив. Ментов; председателем сельсовета — двоюродный брат председателя волисполкома Мих. Мих. Ментов; секретарь сельсовета — близкий родственник последнего Вас. Ал. Ментов; его родной брат Ефим Алексеев Ментов состоит заведующим столовой АРА в этом селе; помощник его — родной брат председателя сельсовета Ал. Мих. Ментов; родной их дядя Мих. Ник. Ментов — член сельсовета, тоже имеющий какое-то отношение к столовой...»

Исаак роди Иакова, Иаков роди Авава, Авав роди Иуду, а Иуда рече:

а я не буду: это женская функция.

Спросили б мы корреспондентов:

— А кто у них начальством ЧОН?

Должно быть, «батя» (тоже Ментов)...

И акушеркой тоже он?..

Итак, «Вилы в бок». Забегая немножко вперед (ровно на 60 лет!), можно сказать, что за это время знаменитая подборка появилась в журнале 2160 раз. И если учесть, что в каждой подборке «Крокодил» вонзал острое оружие в бока не менее чем пяти проштрафившимся гражданам, то выйдет, что он поразил около 11 тысяч своих постоянных клиентов. А ведь это не булавоочные уколы, а прицельные удары грозных вил!

ЧЕСТНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Время от времени журнал обращался к читателям и почитателям с предупреждением в таком вот духе:

Эй, нэпачи, спекулянты, рвачи!

Эй, ты, заросшая жиром, орава,

Все по углам! Притаись и молчи!
Из «Крокодила» нагрянет облава!

СЛОВО ЧИТАТЕЛЮ

С третьего номера «Крокодил» начинает регулярно печатать «Страничку читателя». Пишут ему разные люди: рабочие, крестьяне, студенты, учрежденческий люд, военнослужащие.

В этой же подборке помещался и «Почтовый ящик». Переписка с читателем шла примерно в таком духе.

Гжатск, Смоленской губ., т. Калиниченко

Вы пишете:

— «Крокодил»! Посоветуй, как быть?

В Смоленской губернии трудно жить.

Читайте «Крокодил» и пишите в него чаще — может быть, легче будет.

Так с первого номера и пишут в «Крокодил» люди о своих огорчениях и обидах из всех бывших губерний, а ныне областей, краев и республик. И чувствуют, что с каждым годом жить становится легче и лучше.

Демьян БЕДНЫЙ

КРАСНЫЙ КРОКОДИЛ — СМЕЛЫЙ ИЗ СМЕЛЫХ! — ПРОТИВ КРОКОДИЛОВ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ

Писатели не для «господ», а для «простонародья»,
В пору нэповского половодья,
Когда НЭП, накапливая жирный ил,
Стал походить на мутный Нил
И когда можно видеть поминутно,
Как там, где наиболее мутно,
Орудует крокодилье племя,
Решили мы, что пришло время
Для очистки нэповского Нила
Выпустить КРАСНОГО КРОКОДИЛА.

КРАСНОМУ КРОКОДИЛУ честь и хвала!
Ему предстоят большие дела:

ДОБИРАТЬСЯ ДО ВСЯКОЙ ГНИЛОСТИ
И ВОРОШИТЬ ГНИЛЬ БЕЗО ВСЯКОЙ МИЛОСТИ,
ЧТОБ НЭПОВСКАЯ МУТЬ НЕ ЦВЕЛА
И НЕ ГНИЛА,
ВОТ КАКОВА ЗАДАЧА КРАСНОГО КРОКОДИЛА!

Мы же,
Подписавшиеся ниже,
Кто пером, кто помелом,
Воздавая «коемуждо по делом»,
Приложим все наши старания,
Чтоб достойно описать все его великие деяния.

На том бьем вам, товарищи, челом!

№ 1, 1922 г.

НЕОЖИДАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ.

№ 1, 1922 г.

Рисунок Ив. МАЛЮТИНА.

Л. МИТНИЦКИЙ

МАГОМЕШКА

(Картинка курортная)

Барышня-стрекотунья из тех, что на курортах с папой-мамой отдыхают от зимнего безделья, щебетала:

— Ах... вчера было ужас как весело... Мы поднимались с проводником Магомешкой к этому... как его... одним словом, вы сами знаете... Но проводник... ах... если б вы только знали, какой это душка... ужас какой милый, и как он прелестно коверкает нашу русскую речь... И какие у него черные-черные глаза и... ах...

Кавалер, обремененный этой барышней, — ялтинский юноша, в кепке и кремовых брюках, говорил скептически:

— Э, что проводник! Проводники давно уж из моды вышли, устарели. В наши дни проводник — это не оригинально, не современно, прямо скажу — шаблон!

— А что современно? — прищурилась барышня. — С кем мне прикажете водиться? С вами? Какой мне в вас интерес, если вы уже женаты?

— Мало ли с кем? Ялта кишмя кишит самыми что ни на есть ответственными работниками — председателями, заведующими, начканцами, мало ли, а вам, извольте видеть, чумазый проводник дался. Не модно!

— Не хочу с ответственными работниками! — стукнула каблучком барышня. — Все они такие серьезные, в очках, с портфелями... Купаться и то с портфелями ходят... Ужас как, должно быть, скучно с ними!

— Ну, ладно, хотите познакомлю с писателем?

— С писателем?

ИЛЬИЧ ВЫЗДОРОВЕЛ.

Появление В. И. Ленина на Всемирной конференции.

№ 7, 1922 г.

Рисунок Д. МООРА.

Барышня прояснилась.

— С писателем хочу! Писатели все такие задушевные и истории трогательные рассказывают, стихи моей подруге один в альбом написал, ужас какие красивые стихи... И по первым буквам имя «Катенька» выходило. С писателем интересно!

— Вот, кстати, он идет.

— Ах, где? — сжала барышня губки. — И правда, весь симпатичненький!

— Познакомить?

— Ах, не знаю... право... Я, признаться, побаиваюсь писателей... Они всю душу насквозь видят. А впрочем...

Подавая руку новому знакомому, барышня жеманно спросила:

— Вы пишете, правда?

— Бывает, что и пишу! — признался «писатель».

— Не правда ли, какая здесь красота, — продолжала, рисуясь, барышня, — море муаровое, настоящее муаровое, небо — аквамарин, и водопад, ниспадая живым серебром, подобно... не правда ли... ах...

— Да, здесь недурно! — согласился «писатель».

— И, скажите... не казалось ли вам в грозовые ночи, когда сверкает молния и гремит гром, что это вездесущий свершает свою...

— Нет, ничего не казалось! — покаялся «писатель». — Я, прямо сказать, безбожник... Ни в бога, ни в черта ни-ни!

— Да, но кто же вы? — наседала барышня. — Мистик, модернист, футурист или имажинист? Может быть, вы беспредметник?.. В вашем отрицании внешней красоты я слышу внутренний голос, говорящий...

«Писатель» потоптался на месте, кашлянул в кулак деликатно:

— Прямо сказать, без дальнейших слов, я рабкор!

— Рабкор? — озадачилась барышня. — Какое же это направление?

— Такое, обыкновенное. Я рабочий корреспондент, описываю заводскую жизнь для газеты, про порядки наши, про нашего директора, про коллективные договоры, про зарплату, про спецодежду, про... И вообще мало ли о чем приходится рабкору писать.

— Ах, так?! — сморщилась умирающим чертиком барышня. — Вы заводский гм... гм... рабочий... гм... корреспондент... оч-чень приятно... оч-чень... оч-ч-ч... Противный этот Кока, вечно он... Кока, слышите, Кока, чего ж вы заевались, нам домой пора!

Возвращалась домой барышня со своим «кадровым», хотя и женатым на другой, кавалером, вздыхала:

— Не надо мне никаких таких знакомств! Мой Магомешка лучше вас всех... он хоть и не писатель... подумаешь, тоже выискался писатель — рабочий корреспондент!.. Магомешка хоть и не поэт, но в его глазах такая бездонная глубина, такая чернота, что... ах...

ПРОЛЕТАРСКОЕ ОКО.
№ 11, 1922 г.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

НАТЕ — БАСНЯ О «КРОКОДИЛЕ» И О ПОДПИСНОЙ ПЛАТЕ

Вокруг «Крокодила»
Компания ходила.
Захотелось нэпам,
Так или иначе,
Получить на обед филей «Крокодилъчий».
Чтоб обед рассервизить тонко,
Решили:
«Сначала измерим «крокодиленка»!»
От хвоста до ноздри,
С ноздрею даже
Оказалось —
Без вершка 50 сажен.
Перемерили «Крокодилину»,
И вдруг
В ней
От хвоста до ноздри 90 саженей.
Переметили опять
До ноздри
С хвоста,
Саженей оказалось больше ста.
«Крокодилище» перемерили,
Ну и делища!
500 саженей!
750!
1.000!
Бегают,
Меряют.
Не то, что съесть,
Времени нет отдохнуть сесть.
До 200.000 саженей дошли,
Тут
Сбились с ног,
Легли,
И капут.
Подняли другие шум и галдеж.
«На что ж арифметика?
Алгебра на что ж!»
А дело простое.

Даже из Готтентотии житель
Поймет.
Ну чего впадать в раж?!
Пока вы с аршином к ноздре бежите,
У Крокодила
С хвоста
Вырастает тираж.
Мораль простая —
Проще и нету! —
ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА «КРОКОДИЛА»
И НА «РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ»!

№ 4, 1922 г.

Архип
(А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ)

ЕЩЕ ОДНА ГОЛОВА

Главметалл, Главбум, Главкожа,
Главодежда, Главрогожа,
Главпортянки, Главчулки...
А о главном, чудаки,
Позабыли, чтоб им пусто,
А Искусство? Это что ж?
Хуже ваших Главрогож?
И искусству дайте вы
Хоть кусочек головы!
Деток спрячем в Главсоцвосе
(Есть папаши в Наркомпросе!).
Да и Рабис тоже бодр,
От греха спасет Охобр.
Символисты ж, футуристы,
Реалисты и фуисты,
Прочие имажинисты,
Залезайте в Главискусство!
Ничего, что очень густо.
Всем найдется место, честь.
Лишь смогли бы только влезть!

№ 14, 1922 г.

ЛИТВИНОВ (протягивая трубку мира): — Не хотите ли затянуться, господа?

АНТАНТА: Извините, мы не курим!

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

Приложение к «Рабочей газете», № 99, 1922 г.

ОТСТУПЛЕНИЕ ДО УРОЖАЯ.

Ленин: — Довольно отступать.
№ 11, 1922 г.

Рисунок Д. МООРА.

ТИПЫ НЭПА.

Комсомолец.

Косатка.

До Нэпа толкался по улицам слепой,
Придавал на рынке штаны и ботинки.
А теперь он из треста в трест бросается
И живет жизнью биржевого зайца.

До Нэпа жизнь Миночки сложилась нелепо.
С Нэпом — у Миночки высокие ботиночки.
Если так пойдет дальше, — рассуждает Нэпа,
То будет и пьянство.

Паштетники.

Содержатель шашлычной.

До Нэпа сидел в подвале, как в клетку скленя
Теперь раскинулась то-ка обычная.
Из скляна родилась шашлычная.
В той шашлычной подают (кра-ко-та!)
Шашлык из настоящего сибирского котла!

До Нэпа с мальчишками дрались самрепо,
А теперь подросток и стал торговать папирсо.
Так и промышляю, на взрослых глядя.
Только не заметил бы меня Р. К. С. — ский дедаль.

Приложение к «Рабочей газете», № 99, 1922 г. Рисунок Ив. МАЛЮТИНА.

I

Из совхоза ушла свинья. Один из рабочих пошел искать ее. Шел и ворчал:

— Нету хуже, чем эта скотина!.. Поишь-кормишь до отвала, а без присмотра все-таки нельзя оставить... Ну, никак невозможно без присмотра! Уж если выпустил — гляди, стало быть, в оба глаза за ней!

II

Высококультурный профессор, наслаждаясь дачным отдыхом, поливал в саду цветочки. Из лейки струилась водица, по небу неслись облачка, в голове профессора порхали легкие, приятные, высококультурные мысли и образы:

— Культурная работа... Святое искусство... Смена вех... Нэп... Самоизживание революции... «Новая Россия»... Павел Николаевич Милюков...

В сад кто-то вошел. Профессор прищурился, искал и не нашел пенсне, еще раз взгляделся и умозаключил: «Судя по облику, местный культурный нэпман. Ищет сочувствия и идейной поддержки...»

Вслух же сказал:

— Добро пожаловать, высокоуважаемый! В вашем лице я вижу, конечно, представителя вновь нарождающейся буржуазии? Очень приятно!

— Хрю... Уйи-уйи-и-хрю! — произнес посетитель.

Профессор подумал: «По-французски говорит. «Крю» по-французски — почва, а «уй» — да».

И сказал:

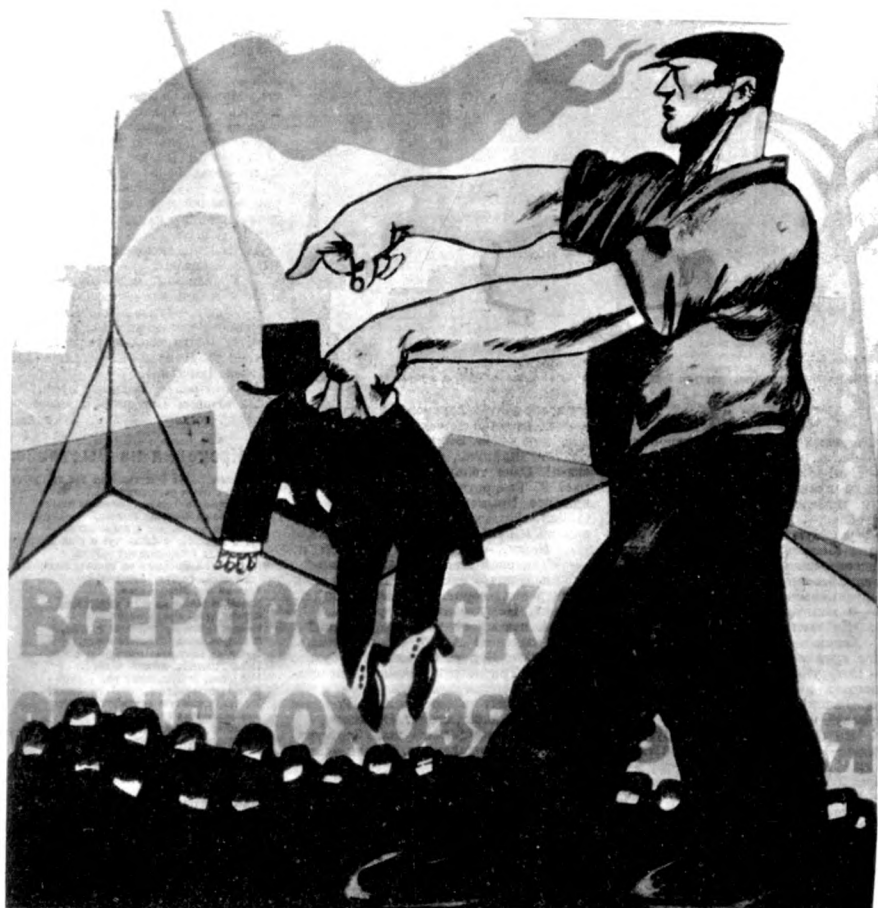
— Совершенно верно. Нарождение новой буржуазии, это — почва! Именно на этой почве и произойдет постепенное самоопределение революции!

Посетитель еще раз хрюкнул и потерялся о профессоры штаны. Профессор сказал:

— Да, залог успеха — в тесном единении новой буржуазии с нами, людьми науки и культуры!

И подумал: «Как он натурален и прост! Как сильно пахнет от него свежим удобрением!..»

Посетитель взрыл носом землю, подошел к клумбе и завалился спиной на цветы.

Рабочий (буржую): — На!.. Смотри!..

№ 32, 1923 г.

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

— Вы любите природу? — восхищенно сказал профессор. — Но здесь сыро и неудобно... Прошу вас к столу: мы разделим мой скромный завтрак. Он на столе. Прошу не стесняться!

Посетитель подошел к столу, стал на дыбы, поставил ноги на стол и счавкал профессоров завтрак.

Профессор отошел в сторону, заложил руку за борт пиджака, откашлялся и начал произносить речь:

— Глубокочитимый, многоуважаемый посетитель!.. В настоящее время, когда...

— Вот она где! — радостно воскликнул рабочий. — Я-то

ее, подлую, по всем закоулкам ищу!.. Чего ж вы ее не гоните, гражданин?

Профессор недовольно нахмурился и пожал плечами:

— Протестую против нарушения неприкосновенности жилищ. По какому вы праву?.. Конечно, мы с гражданином подчинимся насилию, но...

— Ладно уж,— сказал рабочий.— Для свиней —прикосновенность, а рабочему человеку и войти нельзя. Эх, вы, образованные!..

IV

Высококультурный профессор, забыв об отдыхе, спешно писал корреспонденцию в Париж:

«...К сожалению, аппарат диктатуры еще силен. Наши попытки к объединению с наиболее культурными слоями новой буржуазии пресекаются в зародыше...»

V

Рабочий гнал свинью в совхоз и, усмехаясь, приговаривал:

— Иди, иди, нечего хрюкать! Гы-ы. И смешной же народ, ученые эти! Ишь ты, с кем цацкаются! За стол посадил... А что в ней занятного? Свинья —она свинья и есть.

№ 2, 1922 г.

Вас. ЛЕБЕДЕВ

НОВОСЕЛЬЕ

Рабочая элегия

В огромной комнате корявый стол без ножки,
Кровать дощатая и печка-лилипут.
В углу — узлы и два мешка картошки,
У двери, как ковер, разодранный лоскут.

Сундук, набитый хламом бесполезным,
Две табуретки, люлька, самовар —
Знакомство сводят с золоченым креслом,
Растерзанным наследством прежних бар.

Паркетный пол стоит горбом щербатым,
Из желтого он черным стал давно,

И ветер сквозь бумажные заплаты
Свистит в венецианское окно.

Два малыша, накормлены и рады,
«В трамвай» играют, севши под столом:
Восторженно везут по полу голым задом,
Руками управляя, как веслом.

Им весело... А мать полна заботы,
То в кухню выбежит, то вновь хлопочет здесь,—
Отец вот-вот придет домой с работы,
И надо поскорей приготовить, что поесть.

Три дня всего, как здесь на новосельи,
В вагонах жили больше двух недель.
Хоть сыро здесь и ветер дует в щели,
Зато есть все: и кухня и постель.

Для самовара есть запас еловых шишек
(Еще в дороге ими запаслись),
С завода муж хотел достать дровишек,
Пока же на дрова пришлось содрать карниз...

Все образуется: пойдет стряпня и стирка,
И завертится жизни карусель...

Как хорошо иметь свою квартиру,
Прожив в вагоне больше двух недель!

№ 4, 1922 г.

Александр НЕВЕРОВ

ЧВАНСТВО

Рассказ

1

Павел Кудашкин — директор. Павел Кудашкин — начальник. В одном слове — стакан вина. В другом слове — стакан вина. Пьет Кудашкин сразу из обоих стаканов — вот так жизнь, черт возьми! Был Павел Кудашкин — теперь Павел Иванович. Ходил пешком — теперь ездит в автомобиле. Ой, не говорите! А кабинет-то какой! Огромный-огромный. Светлый-светлый. А стол-то какой! Под

сукном. Зеленый. Восемь ящиков выдвигающих. Кабинет, стол, телефон, автомобиль, швейцар. Это, наверное, во сне. Если это не во сне, обязательно надо держаться за такое место. Зубами вцепиться надо. Разве шутка сказать:

— Ди-рек-тор.

Простой рабочий и вдруг — товарищ директор.

2

Бежит автомобиль, и земля под ним бежит. И небо над ним бежит. Вся улица бежит. Весь город бежит. Вот так жизнь! Слесарь идет. Маляр идет. Каменщик идет. А Кудашкин на крыльях несется. Выше слесаря, выше маляра, выше каменщика. Вот так жизнь!

— Ди-рек-тор.

Сидит Кудашкин на кожаной подушке, глазами веселыми улыбается. По одну сторону — инженер, по другую сторону — инженер. Вот с какими людьми приходится сидеть. Они курят, и он курит. Они ноги вытянули, и он ноги вытянул.

— Рав-но-пра-вие.

3

Какая смешная слободка. Избенки-то какие маленькие. Рабочие на завалинках сидят в расстегнутых рубахах. Жены семечки шелушат. Ребятишки под ногами ползают. А когда-то и Кудашкин жил вон в этом домишке. Теперь живет в городе. В большом шестизэтажном доме. Нельзя директору завода оставаться в рабочей слободке. Ни один инженер не будет считать за настоящего директора. Ни один специалист не будет чувствовать настоящего уважения.

— Здравствуйте, Павел Иванович!

— Мое почтение.

— Заезжайте чайку попить.

— Некогда, товарищ Самойлов. Сегодня у меня заседание правления.

— Здравствуйте, Павел Иванович!

— Мое почтение.

— Как поживаете?

— Трудно, товарищ Григорьев. Хочу уходить.

— Да что вы?

— Работать невозможно с членами правления.

Ох, и плут стал Павел Кудашкин! С инженерами одним языком. С рабочими — другим языком. Кабинет, стол, телефон, автомобиль, швейцар. Если это не во сне, обяза-

тельно надо держаться за такое место. С инженерами ссориться невыгодно, и с рабочими ссориться невыгодно.

— По-ли-ти-ка.

Единственно только поэтому и приходится говорить двумя языками.

4

Зеркало, что ли, какое особенное или на самом деле товарищ Кудашкин изменился? Усы как будто не его. Были длинные, свешивались вниз, теперь на английский манер: только клинышек узенький под ноздрями. И щеки не его. Гляди, как раздуваться начали, розовыми делаются. И глаза не его. И шея с белым воротничком не его. Синий костюм, в зубах хорошая папираса. На ногах хорошие ботинки. Ерунда. Конечно, это он. Нельзя же директору ходить, как простому рабочему. Иначе ни один инженер не будет иметь к нему настоящего уважения. А кроме того...

Да.

Кроме того, приходится бывать в «инженерном» обществе. Нехорошо сидеть в синей блузе около дамы. А все-таки приятно, когда не узнаешь себя в зеркале. У инженеров вообще принято ручку целовать дамам. Кудашкину тоже в силу необходимости приходится подчиняться этикету. Ну, конечно, он не целует пока. Дело не в этом. Вообще что-нибудь придется проделать, чтобы не считали его мужиком необразованным.

5

Хорошо, а Кудашкин недоволен жизнью. То есть не жизнью. Это неверно. Женой недоволен. Ну, представьте себе. Простая женщина. Носит ситцевое платье, повязывается косынкой. Наплевать, и это бы не беда. Любое платье можно выбрать на Тверской. Шляпку можно посадить вместо косынки. Дело не в этом. Обращения никакого не знает. Вот черт! Как была жена рабочего, так и осталась. Кудашкин ей говорит:

— Ты теперь жена директора.

А она:

— Ну, Пашенька, какой там директор! Я тебя и так люблю.

Возьми ее. Придут гости, она прячется. У инженеров бабы сами лезут, глазами играют, а эта, солома ржаная, людей боится. Выйдет в своей косынке — Кудашкина в жар бросает. Нет, с такой женой в люди не выйдешь. Через нее и к нему не будут иметь настоящего уважения. Сразу ви-

дать — простая работница. По совести признаться, и старовата немножко. Эх, в шелковых бы чулках подцепить! Штучка.

6

Так и решил Кудашкин. Прямо сказал жене в черной косынке:

— Мы с тобой неподходящи друг другу.

Ушла жена в ситцевом платье, пришла другая, играющая глазами. Тоненькая, молодая, в шелковых чулках. Ох, какая интересная! Чай не пьет — кофею просит. Булки надоели — сухарей сдобных купи. Юбка из моды вышла — в магазинах другие появились. На шоколад четыре миллиона. На груши дюшес четыре миллиона. На театр четыре миллиона. Маникюр, духи, одеколон. А какое обращение! Мерси. Пардон. Мне сегодня скучно.

7

Накормил Кудашкин в последний раз молодую жену грушами дюшес и ровно в два часа ночи на автомобиле ГПУ переехал на другую квартиру.

Бывает. До того ли еще чванство доводит.

№ 8, 1922 г.

СВЭН

(И. КРЕМЛЕВ)

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

— Могу ли я видеть заведующего? — застенчиво спросил плохо одетый человек, нервно теребя свой туго набитый парусиновый портфель.

— Заведующего? — иронически переспросил делопроизводитель. — Вы бы еще в шесть часов утра пришли.

— Однако, — удивился вошедший, — да ведь уже двенадцать.

— Позвольте, — сухо перебил делопроизводитель, — вам по какому делу?

— Да так... — неопределенно отозвался посетитель и, робея, прошел к секретарю.

* * *

— Товарищ секретарь,— почти почтительно начал неизвестный...

— Вы же видите, что я занят, извольте подождать.

Секретарь озабоченно диктовал машинистке:

— «Хочу быть дерзким,

Хочу быть смелым...»

— Товарищ,— уже настойчиво повторил неизвестный.

— Шестой год знаю, что товарищ... Вам чего?..

— Да вот заведующего нельзя ли?..

— Вы по личному делу?

— Да нет, по служебному.

— До среды приема не будет.

* * *

— Вы не знаете, будет заведующий?

— А что, указчик я ихний? Видите, что кулер.

— Но ведь он должен быть. Ведь мне говорили, в среду.

— Стал-быть, придет.

— Так почему же его нет?

— А може, и не придет.

* * *

— Товарищ заведующий,— торопливо начал человек с парусиновым портфелем,— я вас... целыми днями жду.

— Короче... Я занят... Спешу...

— Но позвольте...

— Ничего не позволю... Бегу... Некогда... Идите к секретарю.

* * *

— Наконец-то я вас снова поймал! — в отчаянии уцепился посетитель за рукав заведующего.

— Гражданин,— свирепо оборвал тот,— и чего вам от меня надо... Сказано, к секретарю...

— Да, но вы мне лично нужны...

— Потрудитесь в письменной форме. А, впрочем, чего вы в конце концов привязались? Кто вы такой?

— Я вновь назначенный заводделом. И благоволите сдать мне дела.

КРОКОДИЛ

Москва

Воскресенье, 22 октября

1922 г.

Балтфлот растет!

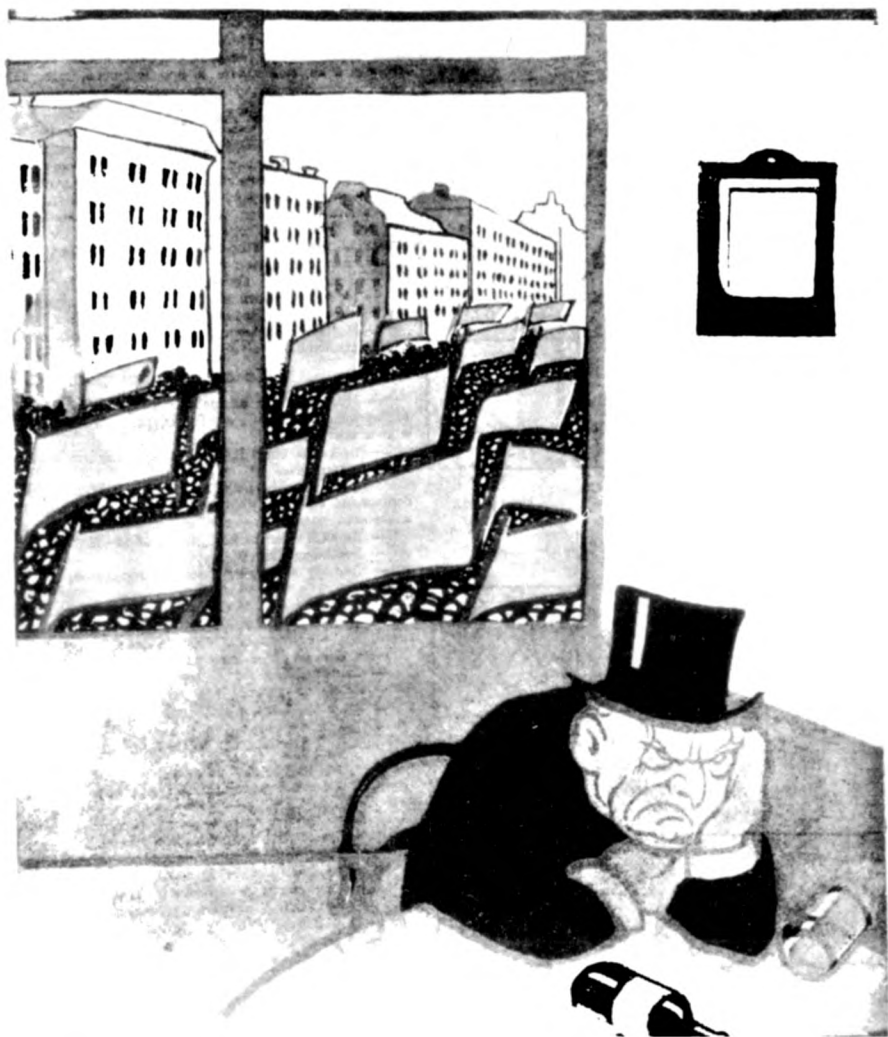

Антанта: Чем крепче и спокойнее этот матрос, тем беспокойнее и неустойчивей чувствую я себя.

№ 9, 1922 г.

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

ДВА МИРА.

МАЕВКА.
№ 8, 1924 г.

Рисунок ДЕНИ.

ЖЕНА НА ДЕМОНСТРАЦИИ:

— Только в Международный день работницы я узнал, что такое день работницы.

№ 9, 1925 г.

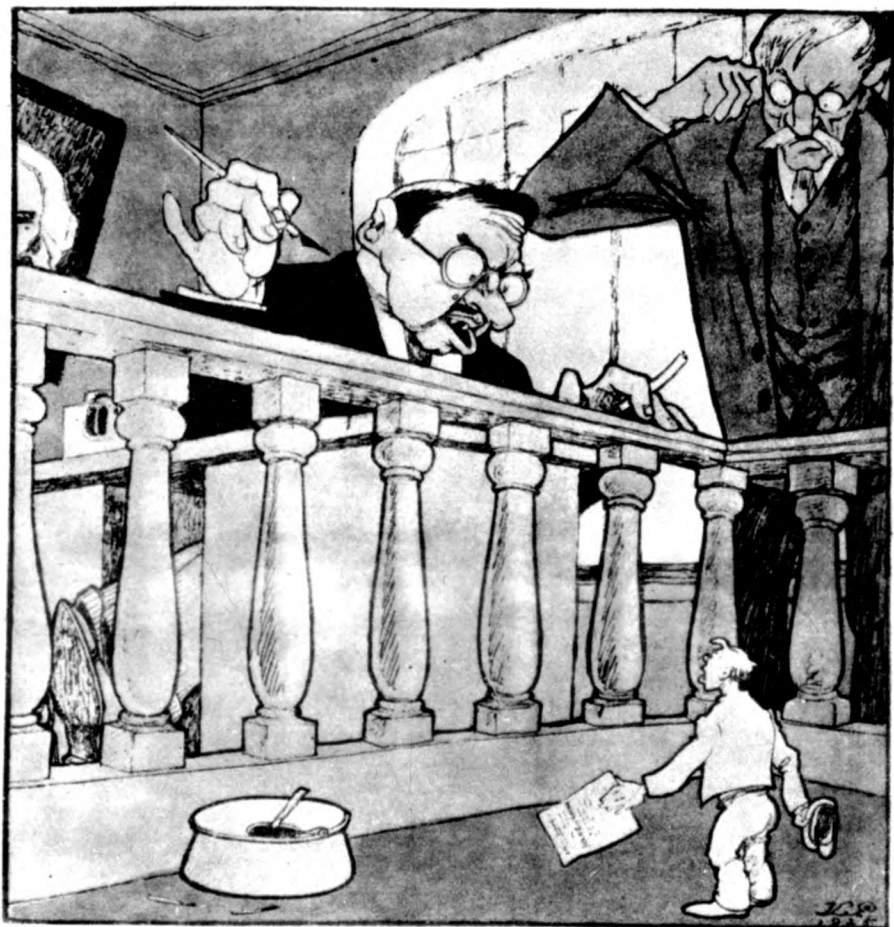
Рисунок Н. КУПРЕЯНОВА.

Вячеслав ШИШКОВ

ХОЛОДНЫЙ ДУШ

К бане шумно подкатил в автомобиле толстый. У него плохо бритые одутловатые щеки, рыжая борода клинышком, брюшко. Весь он измученный, будто двадцать верст гнали его по жаре с этим туго набитым бумагами портфелем.

СТРАШНОЕ МЕСТО (КАНЦЕЛЯРИЯ).

— Сколько раз я вам говорил, приходите завтра, а вы всегда приходите сегодня.

№ 25, 1925 г.

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

Он быстро разделся, погладил ладонями жирные, толстые бока, сказал «Фу-у-у!», потребовал банщика и пошел мыться.

Банщик попался высокий и тощий, как факир, нос у него кривой, на глазу бельмо.

Тощий ловко парил толстого: веник жжухал и посвистывал, все тело толстого стало, как кумач.

— Спасибо, товарищ,— передохнул толстый,— даже в середке загорелось... Фу-у-у!..

— Мы распа-а-арим... То есть страсть до чего люблю купеческого званья граждан мыть! Будьте столь любезны головку, ваше степенство.— И голова толстого оделась душистой белой пеной, как чепчиком.

— Вы что же, товарищ, за купца меня признаете?

— А как же? Нешто мы не видим? Господи!.. Пожалте ручку, оттопырьте. Ах, чикотки боитесь? Извиняюсь!

— А вы кто же, товарищ, сами-то? Ваш цех?

— Я-то? Да, как вам сказать, не соврать... Я, признаться, бывший партийный... Как говорится, об выходе попросили... Извиняюсь, ножку-с!

— Это почему же?

— Об выходе-то? То есть в диологию никак утрафить не могу. Ну, прямо не могу и не могу! Например, в светлое христово воскресенье заприметили наши, как я из церкви, конечно, выходил. А как в церковь не пойдешь, раз мы сизмальства к этому приучены. Отвыкнуть трудновато-с.

— Напрасно, напрасно, милый человек. Раз партийный, бога долой.

— Ах, ваше степенство! Даже не ожидал от вас такое обличенье получить,— вздохнул тощий и, раскорячившись, стал со всех сил тереть широкую, как комод, спину толстого.

— Напрасно, напрасно,— сказал толстый.— Я тоже партийный.

— Ха-ха! — заиграл бельмом тощий.— До чего веселый вы, ваше степенство! Окромя того, еще кой-какие партийные уклоны были. Например, в пьяном положении я в общем и целом в морду одному гражданину дал. Правда, удар был обоюдный: он тоже мне в ухо съездил. Одним словом, диалогический подход вышел — тьфу!

— Плохо, плохо! Это даже совсем нехорошо, товарищ. Партию мараешь.

— Дозвольте головку вторично окатить. Что, глазки щиплет? Сейчас, сейчас. Эх, ваше степенство... Многие партию марают, ежели взглянуть в общем и целом. Вы возьмите, сколько казнокрадов? Или такую мораль. Например, допустим, мастеровой, рабочий, возьмем рабочего очень делового, умного и, для примеру, самого тощего, вроде как, извиняюсь, я. Хорошо-с. И вот волна революции выпячивает его в передние ряды. Значит, раз он партийный да дело разумеет, пожалуйста в ответственные члены. Дале

боле, пожалуйста в члены правления фабкома, дале боле, пожалуйста в директора. Тут уж начинает у него брюхо расти, обзаводится он обстановочкой, да не какой-нибудь а чтоб с фасоном, на которой графья сидели. Это я, конечно, к примеру говорю. И баба евоная, ваше степенство, к примеру, в самое несчастное положение попадает: ему уже стыдно с ней и в люди показаться: непропека, деревенщина. И у него уж, извиняюсь, мамзель на стороне, а то и три. По европейским крышам лазиют, по ресторациям, туда-сюда. Тут уж не до партии. То есть он, конечно, дисциплину держит: скажем, ежели в Казанский собор его палкой не загнать и на партзаседаниях сидит старательно, а душа-то евона уж покачнулась, от него паршивый душок пошел, это уж не партийный человек, а прямо, между нами, сущее дерьмо, потому — подоплека в общем и целом — дрянь! Чего ему: пиво жрет, коньяки шустовские жрет, чего увидит, то и жрет, с бабенками безобразничает. И становится он, как боров, гладкий. Даже в баню, сукин сын, норовит на казенном автомобиле, даже банщика берет. Вот какая стерва получается!

Толстый гневно пробубнил:

— Три, три крепче! Критик тоже!

— Чего-с? — не расслышал тощий. — Правда, таких совсем мало, а все же есть. И это заразительно, нехорошо, не по-божецки. А, например, я. Я тоже партийный был, у меня четверо детей, супруга, конечно, больная, а зарабатывал я, дай бог, полсотни в месяц. Смотришь, смотришь на таких толстозадых партийных, да и подумаешь: нет на свете справедливости! А как подумаешь это — сейчас в кабак. Пожалуйста, ваше степенство, под душ. Как, посвежей прикажете водичку пропустить?

Толстый свирепо крутился под дождем, ему противно было глядеть на тощего и слушать его раздражающую болтовню.

— А почему, ваше степенство, так выходит? — прищурил тощий глаз с бельмом. — Потому самому, что сверху надзор плохой. Вот они и разъезжают по баням на автомобилях, да банщиков берут. Его вымоешь начисто, веником отхвощеешь, как сидорову козу, а он в порядке партийной дисциплины — гривенник! Вот вы совсем даже дело другое, вы к нежному обхождению с детства, конечно, привыкли, и подоплека у вас самая купецкая! Пожалте! С легким паром вас, много лет здравствовать!

И там, в раздевальной:

— Ах, какое белье у вас антиресное!.. Заграница-с? А

куда ж вы крестик свой изволили положить, господин купец, разыскать помогу.

— Иди ты с крестиком! Я сам оденусь! — Толстый, пыхтя, встряхнул пиджак, из кармана выпал партбилет.

— Извиняюсь. Пожалте, товарищ, вот! — Он изумленно потряхнул головой: — Ну-ну! — Дернул за свой кривой нос и на цыпочках — голову вниз — быстро, быстро в парное отделение.

Толстый — голову вверх — гордо, осанисто вышел вон и сел в автомобиль. Шофер сказал:

— Извиняюсь... Но почему ж, товарищ, вас не побрили?

— Нет, меня отбрили очень хорошо... Ха-ха! Что? Дуйте скорей на заседание!

№ 30, 1926 г.

АРГО

ПОРТРЕТ ВАШЕГО ЗНАКОМОГО

*«Вот он — на цыпочках,
и небогат словами».*

(«Горе от ума»)

«На цыпочках, и небогат словами»,
Исполнен весь почтенья и огня,
Глядите, вот он перед вами,
Герой сегодняшнего дня!
Он, как службист в определенном роде,
Изведав цену слов — к чему слова? —
На всякий случай держит в обиходе
Всего лишь два!
Всего лишь два! Он с пылкостью горячей,
Поскольку лозунг дня очередной,
Кричит:
«Ура», —
а ежели иначе,
Тогда: «Долой!»
Допустим — чистка! Кто не убоится?
Но наш герой незыблем, как гора —
Рабочие, братишки и сестрицы...
Ура! Ура!

В ЗООПАРКЕ.

- Этот верблюд напоминает мне наш шерстяной трест.
— Почему?
— Хвост большой, а шерсти нет.

№ 23, 1926 г.

Рисунок К. ХОМЗЕ.

Но если лозунг возглашает: «Смьчка»,
Оказывается само собой,
Что у него есть бабушка-мужичка,
А тех — долой!
Какой размах! Усилием гигантским
Мы строим жизнь! Великая дора!
По-европейски!! По-американски!!
Ура!! Ура!!

— Но в государстве нашем полутемном
Растратчиков замечен целый рой...

— Ну, что ж, тогда я буду экономным...
Долой!! Долой!

Таков герой. Он от восторга тает,
Он может кушать хрен, как бланманже,
Что ни прикажут, что ни пожелают —
Уже! Уже!

№ 27, 1926 г.

Николай КАРПОВ

ИНОСТРАНЕЦ

Луковкин открыл дверь и удивленно взглянул на стоявшего на площадке бритого гражданина в серой шляпе и сером, в талию, пальто.

— Вам кого?

— Не узнает, свинья, ей-богу, не узнает! — весело захохотал бритый. — Эх, Луковкин, Луковкин! Гад ты! Сколько мы с тобой пива вместе вылакали? Полгода не встречались, и он уже забыл старого приятеля.

— Урываев! — вскричал Луковкин. — Ты?

— А то кто же? Понятно, я. Ну-ка, веди в свою берлогу. Я, брат, к тебе с ночевкой. Семья в Ленинграде, а я сегодня утром прикатил из-за границы. Пухтрестом был командирован...

Ввалившись в комнату, Урываев огляделся и, швыряя шляпу и пальто на диван, укоризненно покачал головой:

— Эка ты, братец ты мой... Даже вешалки у тебя в комнате нет. Что за неряшливость!

— Вешалка в передней...

— Это в коммунальной-то квартире? Благодарю покорно. Еще пальто сопрут. Не было случаев, говоришь? Будут!

Гость развалился в кресле, закурил папиросу и вдруг расхохотался:

— А как же это ты меня не узнал? Здорово я изменился?

— Как тебя узнаешь... — усмехнулся хозяин, — усы сбрил. Опять же этот костюм... Краги... Чистый иностранец!

— Меня в Москве везде принимают за иностранца, — самодовольно заметил гость. — Еще бы! За два месяца пребывания за границей приобщился, так сказать, и я к культуре. И здесь даже как-то неловко себя чувствую. Там чистота,

аккуратность, а тут азиатчиной пахнет. Сегодня, например, еду в трамвае, а напротив сидит какой-то субъект в кепке и поплевывает! Нет, нет и плюнет. Я не вытерпел. Как вам не стыдно, говорю, плевать! Это неряшливо! Если уж не можете удержаться, плевали бы в носовой платок. А он только посмеивается. «А если я дома платок забыл?» — говорит. И так мне противно стало, ты представить себе не можешь. Плюнул я и вышел на первой же остановке.

Урываев замолчал, потянул потухшую папиросу, огляделся и поморщился.

— Вот и ты, Луковкин. Ты, брат, извини, а это тоже неряшливость. Хотя сам некурящий, а пепельницу завести следовало бы. Ведь гости у тебя курящие бывают.

Ладно уж, обойдемся как-нибудь, — добродушно сказал гость, тыча окурков в блюдечко с недопитым чаем. — А пепельницу ты заведи. Не на пол же окурки бросать. Пора и нам подтянуть и ликвидировать неряшливость и разгильдяйство всерьез и надолго.

Хозяин подавленно молчал и виновато мигал глазами. Гость почесался под пиджаком и продолжал:

— А обращение за границей! В ресторанах на лицах лакеев такая готовность услужить, что даже приятно становится. Кажется, вымажь ему рожу горчицей — он и глазом не моргнет. Ценят посетителя!

Он замолчал и сладко, с повизгиванием зевнул.

— Знаешь что, Луковкин, устал с дороги, как собака. Повалиться, что ли, до ужина?

— Ложись пока на диван, — предложил хозяин.

— Нет, брат, я на постели поваляюсь. Диван у тебя жестковат, а я в Берлине к перинам привык. Перины там замечательные. Ляжешь — и утонешь. Благодать!

Урываев снял пиджак, жилет, под которым обнаружилась порыжевшая от пота и грязи сорочка, и криво усмехнулся.

— Что смотришь? Белье несвежее? Там, брат, за границей, все хорошо, а бань нет. В ваннах ихних только грязь по телу размажешь. Терпеть не могу. Так больше двух месяцев и не мылся. И техника там разная и культура, а до бань не додумались, сволочи. А в баню на днях сходить придется.

Он поскреб ногтями грудь под сорочкой, зевнул и, не снимая ботинок, повалился на жалобно крякнущую кровать.

1928—1932

А. АБРАМСКИЙ

ВСЕ В ПОРЯДКЕ

Товарищ Мерлушкин очень занят. Пятый день перед ним на столе лежит циркуляр о подготовке к зиме. В окно кабинета стучится нудный и мелкий осенний дождь.

Мерлушкин берется наконец за циркуляр и начинает сосредоточенно вчитываться: «Проверить готовность предприятий к зиме».

Мерлушкин поднимает телефонную трубку.

— Танюша! Пора готовиться к зиме. Как быть с твоей шубой?.. Что? Воротника нет?.. Хорошо, записано!

Он звонит по телефонам, ездит, долго ведет в магазине дискуссию о преимуществах выдры перед черно-бурой лисицей и наконец к вечеру возвращается домой, победно размахивая воротником из крашеной кошки.

Наутро циркуляр снова маячит перед его глазами.

«Необходимо утеплить все производственные помещения».

— Как я мог об этом забыть?— ужасается Мерлушкин.— Это же, по существу, основная проблема!

И он уже советуется с завхозом, шепчется с управдомом и оживленно беседует со старшим агентом. К концу трудового дня портфель туго набит войлоком для обивки входной двери его квартиры и первосортной замазкой для окон.

Мерлушкин облегченно вздыхает и снова возвращается к циркуляру. Но ему не дают сосредоточиться.

— Товарищ Мерлушкин, что у вас сделано по проверке овоцехранилищ?

— Дорогие товарищи,— начинает привычно декламировать он,— я не могу разорваться, у меня только две руки и две ноги...

Не успел еще уйти сотрудник, как мозг Мерлушкина лихорадочно заработал:

— Как бы не остаться на зиму без квашеной капусты. До сих пор у Маруси нет кадушки...

И он лаконично отмечает в своем блокноте: «Тов. Ангельчиков — кадушка».

Ртуть в термометре катастрофически падает. И уже по утрам морозные ветры взапуски бегают по улицам.

Мерлушкин торопливо поднимает воротник. Он спешит, времени для подготовки к зиме остается все меньше и меньше. По дороге он заходит в театральную кассу и запасается абонементом в оперу на зимний сезон.

Обтрепавшийся, постаревший циркуляр продолжает лежать на столе. Мерлушкин дочитывает его последние строки:

«Вся работа по подготовке к зиме должна быть закончена не позднее 10 ноября».

Глаза его перебегают на листки календаря, уже перешагнувшие в ноябрь.

— Как я устал! — вдруг решает Мерлушкин. — Заработался. Изнервничался...

Мерлушкин отправляется в местком.

— Должен же и я когда-нибудь отдохнуть! — вздыхает он. — У меня только две руки и две ноги. Путевку мне, путевку!..

И вот Мерлушкин прощальным взглядом осматривает свой стол: сонная осенняя муха, последняя муха сезона, на лету замертво падает в чернильницу; сморщенный, пожелтевший циркуляр снова назойливо лезет в глаза.

Мерлушкин сердито хватается ручку и, волоча пером захваченную в чернильнице муху, пишет резолюцию:

«Тов. Пастухову. Ввиду моего отъезда в отпуск прошу выполнить к сроку. Мерлушкин».

Собственно говоря, Мерлушкин уже свободен: дела сданы, осенне-зимняя кампания закончена, впереди лазурное Черное море.

Он возвращается домой и внимательным, хозяйским глазом окидывает плоды своих трудов: в квартире пахнет свежей замазкой, дверь аккуратно обита войлоком, аппетитные кадушки заботливо поставлены на кухне, и роскошная крашеная кошка отныне прочно связала свою судьбу с жениной шубой.

— Есть от чего устать, — вздыхает Мерлушкин. — Но зато подготовка к зиме закончена блестяще...

ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА НА УЛИЦАХ МОСКВЫ.

Сильное впечатление от живой лошади.
№ 35, 1927 г.

Рисунок К. РОТОВА.

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА

Рационализация также нуждается в предварительном с кем-то согласовании.

Заведующий! Помни, что учреждение не только для тебя, но и для остальных сотрудников.

Каждый трудящийся, помимо прочих присвоенных ему прав, имеет право прийти на общее собрание своего коллектива.

И рационализация имеет свои пределы!

Для борьбы с бюрократизмом надлежало бы составить точные правила и в случае несоблюдения оных результаты борьбы считать недействительными.

Если бы не существовало инструкций и циркуляров, то как мог бы работать некультурный заведующий культотделом?

Грубый соваппаратчик отказывает просителю, вежливый — отклоняет его ходатайство.

Борясь с карьеризмом и подхалимством, стремись не только к тому, чтобы начальство видело твоё рвение и было довольным.

Правильная линия работы не всегда совпадает с линией работы по правилам.

И ещё раз скажу: установить, что линия работы правильна, иногда можно и в тех случаях, когда работа велась не по установившимся правилам.

Беспартийный Савелий ОКТЯБРЕВ

№ 3, 1928 г.

В НАРКОДИСПАНСЕРЕ

Фельетон

Надо признаться, товарищи, что курю я, словно зверь или какая-нибудь лошадь.

Безобразие!

У людей всюду, где надо и не надо, рационализация, конвейер, чистка аппарата, а я засариваю народное достоинство — легкие. За это и со службы, говорят, скоро вышибать будут!

Принимая во внимание, я взял путевку и пошел в наркодиспансер.

Выкурил напоследок сразу две штуки «Явы» и вхожу.

Большая зала... На скамейках сидят, вроде подсудимых, коллеги по тяжелому наследию. На стенах — неприятные картинки.

— Не началось еще?

— Не похоже, что и начнется.

Граждане все мрачные, злые. Курить, конечно, граждане хотят. Кто мятные сосет, кто слюной забавляется.

Через полчаса или больше выходит лысый доктор в халате и ставит на аналойчик банку с гадостью. Поставили и начал донимать. Без малого час донимал.

— Яд,— говорит.— Позор, и все такое. Всех унизил, вогнал в тоску. В конце поднапер.

— Бросайте! — кричит.— Бросайте сейчас же! Вынимайте табак и бросайте к чертям!

Смотрю, все полезли за табаком. Полез и я. Хотел попросить разрешения курнуть напоследок, да посовестился.

— Куда бросать-то? — спрашиваю.

Тут откудова ни возьмись вывернулся тип в фартуке и громко объявил:

— Бросайте сюда, граждане, в фартук. Бросайте без обмана, начистоту.

Стали бросать...

— А спички?

— Спички добровольно. Но желательно.

Набросали ему полный фартук до усов.

— Все ли бросили, граждане?

— Все,— отвечаем.

Стреб он яд и удалился.

Доктор отер лысину и сказал:

— Ну, теперь, граждане, забудьте и думать про табак. Поздравляю вас с излечением. Можете идти.

И стало, верите ли, легче. Про табак действительно и думать забыли. Выходим в коридор. Смотрим — тип в фартуке складывает наши папиросы в фанерный желтый чемоданчик, а сам, акула, курит, и не что-нибудь, а «Посольские».

Нюхнул я «Посольских» и, конечно, возмутился.

— Довольно это неорганизовано, с вашей стороны, дорогой товарищ!

— Нам,— смеется,— можно. Мы не больные, а персонал...

Вот и забывай тут!

Плюнул я в урну и выхожу растрепанный на улицу. А на улице боже ты мой! Десять моссельпромов, пять донгостабакфабрик да полдюжины ленинградтабактрестов.

— Пожалте,— кричат,— наилучшие!

— Что же это вы, злодеи, у самого диспансера-то расположились? Нет вам другого места? ..

— Помилуйте, гражданин! Да лучше этого места во всем городе не сыщешь. Если на этом месте не торговать, то где и торговать...

Взял две пачки...

До дому не дали забыться, окаянные!

Так вот и курю опять, словно ломовая лошадь.

№ 11, 1928 г.

Семен КИРСАНОВ

БЮРОКРАТ- БАЛЛАДА

В УЧРЕЖДЕНИИ
много входов,
Кабинетов
тридцать,

И в одном из них
Такойтов —
Гордый совпатриций.
Платят взносы,

Носит тело
Драгоценной
Чашей

И творит
Такойтов
«Дело»

С буквы
Величайшей.

М. ГОРЬКИЙ.

Шарж К. Елисеева

З.С.
1928

— Мое пожелание: при ликвидации неграмотности среди населения не забывайте и про писателей, — они тоже люди!
№ 13, 1928 г.

Шарж К. ЕЛИСЕЕВА.

Для него
 любой —
 тупица!
 Все
 Такойтов
 может.
 Невозможно
 подступиться
 к этому вельможе!
 В канцелярском
 дивном вольте,
 изоцривши мясо,
 слышит:
 «...массы...»
 — Но позвольте,
 что такое
 масссы?»
 «Дел
 до горла,
 давит служба,
 Коммунизм —
 утопия!
 Для сегодня
 делать нужно,
 будущее —
 опиум!»
 Слышит —
 в Мексике
 восстание,
 сев
 за чаем

кексика,
 морщит нос,
 плюется втайне:
 «Тоже
 лезет
 Мексика!»
 Гул заводов
 так навязчив,
 веретен снование,
 предложений
 полон ящик
 на СОРЕВНОВАНИЕ.
 Он бурчит,
 статейку видя,
 сдав отчетик
 липовый:
 — «На-те вам,
 постануйте.
 Этот
 лозунг
 выполнен!»
 И сидит,
 сидит
 Такойтов.
 Танк
 чернильниц
 выкатив...
 В учрежденьи
 много входов...
 (впрочем —
 много выходов!...)

№27, 1929 г.

Александр КОВАЛЕНКОВ

ЧТО УГОДНО-С?

Как ни странно,
 Но герой мой не имеет
 Бакенбардов
 И лакейского пробора.
 Он лишь вовремя
 Поддакивать умеет,
 И начальство хвалит
 Без разбора.

Что ему высокие задачи?
Творческий энтузиазм республик?
Если он
Способен
На карачки
Встать перед любым
За лишний рубль.
Он не робкий.
(Пусть прозвали подхалимом)
В голове одно:
— Карьера!
Мой герой —
Вертявее налива
И настойчивее
Фокстерьера.
Он умеет,
Не лукавя взглядом,
Врать и рвать,
Кричать и пресмыкаться...
Лишь бы
Не обидели окладом,
Только б
Без прибавки не остаться.
Он не любит
Весело работать.
Он всегда
Ворчит тихонько
Под нос.

Да!
Еще не кончилась охота
На вредителей
Породы — Чтоугодно-с.

№ 10. 1930 г.

Р. РОМАН

ХОРОШО Б ПОМЫТЬСЯ...

Читатель! Я пишу о бане...
Не тема «баня», что ль? Скажи!
Пишу о ней без колебаний —
И в бане тоже плещет жизнь!
Идем со мной! Нарвем ветвей с березы.

На грязи ставим крест!
Посмотрим мы, какие розы
Нам приготовил... банный трест.
Не в Сандуновские пойдём мы,
Где академия мытья,
Где вам дадут на рубль истомы
И на полтинник забытья.
Нет, мы пойдём попроще,
Зачем бросаться нам деньгой?
Ну, в бани Марьиной, что ль, рощи...
Или пойдём в район другой.
Летим! Маршрут давно изучен...
Вопрос, как говорится, прост,
Но... перед баней хвост могучий,
И говорят нам: — Встаньте в хвост!
Ну что ж. С обычными словами,
С классическими, так сказать:
— Кто тут последний? Я за вами!
Встаем. И будем час стоять.
Но нет! Последний атом грязи
Растет, растет в живой протест:
— Трест банный, это ж безобразие!
Пора бы стать бесхвостым, трест!
Но трест безмолвствует понуро.
Забыв родню, забыв дела,
Стоят ответственных фигуры
И неотчетливых тела.
Читатель! Перетерпим все мы
Хвосты движения, и вот
Вся сложность шаечной проблемы
Пред нами грозно предстает.
О шайки, шайки! Где вы? Где вы?
Где ваша ширь? Где ваша глубь?
Растаяли, как грезы девы,
Ушли в неведомую мглу.
Бодрись, читатель! Не плошай-ка!
Тот гражданин, что у двери,
Глаза на миг отвел от шайки!..
Ее уверенно — сопри!
Не отвращай поспешно спину,
Не потупляй смущенно взор,
Не бойся воплей гражданина.
Он сам, конечно, шайку спер.
Вот ты намылен. Очень мило!
Но удержи восторга прыть,

Будь осторожен, друг мой, с мылом:
Удастся смыть или не смыть!
Покрытый пеною пушистой;
Ты не предчувствуешь беды,
Мой брат намыленный, страшишься ты
Причуд и прихотей воды!
Она то с грозным шумом хлещет,
То тихо капает, как сон...
Механик банный — тип зловещий
И властен, как Наполеон.
Не солнце манит Аустерлица
Его упрямый, грозный взор,
Прикажет он воде: — Не литься! —
И кончен с вами разговор.
Он сотни гаек вам укажет,
Которых вычинить — зарез!
В таком «текущем» деле даже
Ты сплеховал, наш банный трест!
Но мы помыты... (Мы ведь силой,
Стальным упорством не бедны!)
Идем, отмыв остаток мыла,
Под сень предбаннической стены.
Обозлены? Но с нежным жаром
(Всего за несколько монет!)
Поздравит некто «с легким паром»,
Рукой погладит по спине.
Как хорошо! О, милый «некто»,
В сияньи веников и мыл,
Какой блаженный в душу нектар
Ты за двугривенный пролил!
Какая нежность! Боевые
Забыты все невзгоды вдруг...
Пока на свете «чаевые»,
Ты обеспечен, милый друг!
Нет! Я пишу без колебаний.
(Меня досада крепко ест!)
Устроит кто-нибудь вам «баню»,
Достопочтенный банный трест!

№ 19. 1932 г.

— Ясно помню: Мане — пять рублей, обед — два рубля, мазь для ботинок — двадцать копеек. А куда делись восемь миллионов — ума не приложу!

№ 32, 1928 г.

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

ПРЕДПАСХАЛЬНАЯ ТРЕНИРОВКА.

На ком они выезжают.
№ 14, 1929 г.

Рисунок А. ТОПИКОВА.

В КУРИТЕЛЬНОЙ КОМНАТЕ

— Ребята, кончай скорей! Там вторая смена пришла — тоже курить дожидается.

№ 29, 1929 г.

Рисунок Л. ГЕНЧА.

ПЕРЕКЛИЧКА

Мы знамена несли
Высоко в Октябре,—
Отгремели оркестры,
Отзвучали парады,
Наступили рабочие будни...
Встав на заре,
Говорила Москва
Ленинграду:
— Я давно уже скинула
Старую барскую спесь.
Я бы все барахло,
Я б сложила богатства свои
В огромный мешок
И пустилась бы в путь.
Как бы ни был путь мой далек,
Я пришла бы к тебе и сказала бы:
— Здорово, браток!

Но мешает нагрузка.
Понимаешь ли, некогда мне,
Я с работой срослась,
Я приказы даю по стране,
Значит, в первую очередь
Я выполняю приказ,
Значит, все мои будни
Стоят перед страной напоказ:
Как же дышишь ты, друг,
Петербург-Петроград-Ленинград?
Ты менял имена,
Ни разу не глядя назад.
Я ж Москвою осталась.
Я в одном неразрывном ряду
С Ленинградом и Харьковом,
С Ростовом и Минском иду.

— Это факт несомненный! —
Вмешался Ростов в разговор.—
Мы, как брат и сестра.
Неразрывно живем до сих пор...
— Это факт абсолютный! —
Заговорило Баку.—

Привет Ленинграду!
Горячий привет старику!
Пролетарский привет Москве,
Столице горячий привет!..

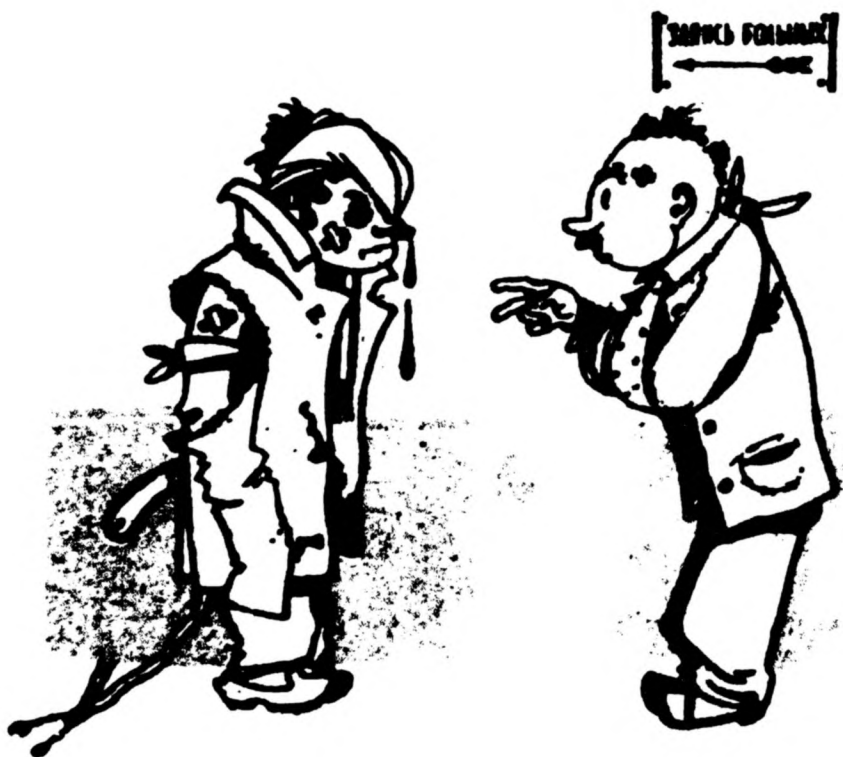
Голоса городов
Пронеслись над страной чуть свет
И горячим дождем
Пролились под пургой снеговой
Над столицей страны —
Над пролетарской Москвой...
Ленинград приподнялся
Под блеском осенней зари,
Дав Исаакию строгий приказ:
— Поднимись, посмотри,
Встань на цыпочки, старый колдун.
И взгляни:
Откуда привет,
Голоса и огни?
Исаакий-старик
Из-под купола хмуро взглянул,
Он узрел города,
Услыхал нарастающий гул,
Лицезрел Сталинград,
Увидал за Магнитной горой,
Как огромными домами
Дыбится Магнитострой.
Исаакий сощурил
Подслеповатые окна,
Приподнялся еще
И увидел, едва не упав,
Аджаристанского хлопка
Густые волокна,
Урожая разгул
И зелень бушующих трав.
Он слезу уронил
На подол износившейся рясы.
— Перед Тракторостроем,
Перед верстами штреков Донбасса...
И тогда Ленинград,
Отстранив с дороги ханжу,
Закричал в рупора:
— Эй! Послушайте! Я вам скажу!
Я вношу предложение:
Давайте-ка вместе споем

О Советском Союзе,
В котором мы дружно живем.

Он запел эту песню.
Слова на лету подхватив,
Каждый город запел
На один большевистский мотив...

После работы,
После горячих трудов
Этой песне высокой
Мы учимся у городов.

№ 3, 1932 г.

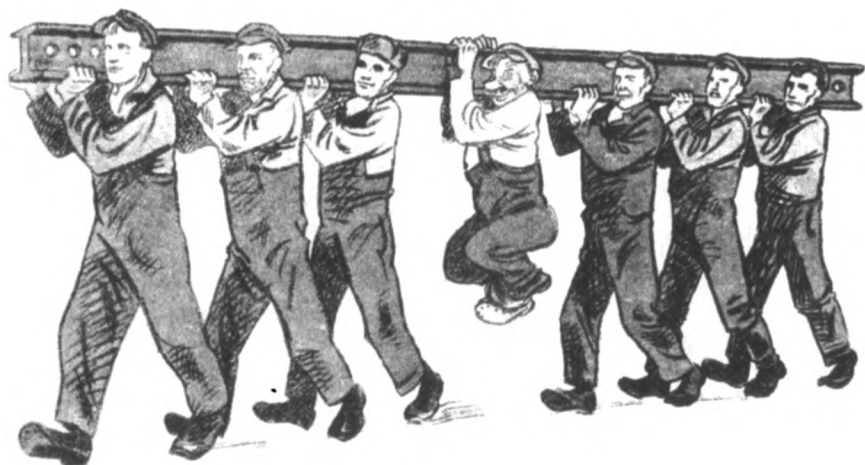

— Что с тобою? Под трамвай попал?..

— Хуже! В трамвай.

№ 6, 1931 г.

Рисунок М. ХРАПКОВСКОГО.

Лжеударник на стройке.

№ 3, 1932 г.

Рисунок К. РОТОВА.

Юрий ОЛЕША

ГУЛЛИВЕР

На портрете видим мы мужчину
В парике, похожем на овчину,
Подбородок у него пудовый.
Кто он? Какой-нибудь Людовик?
Нос плюс губы — как трефовый туз.
Это Миних?
Или это Брюс?
Но известно, что обманчив вид,
И на самом деле это Свифт.

В юбилей наш вспомним кавалера,
Нам придумавшего Гулливера.

Чтоб не лопнул у читавших зоб,
Он писал на языке Эзопа.
Он выдумывал как будто сказку. Просто
Приключения. Какой-то остров.

Потерпел крушение корабль,
И, надежды исчерпав запасы,
Вьползает на берег, как краб,
Гулливер —
Единственный, кто спасся.

Все, как в сказке. Много разных тайн.
Остров, кажется, необитаем.
Гулливер, похожий на кузнечика,
Спать ложится. Видит, делать нечего.
Спал и видел дом родной под вязом,
Родину зеленую, овечек,
Не подозревая, что его привязывают
В это время маленькие человечки
(Ясно — сказка, раз такие вещи,
Как микроскопические человечки!).

В детстве так и думали:— О, да!
Эта книга для детей подарок...
Столько всяких там чудес напутано
Про гигантов
И про лилипутов!

Гулливер обедать вышел в сад,—
Вдруг громадная летит оса
И, как коршун, плавает над тортом —
Гулливер ее сражает кортиком!

Много в этой книге удивительного...
Он потом попал в страну, где люди
Держат голову
В наклонном виде
(Голова лежит при этом, как на блюде!).

Сказочка!
Читать зимой у печки —
Осы... Великаны... Человечки...
В результате оказалось: где там!
Тут не приключения для деток —
В каждой строчке издевательство и злоба!
Оказалось, что язык Эзопа...

Вот как приходилось изворачиваться...
Гулливер какой-то, корабельный врач,
Лилипуты... множество историй,

А на самом деле — виги, тори,
Двор ханжи, ученые, король,
Тупоумий суеверных рой.

В юбилей наш вспомним кавалера,
Нам придумавшего Гулливера.

Мы — в стране гигантов!
Но порой
У подножия гигантской стройки
Возникает лилипутов рой...
Вот он, паразит, вредитель, плут,
Вот он, тупоумец-лилипут!

Мы в стране гигантов, но порой
Люди ходят в ней с наклонной головой —
Влево, вправо, — как при Гулливере:
Этот сомневается, а тот не верит...
Великаны мощные растут,
По стране расставленные Планом,
Но порой
Ничтожный лилипут
Вдруг себя
Воображает великаном!

В юбилей наш вспомним кавалера,
Нам придумавшего Гулливера!

У врагов глаза вылазят рачьи...
Пятятся враги, как ящеры...
Нам теперь не надо изворачиваться, —
Мы — сатира,
Не просачивающаяся,
А разящая!

№ 15—16, 1932 г.

ГИТЛЕР ИДЕТ К ВЛАСТИ.

РАБОЧИЕ ИЗ ТОЛПЫ (социал-демократу): — Эй, ты, болтун, лучше скажи, кто это стоит за твоей спиной?!

№ 12, 1932 г.

Фотокариатура Б. КЛИНЧА.

КРОКОДИЛЬСКАЯ СМЕСЬ

РАЗГОВОРЧИКИ

ТРАНСПОРТНАЯ БОЛЕЗНЬ

— Нынче грузчики слабосильные пошли... Как понесут ящик — обязательно уронят и разобьют.

— Пустые?

— Дураки они — пустые разбивать. Конечно, с мануфактурой.

БАНКРОТ

— Папа, кто такой банкрот?

— Банкрот — это человек, который кладет все деньги в брючный карман, а пиджак дает описывать за долги.

СПОСОБНЫЙ РЕБЕНОК

— Папа, сколько стоят игрушки, которые ты мне подарил?

— Пять рублей.

— Купи их у меня за рубль.

ПО СУЩЕСТВУ

— Вчера купил за два рубля билет и смотрел вашу пьесу.

— Ну и как вы находите?

— Да нахожу, что переплатил!..

ВРЕДНАЯ СТОЙКОСТЬ

— В каком цехе у вас больше всего простоев?

— В цехе питания: там стоя обедают!

ДЕЛО В БУКВЕ

— Ну и скверное у вас литье!

— А все виновато питье!

КЛУБНОЕ

— Танцы у вас до утра?

— Нет... До прихода милиции!

СРЕДИ ПИСАТЕЛЕЙ

— Ты что же это в одном слове три буквы пропустил?

— А я забыл, как они пишутся!

РАЗВЕ УПОМНИШЬ?

— Здравствуй, милочка! Говорят, ты снова вышла замуж? Какая же теперь у тебя фамилия?

— Сейчас... Погоди минуточку—я в записной книжке посмотрю. Кажется, там у меня где-то записано.

ГОСПОСЛОВИЦЫ

Было бы учреждение — бюрократы найдутся.

Без подписи бумажка сирота.

Пришла беда — отворяй ворота, пришла анкета — пиши до лета.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Гейбтману

Вы просите ваше стихотворение «Два мира» «вместить» в журнал. Пробовали—не вмещается. Даже один.

Смехову

У вас очень веселый псевдоним в отличие от рассказов.

Виктор ШКЛОВСКИЙ

ИСТОРИЯ ЖЕНЩИНЫ, ВЕРНУВШЕЙСЯ НА РОДИНУ

*(Служит эта история для обозначения
границ СССР)*

Мой друг инженер так моложав, что не выглядит даже бритым.

Проектировщик, и хороший.

В комнате, где он живет, кроме него и жены, находится еще четверть кариатиды, которая когда-то поддерживала потолок зала.

Жена у него очеркистка, хорошая журналистка. Оба они могут засвидетельствовать истину рассказа. У жены за границей много лет жила мама. Эти мамы, живущие за границей, как-то романтичны.

Мама в Лондоне жила еще до революции и там осталась. Вышла замуж, овдовела.

Сперва посылала посылки, потом письма только.

Потом она стала жаловаться.

Дочка посоветовалась с мужем и написала:

«Мама, приезжайте».

Лондон недалеко: мама скоро приехала.

Она узнала кариатиду, потому что жили в ее квартире. Но не плакала и говорила:

— Вот и хорошо. Я всегда говорила покойному мужу, что у нас слишком большая квартира, только покажите, где моя комната?

Она привезла подарки: войлочный маленький валик на пружинке под носик кофейника, чтобы кофе не капал на

скатерть, прибор, состоящий из рамки с туго натянутыми струнками, служащий для разрезания вареных яиц, лавандовую соль для ванны и еще какую-то мелочь.

Когда все сели и стол был накрыт, старуха сама разлила кофе и сказала:

— Наконец-то я дома, дети, наконец-то я в своей стране! Посмотрела в окно.

— А где теперь та улица, которая здесь была?

Подумала, засмеялась, глотнула кофе.

— Нет, я все понимаю, вы строитесь. И какой у тебя муж, Маня, он совсем европеец! И вы не думайте, милые, что я буду жить на ваш счет!

— Ах, что вы,— сказал инженер,— что вы, мама, мы ведь вас так любим!

— Нет,— сказала мама,— я сама либералка и все у вас понимаю. Днепрострой, Магнитострой, Кузнецкстрой. У вас все должны работать, я читала книжку Ильина о пятилетке. Пейте кофе, чтобы он не простыл. Я сейчас принесу свой диплом.

Принесла сверток.

Диплом лежал в футляре.

— Я специально окончила курсы. Вы понимаете по-английски?

Инженер понимал, прочел.

Это было удостоверение об окончании школы медиумов.

Кроме обычных подписей, на документе была подпись Конан-Дойля, подпись собственноручная — заgrabная.

№ 5, 1933 г.

А. Д'АКТИЛЬ

БОЛЬШОЕ И МАЛОЕ

«Настоящего писателя — на эстраду!»

1

Значит, так:

Писатель крупный
Сходит с выси недоступной.
Прячет временно в карман
Недописанный роман.
Исключает из программы
Две неконченные драмы.

И решает:

«Хорошо-с!

Не прося за то награды,
Напишу-ка для эстрады
Драматический кельшкоз».

2

Не утратив мысли смелой,
Сжат сюжет рукой умелой.
Заключен — спартански строг —
В 328 строк.
Слово в слово, фраза в фразу —
Динамичен до отказа.
И разбросаны легко
Пять веселых ки-про-ко.
Опьянен мечтой преступной,
Говорит писатель крупный:
«Быть за это мне в чести!
Заявить могу по праву:
Вещь сработана на славу!
Можно, стало быть, нести!»

3

Опьянен мечтой преступной,
Вот несет писатель крупный
Плод недельного труда,
Догадались вы — куда?
Ведь имеем до сих пор мы
Для шедевров малой формы —
Как начало и конец —

ГОМЭЦ*!

Там писатели встречают,
Хоть отчет о том пиши!
Там в писателе не чают,
Скажем образно, души!
Там трясут ему худруки —
Руку? Что вы! Обе руки!
Там растроганный завлит
Стул подать ему велит.
Там усатые курьеры

* Государственное объединение музыкальных, эстрадных и цирковых предприятий. (Ред.)

Воздвигать должны барьеру,
Чтоб, восторженно ретив,
От избытка буйной страсти
Не порвал его на части
Весь актерский коллектив.
И станица за станицей
Все знакомятся с вещицей
И по очереди — в ряд
Говорят

4

Куплетист Попов-Посольский
Говорит с усмешкой скользкой:
«Вещь — конфетка! Чистый мед!
Только массу не возьмет.
Нообен... Чичисьен...
Массе нужно поглубже!
Лам-ца-дрица, ки-ка-пу —
Вот чем надо брать толпу!»
Куплетист Иван Обводный
Говорит:

«Сюжет не модный!
Надо в пьеску как-нибудь
День сегодняшний ввернуть!
Чтоб она герою: «Котик»...
А герой ей — анекдотик.
Позабористее чтоб,
А иначе пьеске гроб!»
Пара — Павлов и Петрова —
Говорят совсем сурово:
«Темка, может, неплоха,
Но уныла и суха.
Тут бы надо под гитарку,
Чтобы публику в запарку,
Эх-ти! Ах-ти! Наплевать!
Да финал затанцевать!»

5

От разборки совокупной
Побледнел писатель крупный.
Тихо молвил: «Хорошо-с!»
Шаркнул ножкой деликатно
И понес к себе обратно
Забракованный кельшкоз.
И, домой шагая, думал:
«Вот затеял на беду, мол...

Разве ж это для меня?
Ведь указано не ложно,
Что бок о бок впрячь не можно
Лань и грубого коня!»
И простер смущенно длани...
Но о лошади и лани,
Точность формулы любя,
Мы добавим от себя.

6
Вот исход вполне доступный —
Ой, ей-богу, не хитер:
Если есть писатель крупный,
То и крупный есть актер.
Куплетист культурой беден:
Не спасет беднягу Федин,
Куплетист — пошляк густой:
Не спасет его Толстой.
Им писать для куплетистов —
Не в коня, выходит, корм:
Надо нам больших артистов
Для спасенья малых форм!

№ 24, 1933 г.

Бор. КОВАЛЬ (ЮДИН)

ЛОЖА ДИРЕКЦИИ

За два дня до премьеры Эрнст Владимирович Уникум, пом. директора Государственного среднего театра, начинает испытывать нервную дрожь.

Премьера, честно говоря, средненькая. Пьеса молодого автора Валерьяна Фырк веселенькая и оптимистичненькая, но все же пьеска средненькая. Правда, неплохое название «Дрожь». На такое название публика идет. Но что публика! На премьере нужно, чтобы были люди. Понимаете — лю-ди! Федор Константинович так и сказал:

— Эрнст, должны быть все, которые должны быть. А ты знаешь, кто должен быть?

— Я-то знаю, — мягким стоном отозвался Эрнст Владимирович. — Но, Федор Константинович, они же все заняты,

№ 9, 1933 г.

Рисунок К. РОТОВА.

у них же президиум, заседание коллегии, а то, чего доброго, пленум какой-нибудь. Пресса — эта, конечно, будет, это уж я постараюсь.

— Что пресса! Пресса будет, это я без вас знаю. Нужно, чтобы люди. И чтоб — никаких «но»!

Эрнст Владимирович покорно кивает головой и отправляется в свой кабинет. Там тепло и уютно. На стене Мейерхольд, Моисси и Федор Константинович. На столе лампочка на бронзовой ножке и шахтерская лампочка — память о гастролях.

Эрнст Владимирович обмакивает перо и выводит на чистом листке блокнота:

«Петухов Никита Семенович — Наркомлес... или Наркомзем? Нет, пожалуй, Наркомлес... Симочкин Андрей Филиппович — Заготпушнина. Спивак Арон Моисеевич — Союзмясо, Крынкин Иван Николаевич — Экспортспичка... Ох, нет, кажется, Союзхлеб или в Союзхлебе другой Крынкин — Петр Николаевич? Ну, конечно, другой... Должно быть, брат. Запишем и брата...

К шести часам вечера список Эрнста Владимировича составлен более или менее удовлетворительно. Шесть членов бывших коллегий, 32 крупных хозяйственника, один начальник центральной городской кассы, один директор Союзавтосбыта, один начальник административного отдела, один директор акционерного общества «Вагон-ресторан», затем культурные силы: тов. Демьян Бедный, тов. Семашко, тов. Гринько, тов. Халатов и другие товарищи. Остальное — по газетам, ну затем всякие учреждения: ВОКС, Бауманский жилсоюз, пролетарское общество «Динамо», образцовый магазин Мосторга...

Итак, люди есть. Вернее, люди на бумаге, но как их затащить? Тут какими-нибудь повестками и приглашениями делу не поможешь. Тут нужно действовать умно и тактично.

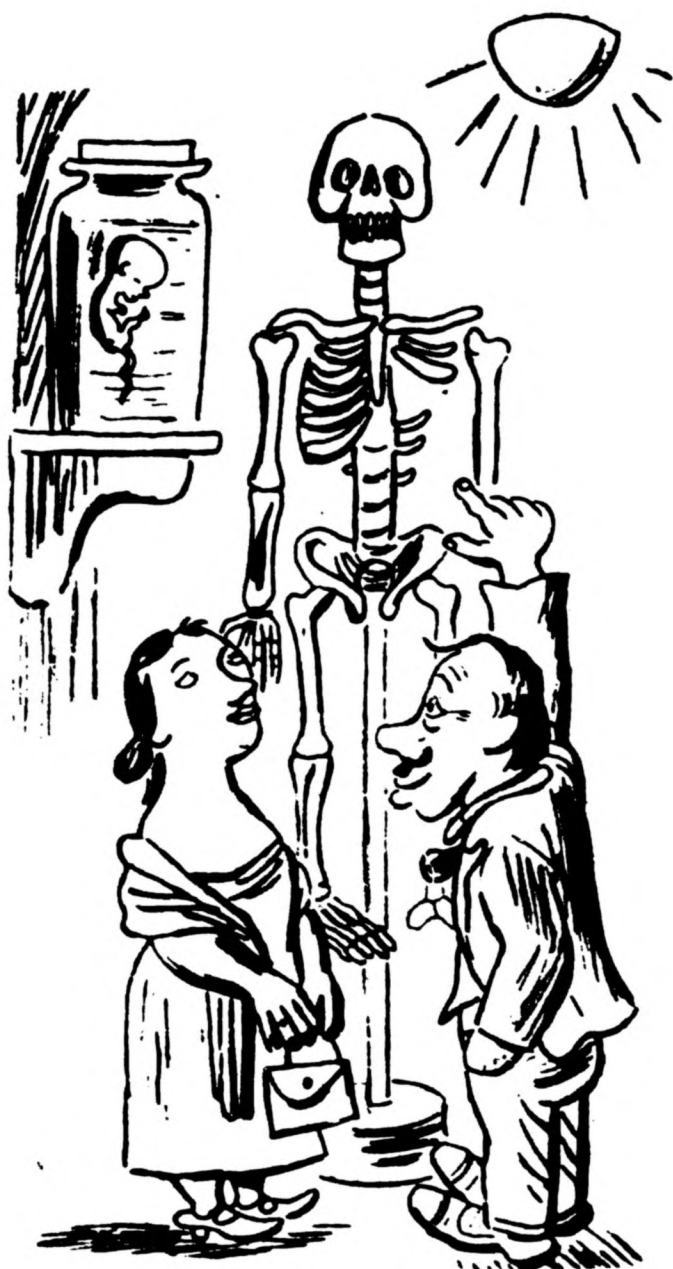
— Алло! 3-07-22? Да. Это Наркомлес? Кабинет тов. Петухова. Никита Семенович? Добрый день, Никита Семенович. Это говорят из Государственного среднего театра. Никита Семенович, у нас к вам просьба. Просим пожаловать на премьеру послезавтра. Пьеса молодого автора, называется «Дрожь». Что? Ха-ха-ха, шутник вы, Никита Семенович! Это только название страшное, а пьеса хорошая. И автор хороший. Очень просим. Федор Константинович так и сказал: без Никиты Семеновича какая ж премьеры, артисты играть вяло будут. Федор Константинович? Это ж наш художественный руководитель. Как же, как же, заслуженный деятель искусств... Так будете, Никита Семенович? А билеты я вам завтра с нарочным. Так замечано, значит? Я так Федору Константиновичу и передам. Всего доброго, Никита Семенович!

Он кладет трубку и ставит против фамилии тов. Петухова аккуратненькую галочку.

— Алло! 4-80-75? Да. Андрей Филиппович? Что, нет тов. Симочкина? А когда будет? Уехал? Гм-м...

Андрей Филиппович вычеркивается из списка.

— Алло! 81-31? Да. Союзмясо? Пожалуйста, кабинет тов.

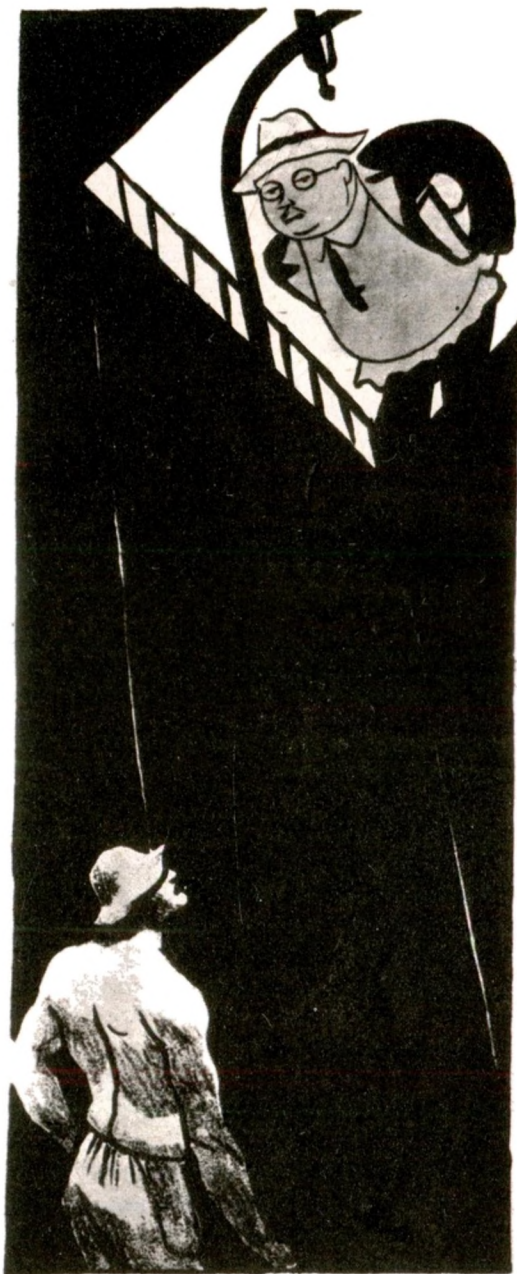

— Несомненно, жил в Москве и ездил
шестым номером трамвая.

№ 14, 1933 г.

Рисунок Б. МАЛАХОВСКОГО.

СВЕРХУ ВНИЗ.

— Голубчик, тут где-то добыча упала,—
подыми, пожалуйста!

№ 16, 1933 г.

Рисунок В. КОЗЛИНСКОГО.

Спивака. Арон Моисеевич? Добрый вечер, Арон Моисеевич. От имени Государственного среднего театра — просьба... Послезавтра к нам на премьеру. Не театрал? Не верю, не верю. Просто скажите, не хотите. А в Камерный ходите — ай-ай, нехорошо! Интереснейшая пьеса «Дрожь» — психологическая драма. Что? Любите посмеяться? Ну и посмеетесь вдоволь. Особенно третий акт: лопнуть можно со смеху. Что значит — драма? Нынче пишут драму, а выходит все равно комедия. Жизнерадостная эпоха. Так сказать, становление быта. Так придете, Арон Моисеевич? А билеты я вам заброшу. Завтра же. Так ждем. Пока! — Алло! 6-23-41? Да. Экспортсичка...

Вечером в день премьеры Эрнсту Владимировичу предстоит самая египетская работа: встречать и рассаживать гостей. Гости в большинстве случаев подводят. Из шести членов бывших коллегий приходят только двое: четверо заняты, вместо себя они присылают: один — тещу, двое — жен, а четвертый — сына-пионера с домработницей Нюшей.

Хозяйственники представлены на 40 процентов. Остальное — жены и племянницы из провинции. Культурные товарищи приходят все, но Демьян Бедный запаздывает, а Халатов не хочет снимать шапку, из-за чего происходит легкий конфликт с билетером.

ВОКС приходит. Жилсоюз в командировке. Пролетарское общество «Динамо» на восемь билетов присылает двенадцать делегатов, не считая жен: опять плохо, может не хватить мест. Образцовый «Мосторг» приходит, «Вагон-ресторан» приходит. Пресса — в полном составе.

«Ну, кажется, благополучно! — думает вконец запарившийся Эрнст Владимирович. — Подобрались все-таки! Прилично все-таки! У вахтанговцев на последней премьере слабее было!»

В зале гаснут люстры. Пошел занавес. Эрнст Владимирович забегает в буфет проглотить стакан нарзана и снова бежит по делам. А дел множество. Тьма дел. Он забегает в ложу дирекции, куда посадил товарищей Петухова, Спивака и Крынкина-младшего. Все в порядке. В ложе Федор Константинович и гости. Доносятся обрывки разговора.

— ...Шекспир... Да, тот умел... «Отелло» — очень занятно. А «Фиалка Монмартра» — это наше? А-а... Кальмана. Кальман, тот умел...

— Ну, кажется, благополучно, — радуется Эрнст Влади-

мирович.—Беседуют.—И бежит в кабинет. Что стало с кабинетом, не узнать кабинета! Где лампа на изящной бронзовой ножке? Нет лампы. Где чернильный прибор из настоящего уральского камня с ангидридовыми крышечками? Вынесли прибор. Стол покрыт белоснежной скатертью, а на столе сверкают, как хрусталь, стаканы и рюмки и ласкают глаз тарелочки, увенчанные бутонами салфеток.

— Ну, кажется, ничего. Прилично,—облегченно вздыхает Эрнст Владимирович и смотрит на часы.—Через пять минут антракт.

В антракте Эрнст Владимирович извивается, пробиваясь сквозь людскую толщу, отыскивая нужных людей. Отыскав, он говорит вполголоса:

— Федор Константинович просит... в кабинет. Уж вы, пожалуйста. Ну что за церемонии...—И, проводив гостя до дверей, снова окунается в толпу. Бывалые гости не затрудняют Эрнста Владимировича—сами идут. Но некоторые чудаки почему-то мнутя.

Второй сигнал. Гости занимают места в зале.

— Вот вы говорите — Большой театр. Конечно, Большой театр может все поднять. Ему и то и это. А нам — каждый гвоздик со слезами...

Федор Константинович интимно беседует с гостем. Гость вяло слушает и барабанит пальцами по бархату барьера.

— Вот вы давеча сказали — бедно. Конечно, бедно. Сам знаю, что бедно. Может, ночей не сплю из-за этого. А что поделаешь? Или занавес. Да этому занавесу шесть лет. Нужно бы бархатный, малиновый. Кстати, Григорий Яковлевич, у вас в Шелкотресте нельзя ли метров четырехста... Мы бы вам заявочку дали. А, Григорий Яковлевич? И кое-что для костюмов...

— Да что ж, пожалуй, и выкроим,—без особого энтузиазма откликается Шелкотрест.—Вы мне напомните завтра. Звякните.

— Звякну. Обязательно звякну. А насчет оформления второго акта это вы правильно заметили. Колонны там ни к чему. Что значит свежий глаз! Часа в два звякнуть или попозже?

Дверь в ложу приоткрывается, входит на цыпочках Эрнст Владимирович. Он незаметно, делая вид, что внимательно слушает реплики со сцены, приближается к Федору Константиновичу. Заслуженный двигатель искусств шеп-

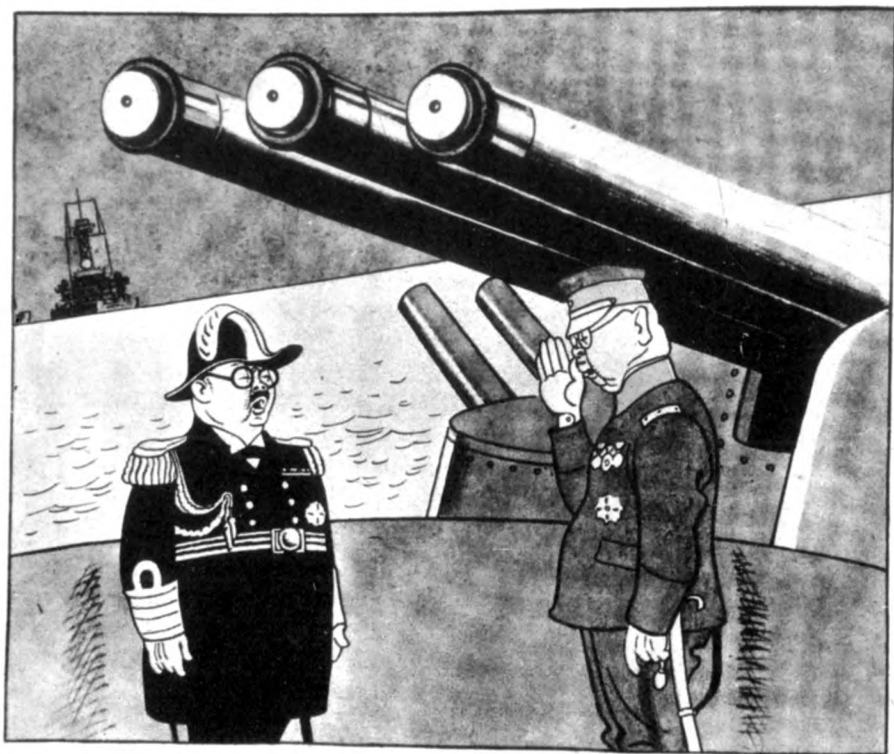
чется о чем-то с тов. Спиваком. Опытное ухо Эрнста Владимировича улавливает обрывки фраз:

— Ерунда — шесть книжек. «А»... Вы, Арон Моисеевич, как, так сказать, культурный шеф... Больше смешного? Правильно, борьба за комедию — вот наш лозунг...

Эрнст Владимирович так же тихо, на цыпочках выходит в фойе.

— Ну, кажется, благополучно. А ловко я их в ложу ввернул. Только вот зря Крынкин ввязался. Подумаешь — Экспортспичка. А что с него проку? Ну, ладно, пусть посидит, посмотрит. Нынче ж так: сегодня он — Экспортспичка, а завтра его перебрасывают. Пусть посидит.

№ 28, 1934 г.

— Пушки готовы, десант готов. Позаботьтесь срочным приготовлением инцидента.

№ 22, 1933 г.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

В ДЖУНГЛЯХ ЕВРОПЫ

Для обывателей различных стран у фашистов имеется один неотразимый довод: итальянские поезда.

— Вот видите, до фашизма все поезда в Италии опаздывали, а теперь они приходят минута в минуту...

Даже в фильме, который сделан для пропаганды итальянского фашизма, мировые проблемы сводятся главным образом к вопросу о поездах.

Я немало ездил по дофашистской Италии, и я могу подтвердить, что поезда тогда изрядно опаздывали. Жизнь была в то время ленивой и беспечной. На станции люди толпились, плевались, кутили. Потом начальник станции отчаянно кричал:

— Пронто!

Это означало: готово! Но поезд все же не двигался.

Теперь никто на станциях не толпится, не плюется, не шутит. Фашистские милиционеры недоверчиво оглядывают пассажиров. Начальник станции стоит, вытянувшись в струнку, как прусский фельдфебель. А поезд?..

О, я отнюдь не придаю такого значения железнодорожному расписанию, как фашистские агитаторы! Притом я был в Италии всего два дня. Однако я должен отметить, что дважды в течение этих двух дней особо скорые, курьерские, «молнии» — словом, поезда, требующие особой доплаты, — не «рапидо», но «рапидиссимо» — опаздывали точь-в-точь, как жалкие демократические поездiki дофашистской эпохи.

Когда я приехал в Венецию, вокзальный перрон был устлан ковриком в честь высокого гостя: судьба захотела, чтобы я столкнулся с одной из «жемчужин Европы», а именно с г. Дольфусом. Покойный канцлер Австрии, разгромив пушками рабочие дома, отправлялся в Италию, чтобы представить рапорт своему начальству. Начальство милостиво выслушало великого канцлера и даже устроило в его честь парадный обед.

Увидев развалины древнего Рима, австрийский карлик почувствовал в своей груди античные добродетели. Он приветствовал своего нового хозяина благородным жестом легионера, который только что покорил мятежную провинцию. Карлику было необходимо отдохнуть душой от государственных забот: он решил съездить в Помпею.

Кто знает, почему ему вздумалось отдыхать душой именно в Помпее? Может быть, этот христианин и образцовый семьянин пожелал посмотреть на фривольные фрески, а может быть, зрелище разгромленного его гаубицами Флоридсдорфа пробудило в нем вкус к мертвым городам? Так или иначе он соединил приятное с полезным. Он любовался помпейской живописью, и он подписывал договоры. Заботливость итальянцев не знала предела, и, чтобы ножки карлика не коснулись вульгарного асфальта, они не пожалели даже протертого коврика.

Помимо г. Дольфуса, в Венеции я застал несметное количество немцев абсолютно арийского происхождения. Молодожены из Потсдама сначала снялись с классическими голубями, потом, увидев черную рубашку, благоговейно замерли, причем самец поднял руку вверх, а самка даже прослезилась. Последователи бога Вотана кутили в роскошных ресторанах, покрикивали на итальянскую прислугу и, развалившись в гондолах, читали «Фелькишер беобахтер».

Поучительно проследить результаты фашистского строя или, как говорит Бабель, выяснить, «зачем бабы трудятся». Правда, я не увидел ни осушенных болот, ни стеклянных цилиндров академика Маринетти. Зато мне привелось ознакомиться с одним из крупнейших достижений фашизма: увидел мост для автомобилей, соединяющий Венецию с континентом. До начала фашистской эры имелся всего один мост — железнодорожный. Автомобили тогда оставались в гараже на континенте. Теперь автомобили гордо доезжают до вокзала. Там для них выстроен большой гараж. Мост построен. Остается гадать — стоило ли его строить: в автомобиле по Венеции все равно нельзя передвигаться. Впрочем, я не хочу моей низменной критикой осквернять некоторые бесспорные святыни.

На площади Святого Марка ходит человек с ящиком. Стоит какому-нибудь арийцу из Нюрнберга бросить наземь окурок, как человек подбегает и аккуратно засовывает окурок в ящик. Что касается рабочих окраин, то там все те же грязь и нищета. Каналы обдают приезжего зловонием, напоминая, что есть на свете красота, тесно связанная с разложением. Прелесть венецианских каналов, тысячи новелл и тысячи открыток, копии Лонге и вздохи влюбленных — все это вряд ли мыслимо без той откровенной вони, которая приближает самый прекрасный город мира к вульгарным сточным канавам.

В воскресенье утром я присутствовал при изъятии

народных восторгов. Происходило это так: по всему городу были расклеены афиши. Жителям Венеции горячо рекомендовалось явиться на площадь Святого Марка для заслушивания речи «дуче». В назначенный час пришли три отряда фашистской молодежи. Юные чернорубашечники выстроились по-военному и начали слушать. Слушали они тоже по-военному: их лица при этом были настолько бессмысленны, что немецкие туристы должны были преисполниться умиления.

Кроме юных фашистов в форме, пришли также любопытные в пиджаках. Они шепотом разговаривали о своих делах, о ценах на прованское масло, о приезде американских туристов и о том, что какой-то сеньор Джузеппе застрелился, не выплатив долгов. На площади сидели различные иностранцы, среди которых, наверное, было немало нахальных франк-масонов. Иностранцы преспокойно пили кофе.

Мне стало обидно за оратора: я по опыту знаю, как неприятно читать восторженные стихи среди всеобщего равнодушия. Даже тучные голуби никак не реагировали на рык громкоговорителя. Они решили, что речь быстро кончится и что улетать под крыши не стоит: скоро иностранцы будут снова выдавать зерно. Задыхаясь от жира, голуби переваливались, как утки, между ногами юных фашистов. По словам верующих итальянцев, эти голуби символизируют святого духа.

Недавно в Италии были устроены празднества по поводу чрезвычайно актуального события: фашисты вспомнили, что Юлий Цезарь перешел речушку, именовавшуюся когда-то Рубиконом. Мы, грешные, думали, что это скучный урок латыни, а это оказалось интимным воспоминанием живого народа. Остальное понятно: после Юлия Цезаря появляется юный футболист в черной рубашке, который ничего в жизни не читал, кроме отчетов о матчах и одиннадцати заповедей фашистского милиционера. На старой стене, которая еще помнит и пышность дождей и шутки Гольдони, этот неистовый Митрофанушка спешит написать мелом свою фашистскую сентенцию.

В витринах магазинов выставлены черные рубашки. Для фашистов побогаче, у которых изысканный вкус и чувствительная кожа, эти рубашки сделаны из тончайшего шелка. Даже в выборе материала на форменные рубашки мудрые фашисты соблюдают иерархию.

В глазах итальянцев 1934 года чувствуется благородная пресыщенность древних патрициев: всем все надоело.

Гордый жест легионеров превратился в мелкую взятку. Я заметил, что поднимают руку люди, собирающиеся совершить какой-нибудь не вполне законный поступок, например, войти в почту, когда почта уже закрыта, или прошмыгнуть на перрон без перронного билета.

Владелец крупной книготорговли в Милане рассказал мне, что итальянцы постепенно перестают читать. Имеются, впрочем, некоторые фанатики, которые продолжают проявлять подозрительный интерес к печатному слову, но эти несчастные покупают исключительно переводы иностранных авторов. Свою фашистскую литературу итальянцы читают на стенах.

Когда я приехал в Милан, весь город был заклеен огромными афишами — этак метра в два. Каждая афиша представляла отзыв о «дуче», взятый из какой-нибудь иностранной газеты. Например: «Дуче» — воплощение античной добродетели и римской храбрости, упорства и благородства».

Помимо афиш с цитатами из иностранной прессы, на стенах Милана имеются и другие афиши. Знаменитый «Пассаж» покрыт большими афишами, на которых значится всего одно слово: «Дуче!» Четыре буквы и восклицательный знак. Шесть раз одно и то же на каждой афише. Десять афиш одна под другой: «Дуче! Дуче! Дуче! Дуче! Дуче! Дуче!» Ну и так далее. Особенного разнообразия в этом нет, зато, как говорят, хорошо запоминается.

Сам «дуче» вполне своевременно сообщил одному парижскому журналисту, что итальянский народ лишен чувства иронии. Я сомневаюсь, чтобы «дуче» был прав по отношению к своему народу. Можно напомнить ему имена Бокаччо и Аретино, Гоцци и Гольдони. Можно также привести в пример далеко не безобидные шутки рыбаков Неаполя или Венеции. Но слов нет, имеются и среди итальянцев люди, явно лишенные чувства иронии.

Зато в пафосе нет недостатка. Солидная газета «Корьере дела серра» изъясняется чрезвычайно восторженно: «Толпа рычала, выражая свой беспредельный энтузиазм перед новыми высотами того, что мы вправе назвать фашистской цивилизацией».

Остается добавить, что это — описание того воскресного утра, когда венецианские голуби астматически сопели на площади Святого Марка.

В СЕМЬЕ СТАХАНОВЦЕВ.

КРОКОДИЛ

№ 3

ИЗДАНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРАВДЫ
МОСКВА

ГОД ИЗДАНИЯ XV
ИЮЛЬ

1936

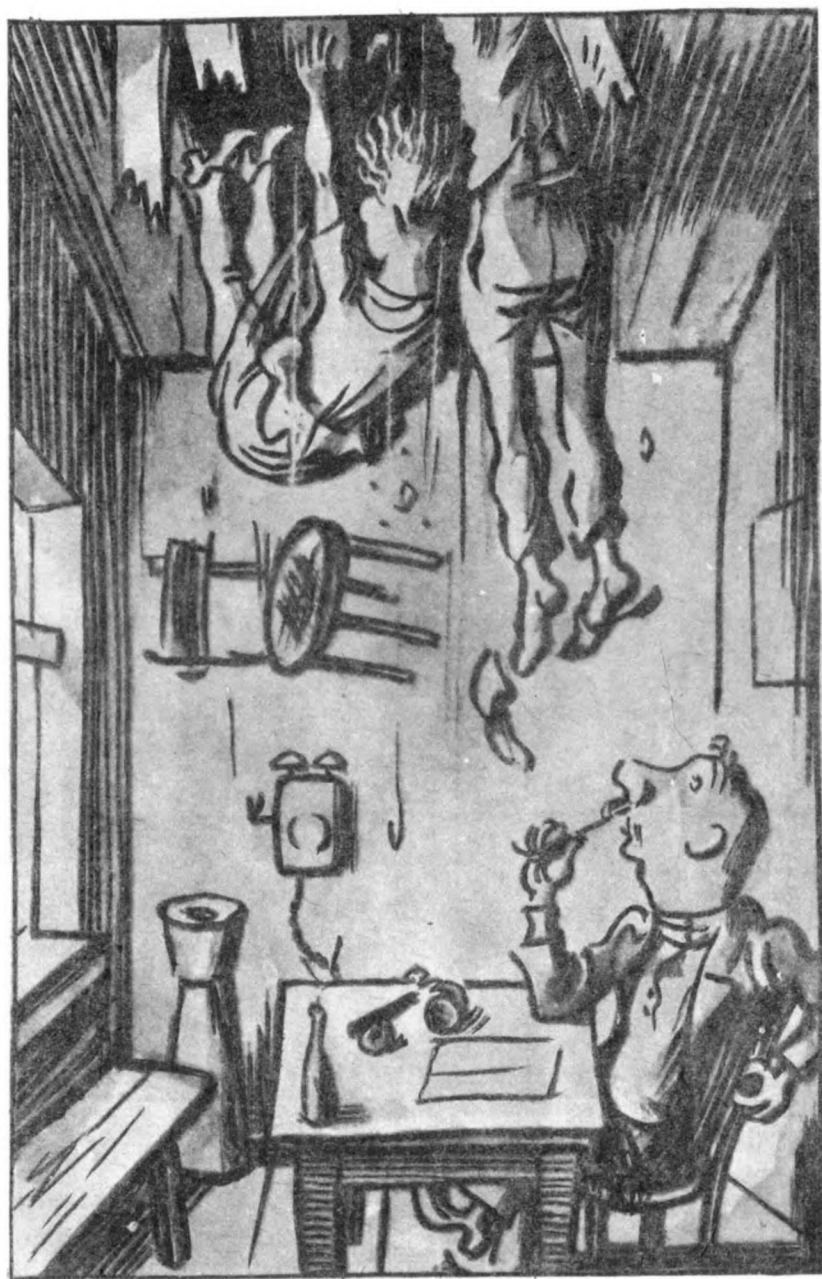
— Ты чего ревешь?

— Ма-а-амкин рекорд побили-и-и!

№ 3, 1936 г.

Рисунок М. ЧЕРЕМЫХ.

В КОНТОРЕ ЖАКТА.

Ну, вот, опять жильцы лезут насчет ремонта!

№ 22, 1933 г.

Рисунок Н. РАДЛОВА

СЕКЦИЯ

В крытом помещении Северного вокзала стояла толпа пассажиров, ожидая выпуска на платформу.

В двери вокзала то и дело вбегали запоздавшие с чемоданчиками и растерянно спрашивали у стоявших:

— Не выпускали еще на Пушкино? Куда становиться?

— По радио объявят, тогда узнаете!

Вдруг в рупоре что-то кашлянуло на весь вокзал и простуженным голосом сказало:

— Внимание!..

— У, чтоб тебя, испугал до смерти! — вскрикнула женщина с корытом.

— Внимание... В 12 часов двадцать минут поезд отправляется на Пушкино. Передняя секция. С платформы №6. Выход на платформу через проходы БЕ, ВЕ.

И сейчас же послышалось кругом:

— В какие проходы — БЕ, ВЕ или ВЕ, ГЕ?..

— А кто их разберет, БЕ или ВЕ. У людей по номерам, а тут буквы пустили, никогда ничего не поймешь.

— А что это такое секция? — спросила несмело женщина с корытом.

Человек с портфелем недовольно оглянулся и сказал:

— Вот вам еще лекции читать о том, что такое секция... Ну, часть, отделение, понятно?

Женщина ничего не ответила, только посмотрела на человека с портфелем и отошла.

— На Пушкино проходы БЕ, ВЕ или ВЕ, ГЕ? — спрашивали друг у друга в толпе.

— Кажется, ВЕ, ГЕ, а впрочем, не знаю, — сказал человек в очках, — я в это время закашлялся и не разобрал.

— О господи!..

Женщина, услышав вежливый ответ, несмело подошла.

— Батюшка, а секция что такое?

— Какая секция? Кто говорил про секцию?

— А вот этот вот, — сказала женщина, нерешительно указав кривым пальцем на рупор под потолком.

— ...Не знаю... При чем тут секция?

Вдруг открылись сразу двое дверей. Толпа, разделившись на две реки, бросилась в них, крича на тех, кто, растерявшись, не знал, в какие двери кинуться.

— Что вы тыкаетесь под ногами, ни туда ни сюда!

— Простите, не расслышал — БЕ или ВЕ?

Вышедшие на платформу бросились бегом занимать места в вагонах. Женщина с корытом, поспевая за другими, говорила на ходу:

— Господи батюшка, целый день только и делаешь, что бегаешь.

— На корыте бы на своем ехала, коли бегать не хочешь! — крикнул человек с плетеной сумкой. — Только дорогу загораживаешь!

Все бежали в передние вагоны. Женщина, тяжело дыша, остановилась около заднего и, поставив корыто, поправила на голове платок.

— Ведь вот пустой совсем вагон, куда ж они все дальше бегут? — сказала она.

— Это уж такая дурацкая манера, — согласился подошедший человек в пальто с чемоданчиком в чехле. — В вагон войдут, так ни за что не сядут на первом свободном месте, а все лезут куда-то дальше.

— Ну, что же, проходите в вагон или с дороги пускайте! — кричали подбежавшие пассажиры, — целую прачечную с собой захватила!

Все полезли в вагон и, бросившись к пустым диванчикам, захватили себе места.

— А думали, что не сядем...

— В передних вагонах ужас что делается, — сказала дама с красным, точно из бани, лицом и, обмахиваясь платочком, села на свободную скамейку.

Женщина с корытом наклонилась к сидевшему впереди человеку с чемоданчиком в чехле и спросила:

— Батюшка, а что такое секция?

Человек с чемоданчиком вскинул вверх глаза и задумался.

— Секция — это известный отрезок, часть, группа, черт ее знает, не знаю, как точно определить.

— Секция — это... ну, как сказать, вот, например, художественная, научная секция, — сказала полная дама.

Человек с чемоданчиком посмотрел на часы и сказал:

— Через минуту тронемся. Тут уж точно. Только почему они дают гудок и в тот же самый момент трогаются.

Действительно, ровно через минуту раздался короткий глухой звук, точно кто-то дунул в духовой инструмент.

— Как в аптеке, — заметил, улыбнувшись, с другого диванчика человек в полушубке.

Женщина с корытом перекрестилась.

— Смальства привыкла перед дорогой,— сказала она, как бы извиняясь.

А стоявшие на платформе мальчишки с коньками в руках вдруг чего-то покатались со смеху, показывая пальцами на сидевших в вагоне.

— Вот вам молодое поколение,— сказала полная дама,— женщина перекрестилась перед дорогой, ее на смех подняли.

— Нет, они как будто и на вас пальцами показывают.

— Им все равно, на кого показывать, лишь бы хулиганить,— сказала полная дама, на всякий случай все-таки осмотрев свой костюм.— Что будет из этого поколения?..

Прошла минута. Вагон не двигался. Мальчишки продолжали бесноваться перед окном.

— Ну вот, это правильно,— сказал человек с чемоданчиком,— дал гудок — пережди с минуту, а то трогаются в момент гудка, какой смысл, спрашивается, когда не успеешь даже повернуться.

Прошло три минуты, потом пять. Вагон все не двигался.

Вдруг дверь с грохотом отодвинулась, вошел железнодорожный служащий в валенках.

— Вы чего сюда забрались?

— А что?

— То, что идет передняя секция... Передние три вагона ушли, а вы как сычи тут сидите. Выметайтесь!

Все бросились вон.

— Чтоб вас черт побрал с вашими секциями!

— Недаром у меня как сердце чуяло,— сказала женщина с корытом,— у всех про нее спрашивала, никто не знает.

— Ну, теперь будешь знать,— сказал служащий,— с месяц у нас тут поездишь, всем языкам обучишься. Выметайся!

№10, 1934г.

БРАТЯ ТУР

АГЛАЯ

Ваня Полусердов, в просторечье Эдуард, по профессии чертежник, претерпевал разочарование в жизни.

Ничто не интересовало его в этом мире, все опротивело ему до косточки.

В иной миг хотелось ему подобно Льву Толстому бежать

из Ясной Поляны, или подобно Байрону уйти сражаться за независимость греков, или же в крайнем случае бросить все и в виде вызова открыть кепочное дело в бездействующем лифте какого-нибудь дома на Петровке.

Вернее, он разочаровался не в жизни, а в любви. Это будет точнее.

А надобно сказать, что Ваня Полусердов обладал не только приятной внешностью, но и деликатными манерами и чувствительным сердцем. В наш век позитивных знаний любо было глядеть на этого представителя гуманитарного воспитания, окончившего двухнедельный вечерний университет при Птицесбыте. Как быстро он умел покорить любое изысканное общество культурностью своего обхождения и блеском эрудиции! Но особенно он нравился девушкам. Этот пустяковый народ абсолютно не мог устоять против Вани Полусердова. По вечерам он сжигал в голландской печке десятки нераспечатанных голубых писем. И не одна красавица засыпала с его, Полусердова, именем на устах.

Отчего же произошло разочарование нашего героя? В чем корень этого пессимизма? Корень его, если разобраться научно, заключается вот в чем. Сентиментальную Ванину натуру не устраивали современные женщины. Он в них разочаровался.

Ему опротивели до глубины души молодые девушки-инженеры в синих комбинезонах, он боялся плечистых, коротко стриженных физкультурниц, его сердце поэта возмущали завитые шоферы, восседающие за баранками полуторатонков, его не привлекали молоденькие парашютистки, бесстрашно сигающие с ненормальной высоты.

«Ну и слабый пол! — с горечью думал он, глядя на какую-нибудь молодую особу в наркомвнудельской форме, с кубиком лейтенанта в петлице. — Я хочу любить девушку, а не лейтенанта! — восклицал он в мечтах. — Монну Лизу, а не шофера! Голубку, а не штурмана, черт возьми!»

Нашему певцу хотелось любви некоего хрупкого существа с глазами газели, походкой серны и манерами лани. Его натуру артиста требовала: а) длинных русых кос, б) робких вздохов, в) белого платья и, наконец, г) чтобы весь этот тургеневский инвентарь был освещен идиллическим закатом. Он интересовался чистой слезой на розовых ланитах, устами, поющими нежный романс под звуки этих... как их... клавикордов, наивными, старомодными, как их... стансами, написанными в сафьяновый альбом. Ни больше ни меньше.

И он всюду искал этот дефицитный, по нашему времени, товар, но нигде не мог найти даже самой завалящей газели. Так он ходил мрачный, с ошалевшим взглядом и лицом желтым, как чурек.

И вот однажды, бродя в парке,—таков был наш бард! —Ваня Полусердов издали увидел в самой глухой аллее контур девушки, читавшей книгу! Сердце нашего мечтателя дрогнуло! Одинокaя девушка сидела на скамье в глухой аллее парка и читала книгу.

Сотрясаемый волнением, Ваня Полусердов присел на кончик скамьи, осторожно, через плечо, заглянул в книгу, которую читала упомянутая серна, и с волнением увидел: это была «Бедная Лиза» Карамзина. Понимаете ли вы, что это значит: в тысяча девятьсот тридцать шестом году девушка с косой сидит в парке и читает «Бедную Лизу»!

Уж на что был опытен сердцеед Ваня в нелегком искусстве завязывать знакомства, однако здесь он оробел, как дитя. Не станем описывать сложную процедуру вздохов, взглядов и даже целых монологов, обращенных к деревьям и птичкам. Ограничимся только кратким коммюнике: в результате каторжного труда знакомство состоялось.

— Аглая,—представилась девушка, потупив глаза.

Аглая! Ее звали Аглая! Не какая-нибудь вульгарная Люся, или Маня, или Нюра, а нежное, тургеневское имя—Аглая, от которого на сто верст несет ландышами и ромашкой.

— Ваня,—в свою очередь, представился Полусердов,—Ваня Полусердов. Но лучше называйте меня просто Эдуард.

Полусердов всегда предпочитал уменьшительные имена, считая, что они сообщают отношениям подлинную интимность.

Он шел рядом с нею по осенней аллее, среди сугробов опавшей листвы, в лучах заходящего солнца и чувствовал себя на вершине блаженства. Вздыхая, он слушал, как она говорила что-то о звездах, о закате, о родниках, о букашках. Оказалось, она любительница природы. Это привело его в восторг.

Одним словом, не теряя зря времени, наш певец назначил Аглае свидание. Тут же. На завтра. Она согласилась, слегка покраснев (о прелестное смущенье!). И Ваня, насвистывая, попер домой, повторяя про себя ее буколическое имя. Деревья били его ветками по кепке. Но он не замечал ничего.

Весь следующий день он провел как бы в бреду. Наконец он обрел свою мечту! Наконец он нашел тургеневскую девушку! Наступил долгожданный вечер. Иван Евстигневич Полусердов расчесал бланжевые свои волосы на прямой пробор, надел триковый костюмчик, штучный жилет и новенькие штиблеты, попрыскался цветочным одеколоном и в таком интригующем состоянии отправился на свидание.

Свидание было назначено у входа в парк. Заметьте, не у подъезда кино, не на главном телеграфе, не на трамвайной остановке, не в шашлычной, а у входа в парк. Старые липы тихо шептались над головой певца. Разная дичь прыгала на ветках. Ваня Полусердов, взволнованный, ходил взад и вперед с букетом в руках. «Аглая,— шептали его губы,— Аглая, Аглаюшка...»

Стрелка наконец причалила к назначенному часу. Ваня занервничал еще больше.

И вдруг из-за поворота улицы раздались какие-то оглушительные звуки, пальба и чихание мотора. В нос ударил запах перегара бензина, и потрясенный Полусердов увидел: в идиллическом свете заката по камням мостовой верхом на мотоцикле летела Аглая. Руки ее крепко сжимали рогатый руль дымящегося и грохочущего «Харлея». Она была в синем брезентовом комбинезоне, и нежное лицо газели потемнело от копоти и пыли.

— Позвольте,— жалобно сказал Полусердов, еще не веря себе, роняя букет на мостовую.— А как же «Бедная Лиза»? Почему вы ее читали?..

— Вы спрашиваете об этой книжонке? — удивленно сказала Аглая.— Мы проходим сейчас Карамзина. Удивительно наивная и смешная история об одной сентиментальной девице!..

Михаил ПУСТЫНИН

«ПОЕЗД ОПОЗДАЛ НА ВОСЕМЬ ЧАСОВ»

Как написали бы на эту тему поэты: Илья Сельвинский,
Вера Инбер, Джек Алтаузен

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

Тихо плелся поезд,
Шел, не беспокоясь,
С тишиной освоюсь
Во-сте-пи.
Ждешь его, товарищ?
Даль ты взором шарить?
Ничего, товарищ,
По-тер-пи!

Поезд вез нам гвозди,
Поезд вез нам грозди,
Поезд вез нам грузди
И-го-рох.
Темп движенья беден,
Машинист был бледен.
Машинист был вреден,
Ко-че-гар был плох!

Зря его поносим,
Зря к ответу просим:
Опоздал на восемь
Только он!
Кройте осторожно!
Ведь свободно можно
Опоздать безбожно
И на 8 ден!

Барабаны в банте!
Громче барабаньте
На весь мир об анти-
общественном поступке
машиниста, приехавшего с
опозданием на 8 часов,
выявив этим свой
Бу-зо-тер-ский стаж.

Ни
В Провансе,
Ни
В Брабанте
Нет горлодеров,
Нет прожекторов,
Нет бузотеров
Таких. Как. Наш.

Вера ИНБЕР

Опоздавший поезд —
Это так красиво!
Это — отблеск детства:
«Нива моя, нива»...
Опоздавший поезд
Полон интереса...
Опоздавший поезд —
Это же Одесса!

Близок час свиданья...
Чувствую я тонко...
«Он» — почти мальчишка,
Я — почти девчонка...

Дальний поезд — боже! —
Мчится с дивной силой...
Через час — не позже! —
С ним приедет милый...

Поезд должен сделать
Два, три перегона...
Через час мой милый
Выйдет из вагона...

Голова кружится...
Сердце бьется часто.
Лишь «его» увижу,
Я умру — и баста!..

Отдалить бы этот
Час свиданья жуткий!..
Чудный, страшный поезд!
Опоздай на сутки!..

Джек АЛТАУЗЕН

Я, поезд,
не действую строго.
Не зол я,
а мягок, как шелк.
Пускай опоздал
ты намного,
Но все же
ты к месту пришел!!!

Пусть ищет другой перегиба,
Но я —
восторгаться горазд:
Кричу машинисту:
«Спасибо!»

Недаром я —
эн-
ту-
зи-
аст!

О поезд!
Зарядку мне дал ты!
Я вижу
во всем благодать:
На 8 часов
опоздал ты,
А мог бы
на год опоздать!

№ 8, 1934 г.

Лазарь ЛАГИН

ГУСЯ ПЕРЕБРАСЫВАЮТ

Сказка

Жила-была в одном районном центре довольно важная птица, кажется, Гусь. И вот Гуся перебросили в другой район. Получил Гусь выписку из соответствующего протокола, подъемные получил, запаковал вещи. Построил себе прехорошенькую колясочку, запряг в нее двенадцать кроликов цугом и покатил. Едет, песни поет, воздухом дышит, общается с природой, цветы нюхает.

Встречает его Петух, близкий сотрудник Гуся.

— Здравствуй, Гусь.

— Здравствуй, Петушок.

— Куда едешь, Гусь?

— В Приятный городок, Петушок.

— Возьми меня с собой, Гусь.

— А на что ты мне нужен, Петушок?

— Как на что? Я для тебя докладные записки буду составлять, тезисы к речам готовить, цитаты подбирать.

— Ладно, садись, Петух.

Подсел Петух в тележку, и они поехали. Гусь песни поет, воздухом дышит, общается с природой, цветы нюхает. Петух готовит приветственную резолюцию от трудящихся Приятного городка по случаю счастливого прибытия Гуся на работу. Как раз навстречу идет Заяц.

— Здравствуй, Гусь.

— Здравствуй, Зайчик.

— Куда едешь, Гусь?

— В Приятный городок, Зайчик.

— Возьми меня с собой, Гусь.

— А на кой ляд ты мне нужен, Зайчик?

— То есть как?! Я к тебе в гости ходить буду и к себе приглашать, будем в преферанс играть, в подкидного дурака.

— Ладно, садись.

Подсел Заяц в тележку, и они поехали дальше. Гусь песни поет, воздухом дышит, общается с природой, цветы нюхает. Петух готовит приветственную резолюцию от трудящихся Приятного городка по случаю счастливого прибытия Гуся на работу. Заяц прикидывает в уме, каким вареньем он угощать будет в Приятном городке Гуся и как поудобней и покрасивей ему проигрывать в преферанс и подкидного дурака. Едут. А как раз сбоку, на полянке, на солнышке, спит медведь сиволопый. Он у Гуся коммунальным хозяйством заправлял.

— Здравствуй, Гусь.

— Здравствуй, Мишка.

— Куда едешь, Гусь?

— В Приятный городок, Мишенька.

— Возьми меня с собой, Гусь.

— А на что ты мне нужен, Мишенька?

— Пригожусь, Гусь. Ой, как пригожусь! А здесь мне оставаться без тебя нельзя. Загрызут самокритики.

— Ладно, садись.

Сел Медведь в тележку, и они поехали. Гусь песни поет, воздухом дышит, общается с природой, цветы нюхает. Петух готовит приветственную резолюцию от трудящихся Приятного городка по случаю счастливого прибытия Гуся на работу. Заяц прикидывает в уме, каким вареньем он угощать будет в Приятном городке Гуся и как поудобней и

покрасивей ему проигрывать в преферанс и подкидного дурака. А Медведь калькулирует, во сколько обойдется постройка для Гуся дачки и какие квартиры и каким манером он будет освобождать для Гуся, Петуха, Зайца и самого себя. Как раз на мосту встречается им телка, да ласковая-преласковая.

— Здравствуй, Гусь.

— Здравствуй, Буренушка.

— Куда едешь, Гусь?

— В Приятный городок, Буренушка.

— Возьми меня с собой, Гусь.

— А на что ты мне нужна, Буренушка?

— Станный вопрос, Гусь. Я где надо ушами буду за тебя хлопать. А будет твоя воля — газетку вполне свободно буду редактировать, славить тебя буду, пьедестал под тебя подводить.

— Ладно, садись.

Тут все остальные завозражали. Петух говорит: «В крайнем случае я по совместительству могу и газету редактировать». Заяц говорит: «Я сам тоже довольно ласковый», а Медведь говорит: «Я против телки персонально ничего не имею, но только я этот мост, на котором мы сейчас находимся, строил и поэтому за него никакой ответственности нести не могу».

Не послушался Гусь Медведя, посадил телку в тележку, мост треснул — и все провалились в воду.

А двенадцать кроликов, запряженных цугом, вылезли из воды и говорят:

— Мы уже давно предвидели, что это безобразие и семейственность, но только как-то неудобно было перед Гусем возражать.

№ 7, 1937 г.

Карел ЧАПЕК

ПОЭТ

Это было обыкновенное полицейское происшествие: в четыре часа утра на Житной улице автомобиль переехал пьяную старуху и умчался с величайшей скоростью. И вот молодому полицейскому следователю доктору Мейзлику надо было установить, чей был автомобиль. Столь молодой следователь всегда берется за дело всерьез.

НЕНУЖНАЯ ДЕТАЛЬ.

ис. Я. БОДАТЫ

- Не нужны ли вам рабочие руки?
- Руки давай, но рот оставь дома.

№ 31, 1933 г.

Рисунок Л. БОДАТЫ.

— Гм,— сказал доктор Мейзлик, обращаясь к полицейскому № 141,— итак, вы видели в трехстах шагах быстро мчащийся автомобиль, а на земле — человеческое тело. Что вы сделали в первую очередь?

— Прежде всего я побежал к пострадавшей,— докла-дывал полицейский,— чтобы оказать ей первую помощь.

— В первую очередь вы должны были обратить внимание на машину, а уж потом заботиться о бабе. Но возможно,— добавил он, почесывая карандашом в голове,— что и я поступил бы точно так же. Итак, номера машины вы не заметили. Ну, а в остальном?

— Я думаю,— сказал неуверенно полицейский № 141,— что он был темного цвета. Возможно, что он был синий или красный. Точно нельзя было различить из-за дыма.

— Ах, господи боже мой! — сетовал доктор Мейзлик.— Ну как я с такими данными установлю, что это за автомобиль? Не бегать же мне по всем шоферам и выпрашивать: «Скажите, пожалуйста, не переехали ли вы старую бабу?» Ну, сударь, что же мне делать?

Полицейский пожал плечами с беспомощностью подчиненного.

— Явился один свидетель,— сказал он,— но тоже ничего не знает.

— Приведите его,— сказал доктор Мейзлик, с неохотой берясь за тощий протокол в напрасном стремлении найти в нем хоть что-нибудь.

— Ваша фамилия и местожительство? — сказал он механически, даже не посмотрев на свидетеля.

— Кралик Ян, студент механического факультета,— четко произнес свидетель.

— Вы были при том, как неизвестный автомобиль переехал сегодня в 4 часа утра Божену Махачкову?

— Да, и должен сказать, что виноват шофер. Помилуйте, пан комиссар, улица была совсем пуста, и если бы шофер на перекрестке замедлил ход...

— Как далеко вы находились? — прервал его доктор Мейзлик.

— В десяти шагах: я провожал приятеля из... кафе, а когда мы были на Житной улице...

— Кто такой ваш приятель? — прервал его снова доктор Мейзлик.— Он здесь не указан.

— Ярослав Нерад,— сказал свидетель не без гордости,— но он вам, пожалуй, ничего не сможет сказать.

— Почему же? — проворчал доктор Мейзлик, готовый ухватиться и за соломинку.

— Потому что он... Такой уж он поэт. Когда случилось несчастье, он стал плакать и побежал домой, как малое дитя... Так вот, когда мы шли по Житной улице, нас обогнал с сумасшедшей скоростью автомобиль.

— Номер?

— Этого, простите, я не знаю. На это я не обратил внимания. Я обратил внимание на его сумасшедшую езду и заметил себе, что...

— Какой это был автомобиль?

— Четырехтактный мотор внутреннего сгорания, — заявил свидетель со знанием дела. — Впрочем, в марках автомобилей не разбираюсь.

— Какого цвета? Кто в нем сидел? Был он закрытый или открытый?

— Не знаю, — сказал пораженный свидетель. — Это была, пожалуй, черная машина, более определенно не заметил, потому что, когда произошло несчастье, я сказал Нераду: «Смотри, вот негодяи, переедут человека и даже не остановятся!»

— Гм, — недовольно заметил доктор Мейзлик, — это вполне уместная и справедливая моральная реакция, но я бы более был доволен, если бы вы запомнили номер машины. Ужасно, до чего люди не умеют наблюдать. Благодарю, пан Кралик, не стану вас задерживать.

Через час полицейский № 141 позвонил к квартирной хозяйке поэта Ярослава Нерада. Да, пан поэт дома, но он еще спит. Поэт в дверях выпучил на полицейского маленькие испуганные глазки. Он никак не мог припомнить, что он, собственно, натворил. Но в конце концов все же сообразил, почему надо идти в полицию.

— Это обязательно? — спросил он недоверчиво. — Я, собственно, ничего и не помню: я был ночью чуть-чуть...

— Нализавшись, — понимающе подсказал полицейский. — Я знал на своем веку много поэтов. Ну так одевайтесь. Подождать вас здесь?

Поэт и полицейский разговорились о ночных заведениях, о жизни вообще, об особых знамениях на небе и многих других вещах: только политика была им обоим чужда.

Так, в дружественной и поучительной беседе добрался, наконец, поэт до полиции.

— Вы пан Нерад Ярослав, поэт? — обратился к нему доктор Мейзлик. — Вы были свидетелем, как неизвестный автомобиль переехал Божену Махачкову?

— Да! — вздохнул поэт.

— Не могли бы вы сказать мне, какой это был автомобиль? Закрытого или открытого типа, какого цвета, кто сидел в нем и какой у него номер?

Поэт усиленно вспоминал.

— Не знаю,—сказал он.— Не заметил.

— Не припомните никаких подробностей? — налегал Мейзлик.

— Куда там! — сказал поэт откровенно.— Я вообще не обращал внимания на подробности.

— Скажите, пожалуйста,—заметил иронически доктор Мейзлик,—на что же вы вообще обратили внимание?

— На общее настроение,—ответил неопределенно поэт.— Представьте себе: пустая улица.. такая длинная на рассвете.. и женщина лежит там...

Вдруг он спохватился:

— Да ведь я об этом кое-что написал, придя домой! — Он стал шарить по всем карманам, извлекал множество конвертов, счетов и тому подобных лоскутов.

— Нет, это не то,—бормотал он,—это тоже не то... Постойте, кажется, вот оно,—сказал он наконец, погружаясь в исследование края какого-то конверта.

— А ну, покажите-ка,—сказал доктор Мейзлик снисходительно.

— Да ничего особенного,—сопротивлялся поэт.— Впрочем, если хотите, я вам это прочту.— И, выкатив вдохновенные глаза и напевно растягивая длинные слова, он стал декламировать:

«Марш темных зданий,
раз, два.
О рота, стой!
Зорька и мандолин игра.
Дева, ты так зачем красна?
Поедем гоночным
120 HP
на света край.
Хоть в Сингапур,
стой, стой!
Авто летят,
Любви великой труп
в пыли лежит.
Дева, о сломленный бутон!
И шея лебедя,

И груди,
Литавры,
Барабан...
Зачем так много слез?..»

— Вот и все! — произнес Ярослав Нерад.

— Помилуйте, — сказал доктор Мейзлик, — что же это должно означать?

— Это и есть несчастный случай с автомобилем, — недоумевал поэт. — Разве непонятно?

— Я думаю, что нет, — заметил доктор Мейзлик критически. — Я из этого затрудняюсь понять, что в ночь на 15 июня, в 4 часа утра, на Житной улице автомобиль номер такой-то переехал пьяную нищенку Божиену Махачкову, 60 лет от роду; раненая была отвезена в больницу и находится в предсмертной агонии. Об этих фактах, поскольку я заметил, вы не упоминаете в вашем стихотворении.

— Ну, это все лишь внешняя действительность, — ответил поэт, дергая себя за нос. — А стихотворение — это действительность внутренняя.

— Помилуйте! — вырвалось у доктора Мейзлика. — Ну так вот. Гм: «Марш темных зданий, раз, два. О рота, стой». Пожалуйста, объясните мне это.

— Это Житная улица, — ответил невозмутимо поэт. — Понимаете ли, такие две шеренги домов.

— А почему бы этим не мог быть, например, Народный проспект? — скептически спросил доктор Мейзлик.

— Потому что он не такой прямой, — гласил убедительный ответ.

— Ладно, дальше: «Зорька и мандолин игра» — допустим. «Дева, ты так зачем красна?» Откуда взялась эта девчонка?

— Заря, — ответил лаконически поэт.

— Ага, простите... «Поедем гоночным 120 НР на света край». Ну?

— Ну вот проехал этот самый автомобиль, — объяснил поэт.

— В 120 сил?

— Не знаю. Это просто обозначает, что он быстро ехал, как если бы хотел улететь на край света.

— Ах, так? «Хоть в Сингапур»? Ради бога, почему же именно в Сингапур?

Поэт пожал плечами:

— Уж и не знаю. Пожалуй, потому, что там живут малайцы.

— А какое отношение этот автомобиль имеет к малайцам? А?

Поэт вертелся в затруднении.

— Возможно, что эта машина была коричневая. Вы не думаете? — сказал он задумчиво.

— Что-то коричневое там, наверно, было. Почему бы иначе здесь быть Сингапур?

— Видите ли, — сказал доктор Мейзлик, — автомобиль был или красный, или синий, или черный. Что же выбрать?

— Выбирайте коричневый, — посоветовал поэт, — это приятная окраска

— «...Любви великой труп в пыли лежит. Дева, о сломленный бутон» — это и есть пьяная нищенка?

— Не стану же я писать о пьяной нищенке, — возразил задетый поэт, — это просто была женщина, понимаете?

— Ага... Ну, а это что? «И шея лебедя, и груди, литавры, барабан...» Это тоже вольные ассоциации?

— Покажите, — сказал озадаченный поэт и склонился над бумагой.

— «И шея лебедя, и груди, литавры...», что бы это могло быть?

— Об этом и я спрашиваю, — ворчал доктор Мейзлик с оттенком извинительности.

— Погодите, — обдумывал поэт, — несомненно, было что-то, напомнившее мне... Послушайте, вам никогда не казалось, что двойка похожа на шею лебедя? Смотрите? — И он написал карандашом «2».

— Ага! — сказал доктор Мейзлик — весь внимание. — Ну, а груди что?

— Да это ведь «3» — две округлости, не так ли? — удивился сам поэт.

— Еще у вас «литавры и барабан», — напряженно воскликнул полицейский чиновник.

— «Литавры и барабан» — размышлял поэт, — «литавры и барабан»... Это, пожалуй, могла быть пятерка. Не так ли? Смотрите, — сказал он и написал цифру «5». — Вот брюшко — это вроде барабана, а над ним литавры.

— Пойдите, — сказал доктор Мейзлик и записал на бумажке «235». — Вы уверены, что у автомобиля был номер 235?

— Я вообще не заметил никаких цифр, — заявил решительно Ярослав Нерад. — Но что-то там должно было быть. Откуда бы это иначе взялось? — продолжал он удивляться. — А знаете, это место, пожалуй, самое лучшее во всем стихотворении.

Через два дня доктор Мейзлик посетил поэта. На сей раз поэт не спал. У него была какая-то девица, и он напрасно искал свободный стул, чтобы предложить его полицейскому чиновнику.

— Я сейчас же бегу дальше,— сказал доктор Мейзлик,— я пришел лишь сказать вам, что это был в самом деле автомобиль № 235.

— Какой автомобиль? — ужаснулся поэт.

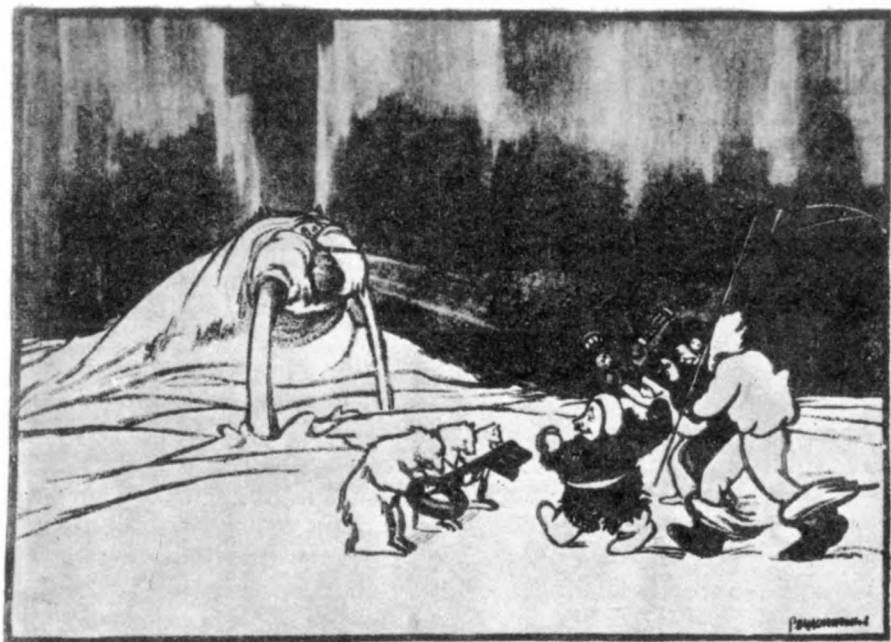
— «И шея лебедя, и груди, литавры, барабан», — выпалил доктор Мейзлик единым духом, — «и даже Сингапур».

— Ага, понял, — сказал поэт. — Видите, вот она, внутренняя действительность. Хотите, прочту вам еще парочку стихов? Теперь уже вы разберетесь.

— До следующего раза, — быстро ответил полицейский чиновник, — до следующего происшествия.

Перевод с чешского А. СЕРГУНОВА.

№ 21, 1936 г.

Историческое событие в области географии, имевшее место несколько месяцев назад: вручение Папанину ключа от полюса.

№ 28, 1937 г.

Рисунок Ф. РЕШЕТНИКОВА.

РУБРИКИ РЕЗКО МЕНЯЮТСЯ

Начало этого пятилетия было относительно мирным, хотя на Западе уже полыхала война. Рубрики «Крокодила» были как всегда боевыми, но посвящены мирным делам и мирным заботам.

«ОСОБЫЙ ОТДЕЛ»

прародительница рубрики «Нарочно не придумаешь» объединяла злые заметки, выставяющие напоказ волокиту, бюрократизм, невежество, разгильдяйство.

Сродни этой рубрике были и другие —

«НА ЧТО ЖАЛУЕТЕСЬ?» «ЗАГАДКИ И ГОЛОВОЛОМКИ» «ОТК(*отчего такое качество?*)»

А потом все переменялось. Мелкие бытовые неурядицы отступили на задний план. Над страной нависла грозная опасность. И появились на крокодильских страницах новые рубрики —

«МЕТКИМ УДАРОМ» «КОРОТКАЯ ОЧЕРЕДЬ»

Смысл этих рубрик вряд ли нужно расшифровывать. Началась война...

1938—1942

Борис ГОРБАТОВ

ВОПРОС ДОКЛАДЧИКУ

Я закончил доклад. Подобного я не делал никогда в жизни. То была сборная солянка из повестей и впечатлений. Зимовщики хотели услышать все о Большой земле, я изо всех сил старался все рассказать. Но мы долго не понимали друг друга. Для них Большая земля была далекой, чудесно-сказочной страной, для меня, только что прилетевшего оттуда, — будничной, обыкновенной, с давкой в трамваях и дождем в январе. Я рассказывал им о важнейших событиях международной и внутренней жизни, но они без меня все это знали: слышали по радио.

Наконец я понял, чего от меня хотят. Они ждали, что я принесу с собой аромат Большой земли: чудесный запах столицы, шумной, асфальтной, морозной; шелест автомобильных шин на гудроне, дрожание огней на мокром асфальте; неоновые солнца в ночном небе большого города; шум толпы; теплый запах московского дождя; смех карнавалов в парках культуры и отдыха; скрип коньков по льду катка; блеск витрин — все то, чего не услышишь, чего не увидишь по радио.

Я понял. Я повел их за собой в метро, которого они еще не видели. Я описывал эти мраморные дворцы словами старинных персидских сказок. Честное слово, я становился поэтом: они так чудесно слушали. Я распахнул настежь московские улицы, поднял мосты, воздвигнул здания. (— Вы не узнаете Охотного ряда. — Да, Охотный ряд! — тихо воскликнул кто-то.) Я вводил их в московские магазины, в запахи апельсинов, аппетитных колбас, ароматного хлеба

и розовой рыбы; мы вваливались в шумные московские кафе; мы погружались в изобилие богатеющей столицы. Они чудесно слушали—я становился фламандцем. (— Я забыл, как покупают,—засмеялся радист.— Я отвык от денег.)

Я рассказывал им, как живет Москва, как выглядят люди на улице, о чем поют, что говорят, я рассказал, как проходили сквозь Красную площадь физкультурники в июле, как праздновала Москва Великий Октябрь.

— А в кино? Что в кино?

Я сказал о картинах, которых они еще не знали. (— У нас в следующем году будет своя передвижка,—похвастался механик.)

— А в МХАТ? Что Качалов?

— Он здоров и хорош по-прежнему.

— Как он прекрасен в «Воскресении»,—вздыхнул гидролог.

— А «У врат царства»! — подхватил повар, не успевший снять колпак.

— Простите,—смущаясь, обратился ко мне молодой радиотехник.— Может быть, я не о том. Но все же спрошу: кто сейчас держит футбольное первенство Союза: москвичи или ленинградцы?

Оправдываясь, он объяснил:

— Видите ли, я ленинградский болельщик.

Я сказал и о футболе. Тут уж было недалеко до парашютисток, они в ту осень были «гвоздем сезона». Мы поговорили и о парашютистках.

Не знаю как, но разговор зашел о танцах. Я, смеясь, сказал, что сейчас вся Москва танцует. В новогоднюю ночь плясали в магазинах, на стоянках такси, на улицах.

Красивый юноша в форменном кителе нахмурился.

— Мы приедем отсюда дикарями,—пробурчал он с досадой,—мы не сможем никуда выйти. Придется месяц дома учиться танцевать.

Потом наступила пауза. Совсем такая, как в беседе давно не видавшихся друзей. Казалось, не переговоришь всего, и вдруг замолчали оба. И есть еще о чем спросить, и есть еще что рассказать, а друзья все сидят молча, задумчиво хлопают друг друга по коленкам и изредка мечтательно произносят: «Так, так-то вот! Да, так!» Эта пауза красноречивее слов.

Я прихлебывал кофе из стакана.

— Да... Москва... Так-то...— задумчиво произносили мои собеседники.

Мне показалось, что женщины еще хотят о чем-то спросить меня. Они смущенно перешептывались между собой и хихикали.

— Ну, спрашивайте, спрашивайте.

Они совсем смутились: «Нет, нет, это мы так».

Но одна, осмелев, все-таки спросила, глядя мне прямо в лицо:

— Скажите, товарищ, что носят сейчас женщины на Большой земле?

Что носят? Я растерялся. Я не ждал такого вопроса. Товарищи, я не был подготовлен к нему. Это, ну... не по моей специальности. Если б я знал, я захватил бы с собой журнал мод.

Я честно признался: не знаю. Мои слушательницы были явно разочарованы. Они отвернулись. А задавшая вопрос (радистка, как я узнал потом) в отчаянии спросила вновь:

— Ну, вспомните. Ну, какие моды сейчас в Москве? Ну?

Мне бы очень хотелось ответить ей. Я подумал немного и сказал:

— Знаете что? Я закрою глаза и представлю себе знакомых московских девушек. И как они одеты. И я отвечу вам.

Я закрыл глаза. Я вспомнил знакомых девушек. Мне вспомнились парашютистки в синих комбинезонах и кокетливых черных беретах. Нет, не то. Я вспомнил тогда девчат в метро. Они были действительно царицами московских улиц. Как гордо они шагали по тротуару, заложив руки в карманы своих ватных штанов! В брезентовых шляпах, в теплых фуфайках, в резиновых сапогах, забрызганных грязью, бетоном, глиной. Они были настоящей московской модой 1935 года. Но это не то. Я вспомнил тогда самую красивую девушку столицы, ее пронесли через Красную площадь на огромном шаре, она была в алой майке и трусах. Но и это, кажется, не то, чего ждет от меня модница с 73-й северной параллели. Я вспомнил политотдельских девчат в бараньих колушках, подпоясанных ремнями, трактористок в огромных кожаных щегольских рукавицах, знатных колхозниц, приезжавших в Москву, шелковые платки на них хрустели, как резина; я вспоминал девушек, которых видел в театрах, в кафе, на улицах. Они одевались красиво, изящно, женственно. Но — странное дело — каждая по-своему. Каждая подчеркивала то красивое, что было в ней. Но мода, черт подери, какая мода царил у нас в Москве?!

Я открыл глаза. Я увидел зимовщиц в ватных штанах и

грубых, но теплых фуфайках. Мне захотелось рассмеяться и сказать им:

— Милые модницы в ватных брюках! Я не знаю, какая в Москве мода. Я не знаю, какой длины допускаются юбки и какой конструкции шляпки. Но, честное слово, не стоит горевать: вы не отстанете от советской моды и на 73-м градусе северной широты. И если даже вы появитесь в самом шикарном кафе столицы вот такими, какие вы сейчас: в меховых сапогах, расшитых бисером, в ватных штанах и оленьих малахаях,— лучшие женщины Москвы с восхищением и завистью будут глядеть на вас и на ваш наряд: «Это полярницы,— будут шептать они.— Как бы мы хотели быть на их месте!»

№ 9, 1938 г.

...Постыдился бы...
1938 г.

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА.

10 • ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА • НЕДЕЛЯ ТРУДА • НЕДЕЛЯ • ГОД НЕДАВНЕ ХУИ • ЦЕНА НОМЕРА — 50 КОП.

К Р О К О Д И Л

20 ЛЕТ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ
И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

20 ЛЕТ РККА И ВМФ.
№ 5, 1938 г.

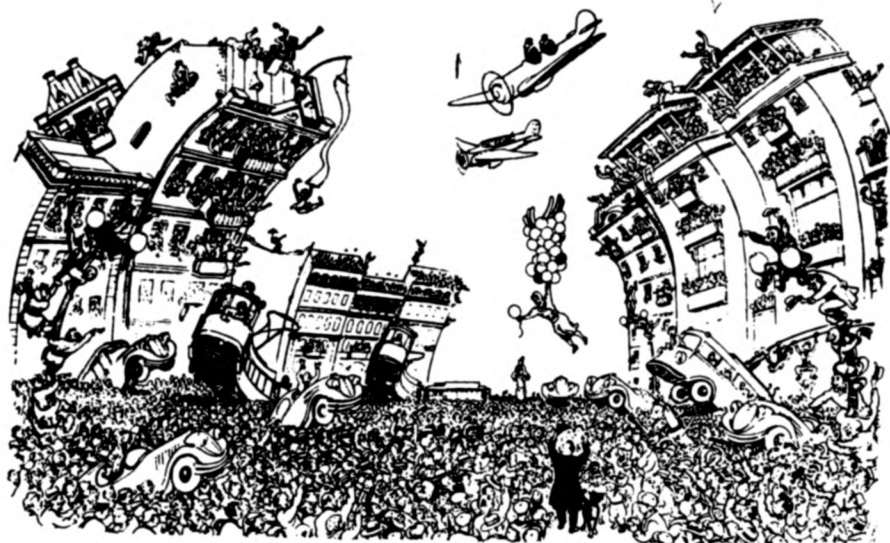
Рисунок Л. ГЕНЧА.

— Нужно поделикатнее выяснить дальнейшие его намерения.

№ 11, 1939 г.

Рисунок К. РОТОВА.

Иван Дмитриевич Папанин вышел купить папиросы.
№ 9, 1938 г.

Рисунок К. РОТОВА.

Алексей КОЛОСОВ

ГОЛУБОЙ БЫЧОК

Четыре месяца тому назад обоз передвижного зверинца ехал в село Тучки на большую осеннюю ярмарку. Невдалеке от этого села в обозе случилась большая неприятность: из старой, давно не отремонтированной клетки выскочил галицийский волк. Ошалев от неожиданной радости, зверь не знал, что ему делать, куда бежать. Сперва он кинулся под телегу, потом — в овсы, из овсов снова выскочил на дорогу. Произошла паника: лошади помчали прямо в овраг, две телеги перевернулись, а с третьей сорвалась и ринулась к далеким перелескам молодая быстроногая антилопа-гну.

Произошло все это в одно дыхание: грек Ампулио, сопровождавший обоз, не успел и охнуть. Он заохал и стал выкрикивать разные отчаянные слова, когда антилопа и волк пропали с глаз.

Теперь Ампулио, круглый, бритоголовый здоровяк мужчина, стоит перед народным судом и обосновывает иск,

предъявленный администрацией передвижного зверинца колхозу «Муравей».

Колхоз этот расположен в пятидесяти километрах от места, где произошла авария, но доказано, что антилопу поймали колхозники «Муравья», поместили ее в свой омшаник и в течение месяца скрывали этот факт. Антилопа погибла, и зверинец понес убыток в размере 1200 рублей. Пусть колхоз внесет эту сумму на текущий счет зверинца.

В судебном зале сидят старики Иван Ненашкин, Прохор Окунев и старуха Китаиха. Из молодых колхозников здесь присутствует только Семен Дымов, член правления «Муравья». Он уже дал суду свои показания. Суть их в том, что ни правленцы колхоза, ни активисты, ни животноводы не повинны в гибели антилопы. Эту антилопу поймали, посадили в омшаник, ухаживали за ней телячий пастух Ненашкин и сторож колхозных огородов Окунев, тихие, малоприметные колхозные старики. Они сообщили председателю «Муравья», что к телячьему стаду приبلудился чей-то бычок, но время было горячее: колхоз молотил хлеб, поднимал зябь,— и председатель не обратил на это сообщение внимания. Однако, когда в деревне пошли разговоры, что старики Ненашкин и Окунев поймали какого-то диковинного, совсем необыкновенного бычка, председатель велел завхозу, то есть Семену Дымову, съездить в залесный омшаник, посмотреть приبلудного бычка, и если это действительно стоящий бычок, то дать объявление в районную газету. Семен Дымов хотел поехать в омшаник, но повстречал старика Прохора Окунева, и тот сказал:

— Нечего тебе ехать: подох он, бычок-то!

И если бы не старуха Евдокия Китаиха, то до сих пор никто не догадался бы, что это была антилопа, а не бычок.

— Гражданка Китаева! — обращается председатель суда к низкорослой, ласково улыбающейся старухе.— Что вы можете сказать по настоящему делу? Сообщите суду, при каких обстоятельствах вы обнаружили в лесу антилопу.

— А по маслята ходила. Как раз после дождя было.

— Так. И где же вы увидели антилопу?

— Где увидели? В лесу и увидела. Беру я маслятки, а он, бычок-то, тихонько подбег, я и не слышала совсем, как он и подбег-то.

— Так. И вы что, поймали его, что ли? Ухватили?

— Уж больно ты, товарищ, прыткий! — горячо возражает Китаиха.— «Ухватили!» Глянула я на него, и в животе у меня даже морозно стало. Хочу крикнуть, нету голоса.

— Так. Дальше?

— Не помню, как откинулась, как побегла. Прибегла на телячьи выпасы, говорю вон Иван Егорыч: «Иван Егорыч, погляди, чего там на полянке ходит». Иван Егорыч пошел. Чего-то он больно долго ходил, а потом тащит бычка, а шапку, видать, потерял, без шапки идет и вроде как сам не свой. «Иван Егорыч, спрашиваю, чего это такое будет?» А он: «Иди, — кричит, — как можно скоренько к Прохору Окуневу, скажи, что приблудился голубой масти бычок!» Я пошла.

— Гражданин Окунев,—говорит председатель пастуху,—вы подтверждаете показания гражданки Китаевой?

— Подтверждаю.

— Так как же вы, опытный пастух, не могли отличить бычка от антилопы? Ведь вот, скажем, я городской человек, а если бы мне сказали про антилопу, что это бычок, я не поверил бы.

— Годов пятнадцать тому назад и я не поверил бы,—сердито отвечает пастух.—Пятнадцать годов тому назад мужик и в трактор не верил, и что корова по девять тысяч литров доит, тоже не верил, и что по пескам можно сто восемьдесят пудов пшеницы брать с каждого гектара, мы тоже не верили. Ежели бы в старое, прежнее время мне кто сказал, что свинья может принести в год двадцать пять поросят, я бы того человека нехорошим словом назвал. А теперь удивляться нечему. При колхозном положении человек всего может сделать, не то что голубого бычка, а и все, чего хочешь! Для науки нынче ворота широкие.

— Да, все это так,—прерывает судья Окунева.—Но при чем тут антилопа?

— На ней не написано, что она антилопа,—хмуро говорит пастух.—А сходство с бычком у нее есть. У меня такое мнение было: этого бычка наши ученые люди развели. Ну сердце-то и разгорелось: хотится опыт в своем колхозе сделать.

— Какой опыт?

— Вырастить его, бычка-то, припустить к нашей корове, симменталке или горбатовке. Тут главное, чтобы нам щукинцев обогнать. А то уж больно они вперед далеко убегли: у них и мериносы, и быков-шортгорнов купили, и гусей вон каких развели! Что ни гусь, то Ляксандра Македонский! И вот желательно нам было, то есть мне и Прохору Матвеичу, такой опыт сделать, такую породу произвести, чтобы они, щукинцы-то, зацатались от удивления. Ну и радость колхозу желательно сделать. Так мы с ним, с Прохором Матвеичем, и толковали: «Давай выра-

стим бычка без шума, тихонько. А шум уж потом поидеть. Мы его, бычка-то, из омшаника взяли да ночью к Прохору Матвейчу в старую баню отнесли.хлопот сколько — страсть! Нынче, скажем, мое дежурство, а завтра его, вон Прохора Матвейча. Холода-то бычок не любит, еще не притерпелся, дрожит, так мы баню через каждый день топим. И любит, чтобы его теплой водой мыли. Мы каждую неделю его моем. Но и денег тоже требует. Я за эту зиму уже пятьдесят рублей в него положил. Да и Прохор Матвейч рублей сорок положил. Говорю Прохору Матвейчу: «Трудов он нам стоит много, а соответствует он колхозному положению или не соответствует, шут его знает». А Прохор Матвейч мне так: «Мичурин, говорит, поболее нас терпел, а своего добился». А теперь вот сидим тут, слушаем, и выходит, что он вовсе и не бычок, а вроде зверя. Ошиблись, значит. И совсем зря согрешили, что будто он подох. Конечно, кабы он не зверь был, уж мы, то есть я и Прохор Матвейч, этому гражданину как-никак рублей шестьсот уплатили бы, шут с ним, но своего бы добились, вырастили бы колхозу бычка. Ну а ежели он зверь, то пускай гражданин приедет, возьмет его — и все тут.

— Позвольте! — изумленно произносит председатель. — Стало быть, антилопа жива?

— А что с ней делается? — однотонно говорит пастух. — Как дите ее обхаживали. Думали: растим колхозу радость, золотой опыт делаем, щукинцев удивим. Ну ошиблись, значит.

Семен Дымов, побелев от удивления, ломким голосом говорит:

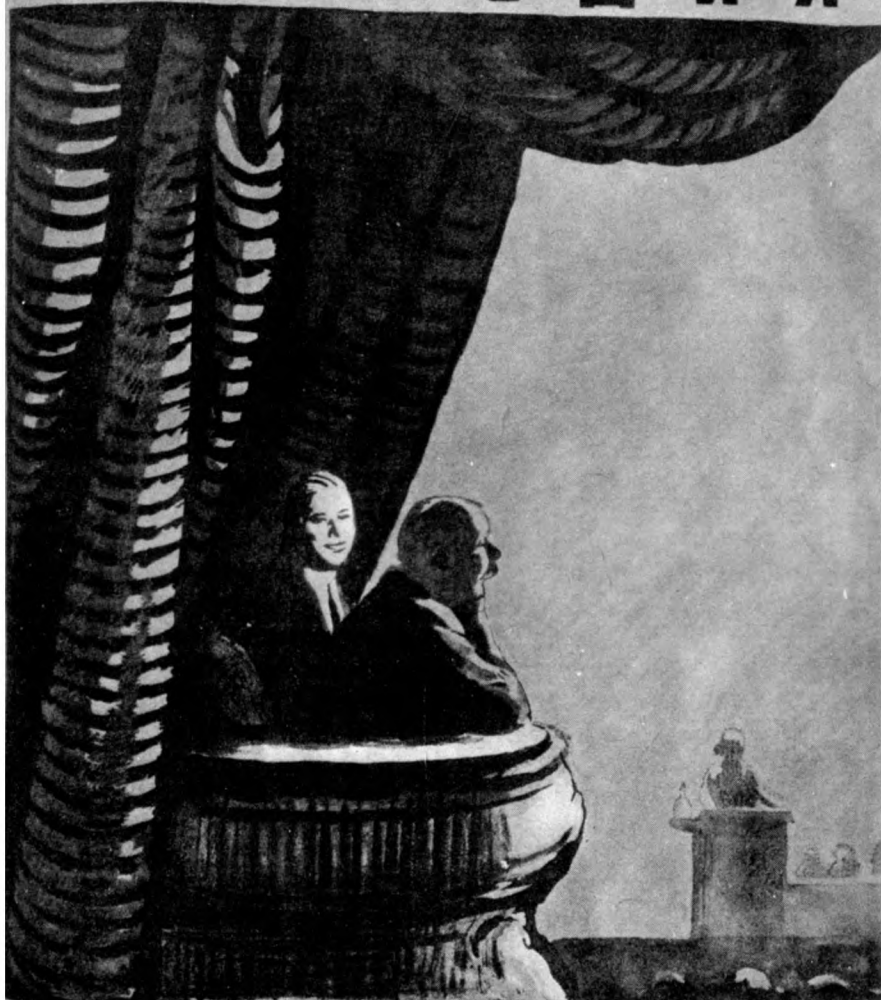
— Тут у тебя какая-то неясность, Иван Егорыч, потому что...

— Да что, Семен Васильич, лишнее толковать-то, — прерывает его пастух. — Вот и ключ с собой ношу от бани-то. Там он у нас живет до сей поры.

Председатель поднялся. Он смотрит на пастуха, на друга его — Прохора Матвейча, хочет что-то сказать, но, не найдя, видно, нужных слов, машет рукой, и на усталом лице его мягкая, светлая улыбка.

Улыбаются и члены суда, и районный прокурор, и протоколист...

К Р О К О Д И Л

— Что ни говори, а депутатов в горсовет выдвигают по знакомству.

— То есть как?

— Очень просто. Ведь кандидатов знает весь город.

№ 32, 1939 г.

Рисунок Б. ПРОРОКОВА.

В ЗООПАРКЕ.

— Что-то нашего директора не видно.
— Его загрыз заместитель.

№ 24, 1940 г.

Рисунок Б. КЛИНЧА.

Николай АДУЕВ

ФАЗАН

Где, когда,— не скажем точно,
Но в одной из дальних стран,
Называемой восточной,
Жил да был себе фазан.
Край давал достаток верный—
Был фазан упитан, сыт,
Но имел характер скверный
И огромный аппетит.
Был он полон злобным ядом:
Вот уж двадцать первый год
Расцветал с фазаном рядом
Вольных соколов народ.
«Эх (мечтал фазан задорный),
Там богатствам нет числа,
Там вольготно, там просторно,
То-то б жизнь мне там была!

Хорошо бы мне забраться
В соколиную страну!
Слышь, они не любят драться...
Дай-ка я их припугну!»
И по тихой, тайной тропке
Пробирается фазан
Ночью к соколиной сопке
Подле озера Хасан.
И, издавши крик фазаний,
Он нахально и хитро
Пишет соколу посланье,
Выдрав из хвоста перо:
«Объявляю вам, что... скобка...
(Знать вам это надлежит!)
...Закрываю скобку... сопка
Мне уже принадлежит.
Я владею возвышеньем
Подле озера Хасан.
С совершеннейшим почтеньем
Мирный ваш сосед
Фазан».

Сочинив сию бумажку,
Он, себе же на беду,
Шлет с ней Пи-Го-Ли-цу-пташку
К соколиному гнезду.
Полетела Пи-Го-Ли-ца
И на утречко, чуть свет,
Поспешила воротиться,
Принеся такой ответ:
«С нашей сопки — веришь
слову? —
В пыль, фазан, тебя сотру!
Убирайся поздорову,
Уходи-ка подобру.
Видно, ты зарвался сдуру.
Лучше, если поспешишь.
Мы не галки и не куры.
Понимай, кому грозишь!»
Но захватчика нисколько
Не смутил прямой ответ.
«Это так, стращают только!
Раздавайся гром побед!»
Он на сопку взгромоздился,
Пышно перьями тряхнув,
Окопался, в землю врылся,

Стал точить свой жадный клюв.
И кричит в лихом зазнайстве:
«Сокол! Прочь! Сожрем живьем!
Жизнью здесь мы сами райской,
Саму-райской заживем!»
Но не спит народ соколий:
Он давно учен в бою.
В этой верной, грозной школе
Защищать страну свою.
Только начал нападение
Предприимчивый фазан,—
Слышит мощное гуденье
По-над озером Хасан.
Позакрылось небо тучей,
Помертвел фазаний взгляд,
Налетел грозой летучей
Гордых соколов отряд,
На фазана, точно лава,
Боевой идет поток
Сверху!
Снизу!
Слева!
Справа!

Знай, захватчик, свой шесток!
Где ж его высокомерье?
Где же гром его побед?
Пух и перья!
Пух и перья
Устилают густо след!
Наш рассказ—не небылицы,
Знаем, смысл его смекнув:
Есть еще такие птицы,
Что на нас свой точат клюв.
Прилагают все усилья,
Чтобы мир втянуть в войну,
И хотят направить крылья
В соколиную страну,
Хоть война не в нашем вкусе,
Мы серьезно говорим:
Не спасут таких ни гуси,
Что спасли когда-то Рим,
Ни вороньи батальоны,
Ни наймиты-сарычи,
Ни стервятники-шпионы,

Ни вредители-сыгчи!
Пусть запомнят эти птички,
Коль добра себе хотят,
Что от них при первой стычке
Пух и перья полетят,
Что спокойны мы недаром,
Что ответим у границ
Смертоноснейшим ударом
Мы на ярость хищных птиц,
Что высоко мы летаем
И, нагрянув как буран,
Уничтожим вражьи стаи
В самом сердце их же стран!

№ 5, 1939 г.

Лев КАССИЛЬ

В ЧАДУ ЧАДОЛЮБИЯ

Незадолго до школьных каникул в редакции одной из московских газет собрались артисты, ученые, педагоги, детские писатели, представители клубов. Мы обсуждали, как бы устроить детворе каникулы поинтереснее, повеселее. Собрание подходило к концу. Председатель заглянул в список желающих поговорить и сказал:

— Дадим слово... э-э... товарищу Востролябьеву!

У стола возник свежий мужчина, с ласковыми черными глазами, небольшой аккуратной плешью и с такими полными лоснящимися губами, словно он только что плотно поел масленых блинов. На нем была не то морская, не то военная, не то дирижабельная, а может быть, брандмейстерская форменка. Объемистое брюшко перехватывал широкий брезентовый пояс с огромным металлическим крюком-карабином. Бряцая и улыбаясь он снисходительно склонился к стенографистке:

— Востролябьев. Ве, ве — инициалы... Клуб «Красные факелы».

Он выпрямился и бодро оглядел собравшихся.

— Да простят мне уважаемые товарищи, — сказал Востролябьев, — но у меня такое получается ощущение, что дело, как говорим мы, пожарники, полундра... Я позволю

себе начать с того, что меня удивляет, я бы сказал, даже несколько поражает то, если можно так сказать, недопонимание специфики детской психики, которое я мог вынести из высказываний, раздавшихся здесь... Вы, товарищи, я вижу, вы еще не перешагнули через тот, как мы говорим, брандмауер, который еще частично кое-где подчас разделяет взрослую психику от детского сознания.

Нет, товарищи, недосовсем вы изучили внутренний мир ребенка. Нет,— вздохнул Востролябьев,— недоразбираются у нас еще в этом подчас.

Мы расходились слегка подавленные. Мы чувствовали, что чего-то мы недоучитываем и Востролябьев затюкал нас...

На пятый день каникул Востролябьев позвонил мне:

— Честь имею, дорогой! Вадим Витальевич говорит. Дядя Вадя! Не узнаете? А-й-ай-ай, забыли уже. Все равно не отвертитесь. Нам никто не отказывает на нашем пожарном фронте. На линии огня, хе-хе!.. Ну, словом, Востролябьев говорит. Ждем. Вас ждем. На елочку ждем. Дети покоя не дают. Давай и давай им! Слышать не хотят. Давай им дядю-писателя. Нет, нет! Именно вас. Читаем и почитаем... Слышать не хотят никого другого. Чувствуют свою специфику... Так, значит, я завтра за вами пришлю. Не беспокойтесь, ровно в четыре часа. Минута в минуту. Без задержки. Как на пожар. Да, забыл!.. Если отличия имеются, орден там, то прошу прихватить на себе... Для отчетности потребуется, да и детям нагляднее.

Пришлось поехать. Правда, машина из клуба «Красные факелы», спешившая, как на пожар, опоздала на два часа, и я уже медленно догорал, когда наконец явились посланцы Востролябьева—двое довольно развязных юношей из детской дружины песни и пляски.

— Дядя! Вы заслуженный деятель или народный артист? — спросила меня маленькая школьница, как только я вошел в клуб.

— Ну, как? Довезли вас в целости мои пеногоны? — приветствовал меня Востролябьев.— Ребята! — закричал он, вводя меня в зал, где стояла елка.— Ребята, давайте поприветствуем!.. К нам приехал ваш любимый, вам всем известный орденосец... поэт... Что? Виноват!.. Да, да, именно писатель... Э... э... Лев, э... э... Квитко... Что? Виноват...

Кое-как мы разобрались, кто я.

— Ну, конечно, Квитко же у нас по графику завтра,— нимало не смущаясь, объяснил Востролябьев,— мы в

таком масштабе елочную кампанию развернули, что всех не упомнишь, кто перебивал, а кто еще недоперебивал... Двоих Героев Советского Союза уже привозил, одного народного артиста СССР, трех народных РСФСР, четырех заслуженных... Вчера академика одного, заслуженного деятеля науки, вывез для младших классов! Уломал кое-как... Пошел навстречу, стариченция... Но, знаете, не на высоте задачи оказался. Дети, между нами, очень разочарованы. Как-то не учел он нашей специфики... Мы его просили немножко про эти самые, ну, что ли, атомы, научно потрепаться под елкой. Рассердился, представьте себе! Отряхнул конфетти и уехал. Да, достается мне из-за моей любви к детям... Зато сам товарищ Птоломач в приказе отметил. Да еще бы! Вот у текстильщиков рядом клуб — «Красная основа», — так там на елках только один стахановец был да два заслуженных артиста, а Героя ни одного! Сильно недовыполнили до нас.

Ребята смотрели на меня снисходительно. Вокруг елки бродил умаявшийся Дед Мороз в медной ахиллесовой каске, надетой ради пожарной специфики. Дед был похож на пожилого будочника времен Достоевского. Дети, взявшись за руки, ходили вокруг елки и старательно пели под баян: «Он готов потушить все пожары, но не хочет тушить только мой». Я пробормотал было, что песенка, мол, не совсем как будто по возрасту.

— Хо! — воскликнул Востролябьев. — Это уклон в специфичку, вы не знаете моих пеногонов! Огонь, вода и медные каски! А кто им все это создал, спросите их! Все он же, я! Дядя Вадя!

Потом мы снимались вместе с дружиной песни и пляски, Востролябьев собрал ребят и зычно возвестил:

— А ну, пеногоны! Слушай дядю Вадю!.. Кто хочет сняться с живым писателем?

И хотя от суетливой болтовни, от наседания и хвастовства Востролябьева я чувствовал себя уже полуживым, однако снимались мы долго и обстоятельно. Востролябьев, вспотевший от зудащего усердия, сам рассаживал нас, придавал нужные позы, заказывал выражение лица, улыбки, настраивал, вытаскивал на передний план ребят понаряднее, девочек посмазливее.

— Снимаемся, снимаемся! — кричал он. — Годовой фототчет. Только без инсценировки. Пусть, как в жизни. Смотрите на товарища, как будто он вам читает свои произведения! Больше благодарности, больше внимания в глазах. Горите душой!

Как только нас общелкали со всех сторон, Востролябьев сразу заметно остыл ко мне. Я почувствовал, что моя миссия закончена.

— Торопитесь, наверное? — спросил он меня. — Только, извините, машины нет. Ушла как раз... За Жаровым поехали. И, представьте себе, недозапомнил: не то за поэтом, не то за артистом. Помню только, что за орденоносцем... Ну, да разберемся, как приедет. Будьте здоровы! Спасибо, что побывали. А ну, пеногоны, давайте похлопаем на прощанье...

Пеногоны безучастно захлопали мне вслед, провожая меня вялыми глазами, которые уже видели огонь, воду, медные каски, двух Героев, трех народных, четырех заслуженных...

— Устали, ребятки? — посочувствовал я.

— Ничего, потерпим, — сказал один из пеногонов. — Скоро каникулы кончатся. Тогда уж передохнем...

№ 2, 1940 г.

Константин СИМОНОВ

БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ

Мы врагов своих согнули
В эту ночь в бараний рог.
Чтоб они не улизнули,
Стерегли их все, кто мог.
У заставы, окруженной,
Стали в караул ночной
Даже повар батальонный,
Парикмахер и портной.
И сказал один: «Отлично.
Я меню переменю,
Поварам всегда привычно
Быть поблизости к огню.
На земле богатой нашей
Я голодных не люблю.
Так и быть, свинцовой кашей
Всех прищельцев накормлю!»
И сказал другой: «Ну что же,
Что тут даром говорить:
Парикмахер — он ведь тоже

ФЮРЕР, НАКОНЕЦ, СДЕРЖАЛ СЛОВО
(Краткая история полка «Великая Германия»)

Рис. Бор. Ефимова

Все вы получите земельное пространство на Востоке!

... И получили.

№ 18, 1941 г.

Рисунок Б. ЕФИМОВА.

В ПРИФРОНТОВОЙ ПОЛОСЕ

- По справочнику эта местность полна лесов.
- А на самом деле?
- Леса полны партизан.

№ 17, 1941 г.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

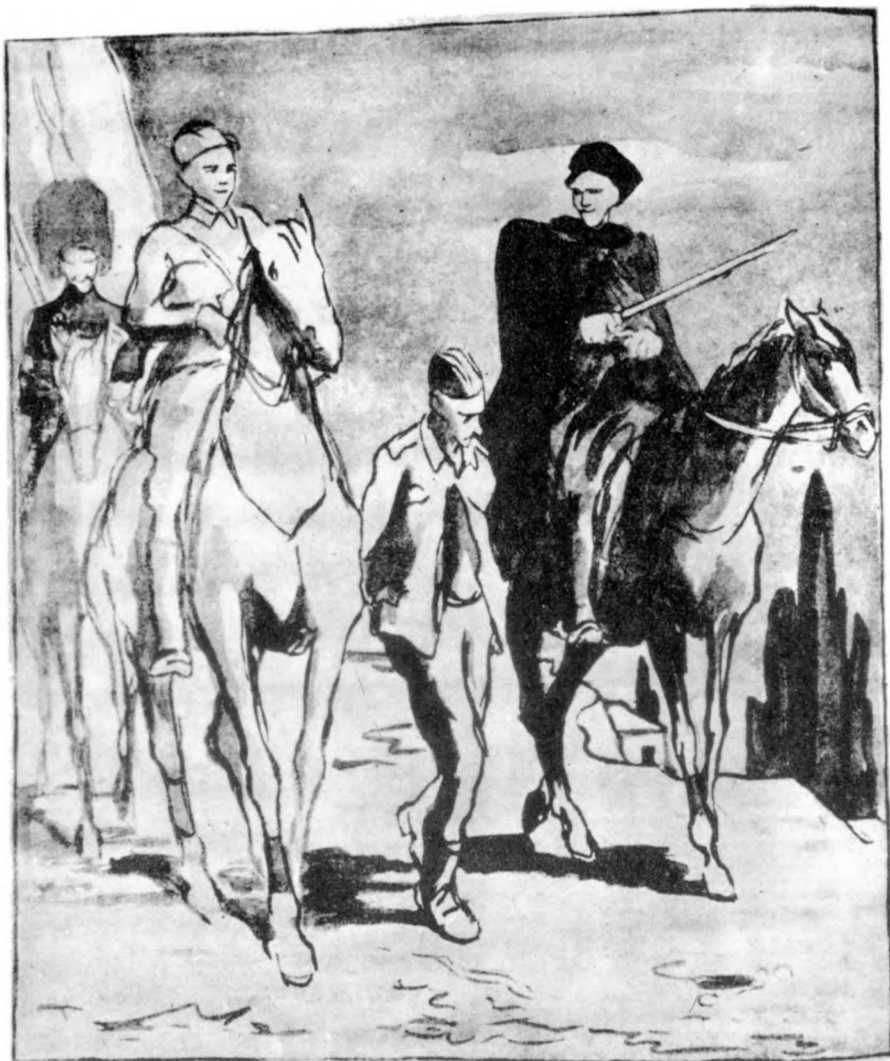
ПЕРЕД РАЗЛУКОЙ

Дед Мороз: — Оклеветал старика напрасно! Отдельные ноги, руки или, к примеру, носы, не спорю, портил. А вот целые дивизии, танки, самолеты — это уж не я: это Красная Армия.

№ 8, 1942 г.

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

ОБЩИЙ ЯЗЫК.
№ 36, 1942 г.

Рисунок Л. БРОДАТЫ.

К Р О К О Д И Л

ОЧЕРЕДНОЙ НАЖИМ.
№ 38, 1942 г.

Рисунок Ю. ГАНФА.

К Р О К О Д И Л

Есть на Волге утес!

Рис. Кукрыниксы

ЕСТЬ НА ВОЛГЕ УТЕС!

№ 39, 1942 г.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

ТЫ МОРЯК, МИШКА

1

Песчаные лиманы, цветущие каштаны,
Качается шаланда на рейде голубом...
В красавице Одессе мальчишка голоштаный
С ребячьих лет считался заправским моряком.
И если горькая обида
Мальчишку станет донимать,
Мальчишка не покажет вида,
А коль покажет,—скажет ему мать:
— Ты одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда,
Ты моряк, Мишка,—моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда.

2

Изрытые лиманы, горящие каштаны,
Красавица Одесса под навесным огнем,
С горячим пулеметом на вахте неустанно
Молоденький парнишка в бушлатике морском.
И эта ночь, как день вчерашний,
Несется в свисте и пальбе.
Парнишке не бывает страшно,
А станет страшно, скажет сам себе:
— Ты одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда,
Ты моряк, Мишка,—моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда.

3

Померкшие лиманы, опавшие каштаны
И тихий, скорбный шепот приспущенных знамен.
В печальной тишине, без труб, без барабана
Одессу оставляет последний батальон.
Хотелось лечь. Прикрыть бы телом
Родные камни мостовой!
Впервые плакать захотел он,
Но комиссар обнял его рукой:

— Ты одессит, Мишка, а это значит,
Что ни страшны тебе ни горе, ни беда.
Ты моряк, Мишка,—моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда.

4

Песчаные лиманы, цветущие каштаны,
Победоносный рокот развернутых знамен.
С морскою песней входит походкою чеканной
В красавицу Одессу усталый батальон.

И, уронив на камни розы—
Знак возвращенья своего,
Сдержать не может Мишка слезы,
Но тут никто не скажет ничего.
Хоть одессит Мишка, а это значит,
Что не страшны ему ни горе, ни беда,
Хоть моряк Мишка,—моряк не плачет,
На этот раз поплакать, право, не беда.

№ 30, 1941 г.

Н. АСЕЕВ

ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА В ЧАСТУШКАХ

Гитлер спорит с Риббентропом
Каждый день, часов с шести:
Как порядок по Европам
Легче новый навести.
Гитлер хочет все дубы
Порубить и—на гробы;
Предлагает Риббентроп
Заказать всеобщий гроб:

«Это будет очень грубо—
Сделать все гробы из дуба.
Предлагаю: общий тип
С окантовкою из лип!»

«Для подобной мебелицы
Не подходит это:

Пригласи-ка Геббельса,
Спроси-ка совета!»

Гитлер Геббельса спросил,
Что он рот перекошил.
У красавца слезы градом:
Подавился Сталинградом.

Сообщает Триполи:
«Здесь снега повыпали». —
А земля у Калача
Задымилась, горяча.

Всюду в мире беспорядки.
Вся материя из дыр — ставят новые заплатки
На коричневый мундир.

Как ты, Гитлер, ни тянись
И на Дон и на Тунис,
Не гляди воякою:
Станешь раскорякою.

Есть запрос от Роммеля:
«Нету войска кроме ли?
Наши шансы в Ливии
Ваших не счастливее:

У пехоты нет охоты
Под огонь такой идти,
Нас повсюду самолеты
Настигают на пути!»

Гитлер Геббельса спросил:
«Вновь ты рот перекошил?»
Геббельс Гитлеру в ответ:
«Хочешь — любишь,
хочешь — нет!»

Так сидят они втроем,
Собираясь с мыслями,
Мы их нынче застаем
С рожжами прокислыми!

№ 45, 1942 г.

...И НОВЫЕ АНЕКДОТЫ

ТРИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Один немец назвал Геббельса свиньей. Немца обвинили в трех преступлениях:

1. Нарушении порядка.
2. Оскорблении человека, стоящего у власти.
3. Разглашении государственной тайны.

(«Нью стейтсмен», Лондон)

СОКРОВЕННОЕ ЖЕЛАНИЕ

Один мюнхенский коллекционер редких фотоснимков сказал своему приятелю:

— В моей коллекции не хватает одной карточки, за которую я отдал бы полжизни.

— А именно?

— Это фотоснимок, на котором изображена была бы вдова Муссолини, стоящая у гроба Гитлера.

1943—1947

ПРОЕКТ правил аккуратной сдачи в плен немецких генералов

Документ, который мы ниже печатаем, обнаружен в бумагах разгромленного немецкого штаба на энском фронте. Документ представляет незаконченную рукопись. Автор, как удалось установить, является штабной писарь Эрих Габенихтс, бывший доцент систематики племенных производителей в Берлинской академии ветеринарных наук и высшего расоведения, член гитлеровской партии с 1931 года.

Рукопись, оставшаяся незаконченной, озаглавлена «Правила аккуратной сдачи в плен немецких генералов». Проекту предшествует краткая объяснительная записка.

ОПЫТ ВВЕДЕНИЯ К ПРАВИЛАМ АККУРАТНОЙ СДАЧИ В ПЛЕН НЕМЕЦКИХ ГЕНЕРАЛОВ

События последнего времени обнаружили существенный пробел в германской военной науке, а равно в уставах германской армии. Массовая сдача в плен немецких генералов застала нас в совершенно неподготовленном состоянии. Ибо до войны с Красной Армией случаев массовой сдачи немецких генералов не наблюдалось, и таким образом не было надлежащего опыта в этой, как оказалось, чрезвычайно важной отрасли немецкого военного искусства.

Обратившись к военной истории германского народа, а также к классическим трудам Клаузевица, Мольтке, Шлиффена и других авторитетов германского военного дела, мы не нашли руководящих указаний. Надо признать,

что оптовая сдача немецких генералов в плен — это то новое, что Красная Армия внесла в германскую военную науку.

Желая заполнить пробел в германской военной науке, я предлагаю к руководству нижеследующие правила аккуратной сдачи в плен немецких генералов, основанные на изучении опыта боев в Сталинграде.

ПРАВИЛА АККУРАТНОЙ СДАЧИ В ПЛЕН НЕМЕЦКИХ ГЕНЕРАЛОВ

КОГДА СДАВАТЬСЯ В ПЛЕН?

Вопрос о выборе подходящего срока для сдачи в плен имеет важнейшее значение. Немецкий генерал, сдавшийся в плен преждевременно, рискует попасть в изменники: сдающийся слишком поздно — рискует попасть в покойники и быть зачисленным в гитлеровские герои.

Легче всего определить подходящий момент для сдачи, когда командир Красной Армии предлагает капитуляцию. Немецкому генералу надлежит, гордо отвергнув капитуляцию, начать немедленно подготовку к сдаче в плен.

Надо памятовать лишь одно: лучше поздно сдаться в плен Красной Армии, чем никогда.

ПОДГОТОВКА К СДАЧЕ В ПЛЕН

Подготовку к сдаче в плен немецкий генерал должен производить обдуманно, тщательно, аккуратно. Надлежит:

а) заблаговременно отправить в Германию все так называемые «организованные» в России вещи, как-то: драгоценности, мебель, белье, одежду и прочее;

б) уничтожить все следы совершенных в Советской стране фашистских подвигов, как-то: снимки виселиц с повешенными на них мирными жителями, снимки с сожженных заживо пленных, изображения и перечень изнасилованных женщин и прочее;

в) создать правдоподобную обстановку самоубийства, как-то: положить на стол револьверы и банки с ядом; изготовление петли на углу не рекомендуется.

Можно оставить на столе недописанное письмо на родину со словами: «Приближается последний час. Я умру, Грета, с именем обожаемого фюрера на устах. Про...» В этом месте при желании можно поставить кляксу, дабы создать впечатление, что пишущий был неожиданно схвачен за руку.

СДАЧА В ПЛЕН

Строго запрещается при сдаче в плен выражать бурную радость и благодарить тех красноармейцев, которые взяли в плен данного немецкого генерала. Немецкий генерал обязан помнить, что радость, допустимая при сдаче в плен рядового немецкого солдата или даже среднего офицерского состава, несовместима с высоким званием генерала германской армии.

С другой стороны, не рекомендуется проявлять крайнее выражение горя и скорби, восклицая, например: «Держите меня, я застрелюсь!» Надо иметь в виду, что русским варварам недоступны высокие чувства немецких генералов и в ответ на чувствительную скорбь они могут сказать насмешливо: «Ха-ха-ха, мы вам сочувствуем».

Посему немецким генералам при сдаче в плен надлежит соблюдать сдержанность, выражая на лице лишь строгую печаль и приличествующую обстоятельствам задумчивость.

Но если бы кто, вознамерившись выразить состояние своего позора и унижения, пожелал разодрать на себе мундир и посыпать главу пеплом, рекомендуется производить означенный разрыв только по шву, дабы затем, находясь в плену, немецкий генерал мог снова придать себе аккуратный вид в соответствии со своим званием.

Что касается посыпания главы пеплом, то, не говоря уж об устарелости этого способа выражать горе, он чрезвычайно неудобен вследствие распространенной в германской армии вшивости.

СЛЕДОВАНИЕ В ПЛЕН

Аккуратность и неукоснительное соблюдение правил уличного движения, а равно правил посадки в трамвай должны соблюдаться немецкими генералами и при массовой сдаче в плен. Воспрещается толпиться, толкать друг друга и пробиваться с криками: «Берите меня! Я первый сдался!» Немецким генералам надлежит выстроиться в очередь и терпеливо ожидать своего часа. Сдачу в плен лучше всего производить по чинам, пропуская впереди генерал-фельдмаршалов, а равно рыцарей дубового листа.

ПРЕБЫВАНИЕ В ПЛЕНУ

Находясь в плену, немецкий генерал обязан помнить, что аккуратность есть первый и святой долг немца. Потеряв

честь, немецкий генерал должен держать в чистоте зубы и ногти. Посему, какова бы ни была боевая обстановка к моменту сдачи, немецкий генерал ни на минуту не должен расставаться с зубной щеткой и с принадлежностями для маникюра.

Точно так же немецкий генерал, находясь в плену, не должен расставаться с носовым платком на тот случай, ежели при встрече с немецким нижним чином он получит плевков в лицо. Аккуратно развернув носовой платок, он...

На этом заканчивается рукопись.

Перевел с немецкого языка
Д. ЗАСЛАВСКИЙ.

№ 7, 1943 г.

Мих. ЗОЩЕНКО

РОГУЛЬКА

Утром над нашим катером стали кружиться самолеты противника.

Первые шесть бомб упали в воду. Седьмая бомба задела корму, и наш катер загорелся.

И тогда все пассажиры стали кидаться в воду.

Не помню, на что я рассчитывал, когда бросался за борт, не умея плавать. Но я тоже бросился в воду и сразу погрузился на дно.

Я не знаю, какие там у вас бывают физические законы, но только при полном неумении плавать я выплыл наружу.

Выплыл наружу и сразу же ухватился рукой за какую-то рогульку, которая торчала из-под воды.

Держусь за эту рогульку и уже не выпускаю ее из рук. Благословляю небо, что остался в живых и что в море понатыканы такие рогульки для указания мели и так далее.

Вдруг вижу: кто-то еще подплывает ко мне.

Виджу, какой-то штатский вроде меня — в песочном пиджаке и в длинных брюках.

Я показал ему на рогульку, и он тоже ухватился за нее.

И вот мы держимся за эту рогульку. И молчим. Потому что говорить не о чем.

Впрочем, я его спросил, где он служит, но он ничего не ответил. Но только выплюнул воду изо рта и пожал плечами. И тогда я понял всю нетактичность моего вопроса.

И вот держимся мы за эту рогульку и молчим. Час молчим. Три часа ничего не говорим. Наконец мой собеседник произносит:

— Кажется, идет спасательный катер.

Действительно: видим, идет катер и подбирает людей, которые держатся на воде.

Стали мы с моим собеседником кричать, махать руками, чтоб с катера нас заметили. Но нас почему-то не замечают, не подплывают к нам.

Тогда я скинул пиджак и рубашку и стал махать этой рубашкой: дескать, вот мы тут, сюда подъезжайте.

Но катер не подъезжает.

Из последних сил я машу рукой: дескать, погибаем, войдите в положение, спасите наши души.

Наконец с катера кто-то высовывается и кричит в рупор:

— Эй, вы, трам-тарарам, вы, что, обалдели, держитесь — за мину!

Мой собеседник, как услышал эти слова, так сразу шарханул в сторону. И, гляжу, поплыл к катеру.

Инстинктивно я тоже выпустил из рук рогульку, но как только выпустил, так сразу с головой погрузился в воду.

Тогда я снова ухватился за рогульку и уже не выпускаю ее из рук.

С катера в рупор кричат:

— Эй, ты, трам-тарарам, не трогай, трам-тарарам, мину!

— Братцы, — кричу, — без мины я как без рук. Потону же сразу! Войдите в положение! Плывите сюда, будьте столь любезны!

В рупор кричат:

— Не можем подплыть, дура-голова: подорвемся на mine! Плыви, трам-тарарам, сюда! Или мы уйдем сию минуту!

Думаю: хорошенькое дело — плыть при полном неуменье плавать.

Кричу:

— Братцы! Моряки! Придумайте что-нибудь для спасения человеческой жизни!

И сам держусь за рогульку так, что даже при желании меня не оторвать.

Тут кто-то из команды кидает мне канат. При этом в рупор и без рупора кричат:

— Не вертись, чтоб ты сдох: взорвется мина!

Думаю: сами нервируют криками; лучше бы я не знал, что это мина, я бы вел себя ровней. А тут, конечно,

дергаюсь: боюсь. И мины боюсь и без мины еще того больше боюсь.

Ухватился я за канат. Осторожно обвязал себя за пояс. Кричу:

— Тяните, ну вас к черту!

Вытащили меня на поверхность. Ругают сил нет. Уже без рупора кричат:

— Чтоб ты сдох! Хватаешься за мину во время войны!

Конечно, молчу. Ничего не отвечаю. Поскольку, что можно ответить людям, которые меня спасли. Тем более сам чувствую свою недоразвитость в вопросах войны, непонимание техники.

Втащили они меня на борт. Лежу. Обступили.

Вижу, и собеседник мой тут. И тоже меня ругает, стыдит: зачем, дескать, я указал ему схватиться за мину.

Собеседнику я тоже ничего не ответил, поскольку у меня испортилось настроение, когда я вдруг обнаружил, что нет со мной рубашки, которой я махал. Пиджак тут, при мне. А рубашки нету.

Хотел попросить капитана сделать круг на ихнем катере, чтоб осмотреться, где моя рубашка, нет ли ее на воде. Но, увидев суровое лицо капитана, не решился его об этом спросить.

Должно быть, эту рубашку я оставил на mine. Если это так, то, конечно, пропала рубашка.

После спасения я дал себе торжественное обещание — изучить военное дело.

№ 16, 1943 г.

НЕКРОЛОГ

ПРЕСТУПНЫЙ мир понес невознаградимую утрату. Мировую шпану постигло тяжкое горе. От нас ушел величайший жулик двадцатого века, негодяй, душегуб и предатель, основоположник итальянского фашизма, верный ученик и последователь Иуды Искаротского, друг и соратник Адольфа Гитлера, мастер провокаций и прогрессивный паралитик Бенито Муссолини.

За 21 год своего владычества в Италии Беня покрыл себя неувядаемой славой. Вся многовековая история мировых неудачников бледнеет перед камуфлетами и крахами, постигшими Беню на сравнительно небольшом отрезке времени. Задумав возродить великую Римскую империю,

Беня стал энергично прививать себе манеры древнего римлянина: подымал для приветствия руку, брился мечом, время от времени произносил речи с балкона венецианского дворца в Риме.

Однако, не обладая особым политическим тактом и твердыми познаниями по географии и истории, пылкий Бенито впал в роковую ошибку. Черты древнего римлянина привить-то он себе привил, но впопыхах эти черты оказались чертами римлянина времени упадка. С этой роковой минуты все и покатилось.

Пользуясь общим замешательством, Беня нахватал себе колоний: Абиссинию, Триполитанию, Ливию, Албанию. Он уже подумывал о Египте, Тунисе и Алжире. Но тут вступили в свои права черты упадка. В Абиссинии Беня жестоко засыпался, и его крепко поколотили. Поколотили Беню также и в Египте, Ливии, Триполитании, Тунисе, Алжире. И очень крепко попало ему в России, куда его берсальеры по милости Адольфа Гитлера попали и пропали...

Покойник обладал нежным, лирическим характером; во время своего пребывания у власти он нахапал у итальянского народа не один десяток миллионов лир, что и дало повод благодарным итальянцам сложить в честь дуче прелестную канцонетту, которая начиналась так:

*«Мы стараньями Бенитки
Все ограблены до нитки».*

Для поправки пошатнувшихся делишек Беня поступил в услужение к Адольфу Гитлеру. Но служба у Адьки не дала Бене никакого удовлетворения. Работать приходилось на своих харчах, и зачастую бедный Бенчик принужден был подставлять свою морду под удары, предназначенные его хозяину. Так, например, под Сталинградом Беня потерял все легионы своих древнеримских макаронщиков, после чего, обращаясь к Адьке и не будучи слишком силен в истории, воскликнул:

— Вар, Вар, отдай мне мои легионы!

На что нервный Адя отвечал:

— Плевал я на твои легионы. У меня и своих лупят и в хвост и в гриву...

Кончилось все это тем, что Беня вынужден был уйти в мир иной. Как говорится, собаке — собачья смерть.

ДРУЗЬЯ ПО НЕСЧАСТЬЮ.

*Перевел с итальянского
Валентин КАТАЕВ.*

ПОПУЛЯРНАЯ РУССКАЯ ПЕСНЯ

— Потеряла я колечко... (а в колечке 22 дивизии).

№ 5, 1943 г.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

К Р О К О Д И Л

№ 8 МОСКВА 1944

ИЗДАНИЕ ТАБЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ ХХИ

ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

БЕЗ ПРОМАХА.

№ 8, 1944 г.

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

— Хорошие дни стоят, Дмитрий Николаич!

— Чудесные, Петр Максимыч! Что и говорить: золотая осень.

— И август хорош. И сентябрь не подкачал.

— «Уж небо осенью дышало, короче становился день...» Замечательно!

— Что замечательно: стихи или осень?

— И то и другое. И неувядаемый стих Пушкина и желтеющий лист березы.

— С подлинным верно, Дмитрий Николаич. А лето какое!

— Что и говорить! Разве можно сравнить июль этого года с прошлогодним?

— Да, погода совсем изменилась.

— Воздух совсем другой, Петр Максимыч. Синевы небесной прибавилось. Мценск, Орел. Все тургеневские места. Ну, конечно, и Белгород.

— И в Белгороде жил Тургенев?

— Нет. Но тем не менее — важный стратегический пункт.

— Да, июли уже не те, и августы не те. Отделка другая, качество более высокое.

— Что и говорить! В особенности же, Петр Максимыч, хорошо в августе в районе Харькова.

— Где именно?

— Везде. И в самом городе. И восточней Харькова и западней, поближе к Ахтырке. И южнее — в районе Змиева и Чугуева.

— Там сейчас подсолнухи зреют.

— Там сейчас, Петр Максимыч, судя по оперативной сводке, много кое-чего зреет. А еще скажу я вам: очень приятный осенний пейзаж поближе к Полтаве.

— Что и говорить! Он в этом году выше всяких похвал.

— Кто?

— Я имею в виду месяц сентябрь. Интересный месяц.

— Сейчас весьма заманчиво в Брянских лесах: падают листья, хрустят фрицы, форсируются реки. А какая красота на юге, на берегу Азовского моря.

— Богатейший край!

— Чехов писал о тех местах: «Почва такая хорошая, что если посадить в землю оглоблю, то через год вырастет

тарантас». Сейчас он мог бы прибавить: «А если бросить в немецкий блиндаж гранату, то через день-другой вырастает крест на могиле фрица».

— Что и говорить! Благодатная почва.

— Таганрог—это родина Чехова. Большой писатель! Очень люблю я, Петр Максимыч, короткий и ясный слог. Вот послушайте. Небольшой отрывок о Таганроге: «Ломая упорное сопротивление противника, советские кавалерийские и механизированные соединения прорвались в тыл немецких войск». Читаешь—и нельзя оторваться.

— Дмитрий Николаич, это же не Чехов писал. Это из сводки.

— Но ведь здорово написано. А? Антон Павлович одобрил бы. Он любил такой стиль. Он говорил: «Если на сцене висит ружье, оно обязательно должно выстрелить». А под Таганрогом, уверяю вас, ни одно ружье не гуляло—все стреляли. Немцев только убитыми—свыше тридцати пяти тысяч.

— Да, чудесные дни стоят.

— И вечера неплохие, Петр Максимыч. И в Донбассе, и в Конотопе, и в Бахмаче, и...

— И где еще?

— Об этом будет сказано сегодня в сводке.

— И завтра будет сказано и послезавтра.

— А в Москве—что за вечера! Я уже не говорю о звездах. Одних ракет сколько в небе!

— Золотая осень!

№33, 1943 г.

ВЛАД. ИВАНОВ

НЕ ДОГАДАЛСЯ

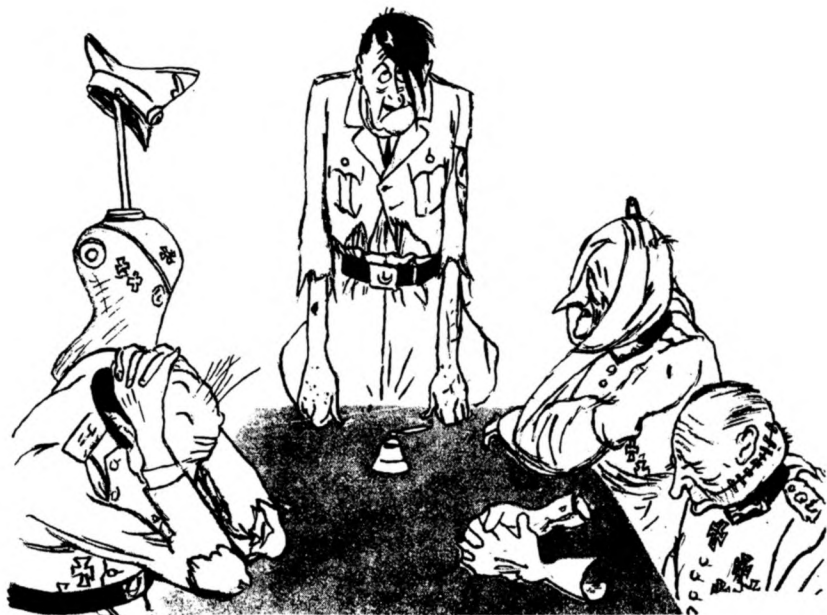
Однажды тощий фриц с блокнотом
Пыхтел над списком битый час...
Горячим обливаясь потом,
Он думал: «Все ли я припас?»
В его норе для обороны
Запасы будто б немалы:
Есть и гранаты, и патроны,
И запасные есть стволы;

Консервы тоже есть — две банки,—
Вода имеется в жестянке.
К зиме пополнен гардероб:
Добыл жакетку и салоп..
Подсчет запасов был бы долог,
Но тут пробил бандиту лоб
Снаряда русского осколок.
На чем же немец просчитался,
Когда писал он список свой?
Да запасною головой
Обзавестись не догадался.

Действующая армия.

№ 33, 1943 г.

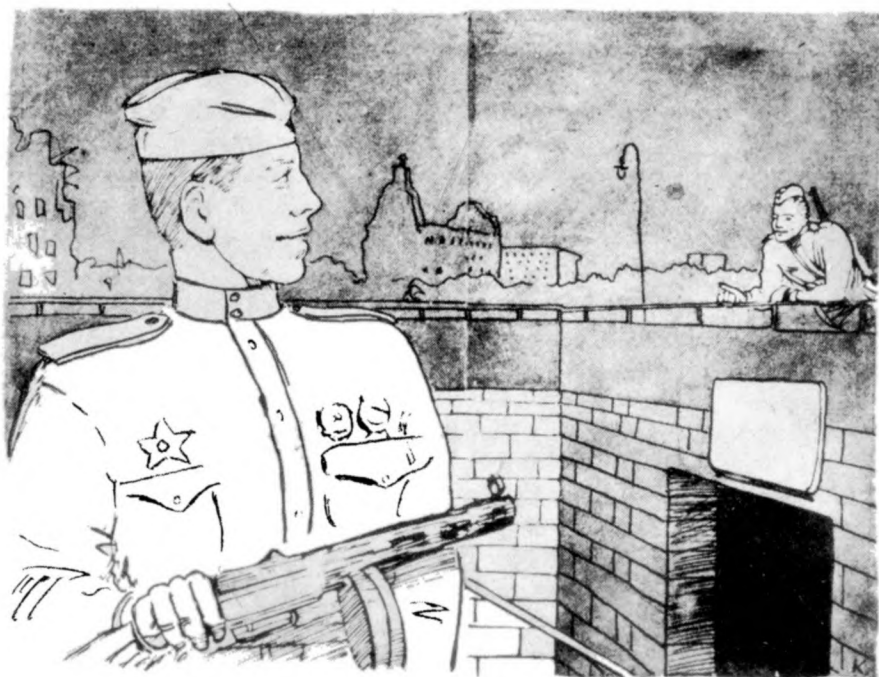
ТОЧНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

— Итак, господа, прошло битых три года.

№№ 21—22, 1944 г.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

— За что у тебя ордена, земляк?

— За метро. Один — за московское, другой — за берлинское.

№ 18, 1945 г.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

УЛИЦЫ-ДОРОГИ

Песня

С боем взяли мы Орел,
Город весь прошли,
Улицы последней
Название прочли.

Брянская улица на Запад ведет.
Значит, в Брянск дорога,
Значит, в Брянск дорога,
Вперед!
С боем входим в город Брянск,
Город весь прошли,
Улицы последней
Название прочли.
Гомельская улица на Запад ведет.
В Гомель нам дорога,
В Гомель нам дорога,
Вперед!

Гомель нами с боем взят.
Город весь прошли,
Улицы последней
Название прочли.
Минская улица на Запад ведет.
Значит, в Минск дорога,
Значит, в Минск дорога,
Вперед!

№ 7, 1944 г.

В. КАРБОВСКАЯ

ДВОЙНИКИ

Когда Геринг пропихнул свое грузное тело в полуоткрытую дверь кабинета, он увидел обычную за последнее время картинку: Гитлер сидел в кресле и нервно шевелил пальцами... Другой стоял у камина и тоже шевелил. И у того и у другого было по темному шерстяному пучку под носом, и клочок волос одинаково свисал на лоб.

При появлении Геринга тот Гитлер, что стоял у камина, быстро вышел из комнаты. Другой остался сидеть в кресле.

— Ух, черт их побери, этих двойников! — отдуваясь, произнес Геринг, вертя красной шеей в тугом воротнике. — Я себе тоже завел одного на всякий случай. Но этого болвана надо же сперва раскормить! А у него склонность жиреть с морды и с зада и никаких отложений в области

живота. Пока привязываем подушку. Ваш идиот по крайней мере вам стоит дешевле.

— Мой идиот, как вы изволили выразиться, когда-нибудь будет стоять мне жизни...

Геринг пристально взглянул в глаза собеседнику.

Где-то в самой их глубине он уловил крупницу здравого смысла. Совершенно ясно, это был не он! То есть он, но не тот! Короче говоря, это был не Гитлер!

Но тут вошел в комнату тот Гитлер, что уходил, и сел в кресло, а тот Гитлер, что сидел в кресле, встал и вышел из комнаты.

Герингу стало еще жарче:

— Кажется, уж мне-то вы могли бы доверять!

— Безусловно,— сказал Гитлер, сидящий в кресле.

— А вот ему как раз особенно доверяться не следует.— Геринг кивнул на дверь.

— Безусловно,— повторил Гитлер.

— Потому что, знаете, какой номер проделал мой двойничок, черт бы его побрал! Как-то утром я заезжаю к Лизхен. Швейцар, бледный, как покойник, мямлит: «Осмелюсь доложить, там есть уже один господин Геринг!» Кидаюсь, как тигр... Лизхен падает в обморок, а эта скотина продает жирные лапы в помочи и говорит нахально: «Я,— говорит,— для пользы дела должен понимать вас со всех сторон. Такая,— говорит,— собачья служба. Может быть, мне самому противно!..»

Доложили о приходе генерала. Гитлер вздрогнул и устоялся на дверь.

«Настоящий,— подумал Геринг.— А может, не настоящий? Двойнику тоже, небось, взрываться не хочется».

Он сказал:

— Этот генерал бомбой действовать не станет. Умеренный тип. В крайнем случае у него револьвер за пазухой.

Неожиданно в комнату вошел тот Гитлер, что уходил, и сел за стол, а тот, что сидел, встал и ушел.

«Кажется, я догадываюсь»,— смутно подумал Геринг и усмехнулся, когда генерал почтительно склонился у стола.

Однако генерал не стрелял и не бомбил. Склонившись, он делал доклад, весьма щекотливый и чрезвычайной важности. Вдруг Гитлер, сидевший у стола, прервал его и понес такую ахиною, что генеральская лысина покрыласс испариной. Геринг сорвался с места и помчался в другую комнату.

На подоконнике сидел Гитлер и ловил мух, как человек, которому надо скоротать время.

— Скандал! — зашептал Геринг. — Там почти что решается судьба, а это чучело несет чушь, бред, неразбериху!

Гитлер поймал муху, покрутил ее между пальцами и сказал:

— Спыхватились. Это чучело, как вы изволили заметить, не первый день несет бред, чушь и так далее...

Весь потный, Геринг понесся назад.

Теперь Гитлер, сидящий за столом, обсуждал стратегические вопросы. Геринг прислушался. Нет, конечно же, это был подлинный. Потому-то стратегические вопросы решались именно так глупо, как всегда.

Когда генерал удалился, Геринг сказал:

— От души советую: поосторожнее с двойником. А то в последний момент он вляпается на ваш самолет — и поминай, как звали!

— В самом деле? — произнес Гитлер. И вопреки здравому смыслу вместо испуга или озабоченности лицо его отразило полное удовольствие. — В самом деле? Это идея!

Геринг рванул тугой ворот и выкатился из комнаты.

«Удружил! Надоумил! Кого, Кого, черт побери?! Если двойника, то он улетит себе в последний момент и оставит фюрера на бобах! А если я надоумил фюрера? И фюрер прикинется своим двойником и оставит на бобах нас?»

Геринг повернул назад, на цыпочках приблизился к двери и заглянул в замочную скважину. Ему представилась обычная за последнее время страшноватая картинка: два Гитлера стояли спиной к двери, лицом к каминному зеркалу. Один из них, непонятно который, приказывал истерическим голосом:

— Головой надо вздергивать так, а не так! Вот так!

А в зеркале два других Гитлера одинаково дергали головами.

«Итого — четыре! Уф! Это даже для меня чересчур! — обливаясь потом, подумал Геринг. — Нет, скорей домой кормить своего двойника! Увеличу ему паек! В последний момент подсуну его, а сам...»

Но мысль о последнем моменте показалась такой страшной и, главное, такой близкой, что он, словно спасаясь, захлопнул за собой дверцу машины и грузно рухнул на подушки.

Сергей ШВЕЦОВ

ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

«До войны,—пишет гитлеровская газета «Мюльгаузер тагеблатт»,—самым удобным для сна считалось горизонтальное положение. Сегодня каждый немец должен спать в любом другом положении».

Спать горизонтальное простое
Теперь фашистам явно не под стать:
Во время драпа им, конечно, стоя
И на бегу куда сподручней спать!

Пусть спят себе они хоть вверх ногами.
Похлопотать им нужно об ином:
Должны мы так разделаться с врагами,
Чтоб все они заснули вечным сном!

№№ 23—24, 1944 г.

Михаил МАТУСОВСКИЙ

ПЕСЕНКА САПОЖНИКА

Когда посмотришь всесторонне,
Пройдя десятки верст и рек,
Сапожник в каждом батальоне
Необходимый человек.

Легки в разведке и в походе,
В большом пути не жмут ~~ноги~~,
По всем фронтам сегодня ~~ходят~~
Моей работы сапоги.

Шагал с бойцами ~~запевала~~,
Брал города, спускался с гор,
Шел по России без привала
И даже ноги не натер.

Шел, не боясь воды и пыли,
Под шум дождя и свист пурги.
Его нигде не подводили
Моей работы сапоги.

На кратковременной стоянке
Их подсушить не позабудь.
Перемотай, боец, портянки,
Надень шинель — и снова в путь.

Все ближе славная година,
Все громче твердые шаги.
Дойдут до самого Берлина
Моей работы сапоги!

№№ 30—31, 1944 г.

Георгий ЛАНДАУ

ОБЩИЙ ЯЗЫК

Молодой летчик Чижов сидел у окна дежурного помещения и учил английский язык. Вскоре должен был прийти мистер Харди, «капэтэн Харди» — англичанин, летчик, который обучал Чижова английскому языку.

Старший сержант Чижов вытер пот и, оторвав глаза от тетрадки, старательно повторил:

— Мальчик — бой, девушка — гирл... Нет, брат, не гирл, а герл... Нет, ты эр проглоти: геул... Девушка — геул... Эх, у мистера Харди это очень ловко выходит: геул... г-геул... — Чижов подавился. — Осечка... Кадык слабоват. Челюсть крепка, а кадык подвел!

Он заглянул в книжку: «а» читай «э», «э» читай «и», «и» читай «ай»...

— Видал? Тут к каждой букве надо особый подход иметь!

— Вы,—говорит,—мистер Чижов, нашего закона не бойтесь. Память у вас блестящая!

— Память,—говорю,—это да, память у нас богатая!

Чижов поднял глаза.

— Пиджак по-ихнему — кот, мертвый по-ихнему — дед, хлеб по-ихнему — бред. Ученик по-ихнему — пьюпил: пью и пил! Опять все слова наши, русские. Я своим говорю: «Ребята, в этих двух языках много общего! Пиджак — кот, стакан — глаз, мертвый — дед. Щека — чик, кирпич — брык!.. Тут только материал разобрать, что к чему, а так уже все готовое». «Это нам подойдет! — говорят. — По-нашему — чик, а по-ихнему — брык. На слух, значит, одно, а только значение разное». «Да,—говорю,—так выходит! Вроде как помесь». «А нет ли,—говорят,—такого словца, чтобы в чистый расчет? Чтоб и по-ихнему так и по-нашему так? Общего слова? А то пока ихних котов с нашими дедами разберешь, то все мозги вывихнешь». «Нет,—говорю,—общего слова нет! Я не знаю».

— Слова-то выучить — что! Произношение — вот штука... Дзэ... тсе! Вернее — фэз, всэ!.. Точнее — зды, всы! Конiec язычка прижать к верхним зубам. Дзы фадзер — отец, дзы мадзер — мать. Дзы! Фсы!.. Поди вот произнеси такую мамашу...

— Хэлоу, мистер Чижов! — раздался гортанный голос мистера Харди. — Хав ар ю? Как мы живем?

— Дзэ фсе!.. Виноват, конец языка к верхним зубам прижать не успел! — крикнул Чижов.

— Олл райт, это еще придет! — ободряюще сказал мистер Харди. — Ну-с? Слова выучили? — Он взял книжку. — Как самолет?

— Плен!

— Корабль?

— Шип!

— Корма?

— Пуп!

— Зуб?

— Туз!

— Ученик?

— Пил-пью!.. Виноват, пью-пил.

— Олл райт! Память у вас блестящая. Только произношение хромает: самолет — плейн!

— Произношение у нас — это да, произношение тяжелое, — согласился Чижов.

— Ничего, это еще придет! — бодро сказал мистер Харди. Он заприметил на столе томик в сафьяновом переплете. — Что это тут у вас?

— Это я у букиниста нашел, — застенчиво ответил Чижов, — вам на память Шакеспеаре! Английский автор.

— Тсэнк-ю! — сказал мистер Харди. — Ага!.. Прочитайте!.. — Он показал по буквам: — «Эсха» — это «ша», а — это «э»! «Э» здесь не произносится; «Эа» — это «и», «э» здесь не произносится. А в общем — Шекспир!

— Шекспир?! — воскликнул Чижов. — Гамлет?! Да я его наизусть знаю! То-то я вижу, портрет знакомый. «Схакеспеаре»!.. Ну смотри, как ловко прикрылся!

— Ничего, это придет, — пообещал капитан Харди. — Правописание у нас, правда, сложное!.. Пишут «Психея», а говорят «Сайки».

— Сайки?!.. А вот что я вас спрошу, мистер Харди., — сказал Чижов и замаялся. — Нет ли у вас вот такого слова, чтоб и по-вашему оно так и по-нашему оно так? Общего слова?

— Общего? — переспросил мистер Харди. — Гм... Нет, я такого не знаю.

— Жалко, — сказал Чижов. — Ребята очень интересуются.

Послышался характерный гул.

— Самолет, — вздрогнул Чижов. — Немец.

— Джермэн плейн, — перевел Харди.

Послышался другой гул, ровнее.

— Ваня Андронов пошел! — показал в окошко Чижов. — Этот у него, «Хейнкель», каким... восьмым будет? Завязался воздушный бой.

— Готов, — деловито сказал Чижов — бит!

— Битэн, — подтвердил мистер Харди. — Битэн.

— Бит он! — повторил машинально Чижов.

Он широко открыл рот и посмотрел на мистера Харди.

— Как вы сказали?

— Битэн! «Бить» по-английски — «бит», а русское «бит», по-английски — «битэн»! — педагогически объяснил мистер Харди.

— Бит он! — крикнул Чижов. — Бит! Я-то его ищу, слово, а оно, можно сказать, рядом лежит! — Он показал на сбитого вдали немца. — По-вашему бит, и по-нашему бит! Общее слово!

— Олл райт! — осклабившись, сказал мистер Хар-

ди.—Бит, ~~битэн~~,—он взял Шекспира.—Тсэнк-ю. У вас большие способности к языку: к общему языку, мистер Чижов...

Он с удовольствием взглянул на орден и две медали, сверкавшие на груди летчика.

— Гуд бай, мистер Чижов!

— Гуд бай, ~~кэптэн~~ Харди!

№№ 42—43, 1944 г.

СЛУЧАЙ С ДЕМОБИЛИЗОВАННЫМ

Привычка — вторая натура.

№ 39, 1945 г.

Рисунок Б. ПРОРОВОА.

ПП-48767

Вереница тягачей с прицепленными к ним орудиями остановилась на заправку в занятом накануне небольшом городке Экен в Померании.

Артиллерия спешила, что явствовало из свежей и точной надписи на теле громадного трофейного бензовоза: «Вперед, в логово зверя!» Бывший немецкий бензовоз аккуратно заливал бывший немецкий бензин в баки русских тягачей.

Связной майора Морозова ефрейтор с вполне подходящей к его веселому нраву фамилией Вася Приставка озорными глазами окидывал расположение освобожденных от пруссаков одноэтажных домов и вдруг крикнул артиллеристам, разминавшим окаменевшие ноги:

— Ребята, глядите! Она! Наша непромокаемая!

Артиллеристы еще не знали, в чем дело, но уже улыбались, зная, что весельчак Приставка даром слова на холодный, пронизывающий ветер, дувший с Балтики, не бросает.

— Вот! — указывал Приставка на окно домика на противоположной стороне улицы.

— Она! — хором крикнули наводчики и заряжающие.

Приставка лихо ударил ладонью по ушанке и, манерно размахивая руками, побежал к окну. За ним гурьбой понеслись артиллеристы.

Над окном они увидели знакомые цифры «48767», крупно выведенные черной краской на желтом фанерном щите. Краска уже достаточно облупилась, и на углах полевой вывески были следы многочисленных гвоздей. На сей раз в углах окрашенного щита торчали четыре кованых гвоздя. Гвозди были вбиты неглубоко, полевая почта твердо знала, что ей в этом померанском городке долго задержаться не придется: впереди лежат более интересные населенные пункты.

— Надо зайти, — подмигнул Приставка своим товарищам. — Нет ли мне письмаца от моей старухи?

Артиллеристы дружно засмеялись. Дело в том, что еще год назад их крупнокалиберная артиллерийская часть была придана как средство усиления другой армии, и ввиду этого они распрощались со своей старой полевой почтой, с

которой они шли рука об руку еще с декабря 1941 года, с момента славного освобождения Тихвина. Откуда же здесь, на этой почте, могло быть письмо Приставке?

И вообще Васе Приставке, кроме его дяди, кассира районного банка, никто писем не писал. Веселый смех друзей еще более подзадорил Васю, и он в сопровождении своих товарищей вошел в домик.

За перегородкой, сооруженной из немецких комодов и прочей малоподвижной для стремительного драпа мебели, Приставка увидел девушку-сержанта. Вася вежливо и с не соответствующим уставу поклоном приложил ладонь к ушанке. Для начала он сказал:

— Нет ли для меня экстренных телеграмм или писем? Что-то мне моя милая давненько не пишет. Вы не знаете, почему?

— Фамилия? — строго спросила девушка-сержант.

— В таком случае — Приставка, — ответил Вася, игриво озираясь на своих коллег. — Если более точно требуется, то Василий Андронович.

Дальше случилось то, чего никто из артиллеристов не ожидал.

— Ефрейтор Маша, — громко сказала сержант, — посмотри в большом ящике. Поищи там Приставку, его, кажется, недавно в архив сдали.

— Ой, Вася, дожил! В архив сдали, — огорчился Приставка.

Грянул залп смеха и шуток. Но в эту минуту из соседней комнаты вышла ефрейтор Маша и протянула Приставке сероватый конверт, на котором рядом со многими штемпелями было ясно обозначено: «ПП -48767. Василию Андроновичу Приставке». А ниже: «Плужанское отделение Госбанка».

Артиллеристы, взглянувшие на конверт через Васино плечо, деловито заметили:

— Не иначе, как банк с тебя задолженность по сельхозкредиту требует.

Приставка молча распечатал конверт и не без тревоги пробежал короткое письмо. Тут же к нему вернулось его задорное настроение.

— Вот друзья! — крикнул Приставка и бросился с письмом на улицу.

Он бежал к своему «виллису», а за ним неотступно следовали артиллеристы. Усевшись в машине, Приставка собрал побольше народу и стал читать. Он знал, что письмо будет иметь успех.

— «Дорогой наш воин Красной Армии,—читал Приставка,—наш коллектив служащих Госбанка поздравляет вас и ваших боевых товарищей с доблестной 26-й годовщиной Красной Армии...»

— Что они там, очумели?! — крикнул кто-то из аудитории.— Через шесть дней наступает 27-я годовщина, а они — 26-я.

— Тихо,—начальственно приказал Вася,—слушайте дальше: «...и также поздравляем вас, дорогой товарищ Приставка, с освобождением Новгорода, древнего русского города и важного хозяйственно-политического центра...»

— Вспомнили! — опять заметил один из нетерпеливых слушателей.— Мы после Новгорода два раза моторы меняли, всю Прибалтику и Польшу освободили, до Берлина подходим, а они Новгород... Вот друзья!

— Наверное, в этом банке плохо учет поставлен,— заметил весь промасленный и черный от копоти водитель тягача.

А Приставка все читал письмо и приберегал эффект.

— «Желаем вам, товарищи артиллеристы,—читал Вася,—довести ваши пушки до Берлина и дать по нему возможное количество салютов из всевозможных орудий, чтобы проклятые немцы вспомнили Ленинград и другие советские города. С комсомольским приветом от имени коллектива председатель месткома Мария Самарина».

Приставка сделал паузу и громко и значительно произнес:

— «Плужанск. 9 февраля 1944 года».

— Вот полевая почта работает! Целый год письмо мариновала,—не унимался водитель тягача.

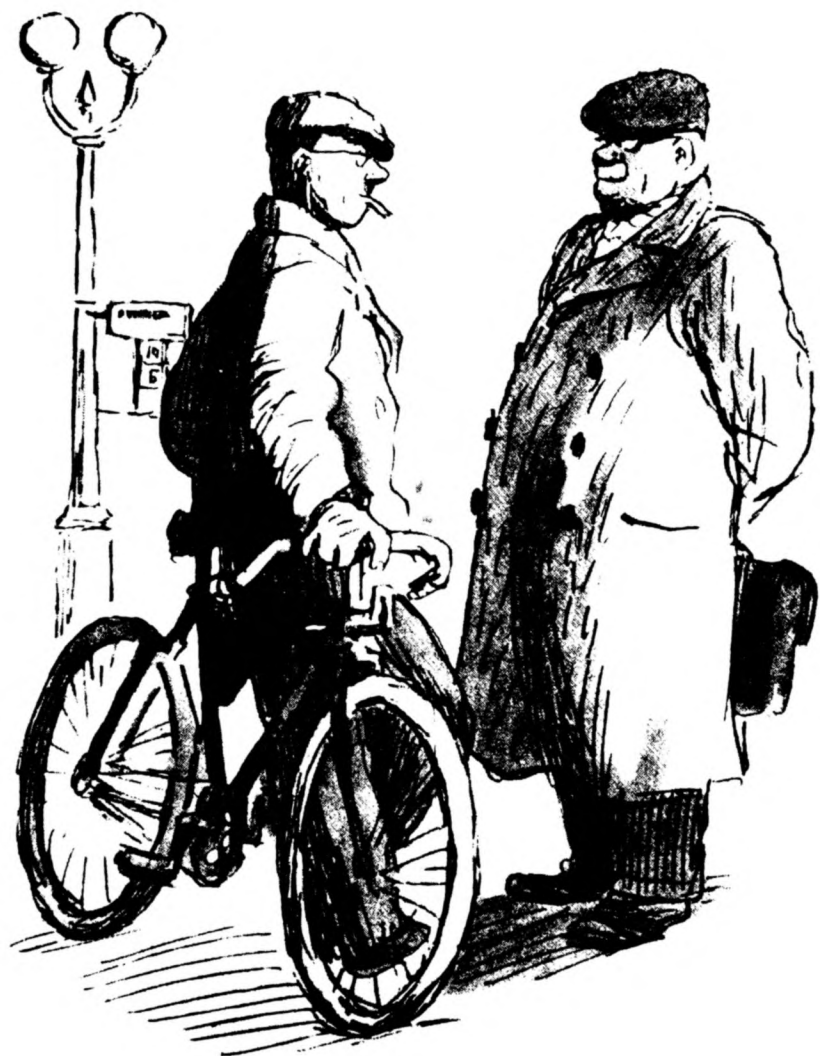
— При чем тут полевая почта, когда наша тяжелая артиллерия носится по фронту, как нелегкая,—сказал Вася.—Ты погляди, на какой ПП я письмо получил. Год назад, как мы от нее откреплись, а она все время мое письмо хранила. Вот друзья! — И Приставка величественно протянул руку в сторону фанерного щита.

— Елки-палки! Бывшая наша! 48767,—хором прочли водители.

Действующая армия.

№№ 6—7, 1945 г.

ШИРОКАЯ НАТУРА

— У Ивана Ивановича чисто американский размах: все норовит расширить свои штаты.

№ 25, 1946 г.

Рисунок Е. ЕВГЕНА.

ЗОЛОТОЙ ЧЕЛОВЕК

Когда среди работников конторы «Мосносок» возникал разговор о заведующем конторой Иване Петровиче Зайкине, все дружно давали своему заведующему следующую характеристику:

— Так, никаких особенных способностей в нем нет. Скорее ленив, чем энергичен. Может приврать. Не без этого. Но уж что в нем бесспорно—это доброта. Добрый, отзывчивый человек, широкая натура.

Уборщица Катя к этому обычно присовокупляла:

— Сердце у них золотое.

Человек, обладающий золотым сердцем, приходил на работу к 11 часам, садился в удобное кресло и вперемежку со служебными делами начинал сеять, так сказать, разумное, доброе, вечное.

— Иван Петрович,—говорила машинистка Верочка,—я так больше не могу. Неужели я должна печатать еще и цифровую работу?

— Не надо. Отдавайте на сторону.

Через минуту в кабинете появлялся главный бухгалтер Пегасов.

— Вот что, дорогой Тимофей Тимофеевич,—говорил ему Зайкин,—я очень ценю вас. Больше того: я люблю вас. Мы прошли с вами вместе рука об руку суровый жизненный путь: две ревизии, одна проверка штатной комиссии. И, как говорится, не в шумной беседе друзья познаются...

— Отдавать на сторону нельзя,—уныло говорил Тимофей Тимофеевич.

— Вы что же: хотите, чтобы это молодое существо сохло на цифровой работе?

— Так она не только цифровую, а всякую другую желает на сторону отдавать.

Молодое и прекрасное существо прикладывало платочек к глазкам.

— У меня ужасное состояние, Иван Петрович. Туман перед глазами... Очень больна мама.

— Вы слышите?—сурово спрашивал Зайкин главного бухгалтера.—Вас это не трогает?

— Меня тут трогает только одно, что ихняя мама год тому назад умерла, а теперь, несмотря на это, заболела.

Тогда мы месяца три ничего не делали и теперь тоже вот уже вторую неделю...

Верочка в слезах убегала из кабинета.

— Не придирайтесь, Тимофей Тимофеевич,— говорил своим низким, грудным голосом Зайкин.— Вообще это такая мелочь.

— Таких мелочей у нас на десятки тысяч,— говорил Тимофей Тимофеевич.

В комнату вбегал по обыкновению своему стремительно агент по снабжению Рукоплесов.

— Черт знает что!— кричал он еще на пороге.— Так жить нельзя!

— Что случилось?

— По дороге на вокзал пропало пять ящичков носков.

— Печально.

— Смешно говорить, кто же радуется этому?! Попрыгушкин собирается возбуждать какое-то дело против меня и шоферов.

— Пока я жив,— говорил тихо и торжественно Зайкин,— дела не будет. Спишем в убыток...

— Живите,— благоговейно говорил Рукоплесов,— живите вечно, золотой вы человек.

— Художник-оформитель пришел,— докладывал секретарь.

Зайкин вставал с кресла и с приветливой улыбкой шел к двери: он любил людей искусства.

Художник-оформитель Борис Борисович Спичкин, маленького роста, лысеющий брюнет, входил в кабинет Зайкина усталой, развинченной походкой, долженствовавшей свидетельствовать о том, что жизнь в искусстве нелегка и не только удовольствие и радость наполняют ее, но и суровый труд.

— Что с вами, дорогой Борис Борисович?— спрашивал Зайкин, когда Спичкин, усевшись в кресло, вытягивал короткие свои ноги в розовых фланелевых брюках.

— Устал, устал, Иван Петрович.

— Да, ваше дело трудное,— заискивающе говорил Зайкин.— Что и говорить!.. Требования повысились. Возьмите того же Репина. Ему что! Был он просто художником — и все. А вы еще, кроме этого, и оформитель.

— Ах, кто это ценит!— с горькой усмешкой, снимая пушинку с рукава своего ярко-зеленого пиджака, говорил Спичкин.— Когда из-за каких-то жалких тридцати пяти тысяч приходится вести нескончаемые разговоры!

— Кто же этот гонитель искусства? — спрашивал с доброй улыбкой на пухлых губах Зайкин.

— Ну, вы же знаете, кто.

Управделами Сенцов был несговорчивым и на редкость холодным человеком. Можно без труда себе представить, какое неудовольствие он возбуждал в Зайкине.

— Так вы что же: не хотите уплатить человеку за его труд? — спрашивал его Зайкин.

— Труда не вижу.

— То есть как не видите труда? — визжал Спичкин, и его черная, как смоль, рубаша в ярко-желтую полосу покрывалась бурыми пятнами пота. — У вас где раньше на витрине стоял портрет стахановки трикотажной промышленности Петренко? Где? С правой стороны? С правой стороны. А теперь где он стоит? С левой. Это же и есть искусство оформления! А зелень? Кто посоветовал вниз положить зелень? Кто? Именно вниз, а не наверх, и именно елку, а не картошку или огурцы. Кто, я вас спрашиваю?

А кто велел еще одну лампочку ввернуть в витрину? Кто? Так вот это и есть искусство художественного оформления.

— Что, батенька? — добродушно подтрунивал Зайкин над управделами. — Слышите? Давайте уж признаемся, что не понимаем мы с вами в искусстве...

Однажды случилась крупная ссора между счетоводом конторы «Мосносок» Лисичкиным и его приятелем Петраковым. Сидели однажды Лисичкин и Петраков в ресторанчике за стаканом, как говорится, доброго вина и вели мирную, дружескую беседу.

— Эх, интересную работу мне предлагают, а уйти не могу! — сказал Лисичкин.

— Не отпустят?

— Да, пожалуй, бы отпустили, но морально чувствую себя не вправе, не могу покинуть человека. Я уйду, другой уйдет, третий — что же с ним-то будет? Эх, какой чудесный, добрый, широкий человек!

— Да, — сказал Петраков, — бывают же люди. Вот бы моего соседа по квартире с ним познакомить! Ужас, а не человек; скареда, придира, а уж злой, как собака. Житья с ним нет! Взять бы его и ткнуть носом: смотрите, мол, Иван Петрович Зайкин, какие люди на свете бывают!

— Как, как?

— Иван Петрович Зайкин.

— Это кто же Иван Петрович Зайкин?

— Мой сосед по квартире.

Мы не будем передавать в подробностях ссору между Лисичкиным и Петраковым. Скажем только одно: люди они были молодые, горячие.

— Ты меня во лжи не смей упрекать! — кричал Петраков. — Поедем ко мне, сам убедишься. У меня стены тонкие, все слышно.

— А что ж, поеду!

И они поехали к Петракову, сели на диван в его комнате, и Лисичкин услышал, как кто-то за стеной голосом Ивана Петровича Зайкина спросил:

— А где еще тринадцать копеек?

— Какие тринадцать копеек, Иван Петрович?

— Да не тринадцать, а четырнадцать.

— Это он со своей домашней работницей счета подводит, — шепнул Петраков Лисичкину.

— Малограмотная я, — сказал женский голос за стеной.

— Знаем мы вас, малограмотных! Сегодня пятнадцать копеек не хватает, вчера семь копеек не хватало.

— Вчера пять.

— А пять, что же это, не деньги? Нет, милая моя, я из жалованья вычту. Я не намерен свое кровное терять. Потом, дай-ка весы: по-моему, в этих семи картошках кило весу не будет.

— Это сон, — прошептал Лисичкин, — это не он!

Но в это время в комнату постучали, и Петраков толкнул Лисичкина за ширму.

— Вот что, дорогой товарищ Петраков, — сказал Иван Петрович, входя в комнату, — ваш сын Петя разбрасывает игрушки в передней.

— Ребенок, — тихо сказал Петраков, — семь лет.

— Что с того, что ребенок! Натирка полов в коридоре производится на наш общий счет. Если вы не прекратите подобное, то попрошу вас, я подсчитал, уплачивать мне ежемесячно четыре рубля тринадцать копеек, а не то я вашего ребенка вышвырну. Я свое кровное терять не намерен...

На другой день Иван Петрович в своем кабинете грудным, низким, ласковым голосом говорил главному бухгалтеру:

— Прекратите, голубчик, в конце концов это крохоборчество. Честное слово, меня это утомляет! Спишите эти двенадцать тысяч в убыток. Стыдитесь, о чем вы ведете спор!

Полюшко-поле.
Едут по полю герои...
№ 12, 1947 г.

Рисунок Л. БРОДАТЫ.

О НИХ И ВООБЩЕ

Каждого, кто приезжает из Нюрнберга, родные и товарищи встречают одним вопросом:

— Ну, как у вас там, на процессе?

— Что как?

— Ну, как вообще? Как Геринг, Гесс, как судьи, что пишет мировая печать?

О том, что относится к разделу «вообще», мы попытаемся рассказать в конце этого письма, что же касается Геринга, то, как сообщил недавно его адвокат, бывший рейхсмаршал потерял за время суда тридцать два килограмма чистого веса. По сто семьдесят пять граммов в день. Правда, на следующий день тюремная администрация разъяснила встревоженным адвокатам, что состояние здоровья Геринга не должно внушать опасения. Чистый вес бывшего рейхсмаршала равняется на сегодняшний день девяноста пяти килограммам, и, как бы долго ни тянулся процесс, в толстом Геринге останется достаточное количество смальца, чтобы дотянуть до осиновой перекладины.

Геринг неспроста попросил своего адвоката объявить суду о потерянных килограммах. В начале процесса ему казалось, что Международный трибунал создан только для проформы. Что его вызовут, пожурят и отправят в почетную ссылку на какой-нибудь из экзотических островов, вроде Святой Елены. В начале процесса фюрер номер два был розовым и бойким. Он улыбался, давал интервью каким-то небрезгливым журналистам. Однажды Геринг сказал даже кому-то из них, что сильно устал от политической деятельности, что только теперь, когда кончилась эта ужасная война, он сможет наконец выполнить свою заветную мечту и подумать о комфорте семейной жизни.

Не только Геринг, но и многие другие подсудимые тоже надеялись провести время в суде по-семейному. Так, например, когда суд попросил нацистских преступников назвать имена свидетелей, которых они хотели вызвать по своему делу, то каждый из них назвал по полсотне человек. Здесь были все близкие и дальние родственники. А старый развратник Штрейхер приглашал для свидания не только двух своих официальных любовниц, но даже какую-то соседскую горничную. Франку не хотелось ждать до дня

допроса свидетелей, и он добыл у кого-то гостевой билет своей супруге во Дворец юстиции. Что же касается Йодля, то он почти устроил свою интимную подругу на должность судейского секретаря к одному из немецких защитников.

Но все надежды подсудимых провалились. Судебный зал в Нюрнберге оказался неподходящим местом для торжественных семейных приемов. Свидетельские списки были сокращены до минимума, жена Франка изгнана с гостевых мест, а подруга Йодля — из Нюрнберга. Геринг перестал давать интервью. Острова Святой Елены не получилось.

Вот кратенько о Геринге и прочих. Что касается представителей мировой печати, то таковых на Нюрнбергском процессе больше трехсот человек. Есть на Нюрнбергском процессе много солидных журналистов. К ним в первую очередь относятся военные корреспонденты, те, которые прошли вместе с англо-американской армией весь боевой путь от Ла-Манша до Эльбы и для которых Нюрнберг является законным концом войны. Эти пишут о процессе правдиво, со страстью, присущей солдатам. Что же касается всеядных, то эти выпускают из своих рукавов нюрнбергских «уток».

Они пишут, например, что двадцать тысяч эсэсовцев, убежавших из лагеря Дахау, движутся походным строем к Нюрнбергу, чтобы освободить Геринга из тюрьмы, и что в связи с этим полковник Эн вызвал для охраны здания суда целый батальон танков. А на следующий день тот же корреспондент в той же газете печатает сообщение другого полковника, который называет первую заметку чистейшим вымыслом, так как никакие эсэсовцы не движутся на помощь Герингу и никакие танковые батальоны не вызываются для охраны здания суда.

За время моего пребывания в Нюрнберге нас пять раз пугали бежавшими эсэсовцами и столько же раз успокаивали соответствующими опровержениями.

В последний раз всеядные сочинили новую «утку», о том якобы, что главный советский обвинитель товарищ Руденко во время допроса выхватил из кармана наган и выстрелил в Геринга. Но так как Геринг сильно похудел, то пуля прошла мимо и убила защитника. Эта «утка» оказалась такой дикой породы, что ее даже не стали опровергать.

Вот несколько слов о разных представителях мировой печати. Переходя к последнему разделу «вообще», я должен сказать, что сами нюрнбержцы проявляют к процессу довольно своеобразный интерес. Так, например, шофер

автобуса, который ежедневно возил корреспондентов из «Пресс-кемпа» к зданию суда, два раза спрашивал у меня:

— Ну, скоро ли вы повесите этого Геринга?

Немец-шофер был в претензии к судьям, ибо ему почему-то казалось, что как только будет повешен Геринг, продовольственные нормы жителям Нюрнберга будут моментально увеличены.

Так думал немец, с которым я говорил. Что же касается немок, то, если верить местным немецким газетам, засидевшиеся нюрнбергские фрау заняты главным образом составлением свадебных объявлений. Такие объявления печатаются сотнями. Их вывешивают даже на заборах. Вот одно из таких объявлений, которое я списал на память текстuallyно:

«Фрейлен 35 лет, рост — 172 сант., вес — 84 кил., материально обеспечена. Ищет спутника жизни. Предпочтение будет оказано пострадавшему от нацизма или еврею».

Геринг и Штрейхер еще не повешены, а златокудрые грехтен думают уже о том, как выгоднее приспособиться к новым условиям.

Нюрнбергский процесс несколько затянулся. Об этом говорит не только шофер автобуса. Затыжка сеет какие-то несбыточные иллюзии подсудимым. Некоторые из них продолжают еще на что-то надеяться. Дениц и Редер сидят в темных очках. Гросс-адмиралы берегут глаза от электрического света. Геринг кутается в тюремное одеяло, как в плед. Приговоренный к смерти боится насморка. Франк бреется два раза в день. Он ходит в суд, как на службу. Присутственный день начинается для него в десять утра и кончается в пять вечера. Распорядок совсем не обременительный. И все же Розенберг укоризненно смотрит на судей, если вечернее заседание заканчивается на пять минут позже установленного регламента. Философ расизма смотрит на часовые стрелки и теряет воображение. Он думает, что время работает еще на него. Увы! Над скамьей подсудимых тоже висят часы. Смотреть нужно на них. Они отсчитывают последние минуты преступникам.

Нюрнберг.

№ 15, 1946 г.

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА.

— Какой прекрасный современный пейзаж!

— Это о каком пейзаже вы говорите?

— О том, который виден из вашего окна.

№ 14, 1947 г.

Рисунок Е. ЕВГАНА.

Вл. МАСС и
Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

НА ВАШЕМ МЕСТЕ

Давайте условимся: вы — это мы,
А мы — это вы. Понимаете?
Вы напрягаете ваши умы
И что-то для нас сочиняете.
А мы открываем вот этот журнал,
Читаем вот это творение
И тихо, но так, чтобы каждый слышал,
О нем говорим свое мнение.

Представьте, что этот обмен совершен,
Вы приняли наше условие.
Вот только тогда, перечтя фельетон,
Судите о нем на здоровье.
Суждение ваше тогда, все равно,
Серьезное или наивное,
Не будет пристрастным, а будет оно
Вполне, так сказать, объективное.

Так в жизни всегда, не сердясь, не грубя,
Отнюдь не теряя терпения,
Поставьте на место чужое себя,
Потом принимайте решение.

Ну, скажем, вы—пред или, может быть, зам,
И кто-то приносит вам жалобы,
И жалобы эти поэтому вам
Скорей разобрать не мешало бы.
Тогда допустите, что жалобщик—вы,
А вы—это он! Понимаете?

И вам не придется ломать головы,
И вы головы не ломаете.
Вы сразу учтете все «против» и «за»
И верное все и неверное
И примете, можно сказать, за глаза,
Решение нелицемерное.

Допустим, вы—автор, который принес
Сценарий, и в этом сценарии
Трактуется, скажем, важнейший вопрос,
Касающийся кулинарии.
Взгляните немедленно как режиссер
На это изделие сценарное,
Тогда вы поймете, прочтя этот вздор,
Что автор—явление бездарное.

Конечно, помочь вы готовы всегда,
Вы автора так не оставите,
И вы как соавтор почти без труда
Сценарий немного поправите.
Но вот вы не автор и не режиссер—
Вы зритель, как прочие зрители.
Тогда вы, скажите, на этот позор
Как зритель смотреть захотите ли?

Как зритель картину вы будете крыть!
Как автор—возьметесь за новую.
А как режиссер вы начнете валить
С больной головы на здоровую.

Допустим, что вы—расторопный завмаг,
Людей вы товаром снабжаете.
При этом себе вы особенных благ,
Ни с чем не считаясь, желаете.
Допустим, что вы через заднюю дверь
Не раз совершали хищения.
Попробуйте как потребитель теперь
Взглянуть на свое поведение.
Понятно, что вы, справедливость любя,
Раздумывать долго не станете,
А очень решительно сами себя
Сейчас же к ответу притянете.
За это вам скажет спасибо страна,
И будут у вас почитатели.
Получит завмаг по заслугам сполна,
Получат товар покупатели.

Мы новую тему затронем сейчас,
Знакомую вам, разумеется..
Допустим, вы—строгий отец и у вас
Сыночек непослушный имеется.
Ему вы читаете длинную речь:
Порядку, мол, учимся с детства мы,
Поэтому книги ты должен беречь
И нечего зря электричество жечь,
Ты должен считаться со средствами!..

Теперь поменяйтесь местами с сыном.
Вы—сын, он—отец. Понимаете?
На службу к отцу вы проникли тайком,
И что же вы там замечаете?
Вы видите, что для отца кабинет,
Как дивный музей, обставляется,
Что тут для него невозможного нет,
Что средствами он не стесняется.
Картины. Чернильницы из янтаря,
Альбомов большое количество...
Сидит в кабинете папаша, и зря
Горит у него электричество.
Вы сыну давали полезный наказ,

Судить, не наказ нам приходится,
А вас персонально, поскольку у вас
Дела со словами расходятся.

Итак, мы условились: мы — это вы!
Мы так сговорились заранее.
И, не опасаясь досужей молвы,
Должны вам сказать на прощание:
Прочтя фельетон, мы находим, что он —
Явление большого значения,
Что мы... т. е. вы, написав фельетон,
Доставили нам наслаждение.
Прочтя фельетон ваш, мы видим, что в нем
Есть смысл и немало игривости.
Вот так поступайте всегда и во всем
Во имя простой справедливости.

№ 14, 1947 г.

ПОСТОЯННЫЕ РУБРИКИ

1948 год

Календарь Крокодила.
Путевые заметки.
Сообщаем адреса.
Отрывки из ненапечатанного.
Дорогой Крокодил!
Вилы в бок!
Таланты и поклонники
Однажды...
Коротко, но ясно.
На короткой волне.
Ироническая смесь.

Потом к этим рубрикам добавились новые:

1949 год

Еще кланяемся...
Рейд Крокодила.
Типы, уходящие в прошлое.

Как ни странно, но...
Фотовитрина Крокодила.
По печатным страницам невзирая на лица.
С подлинным скверно.
Вокруг света.
Мои клиенты.
Иностранный юмор.

1950 год

Из напечатанного.
Крокодильская смесь.
Взирая на лица.

1951 год

Прошу слова.

1952 год

В гостях у Крокодила.

Проводились конкурсы на сатирический и юмористический рассказ, памфлет, фельетон, басню, пародию, песню, эпиграмму и карикатуру.

1948—1952

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

РЕКЛАМЫ

Еще пароход не в порту, а на рейде,
Еще на посадку идет самолет,
Еще вы в пути, а заморская леди
Уже вам улыбку веселую шлет.
(«У нас покупайте! Губная помада
С изящным названием «Сердиться не надо!»)
Сия незнакомка бела и румяна,
Нарядно одета, раздета подчас.
(«Учтите, что лучшие в мире румяна
У нас продаются... Берите у нас!»
«У нас покупайте! Последняя мода:
Тугие корсеты системы «Свобода!»)»
Поддельные брошки, фальшивые кудри,
Рекламы резиновой жвачки и пудры,
Рекламы набора ножей для громил
С цветной этикеткой «Мы—тоже за мир!».
Рекламы налево, рекламы направо...
Поддельное счастье, фальшивая слава!
И вдруг в свистопляске торговых симфоний:
«У нас покупайте! Пожалуйста, к нам!»
Увидите вы человека на фоне
Лоснящихся, пышных и смачных реклам.
Как будто пятно стопроцентного мрака,
Сама нищета, без румян и без лака...
Изнанка наживы, без всяких прикрас,
Живая Америка смотрит на вас!

№ 6, 1948 г.

Поджигатели войны на уроке у Черчилли.

1948 г.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

Новая иллюстрация к Гоголю, или Тарас Бульба в ателье мод.

1948 г.

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА.

НЕПРЕДВИДЕННАЯ ЗАМИНКА.

- А теперь выпьем за экономию!
- Увы, больше не осталось!
- Вина не осталось?
- Нет, экономии.

№ 32, 1949 г.

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА

АРТИСТ

Он выступал на клубной сцене,
Но только парню не везло:
То голос вдруг ему изменит,
То роль забудет, как назло,
И вместо громовых оваций
Сквозь слезы слышал чей-то свист.
Девчата начали смеяться:
— Какой, мол, из тебя артист!
Но он породы был упрямой

И не сдавался никогда.
Однажды он из цеха прямо
Был приглашен в Дворец труда.
Там, проходя рядами кресел,
В огромный всматриваясь зал,
Узнал он мастеров известных,
Которых по портретам знал.
На френчах и костюмах новых
Мерцали звезды орденов...
— Итак, сейчас имеет слово
Иван Петрович Иванов —
Станочник сотого завода...
И парень просто, без прикрас
Сказал:
— Друзья! Заданье года
Превысил я в пятнадцать раз!
Зал покачнулся от оваций,
И в мнениях мастера сошлись:
— Пятнадцать норм... Да это, братцы,
Не токарь — подлинный артист!

№ 1. 1949 г.

М. ПРИШВИН

ШОФЕРСКАЯ ЧЕСТЬ

Из шоферских рассказов

Была сильная февральская метель. В Москве это было не очень заметно, но когда выехал я за город, то почесал у себя за ухом. Мало-помалу темнело, и чей-то явственный след на дороге стал пропадать. Зажег фары — след показался, но метель била в лоб, слепила в стекло, светлый кружок перед машиной лунил, и след пропадал. Через каждые пять минут я выходил, чистил стекла — и след показывался. Но пришла такая минута: я фары прочистил, а след вовсе не показался.

Я решил ехать до ближайшей деревни, выпустить там воду и заночевать. Потихоньку я двинулся вперед по белой целине без всякого следа и, может быть, как-нибудь и добрался бы, но случилась на пути горка, я пустил под горку чуть-чуть посмелей и заехал в канаву. Приложил я все усилия, чтобы выбраться, и оказалось: выбраться собственными силами никак невозможно. Сижу так час, сижу два. Мотор остыл, бензину в обрез, пришлось воду

спустить; одеться не во что, начал замерзать. И уйти, бросить машину тоже нельзя: вез ценный товар. Метель же все хлещет и хлещет. Вдруг слышу голоса, люди, огоньки показались: курят — обоз.

Давно ли эти самые колхозники от одного моего гудка сыпались в разные стороны, давно ли я их из своей кабинки крестил своими именами? Теперь в метель как будто совсем другой народ идет. Суровые такие, молчаливые, в тулупах, засыпанные снегом, жалея лошадей, идут возле своих повозок. В метель через летящий снег все кажутся мне великанами. Окружили они мою машину, передний великан говорит:

— Ребята, вещь государственная, нехорошо бросать, надо помочь.

И выкатили машину из канавы, как деревянную игрушку. Передний великан осветил мне спичкой лицо и говорит:

— Э, парень, да у тебя никак уши побелели!

И принялся мне vareжками уши тереть. Что тут было! Держит великан в ручищах голову мою, как репу, не трет уши, а дерет их и приговаривает:

— Береги машинку, береги машинку, вещь государственная!

Надрал он мне уши, а я, конечно, и виду не подал, будто у меня и вправду они отмерзли. Только уж, когда сел в кабину, взялся за руль, проснулась во мне шоферская честь.

«Ладно,— думаю,— придет время, и что-нибудь против метелей измыслят».

№ 1, 1949 г.

Д. БЕЛЯЕВ

СТИЛЯГА

Из серии «Типы, уходящие в прошлое»

Прошлым летом мы со знакомым агрономом брели по ржаному полю.

И вот я заметил один, резко выделяющийся из массы ржи колос. Он был выше всех остальных и гордо покачивался над ними.

— Смотрите,— сказал я агроному,— какой мощный, красивый колос! Может быть, это какой-нибудь особенный сорт?

Агроном безжалостно сорвал колос и протянул мне:

— Пощупайте: в этом красивом колосе нет совсем зерен. Это колос-тунеядец, он берет влагу и все прочее от природы, но не дает хлеба. В народе его называют пустоколоска. Есть и цветы такие в природе — выродки. Они часто красивы на вид, но внутренне бессодержательны и не плодоносят, называются пустоцветом. Так вот и этот колос...

— Колос-стиляга! — воскликнул я.

Пришел черед удивляться агроному:

— Как вы сказали?

— Стиляга, — повторил я и рассказал агроному следующую историю.

В студенческом клубе был литературный вечер. Когда окончилась деловая часть и объявили танцы, в дверях зала показался юноша. Он имел изумительно нелепый вид: спина куртки ярко-оранжевая, а рукава и полы зеленые; таких широченных штанов канареечно-горохового цвета я не видел даже в годы знаменитого клеша; ботинки на нем представляли собой хитроумную комбинацию из черного лака и красной замши.

Юноша оперся о косяк двери и каким-то на редкость развязным движением закинул правую ногу на левую, после чего обнаружили носки, которые, казалось, сделаны из кусочков американского флага — так они были ярки.

Он стоял и презрительно сощуренными глазами оглядывал зал. Потом юноша направился в нашу сторону. Когда он подошел, нас обдало таким запахом парфюмерии, что я невольно подумал: «Наверное, ходячая реклама «ТЭЖЭ».

— А, стиляга, пожаловал! Почему на доклад опоздал? — спросил кто-то из нашей компании.

— Мои вам пять с кисточкой! — ответил юноша. — Опоздал сознательно: боялся сломать скулы от зевоты и скуки... Мумочку не видели?

— Нет, не появлялась.

— Жаль, танцевать не с кем.

Он сел. Но как сел! Стул повернул спинкой вперед, обнял его ногами, просунул между ножками ботинки и как-то невероятно вывернул пятки: явный расчет показать носки. Губы, брови и тонкие усики у него были накрашены, а прическе «перманент» и маникюру могла позавидовать первая модница Парижа.

— Как дела, стиляга? Все в балетной студии?

— Балет в прошлом. Отшвартовался. Прилип пока к цирку.

— К цирку? А что скажет княгиня Марья Алексевна?

— Княгиня? Марья Алексевна? Это еще что за птица? — изумился юноша.

Все рассмеялись.

— Эх, стилига, стилига! Ты даже Грибоедова не знаешь...

В это время в зале показалась девушка, по виду спорхнувшая с обложки журнала мод. Юноша гаркнул на весь зал:

— Мума! Мумочка! Кис-кис-кис!

Он поманил пальцем. Ничуть не обидевшись на такое обращение, девушка подпорхнула к нему.

— Топнем, Мума?

— С удовольствием, стилигочка!

Они пошли танцевать...

— Какой странный юноша,— обратился я к своему соседу-студенту.— И фамилия странная: Стиляга — впервые такую слышу.

Сосед рассмеялся.

— А это не фамилия. Стилягами называют сами себя подобные типы, на своем птичьем языке. Они, видите ли, выработали свой особый стиль в одежде, в разговорах, в манерах. Главное в их «стиле» — не походить на обыкновенных людей. И, как видите, в подобном стремлении они доходят до нелепостей, до абсурда. Стиляга знаком с модами всех стран и времен, но не знает, как вы могли убедиться, Грибоедова. Он детально изучил все фоксы, танго, румбы, линды, но Мичурина путает с Менделеевым и астрономию с гастрономией. Он знает наизусть все арии из «Сильвы» и «Марицы», но не знает, кто создал оперы «Иван Сусанин» и «Князь Игорь». Стиляги не живут в полном нашем понятии этого слова, а, как бы сказать, порхают по поверхности жизни... Но посмотрите.

Я и сам давно заметил, что стилига с Мумочкой под музыку обычных танцев — вальса, краковяка — делают какие-то ужасно сложные и нелепые движения, одинаково похожие и на канкан и на пляску дикарей с Огненной Земли. Кривляются они с упоительным старанием в самом центре круга.

Оркестр замолчал. Стиляга с Мумочкой подошли к нам. Запах парфюмерии разбавился терпким запахом пота.

— Скажите, молодой человек, как называется танец, который вы танцуете?

— О, этот танец мы с Мумочкой отрабатывали полгода,—самодовольно объяснил юноша.— В нем шикарно сочетается ритм тела с выражением глаз. Учтите, что мы, я и Мума, первые обратили внимание на то, что главное в танце — не только движение ног, но и выражение лица. Наш танец состоит из 177 вертикальных броссов и 192 горизонтальных пируэтов. Каждый бросс или пируэт сопровождается определенной, присущей данному броссу или пируэту, улыбкой. Называется наш танец «стиляга де-дри». Вам нравится?

— Еще бы! — в тон ему ответил я.— Даже Терпсихора в обморок упадет от восторга, увидя ваши 177 броссов и 192 пируэта.

— Терпсихора? Кажется, так вы сказали? Какое шикарное имя! Кто это?

— Терпсихора — это моя жена.

— Она танцует?

— Разумеется. И еще как! В пляске святого Витта она использовала 334 бросса и 479 пируэтов!

— Пляска святого Витта? Здорово! Даже я такого танца не знаю.

— Да что вы?! А ведь это сейчас самый модный танец при дворе французского короля Генриха Гейне.

— А я где-то слышала, что во Франции нет королей,—робко возразила Мумочка.

— Мума, замри! — с чувством превосходства заметил стиляга.— Не проявляй свою невоспитанность. Всем известно, что Генрих Гейне не только король, но и французский поэт.

Гомерический хохот всей компании покрыл эти слова. Стиляга отнес его в адрес Мумочки и смеялся громче всех. Мума сконфузилась, покраснела и обиделась.

— Мумочка, не дуйся. Убери сердитки со лба и пойдем топнем «стилягу де-дри»...

Мума улыбнулась, и они снова принялись за свои кривляния...

— Теперь вы знаете, что такое стиляга? — спросил сосед-студент.— Как видите, тип довольно редкостный, а в данном случае единственный на весь зал. Однако находятся такие девушки и парни, которые завидуют стилягам и мумочкам.

— Завидовать? Этой мерзости?! — воскликнула с негодованием одна из девушек.— Мне лично плюнуть хочется.

Мне тоже захотелось плюнуть, и я пошел в курительную комнату.

— Черт возьми, эти цифры в конце концов сведут нас к нулю!

№ 21, 1950 г.

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

Американская свобода.

Рис. Б. Пророкова

К Р О К О Д И Л

№ 34 ВЫПУСК 10 ДЕКАБРЯ 1951

ИЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО ПЕЧАТЯ — 1951 ГОДА

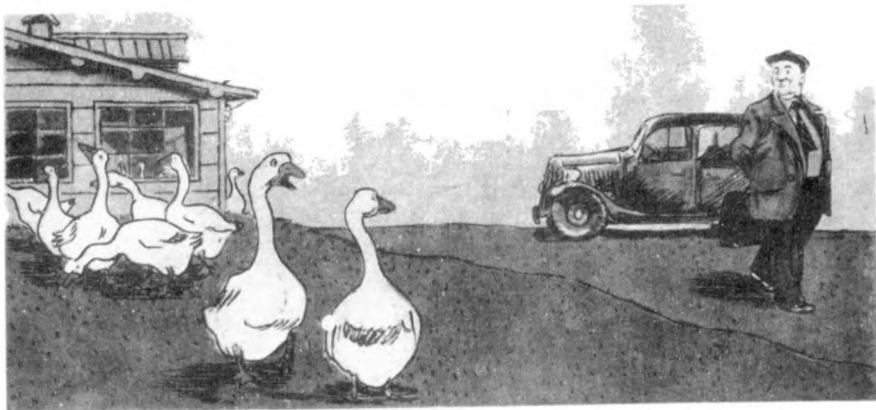
ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

АМЕРИКАНСКАЯ СВОБОДА.

№ 34, 1951 г.

Рисунок Б. ПРОРОКОВА.

ХОРОШ ГУСЬ

— Этот гость из райцентра так и ест нас глазами!

— Если бы только глазами!..

№ 17, 1951 г.

Рисунок В. ВАСИЛЬЕВА.

И. КОСТЮКОВ

СКОЛЬЗКИЙ ВОПРОС

Позднее летнее утро. Директор завода «Металлист» Квашнин, прежде чем пойти по цехам, решил привести в порядок убранство своего стола, перепутанное уборщицей. Когда он старательно переставлял календарь на место пепельницы, а пепельницу — на место промокательного прессы, раздался стук в дверь.

— Явление первое, — сказал Квашнин, напуская на лицо выражение озабоченности и деловитости.

Вошел хорошо знакомый Квашнину слесарь Березкин из отдела главного механика.

— Так это ты, Березкин? — улыбнулся Квашнин. — Чем порадуешь с утра? А? Или опять станок не по-твоему сделан? Так, что ли?

— Почти, — согласился Березкин. — Они все, Павел Матвеевич, какие-то такие... уж я и не знаю, как их называть! Ну, вроде как тесные ботинки, что ли: ты хочешь прибавить шагу, а они то жмут, то трут.

— Насчет тесных ботинок обратись по месту покупки. Там заменят. А сейчас насчет дела давай. Что у тебя?

— Я, Павел Матвеевич, предлагаю изменить конструкцию подшипников токарного станка. Понимаете, сейчас, когда нам нужно увеличить обороты шпинделя, то существующие подшипники...

Указательный палец Березкина проворно замелькал между чертежом, расчетами и грудью Квашнина.

— Подожди! Не горячись! — замахал рукой Квашнин. — Не за трамваем гонишься! Дай мне все в толк взять. Значит, по-твоему, выходит, что если мы увеличим число оборотов шпинделя на одну треть, то получится... получится... — И, закатив глаза под лоб, Квашнин то шепотом, то вслух принялся подсчитывать: — Если, допустим, возьмем тысячу оборотов... тысяча, деленная на три... а таких станков у нас больше полусотни... то, значит, выходит... А знаешь что, Березкин? Хорошо, брат, выходит! Молодец! Оставь-ка мне свои расчеты, я их тут сам до ума доведу...

Проводив Березкина, Квашнин задумался.

«Слов нет, предложение ценное, — рассуждал он, — только как к нему приступить? Ведь дело новое, непроверенное. Кто его знает... Посоветуюсь-ка я с трестом».

Через два часа Квашнин сидел в кабинете управляющего трестом и доказывал:

— Понимаете, Михаил Федорович, как это необходимо для производства. Ведь вы только подумайте: мы изыскиваем всякие возможности, мобилизуем разные ресурсы, а тут... Да что там говорить! Над таким вопросом большие специалисты на лбу мозоли натерли, а мой Березкин их перещеголял! И я, Михаил Федорович, убедительно прошу вас...

— Что ты меня все уговариваешь: «Прошу, прошу!» — сердито сказал управляющий. — Ты сам кто? Директор! И если уверен, что дело нужное, так делай!

— Да я... оно, конечно... сомневаться тут что ж. Все ясней ясного. Только ведь... кто его, Михаил Федорович, знает. Может, все-таки черкнете распоряженьеце?

— Я могу черкнуть такое, что ты не возрадуешься! Решай сам.

Два дня Квашнин обдумывал ответ Березкину. Он осунулся, оброс, стал каким-то вялым, будто только что вышел из парной бани.

За эти два дня Квашнин ни разу не был на производстве, прием посетителей поручил заместителю, а если кого и принимал сам, то разговаривал кислым, неуверенным голосом.

— Я головой ручаюсь, что у вас самый настоящий

грипп,—авторитетно заявил бухгалтер.—А с гриппом, Павел Матвеич, сами понимаете, шутки плохие. Чуть что — и осложнение. Знаете что: выпейте четвертушку водки пополам с огуречным рассолом! Как рукой снимет! У меня свояк только этим и спасается!

— Нет,—покрутил головой Квашнин.—Как-нибудь обойдусь без рассола...

Несколько раз звонила жена, пытаюсь узнать причину его небывалой задержки на работе, но каждый раз получала ответ:

— Делишки поднабрались, вот и задержался. Как разгружусь, так и приеду.

К исходу третьего дня Квашнин решил позвать слесаря Березкина.

— Хватит дурака валять! — стукнул он кулаком по столу, отчего большая стрелка настольных часов перескочила на четыре минуты вперед, а из пепельницы выпрыгнули окурки.—Что я, в самом деле, нерешительный какой-то! Скажу, что конец квартала, программу нужно подогнать и вообще пусть повременит малость со своей рационализацией. А в будущем квартале что-нибудь сообразим... Надюша! — крикнул он в сторону двери.—Позови-ка слесаря Березкина.

Через четверть часа пришел Березкин, на ходу вытирая замасленные руки.

— Я к вам вчера заходил,—вместо приветствия сказал Березкин.—Да меня не пустили. Сказали, что у вас грипп.

— Грипп?.. Ах, да! Прихворнул малость. Теперь ничего. Только поясницу ломит. К дождю, что ли?.. Да, вот что... Я тут еще раз просмотрел твоё предложение и... видишь ли... Одним словом, спасибо и за твою заботу о производстве и ... и вообще...

Он замялся и покрутил рукой в воздухе.

— Ну, что вы, Павел Матвеич! — смущенно улыбнулся Березкин.—Разве я из-за благодарности? Для общего дела стараюсь.

— Вот-вот! И я про то же. Для общего дела иногда, понимаешь, и личным приходится жертвовать. Вот и тебе тоже надо будет...

— Да я уж и так двое суток домой не ходил. Нужно будет — еще неделю не пойду. Но только такой нужды-то больше нет. Мы с главным инженером все сделали. Пойдемте посмотрим, как он работает.

— Кто работает? Главный инженер?

— Нет, станок.

— Станок? Постой, постой! Какой станок?.. Ах, да, понимаю! Значит, тот самый. А я думал, ты про что-нибудь другое! Переделали, значит?

Квашнин расстегнул ворот и вытер лоб.

— Значит, все в порядке? Ну, спасибо, спасибо! Понимаешь, я же всегда говорил, что ты... Одним словом, молодец ты, вот что! Для этого я тебя и вызвал, об этом самом и хотел сказать. Понятно? А теперь пойдем посмотрим, что там у вас получилось. Только сначала я позвоню домой. Скажу, что сегодня приеду. А то как-то нехорошо: дело делом, а семью тоже нужно уважать.

№ 22, 1949 г.

Сергей НАРОВЧАТОВ

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

В разгаре весеннего ясного дня
Приходят два друга, влюбленных в меня,
И первый из них,
Из близких моих,
Говорит, поглядев за порог:
— Когда парню идет
Двадцать пятый год,
Он едет на Дальний Восток.

Объездил я весь белый свет,
Но лучше края нет:
Какой чудесный там народ,
Какая стройка там идет,
Какая там тайга,
И через всю тайгу течет
Могучая река!

В Дальневосточный славный край
Со мною вместе поезжай,
Нам счастье суждено,
Ведь этот край, ты так и знай,—
Серебряное дно!

В разгаре весеннего ясного дня
Приходят два друга, влюбленных в меня,

И, помедлив, второй,
Чуть смутясь предо мной,
Говорит неожиданно вдруг:
— Когда парню идет
Двадцать пятый год,
Он едет на солнечный юг.

Объездил я весь белый свет,
Но лучше края нет:
Какой чудесный там народ,
Какая стройка там идет,
И нет страны теплей,
И счастлив тот, кто век живет
В Армении моей!

Тебя прошу я: в этот край
Со мною вместе поезжай,
Нам счастье суждено,
Ведь этот край, ты так и знай,—
Серебряное дно!

В разгаре весеннего ясного дня
Приходят два друга, влюбленных в меня,
Так с кем же в пути
Соглашусь я идти?
И друзьям говорю я, смеясь:
— Мне сегодня пробьет
Девятнадцатый год,
И я тоже в поход собралась.

Обоим вам скажу в ответ,
Что лучше края нет:
Какой чудесный там народ,
Какая стройка там идет,
Там жизнь кипит ключом,
Тому, кто в том краю живет,
Все беды нипочем!

Я уезжаю в этот край,
Его название угадай!
Но я скажу одно:
В стране Советской каждый край—
Серебряное дно!

МАЯКОВСКОМУ

1

Двадцать лет протекло не даром —
Нашей славе век не истлеть...
Кто был зрелым, — сделался старым,
Кто был юным, — успел созреть;

Те, кто не жил тогда на свете,
Народились и подросли,
Замечательнейшие дети
Молодой советской земли.

Это юноши и подростки,
Задающие нам вопрос:
— Скажите, а с Маяковским
Встречаться вам довелось?

2

Товарищ Маяковский!
За эти года
Вы могли убедиться сами:
Одни говорят, что вы с нами всегда,
Другие жалеют, что нет вас с нами.

Чтоб эту мысль пояснить свою,
Я найду примеров немало,
Когда вы шагали с нами в строю
И когда
 вас
 не хватало!

Нам было виднее со стороны,
Когда, вызов бросая времени,
Рабочие строили мощь страны,
Вы над каждой домной реяли.

А когда коричневый двинулся вал
На пограничные наши заставы
И нас голосом Родины Сталин позвал, —
Разве не были с нами тогда вы?

Разве ваш грозой громыхающий стих
В белорусских лесах и в степях донских,
На море и на суше
Не гремел наравне с «Катюшей»?

И когда над рейхстагом взвилось высоко
Наше «пробитое пулями знамя»,
В этот день — дыханием, сердцем, строкой —
Вы были, вы были с нами!

И сейчас, где строится новый мост,
Где тянется к небу мичуринский колос,
Вы с нами стоите

во весь рост!

Вы с нами поете

во весь голос!

Но бывают еще и такие случаи
Среди собраний и торжественных встреч,
Когда, помимо всего, что мы слушаем,
Хочется вашу услышать речь.

Хочется, чтоб, озирая зал,
Председатель взволнованно нам сказал,
Меняя регламент жесткий:
— Слово

имеет

Маяковский!

Чтобы вы, в зубах зажав папиросу,
Взошли на трибуну и, всех оглядев,
Разворошили бы некоторые вопросы
Порядка дня

и текущих дел.

Вы сказали бы, каждое слово оттачивая,
Про мелкое подхалимство, про лесть,
Про тех, кто с улыбкой ласково-вкрадчивою
Зайцем хотят в Коммунизм пролезть.

Железною рифмой и легкой строкой
Вы сказали бы то, что не скажет другой,
Вы сказали бы так, как другой не скажет,
Так, что слово само на сердце ляжет.

И по свету птицей помчится легко
И станет над миром прочней обелиска
Теперь,

когда Коммунистическое

Далеко

Становится

Коммунистическим

Близко.

Когда сквозь щебень, и шлак, и пыль,
Еще со спины не сбросив усталость,
Мы видим,

как превращается в быль

То, что вами пророчилось,

вам мечталось!

И мы поднимаем радостный тост
За все, что вместе с нами

борелось,

И вы с нами стоите

во весь рост!

И с нами поете

во весь голос!

№ 10, 1950 г.

Расул ГАМЗАТОВ

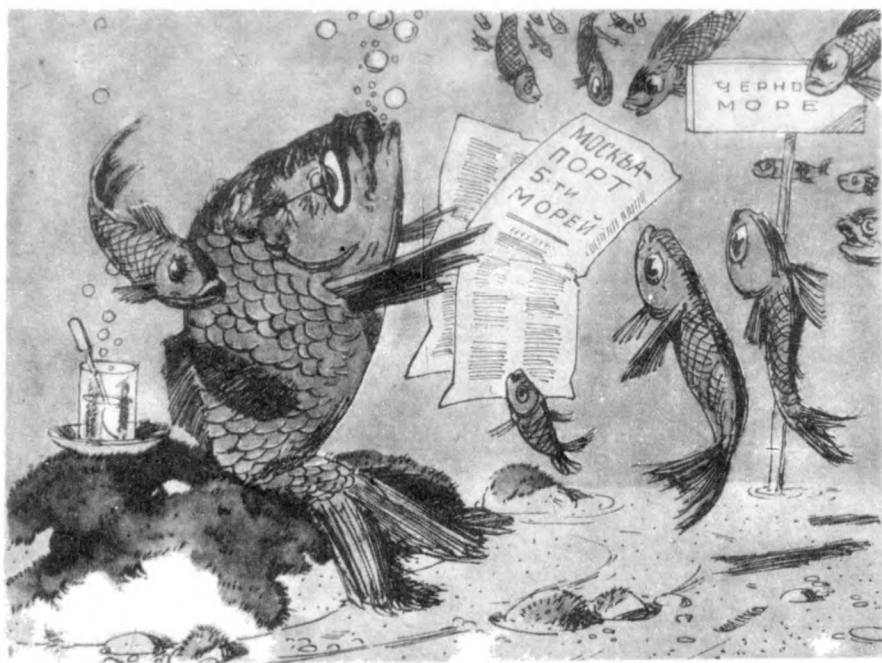
ЗАПОЗДАВШИЙ ГОСТЬ

В аул приехал гость вчера,
Упал, как камень с неба.
Мы все пришли к нему с утра:
— Давно приехать бы пора,
Ты десять лет здесь не был!
Чего ты только не видал,
И где ты только не бывал!
Мы ждем твоих рассказов...
Но начал гость не сразу.
Он о себе нам рассказал,
О городах, где жил,

Свои медали показал,
И фото разложил,
И развернул он паспорт свой —
Смотри — с пропиской городской!..
Падинцы же молчали,
Лишь головой качали:
Какой, мол, друг, счастливый ты,
Как твой удел завиден,
А мы живем средь гор крутых
И ничего не видим!
Он рассказал о кораблях —
Ведь он их видел близко:
— Вы не бывали на морях,
На Черном, на Каспийском?
Я столько видел на веку.
Боюсь, что не поймете, —
Я к вам до самого Баку
Летел на самолете!..
И земляки в ауле
Друг другу подмигнули,
А бывший летчик и моряк
Молчали и смотрели так,
Как будто впрямь до этих пор
Коней лишь знали люди гор
И многие едва ли
Автомобиль видали.
Но тут шофер наш молодой
Чуть не испортил дела,
Спасибо, смех внезапный свой
Он кашлем скрыл умело.
Конца рассказам гостя нет.
Рассказывает он,
Как в городах сияет свет,
Трезвонит телефон
И радио на целый свет
Гремит со всех сторон.
Телеграфистка и радист,
Цадинец инженер-связист —
Все повторяют снова:
— Не может быть такого!..
Пока он это говорил,
Свет прыгнул белой кошкой,
И загорелись фонари,
И вспыхнули окошки,
И кто-то радио включил,

И песня полилась в ночи:
 По станции московской
 Цадинцам пел Козловский.
 И гость увидел лишь тогда,
 Что он для всех потеха,
 Покинул он аул Цада,
 В другой аул поехал.
 Наверно, ищет до сих пор
 Он темный угол в дебрях гор.
 Но опоздал на двадцать лет —
 Таких аулов больше нет!

Перевели с аварского
 Елена НИКОЛАЕВСКАЯ
 № 3, 1951 г. и Ирина СНЕГОВА.

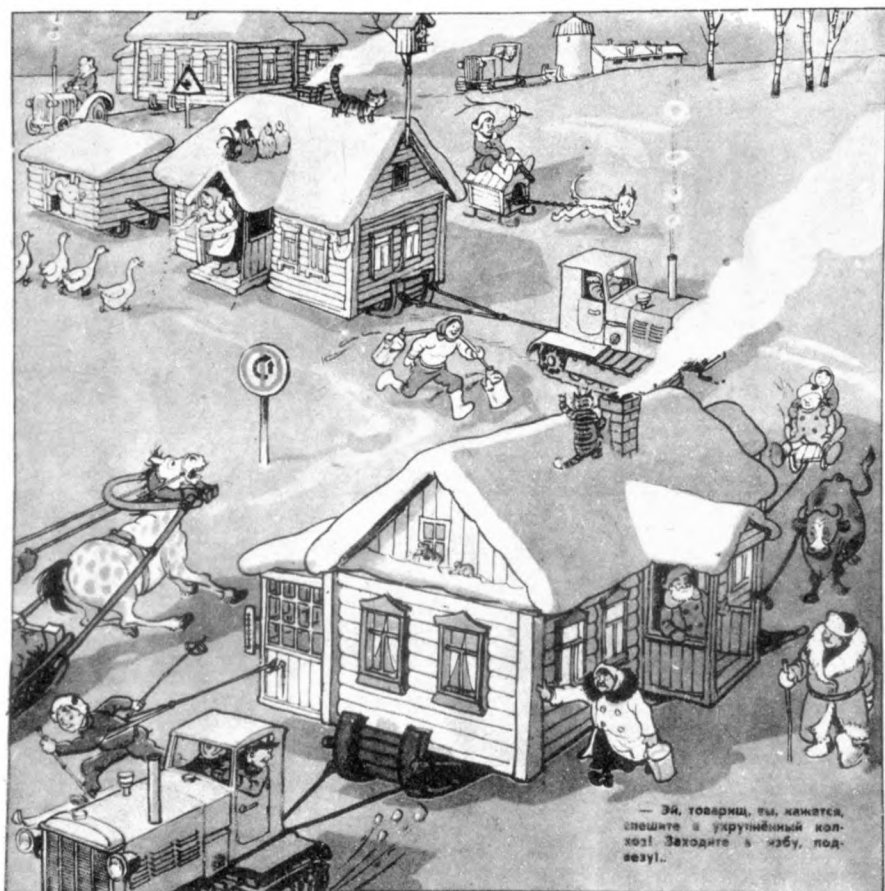

— А в прежние времена, детки, мы могли попасть в Москву только в консервной банке!

№ 8, 1952 г.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

В ПОЛНОМ РАЗГАРЕ СТРАДА ДЕРЕВЕНСКАЯ.

— Эй, товарищ, вы, кажется, спешите в укрупненный колхоз? Заходите в избу, подвезу!..

№ 2, 1951 г.

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

У СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА.

У СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

— Тише! Не мешай! Папа работает: он подбирает кадры!

Рис. В. КОНОНОВА

К Р О К О Д И

№ 26 (1316) МОСКВА 30 СЕНТЯБРЯ 1952

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
ГОД ИЗДАНИЯ XXXI

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

— Тише! Не мешай! Папа работает: он подбирает кадры!
№ 26, 1952 г.

Рисунок В. КОНОНОВА.

НИКАКИХ ГВОЗДЕЙ!

Недавно в полдень жаркий
Я побывал в одном тенистом парке.

Сижу,

Брожу,

По сторонам гляжу.

Передо мною стройные аллеи
И клумбы роз, одна другой пышнее.
Как этот парк наряден и богат!
Его, должно быть, холят и хранят.
Какие тополя, каштаны, буки
Взлелеяли заботливые руки!

Вот этот дуб переживет века.
Смотрю, на дубе черная доска
С призывом: «Береги массив зеленый!»
А там шумят приветливые клены.
На каждом клене поперек ствола
Прибита деревянная стрела
С короткой надписью: «Аттракционы».

Стремясь порядку научить людей,
Хранитель парка не жалел гвоздей.
В могучий ствол дубовый
Забил он гвоздь двенадцатидюймовый,
А в этот бук
Вогнал гвоздей огромных двадцать штук,
Чтоб вывесить такие объявления:
«Оберегайте лесонасаждения!»,
«Не рвать цветов!», «Запрещено курить!»,
«Не мять газонов!», «В парке не сорить!»,
«Нельзя плевать» и «Дорогие детки!»
Не обрывайте на деревьях ветки!..»

На всех стволах, куда ни кинешь взгляд,
Таблички аккуратные висят.
Взгляните на каштан или на бук вы,
С каким искусством выведены буквы!
Вот «Книготорг», а вот «Спортивный клуб».
Когда бы говорить умел ветвистый дуб,

Столетний дуб с табличкой «Детский сектор»,
Он заявил бы: «Дорогой директор,
Порой друзья страшнее, чем враги.
Ты от себя меня обереги!»

№ 11, 1952 г.

Александр НИКОЛАЕВ

СЛУЧАЙ С ДЫШЛОМ

Ни с того ни с сего началась канитель.
В промартели однажды случилась запарка.
Поднята была на ноги вся промартель.
А причина: телега-бестарка.

Председатель собрал весь артельный народ.
Слово кучеру дали:
— Как все это вышло?
— Очень просто,— сказал он.—
Поворот — и сломалось дышло...

Снарядили за дышлом бывалых гонцов,
И гонцы промартели разъехались вскоре
В Казахстан и в Баку, в Кишинев и в Ростов,
В Ленинград и на Черное море.

Сколько сметки они проявили в пути,
Сколько ловкости, гибкости, сколько сноровки!
Только дышла нигде не сумели найти,
Лишь отметили командировки.

А бестарка уж ходит с дышлом давно.
Вновь спросили у кучера:
— Как это вышло?
— Взял я в руки топор, обтесал им бревно —
Вот тебе и готовое дышло!

№ 22, 1952 г.

ЭМИЛЬ КРОТКИЙ

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

Спички готовы были сгореть со стыда за выпустившую их фабрику, но не могли.

Живопись не каша, ее и маслом испортить можно.

Он был уже лыс, но писал все еще кудряво.

В повести так много пили, что из нее можно было гнать спирт.

Человек с точным адресом: его хата всегда с краю.

Перевод походил на подлинник, как сто медных копеек походят на серебряный рубль.

Опечатки вкрадываются, сюжеты крадутся.

И голова и пиджак у него были с чужого плеча.

Не всякая кучка могучая.

Часы были верны только себе: они всегда опаздывали.

Посетителей он принимал как лекарство: неохотно и только по предписанию.

Дружба и чай хороши, когда крепки и не слишком сладки.

У мыши всегда на сердце кошки скребут.

Литературный мэтр держится так, точно он проглотил аршин.

Рыба, сваренная с лавровым листом, думала, что ее увенчали лаврами.

Если человек не может найти себя, адресный стол ему не поможет.

Щедрина знал по бороде, Толстого по босым ногам. Не читал ни того, ни другого.

Перед тем, как начать отчет, он протер пенсне, а потом стал втирать очки.

Ему пришла в голову мысль, но, не застав никого, ушла.

Оторвавшейся от пальто пуговице, вероятно, кажется, что она оторвалась от жизни.

А. РАСПЕВИН

ИЗ РАЗМЫШЛЕНИЙ ПРУТКОВА (ВНУКА)

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩЕМУ АДМИНИСТРАТОРУ

Отложенный вопрос не сбережение: он не дает процентов.

От административного пыла не воспламеняется и солома.

СОВЕТЫ ЛИТЕРАТОРАМ

Наберись мужества не всякую строку рассматривать как дар читателю.

Стихи не алмаз, и приятно, когда они не режут... слуха.

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩЕМУ ОРАТОРУ

Учись у курских соловьев: они поют без нот, а не сбиваются.

И еще скажу: оратора, не представляющего конца своей речи, можно смело уподобить заблудившемуся путнику, который не ведает, куда несет его стихия.

Учти: графин, стоящий на трибуне, не утоляет жажду слушателей.

Богатой шапкой не скроешь бедности в голове.

НА КОРОТКОЙ ВОЛНЕ

ИХ ЗНАМЕНИТОСТИ

Некий Роберт Браун стал известным лицом в Шотландии потому, что осуждался судами за пьянство так много раз, как никто другой за всю историю страны. На днях он скончался в госпитале Сент Маргарет в Дюефермлайне. Газетные некрологи отмечают, что Браун судился за пьянство 485 раз. Он надеялся, что до конца жизни сумеет округлить эту цифру до пятисот.

ДРУГ ДРУГА СТОЯТ

Бизнесмен сидит у постели своего умирающего компаньона.

— Джон,— говорит умирающий.— Я должен перед смертью покаяться... Десять лет тому назад я ограбил нашу фирму на 50 тысяч долларов... Кроме того, я продал нашим конкурентам чертежи твоего изобретения... Я украл письма, которые были предъявлены тебе, как улики, в твоём бракоразводном процессе...

— Успокойся, Гарри,— произнес бизнесмен,— не волнуйся... я тебя отравил...

ЛИФЧИКИ ДЛЯ КОРОВ

Одна фирма в Лос-Анджелесе приступила к выпуску специальных бюстгальтеров для коров. Фирма считает, что это поднимет удой коров, а также, очевидно, и пошатнувшиеся дела фирмы.

РАЦИОНАЛИЗАТОРСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Некий адвокат из города Оттава предложил, чтобы в будущем члены парламента произносили свои речи... стоя на одной ноге.

ТУРНИР ВРАЛЕЙ

Исполнилось 20 лет со дня основания знаменитого в США «клуба вралей». По случаю юбилея состоялся международный турнир любителей вранья. Цель турнира — определить чемпиона мира по лжи.

Открывая состязания, президент клуба мистер Отис Халет заявил:

— Врать — это большое искусство, это великий спорт. В нынешнем году мы надеемся открыть новые таланты!

Результаты турнира окончательно еще не определились. Известно лишь то, что все выявленные на турнире «таланты» будут обеспечены работой в желтой прессе США.

ЗНАТОКИ

По сообщению газеты «Дейли уоркер», судья Макманно, который выступал на процессе «подрывных элементов» в Питтсбурге в качестве «эксперта по вопросам марксизма», заявил:

— Лев Толстой является одним из коммунистических писателей.

Затем Макманно обвинил одного из подсудимых в том, что он изучал сочинения Льва Толстого «с целью получения знаний в области марксизма».

Передают, что присутствовавшие в зале суда были потрясены столь глубокими познаниями «эксперта» как в области марксизма, так и в области русской литературы.

1953—1957

Юрий БЛАГОВ

ОСТОРОЖНЫЙ КРИТИК

Я — за смех! Но нам
нужны
Подобнее Щедрины
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали...

№ 12, 1953 г.

И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

ПАХОМ С КАРАНДАШОМ

Кто бы посмел сказать, что Пахом —
Чернильная душа!
Прославил себя Пахом не пером —
Росчерком карандаша.
С просьбами, жалобами к нему
Люди идут в кабинет,
Всех принимает Пахом.
Никому
В просьбе отказа нет.
Входишь к Пахому,
над ним, как нимб,
Электроламп венцы.

Неделю назад сенатора Пиксона пригласил к себе Глобс, один из лидеров демократической партии.

— На кой же черт, спрашивается, мы пропихнули вас в сенат?— кричал Глобс.— Чтобы вы молчали там, как рыба? Вряд ли для этого мы швыряли деньги на выборах! Пошевелите мозгами и бахните что-нибудь похлестче республиканцев. Пять дней срока. Либо вы сделаете настоящий бум, либо из вас сделают бифштекс, тушенку, фарш—что хотите, вы же понимаете в мясном деле!

В лихорадочных попытках придумать сенсационную тему речи злосчастный сенатор провел все эти дни. В ночь на четверг в игру включилась его жена Сесиль. Давно и страстно жаждавшая паблисити—известности,—миссис Пиксон включила телевизор. На экране появилась пышная супруга одного недавно всплывшего на политическую поверхность сенатора. Она вызывающе нюхала цветы в собственной оранжерее и нагло улыбалась...

К утру Сесиль с достаточной ясностью установила, что ее супруг не сенатор и не политик, а лавочный сиделец, безнадежный тупица, мясник, старый свиной окорок, что в сенате он только просиживает кресло, в то время как другие произносят речи, создающие им бешеное паблисити. Нет, дальше так продолжаться не может! Если на этой же неделе он не сделает надлежащих выводов, она сама добьется известности: объявит в прессе, что любовь к Америке не позволяет ей быть женой сенатора, пренебрегающего своим политическим долгом, и уедет к отцу в Новый Орлеан.

«Взгромоздиться на резную трибуну сената и произнести речь... Но о чем?»—мучительно думал Джеймс У. Пиксон.

Тем для выступлений было великое множество, но как в повышении цен на сигары или перегрузке уличного движения обвинить мировой коммунизм? А без такого обвинения лучшая речь не стоит ни цента.

Мистер Пиксон вышел из спальни только ко второму завтраку. Супруга после ночного скандала демонстративно отлеживалась где-то во внутренних комнатах. В доме стояла зловещая тишина, только из сада доносился в открытое окно ровный, поучающий голос мистера Тейлора, которого Пиксон вынужден был нанять для своего старшего недоросля, провалившегося на весенних экзаменах.

— Вы уже знаете,—бубнил мистер Тейлор,—что земной шар разделен на двадцать четыре пояса, в каждом из которых время отличается на один час от соседнего: к

востоку — на час раньше, к западу — на час позже... Почему это так, скажите?

— Земля вертится,—проныл Джек, и по голосу его мистер Пиксон понял, что он болтает ногами.

— О'кей! Теперь припомните, где проведена демаркационная линия, иначе говоря, граница суток.

— В Тихом океане,—лениво ответил Джек.

— Верно. Теперь проследим снова, как земной шар вкатывается в освещенное солнцем пространство. Следите по карте. Сперва под лучи солнца попадает азиатское побережье Тихого океана — Северная Сибирь, потом советский Дальний Восток и Китай. Затем солнечные лучи пройдут через всю Азию, потом достигнут Европы, Атлантики и, наконец, осветят восточное побережье Северной и Южной Америки...

Джеймс У. Пиксон шумно отодвинул стул и спустился в сад.

— Что за чепуху вбиваете вы мальчишке в голову? — гневно спросил он поднявшегося ему навстречу Тейлора. — Что же, по-вашему, выходит, что сутки начинаются где-то в Азии? В Сибири?

— Это по международной конвенции, мистер Пиксон. Я не виноват.

— Почему же так получается? Ведь, сколько я понимаю, Земля вертится.

— Именно поэтому и оказалось необходимым установить условную исходную линию начала суток,—подхватил Тейлор.—Этой линией со времени международной конференции 1884 года считают стовосьмидесятый меридиан, который очень удобно проходит по Тихому океану как раз между Азией и Америкой.

Сенатор помолчал, думая о чем-то своем.

— Вот что, мистер Тейлор,—сказал он наконец,—ответьте-ка мне прямо, без всяких меридианов: значит, первые утренние лучи попадают сначала на Сибирь и на Китай? Так, что ли?

— Совершенно верно.

— А когда же они доберутся до Америки?

— Шанхай находится в восьмом поясе, Вашингтон — в девятнадцатом. Следовательно, через одиннадцать часов.

— О'кей,—сказал Джеймс У. Пиксон.—Кажется, тут есть о чем подумать... Дайте-ка сюда вашу книжку, а парня займите чем-нибудь другим.

В пятницу в сенате был большой день. На трибуну

вышел сенатор Пиксон, никогда прежде на ней не появлявшийся.

— Всем известно, джентльмены,— начал он,— какое значение для здоровья человека имеют ультрафиолетовые лучи. Наукой доказано, что лучи эти крайне дефицитны и что полноценны они только в самые ранние часы, свежим утром, о прелести которого сложено множество стихов разными этими... поэтами. Будучи человеком деловым, я не стану декламировать их, а прямо схвачу быка за рога, быки-то мне более знакомы...

Одобрительный говорок в зале.

— Вся беда в том,— продолжал мистер Пиксон,— что с точки зрения медицины солнечный свет уже к девяти часам утра приобретает ту ценность, что и свиная туша, лишенная сала...

Кинооператоры, предчувствуя сенсацию, начинают подкрадываться к трибуне.

— ...Короче говоря, вся первосортная ультрафиолетовость из него улетучивается. И мы не имеем возможности пользоваться стопроцентными утренними лучами. Мы их просто не ощущаем. Вы будете поражены, джентльмены, когда услышите, что оба американских материка были нагло обокрадены, ограблены, лишены драгоценных ультрафиолетовых лучей в результате происков мирового коммунизма!

В зале общее движение. Репортеры склонились над блокнотами, фотографы вспыхнули своими светопушками перед багровой от возбуждения физиономией сенатора Пиксона.

— Это случилось, джентльмены, в 1884 году. Ученые всего мира собрались на конференцию. Как известно вам со школьной скамьи, Земля наша вращается, и поэтому надо было уговориться, в каком ее районе будут начинаться новые сутки. Доверчивые американцы тоже были на этом конгрессе. Тогда они не представляли себе всего коварства и хитрости мирового коммунизма. Не подозревая, на что обрекают они свою страну, эти честные деловые люди неосторожно подписали протокол конференции, по которому граница между сутками была проведена в Тихом океане. Теперь посмотрите, что из этого получилось. Первые, самые целебные солнечные лучи прежде всего захватываются просторами Сибири. Затем, при дальнейшем вращении земного шара, в пространство, освещаемое драгоценным ультрафиолетовым светом утренних лучей, вкатывается Советский Дальний Восток. Потом — коммунистиче-

ский Китай. Потом — взбунтовавшийся Вьетнам. Потом — другие такие же острова, или как их там... материки, населенные цветными. Терпимо ли, джентльмены, что китайцы, малайцы, корейцы и прочие желтые, черные и коричневые захватывают для себя все сто процентов ультрафиолетовых лучей, отпускаемых господом богом для здоровья порядочных людей? Не забудьте, что целебная сила солнечных лучей к восьми-деяти утра исчезает и, значит, все то, что божественный промысел предназначил для англосаксов, уже израсходовано и на кого? На русских и на цветных!

Общее движение. Трещат кинокамеры. Репортеры бросаются к телефонным будкам.

— И вот, джентльмены, когда вся жизненная сила солнечных лучей уже похищена, когда, так сказать, дивиденд получен и купоны острижены, — тогда только эти лучи, ослабленные, выхолощенные, никому не нужные, как акции лопнувшего треста, начинают освещать нашу Америку. Сейчас, — оратор драматическим жестом поднял к глазам часы, — четыре часа сорок две минуты... В лучах ограбленного коммунистами солнца, которые падают на вас через эти окна, нет уже ни на цент ультрафиолетовости. А между тем в это же самое время коммунисты где-нибудь в Шанхае или во Владивостоке впитывают в себя все сто процентов благодатного эликсира жизни, украденного у нас! Терпимо ли это? Я спрашиваю, терпимо ли это далее, джентльмены? Я надеюсь, что каждый здравомыслящий американец поддержит мое требование, которое я адресую федеральному правительству, а через него Организации Объединенных Наций: немедленно перенести границу начала суток из Тихого океана в Атлантический! Америка должна каждое утро получать свежие и первосортные ультрафиолетовые лучи!

Овации. Рев. Аплодисменты. Оратор машет кулаками, грозит кому-то, указывая то на солнце, то на часы.

Так началось широкое паблисити сенатора Пиксона.

Это вымысел? И да и нет. Недавно известный сенатор Маккарти (от штата Висконсин) «разоблачил проникновение коммунистов в церковные хоры.» Крупный фермер Бромфилд (из штата Огайо) опасаясь, что «продажа желтого маргарина будет содействовать росту коммунизма в стране», заявил в конгрессе: «С каждым фунтом потребляемого маргарина в стране растет коммунизм». Как видим,

этим и многим другим джентльменам недалеко до мистера Пиксона.

Мистер Пиксон не сделал из своей ультрафиолетовой теории последних выводов. Ныне на помощь ему приходит тот же сенатор Маккарти. Как сообщает агентство Ассошиэйтед Пресс, он заявил: «Мы сможем повернуть историю вспять».

Надо думать, американский сенат при первом же удобном случае известит мир о том, как удалось повернуть историю вспять, и уточнит, на сколько именно градусов. В противном случае это событие может остаться незамеченным.

№ 21. 1953 г.

В.Л. ДЫХОВИЧНЫЙ,
М. СЛОБОДСКОЙ

БАЛЛАДА О ГОРОДЕ КАМПАНЕЙСКЕ

Есть много разных городов,
Но не о них рассказ.
Не Омск, не Томск, не Псков, не Гдов
Сейчас волнует нас.
Не Луцк, не Слуцк, не Львов, не Льгов,
Не Буй, не Бийск, не Ейск,
А городок из городков —
Наш город Кампанейск.
До нас его дела и дни
Не воспевал певец:
Ни пыл его, ни взлеты, ни
Трагический конец...

А городок наш был ретив,
Неудержим, хоть мал.
По части инициатив
Он удержу не знал.
Для Кампанейска грани нет:
Намек, сигнал, призыв —
Он доводил любой совет,
Любой абзац в статьях газет
До силы директив.
И, сам себя воспламенив,
Он тут же объявлял

Для выполнения директив
Кампанию-аврал.
О пользе коз стоял вопрос.
Прошло немного дней —
И здесь уже внедряли коз
И резали свиней.
Когда ж вопрос про опорос
В проблему перерос,
Все бросились к свиньям и коз
Пустили под откос.

Была статья, что без воды
Не выйдешь из нужды.
И Кампанейск срубил сады,
Чтоб выкопать пруды.
Но дан сигнал: «Садам — труды!
Садами мы горды!»
И Кампанейск зарыл пруды,
Чтоб высадить сады!

Когда в газете старожил,
Чтоб дел не забывать,
Все рестораны предложил
Пораньше закрывать,
То Кампанейск на тот совет
Тотчас нашел ответ:
Все рестораны дал обет
Закрыть уже в обед!
Но Кампанейска жар и пыл
Взметнулся высоко,
Когда наш город приступил
К внедрению «Рококо».
Он местным зодчим дал простор:
«Орудуйте, творцы!»
И в Кампанейске с этих пор
Пошли расти дворцы.
Их много здесь возведено,
Чтоб вызывать восторг:
Дворец-продмаг, дворец-кино,
Ампи́рный терем «Районо»,
Античный «Райпромторг»...
В азарте Кампанейск кипел,
Размахом поражал,
В высотных башнях преуспел
И вышек насаждал!

Но дан был правильный совет,
Что в башнях толку нет,—
От этих вышек только вред,
Архитектурный бред!
И Кампанейск призыву вял,
В момент решил вопрос:
Все башни срыл, все вышки снял,
И даже каланчу сломал,
И водокачку снес!

В кампанию вложил он жар,
Он вел аврал с душой...
Но, говорят, возник пожар,
И, говорят, большой.
А водокачка с каланчой
Разрушена была.
И Кампанейск сгорел свечой,
Как говорят, дотла!

Его, как ясно нам теперь,
Недовоспел поэт.
Сгореть!.. Чувствительней потерь,
Утрат печальней нет.
Кто так воспримет, так поймет
Теперь призыв, сигнал?!
Кто так активно проведет
Кампанию-аврал?!
Никто...

Наш Кампанейск сгорел
И стал к сигналам глух...

.....
А то, что, говорят, он цел,
Так это только слух.

№ 4,1956 г.

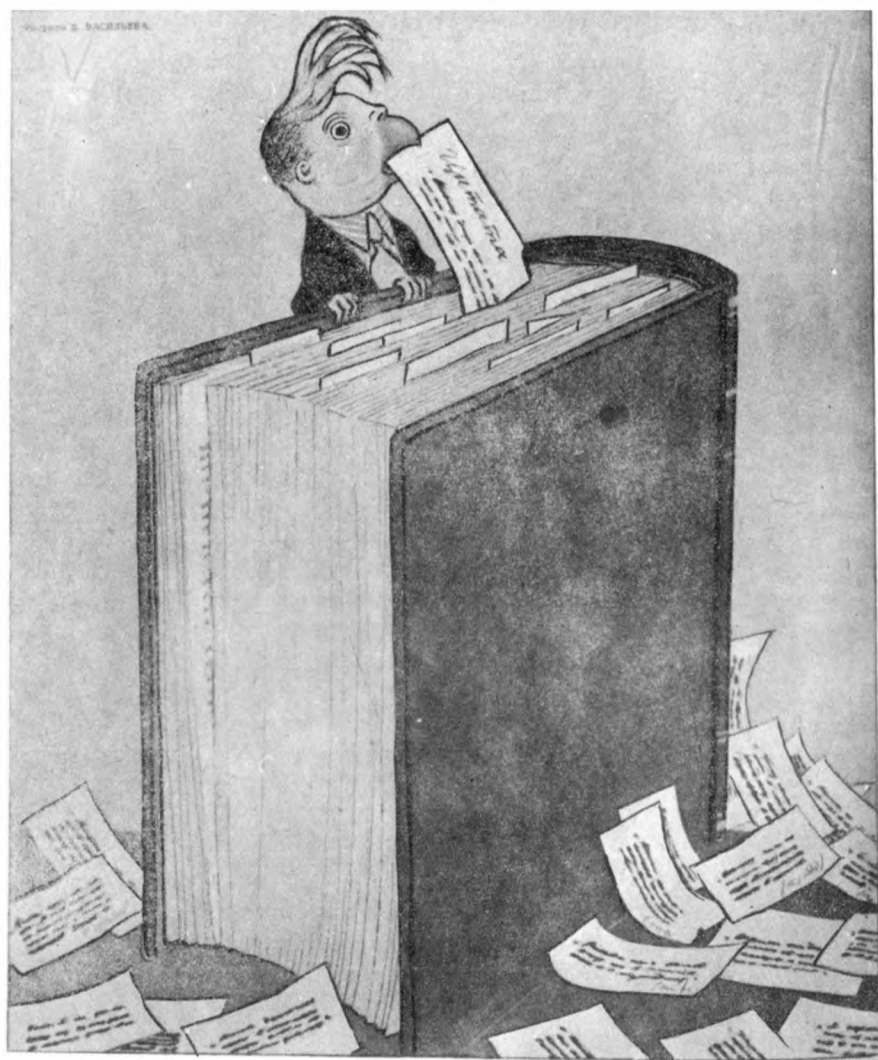
ВНИМАТЕЛЬНЫЕ ДЕТИ.

— Простите, мамаша, что долго не писали, зато теперь мы к вам на все лето приехали...

№ 18, 1953 г.

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

ЛЕКТОР-ЦИТАТНИК.

№ 21, 1953 г.

Рисунок В. ВАСИЛЬЕВА.

ЗАБОТЛИВЫЕ РОДИТЕЛИ.

— Коленька, если у тебя нет больше никаких поручений, может быть, ты разрешишь нам с мамой пойти погулять?

№ 35. 1954 г.

Рисунок Г. ВАЛЫКА.

Иван БУНИН

ИСТОРИЯ С ЧЕМОДАНОМ

Начинается эта ужасная история весело, просто и гладко.

Дело происходит в доброе старое время, однажды весной.

Я молод, беспечен, легковверен, живу в Москве и собираюсь в свое первое путешествие в Турцию, что, конечно, еще больше меня окрыляет, делает особенно легким в решениях, в поступках, в доверии к жизни.

И вот наступает день моего отъезда, я начинаю укладывать вещи, вижу, что мой прежний чемодан слишком мал, истрепан, и отправляюсь в Английский магазин на Кузнецкий, чтобы купить новый, большой, прочный.

Что такое чемодан? Это ближайший, интимнейший друг человека, по крайней мере в дороге, выбор которого требует, значит, немалого ума, расчета, опытного и зоркого глаза, способности многое предвидеть, взвесить, а еще и того, конечно, чтобы, выбирая вещь практично, выбрать вместе с тем нечто такое, что не причинило бы ущерба и эстетическим вкусам, пренебрежение к которым может иной раз сделать самую практичную покупку ненавистной. Что до чемодана, о котором идет эта повесть, то я купил его совсем иначе: вне всяких мудрых правил, изложенных выше, без дум и размышлений, с небрежнейшей быстротой, однако ж на редкость удачно. Так, во всяком случае, казалось сначала — и не без оснований: чемодан на первый взгляд был безупречен.

Я до сих пор отлично помню, как произошла эта покупка. Я вошел в магазин бодро, живо, с тем приятным чувством, с каким всегдаходишь в магазин дорогой, богатый и потому спокойный, просторный, красивый, а главное, знакомый, где тебя не только давно знают, но, как кажется, и любят, где продавцы, похожие на людей из хорошей гостиницы, встречают тебя какою-то такой улыбкой, что тебе вдруг делается очень лестно и ты мгновенно становишься фатом, спеша притвориться тем именно светским молодым человеком, держаться которым тотчас заставляет тебя уже одна эта улыбка. Я, помню, отвечая на поклоны, засунув в левый карман пальто набалдашник трости, конец которой торчал у меня за плечом, быстрым шагом прошел по коврам по разным отделениям магазина, мельком хвостнул, что уезжаю надолго, далеко, и, войдя в дорожное отделение, кивнул головой на первый попавшийся чемодан прекрасной смуглой кожи, не спросив даже, что он стоит, только приказав отправить его вместе со счетом в мой номер в «Лоскутной». Я сразу, конечно, заметил, что в своем фатовстве слегка зарвался, что цена чемодана, когда я о ней узнаю, заставит меня ахнуть. Но эта мысль, это чувство тотчас исчезли в сознании, что такой превосходной вещи у меня еще никогда не бывало, что я могу покрыть эту трату экономией на прочих расходах... Взгляд мой упал на этот чемодан совершенно случайно, но я им сразу восхитился — и недаром.

Повторяю: не в пример большинству покупок, столь пленяющих в лавках, а дома, при ближайшем и спокойном рассмотрении, приносящих чаще всего большое разочарование, чемодан оказался и в «Лоскутной» вполне достойным восхищения. В магазине он так поразил меня своими

замками, кожей и тем, как он вообще дивно сработан, что я, принужденный сделать до отъезда еще кое-какие покупки, ужасно торопился как можно скорее воротиться домой, спешил, как на любовное свидание. А он был уже там, в «Лоскутной», как бы ждал моего прихода, спокойно лежа в номере на диване, весь обернутый толстой синей бумагой и увязанный тонкой и крепкой бечевкой. Я, наконец, приехал, вбежал в номер и кинулся к дивану. Я быстро перерезал бечевку, разметал бумагу, и вот мой новый друг и спутник предстал передо мной во всем своем блеске, большой, тяжелый, прочный, ладный, с этим удивительным лоском новой великолепной кожи, с зеркально-белыми замками, благородно-пахучий, атласно-скрипящий... Легко себе представить, с каким чувством я его раскрыл, раскинул, увидел его девственные недра, большой карман темно-красного сафьяна с исподу верхней половины!

Так радовал он меня и всю дорогу до Одессы. Я все время наслаждался чувством своего обогащения, мыслью о том, чем я обладаю. Сажу в вагоне-ресторане за обедом, лечу и мотаюсь, расплескивая, наливаю красное бордо в низкий и толстый стакан, гляжу на столы, на соседей, на тот веселый, пестрый блеск, что присущ всем вагонам-ресторанам, потом пью кофе и курю жаркую и сладкую сигару, а сам мысленно вижу свое купе с уже раскрытой постелью, лампочку под розовым абажуром на столике возле постели и его, мою гордость: лежит себе в отянувшейся сетке, плотно набитый всем мне необходимым, качается и дремлет, мчитя вместе со всеми нами в Киев, в Одессу! Возвратясь в купе после обеда, выпиваю нарзану, слегка задыхаюсь от его стеклянно-колючих иголок, раздеваюсь, тушу свет, засыпаю — и опять та же мысль, то же чувство: ночь, вагон, темнота, все летит, рвет, скачет, а он тут, со мной, в этой сетке... Я чувствовал к нему даже какую-то благодарность.

Ну-с, а затем мы приехали с ним в Киев, пересели в другой, тоже ночной, курьерский, а утром проснулись уже под Одессой в то время, когда весь вагон умывался, одевался, пил чай и кофе, что несли по поезду лакеи... В Одессе мы остановились в «Петербургской», он, то есть чемодан, полежал в вестибюле, а я съездил в пароходную контору, потом позавтракал в ресторане «Петербургской» жареной глосью, запивая ее белым вином Кристи, и, расплатившись по счету и вновь соединившись с чемоданом, поскакал в Карантинную Гавань... Пароход уже

готовился к отходу. Он оказался старый, выдавший виды, низкий, с тяжелой кормой, с глубокой посадкой. «Значит,— подумал я,— покойный, невалкий». Был он приятен и тем, что был совсем почти безлюден, только подъехало в самую последнюю минуту еще два пассажира первого класса, какой-то ксендз и в трауре худая дама из польских, так что в нашем с чемоданом распоряжении оказалась целая большая каюта. Там чемодан лег на верхней койке, а я расположился на нижней. Вскоре после того пошел над нами топот матросов, под бортами зашумело, забурило, послышались свистки, команда, треньканье телеграфа из вахтенной рубки в машину, набережная стала от бока парохода отделяться... На закате мы были уже далеко в море, и я не запомню столь ровного, безмятежного хода, каким шли мы весь вечер, а потом в мягкой тьме морской ночи с теплым и все крепнущим ветром. Надышавшись им на юге, я часов десять был уже в койке и стал погружаться в сладкую дремоту, медленно опускаясь и поднимаясь вместе с нею, ваяясь то на правый бок, то на левый, временами шумно покрываясь целым водопадом вдруг откуда-то ударившей в стену волны, временами же ровно, тихо дрожа на слегка стучащей дрожи работавшей где-то в глубине машины... Как вдруг, как раз в ту самую минуту, когда я уже совсем было исчез куда-то, меня вознесло, как на качелях, потом метнуло книзу и оглушило таким громом, что я дико сорвался с койки в полном убеждении, что пароход налетел на что-то, что сейчас в каюту хлынет море, и получил такой страшный удар в ноги, что ринулся вниз головой, под ревущий умывальник, но, по счастью, не успел его достигнуть, ибо пол за мной внезапно провалился и я снова покатился к койке, снова настигаемый каким-то громом... И пошла, пошла потеха!

Дело было ясно: страшная качка! Но этот гром, грохот? Этот удар в ноги? Чем это меня такхватило? Страшней всего было мгновение ожидания нового удара, пока я катился к койке. Тут я, однако, изловчился, упал в койку грудью и, поймав на переборке какую-то кнопку, осветил каюту. Что же оказалось? В шуме волн, в свисте ветра, в скрипе переборки на полу бешено летающей каюты носится что-то живое! Да, живое, живое! Что? Не чемодан, конечно! Это он оглушил меня громом, брякнувшись с верхней койки об пол, потом чуть не перебил мне ноги. Теперь, на свободе, он носился по каюте как угорелый. Он точно мстил кому-то за всю ту покорность, с которой он должен был лежать всю дорогу в сетках, притворяться

моей вещью, бездушным чемоданом. Он вдруг ожил и бесовски разыгрался: гладкий, скользкий, тяжелый, как булыжник, набитый мной до круглоты, до отказа, как говорят нынче, он в диком и резвом веселье то мчался на меня, на койку и бил лбом в ножку койки, то, подпрыгнув, кубарем летел под умывальник, а оттуда к двери, а от двери под иллюминатор... Умывальник, мотаясь, как пьяный, задыхался, отчаянно ловил своей дырой воздух, клекотал и захлебывался ревом; переборки трещали, скрипели; иллюминатор то и дело падал своим черным стеклом в налетающие волны, которые, взвываясь, били в него густой, мутной слюной, текли ее мерзкими разводами, кружевами, а чемодан стервенел все больше и больше, ничуть себя не жалея, драл свою дивную кожу, с яростью бился замками и углами обо что попало... Надо было немедленно кинуться на этого безумца, подмять под себя, притиснуть к полу, забить под койку. И вот я опять сорвался с койки и упал на него всем телом. Но тут пол за мной опять рухнул, впереди же встал дыбом, и чемодан быстро выскользнул из-под моего тела, крепко дал мне в темя и, крутясь, грохоча, сам понесся под койку. Я мгновенно перевернулся и уже готов был вбить его туда одним ударом, но он вдруг подпрыгнул, как мячик, взвился и понесся к двери, а я угодил как раз туда, куда его метил, под железную сетку койки, страшно ободравшую мне плечи.

Продолжать ли рисовать эту гнусную битву? Ей не было конца и края. Я тоже потерял рассудок, тоже остервенился. Сперва я еще думал, что все это только игра моего воображения, что чемодан мне только показался живым, одушевленным; я сначала испугался лишь корыстно — того, что он весь изобьется, обдерется, кинулся к нему, в сущности, на помощь, чтобы облегчить ему возможность где-нибудь приткнуться, задержаться. Но нет, он вовсе не был лишь игрушкой, забавой волн и ветра, бессмысленной вещью, безвольно вверх и вниз летавшей вместе с каютой! Он, видимо, сознательно был счастлив всем этим адом качки, давшей ему столь чудесный случай сорваться на пол и пуститься в свои беснования, раззадорить меня ими, вовлечь в схватку и начать нещадно гвоздить по чем попало. И если б кто видел, сколь он оказался ловок, прыток, изворотлив, как метки и ужасны были все его удары, какой умной, сильной, злобной тварью он вдруг объявился! Но ведь и я был не из таковых, что сдаются сразу. Я бился не на живот, а на смерть, руками и ногами, и порой награждал его такими тумачами, что он, не взвидев

света, взвился чуть не на умывальник, у которого все больше выворачивало душу от морской болезни. Я скрежестал зубами. О, если бы помощь! Но кто же мог помочь мне? Кричать — верх позора, да и кто бы отозвался? Не спали лишь там, на вахте! Я задыхался, обливался потом, катаясь по каюте в самом постыдном, растерзанном виде, молил бога о кинжале. О, если б кинжал! С каким упоением я всадил бы его в бок этой твари! Но какой кинжал, откуда? Да и что ему кинжал?

Кончилось все же моим бегством. «Будь ты проклят! — крикнул я ему под утро. — Носись, взвивайся, грохочи тут сколько хочешь!» И, кое-как одевшись, выскочил вон из каюты.

Наверху был холод, лед, пустыня, буря; палубу то и дело крыло пенными шумными хвостами крепкого, пахнущего мокрым бельем моря. Я жадно хватал грудью свежий воздух, стоял, мотался, ухватясь за притолоку рубки. Уже стихало и светало. Борт передо мной летел в лиловеющее облачное небо, а небо куда-то прочь, в бездну, потом вдруг открывалась и отвесно неслась прямо на меня равнина моря, зелено-седого, изрытого ухабами, горами, с которых дымом, метелью гнало пыль пены. Я метнулся из рубки на холодный ветер, или, говоря поэтичней, в ледяные крылья бури, и с безобразно вздутым картузом в один зигзаг перелетел к юту, ют в тот же миг взвился вверх своим широким задом; все остальное, вся та неуклюжая тяжесть, что была впереди подо мной — палуба, рубка, труба и отчаянно вопиющие снасти, — повалились к носу, поклонились морю и по плечи, по горло, с мучительным наслаждением в него погрузились, и я увидел, как мала и несчастна наша старая, черная баржа в этом огромном и дикопустынным водном круге, высоко затоплявшем горизонты, охваченном лохматым небом. Но что мне было до всей этой картины! Я, видя, что все-таки стихает, что близится утро, стискивал зубы, бормотал злорадно, сладострастно (чемодану, конечно): «Ну, погоди, погоди же!»

А в сущности, что я мог ему сделать?

ЖЕНИХ С ПРИДАНЫМ.

— Леночка, не хотите ли стать моей вдовой?

№ 19, 1955 г.

Рисунок Бориса ЛЕО.

Рентгеновский снимок сердца покорителя сердец.

№ 20, 1955 г.

Рисунок М. БИТНОГО.

КАРП

Чудный лес. Смешанный. И дубы большие-пребольшие в лесу растут, и ясенки, и березки, и сосны. А более всего дубов да сосен. В тихую погоду в лесу не шелохнется: тихо-тихо, только нет-нет да и заиграет иволга флейтой, застучит дятел, зативликает щегол... И снова тихо.

Посредине леса пруд, украшенный камышом с одной стороны...

И как-то уж получилось так, что на одном берегу в пруд сосны заглядывают, а на другом, противоположном,— дубы... Слева, над прудом, плотина, а справа простерся луг с зелеными кустами, вербами и густой-прегустой травой.

В том пруду карпы живут. Огромнейшие карпы!

— Ох, и большие же карпы в том пруду живут! Как корыто!

И как же хочется поймать это «корыто»...

И еще после того, как вам скажут:

— Да что вы?! Да там как ухватит, как дернет, как поведет, так и не подумайте подсекать! Старайтесь, чтобы сам сорвался. А то и крючка не будет, и лески не будет, и удилица не будет, и сами вы, если за дуб не уцепитесь, так в пруду окажетесь! Вот какие карпы у нас! Не карпы, а жеребцы! Они у нас особенной породы, гибриды: мать — зеркальная, а отец — симментал.

Вот и хочется поймать такого гибрида.

Председателя колхоза, которому принадлежит тот чудесный пруд, мы нашли в степи, возле комбайна, как раз домолачивающего большой участок озимой пшеницы.

— Разрешите, Иван Павлович, карпика поймать у вас,— сказал я безнадежно, так как знал, что он никогда к пруду и близко не допускал.

Иван Павлович усмехнулся и говорит:

— Ловите, хлопцы, ловите! Вижу, что вы рыбаки боевые!

Рванулись мы к пруду что было мочи. И он разрешил все же потому, что настроение у него хорошее: жатву заканчивают досрочно, озимая пшеница как лес, и хлебосдача уже выполнена.

— Только смотрите, чтобы карпик вас сам не поймал! Карпы у нас такие...— вдогонку бросил нам председатель.

— Да мы только так, чтобы побороться с карпом! — крикнули мы.

А клюют карпы на рассвете... И особенно тогда, когда первый нежный луч прорезывает кроны дубов и золотит дубовые листья.

А как только солнечный луч позолотит дубовые листья, тогда он вырывается из дубовой чащи и падает на пруд; тогда и пруд золотой, и камыш, и рогоз, и песок на берегу — все тогда золотое.

И луч от воды отскакивает, летит на тот берег пруда, а там сосны; становятся тогда золотистыми и сосны, и ясенки, и клены; позолотив их, луч летит дальше, аж туда, туда, туда, что его уже и не видно... Только след его остается, веселый да игривый...

И все тогда оживает, и все тогда радуется.

А как в золотом пруду карп всплеснется, так и карп тогда золотой.

А карп, как корыто... Золотое корыто...

Вот какие дела над прудом солнце со своими весело-игривыми лучами проделывает.

А как же поймать того карпа, живущего в пруду среди чудесного смешанного леса, где такие могучие дубы, высокостройные сосны, остролистые клены? Как?

Прежде всего давайте подумаем, стоит ли такого карпа ловить?

— Стоит!

Вы когда-нибудь переживали такой момент, когда на ваш крючок клюнул карп? Переживали? Если не переживали, обязательно переживите, а если переживали, вам захочется этот момент пережить еще раз! До боли, до бешенства, до крика захочется.

Представьте себе такую картину: сидите вы над прудом рано утром. Рассветает... Слева от вас зажглось небо... То солнце поднимается... Об этом уже писано, не будем еще раз писать... В руках у вас удочка. Леска у вас прочная, крючок у вас стальной, закаленный, крепкий. На крючке — картошка, сваренная как раз так, как любит карп: ни мягкая, ни твердая — в самый раз. Вы смотрите на поплавок так, как даже, когда были женихом, не смотрели в голубые большие-большие глаза своей возлюбленной... С таким вниманием, с таким желанием, с таким ожиданием! И вдруг поплавок — дерг! У вас сердце — ёк! Еще раз — дерг! Еще раз — ёк! И вот ваш поплавок поехал-поехал-поехал и исчез под водой. Когда поплавок начинает ехать-ехать-ехать, у вас из-под сердца что-то холодное покатилося-покатилося. Вы за удочку — рраз! Подсекли! И

чувствуете, что в руках у вас что-то трепещет! И видите, что леска ваша натянулась, как струна, а удилице дугой и дрожит!

— Есть! Он, карп!

Вы ведете его к берегу... Удилище с леской ходит туда... Вот карп уже у берега. Вот высунулась его голова, вот уже видно его спину. Он рвется, извивается, бьет хвостом, скручивается в баранку, вырывается... Но вы его не пускаете, ведете... Еще шаг, и он будет на берегу... Сердце у вас колотится, и дышите вы глубоко и часто. Вы уже видите этого карпа либо фаршированным, либо маринованным, либо просто жареным. Вдруг — рраз! Шлеп! Вы — дерг, крючок пустой, а карп, на мгновение оторопевший, еще стоит перед вами... Какие минуты!

Вообще карпа в данном случае у вас нет, сорвался.

Что делать?

Были такие случаи, что рыбак прыгал в воду, чтобы ухватить карпа руками. Бултых! В одежде, в сапогах, с картошкой в сумочке, с папиросами и с путевой в Гагру в кармане... Напрасно! Карп на путевку — даже в Гагру — не клюет, не берет он и на картошку в сумочке, клюет он только, когда картофель на крючке.

Более спокойные рыбаки в такой момент что-то выкрикивают, в зависимости от темперамента, и наживляют на крючок свежую картошку. Закидывают снова и сердито сопят.

Когда сосед (а сосед ваш — стахановец завода «Ленинская кузница», страстный рыбак, отдыхающий в лесу) спросит:

— Большой сорвался?

— Большой, аж черный! — отвечают и снова сопят.

Хуже, разумеется, когда попадется такой карпище, что от вашей лески остается только обрывок, а крючок ваш украшает верхнюю губу карпа...

В таком случае на вопрос соседа, что случилось, строго отвечают:

— Порвало!

Не рекомендуется, между прочим, при ужении карпа оставлять удочку на берегу непривязанной, а самому уходить прогуливаться по лесу, потому что частенько происходят такие случаи, когда подпаски будут кричать вам:

— Дядя, ваша удочка поплыла! Потянуло!

Тогда приходится раздеваться и мотаться по пруду, ловить удочку...

А карп в таких случаях мастер посмеяться над вами: только вы к удочке, а он — дерг и поплыл... Потянуло!

...Так скажите, прошу вас: стоит или не стоит удить карпа, переживая такие вот волнующие моменты?

Мы уже не говорим о переживаниях, когда карп не сорвался, а привезен домой, замаринован, или зафарширован, или просто зажарен!

И вы закусываете и рассказываете:

— Вот как ухватило! Вот как потянуло! Да я не из тех, чтобы упустить.

А председатель в этом колхозе, скажу я вам, хитрющий. Посмеялся он над нами... Хорошо ведь знал, что карпы в этом пруду такие, что не нам их этими удочками поймать. Потому и разрешил.

№ 29, 1956 г.

ВЕРЕН СЕБЕ.

— Прокатимся с горы?

— О, нет! Я привык идти только в гору...

№ 36, 1956 г.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

«КАРЛС-РУЭ», 1954.

— Итак, после некоторого перерыва продлим наше заседание.

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА.

ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД.

— Говорят, за каждой бумажкой стоит человек. Лично я этого не вижу.

№ 26, 1956 г.

Рисунок Е. ГУРОВА.

ПОСЛЕДНИЕ РОМАНОВЫ

Сначала вместе с милым другом, тобольским архиереем Варнавой, посидели благочинно у Аннушки Вырубовой в Большом Царскосельском дворце, почти полностью отведенном под госпиталь. Аннушка угощала крепким, ароматным чаем. Распутин, улучив момент, когда хозяйка вышла из комнаты, посоветовал Варнаве:

— Ты, Суслик, водой не особенно наливайся. Побереги место.

Варнава, держа толстыми волосатыми пальцами крохотную, хрупкую чашечку, хмыкнул:

— Я этих наперстков штук двадцать опрокинуть могу! А куда мы поедем, Григорий Ефимович?

— Звали в одно место... Хористок слушать. Потом скажу. Заедешь ко мне, переоденешься. В духовном туда не с руки показываться.

Послышались голоса. Распутин дернул Варнаву за рукав:

— Отряхни, батя, крошки с пуза! Царица идет! Она почти каждый день к Аннушке заходит. Предлог есть: как будто раненых в госпитале проведать, а на самом деле с Аннушкой потолковать.

Варнава, сметая с рясы крошки, угодливо льстил:

— С Аннушкой! Это только так говорится, что с Аннушкой. Она по тебе скучает.

Распутин погрозил пальцем, но было видно: ему приятны слова Варнавы.

— Смотри у меня, при чужих не ляпни!

Вошли Александра Федоровна и Вырубова. Варнава встал, а Распутин даже не пошевелился. Но его словно подменили: куда делась нагловатая, дерзкая ухмылка; лицо стало строгим, великопостным; взгляд суровый, осуждающий. Царица слегка кивнула Григорию. Варнава понял: они уже виделись сегодня.

— Вам привет, дорогой друг.

— Спасибо, государыня! Будешь мужу писать, от меня поклон земной. Молюсь. Денно и ночью молюсь. И еще отпиши, пушай к евангелию чаще прикладывается. Она, книжица, хоть и махонькая, а светит далеко. Избранное орудие. Послушай, государыня, отца Варнаву про крест животворящий.

Александра так и впилась в архиерея. По лицу, как

всегда от волнения, пошли свекольные пятна, тонкие губы побелели.

— Слушаю вас, отец святой.

Варнава исподтишка глянул на Григория: «Что же ты, чертушка, не предупредил? Как же я теперь выкручиваться должен?» Григорий с усмешкой глянул на мил-друга: «Начинай, Суслик, давай ври!»

— Случилось это знамение, родная государыня, в селе Барабинском 16 июня, в день святителя Тихона-чудотворца. Только ход вокруг церкви начали, как на небе вдруг появился крест. Стоял он в небесном своде минут пятнадцать. А святая церковь что поет? «Крест царей держава верных утверждение». Это — святое предзнаменование, государыня! Божие благословение!

— А потом что с ним стало? — невпопад спросила Вырубова.

— С крестом, Григорий Ефимович!

В глазах у Григория вспыхнули на миг бесовские, лукавские огоньки. Он с любопытством посмотрел на Варнаву: что-то он совет?!

— Растаял крест, матушка, — смекнул Варнава. — Растворился в небесной лазури.

Царица перекрестилась:

— Спасибо вам, отец святой! Я напишу об этом государю... Вы надолго к нам?

— Поживет, — ответил за архиерея Распутин. — Надо ему тут пожить. Клеветы и суесловия много на него синодские понатащили.

— Ужасные люди в Синоде! — подняла коротенькие, пухленькие ручки Вырубова.

— Завистники! — отрубил Распутин. — Взятчики и завистники!

Царица испуганно посмотрела на старца.

— Я знаю вашу доброту, матушка. Не любите, когда я о мытарях и фарисеях доказую. Взятчики и есть! Такие, матушка, коленца откалывают, не приведи господь услышать! Купца Житкова из Вологды начисто разорили. Я, матушка, говорил о нем.

— Я сказала, Григорий Ефимович, кому следует.

Григорий искоса строго глянул на Вырубову. Та сразу заметалась, не понимая, чего он хочет. Распутин кивнул на Варнаву: уведи!

Вырубова догадалась, смиренно залепетала:

— Может, пройдемся по госпиталю, ваше высокопреосвященство? Солдатики возрадуются...

Варнава сначала не сообразил, но, посмотрев на своего покровителя, вскочил.

— Идемте, драгоценная Анна Александровна!

Распутин после их ухода долго сидел молча, изредка поднимая на царицу испытующий взгляд. Потом встал, взял из угла палку, не подал, а ткнул Александре в руки. Та взяла, не заметив искусной резьбы: рыба, держащая птицу,—положила подарок на колени.

— Не пугайся,—забормотал Григорий.— Вера и знамя обласкают. Эту штуку мне с Афона прислали. Пошли государю. Терпеньем спасайте душу. Претерпевший до конца спасен будет!

Помолчал и заговорил по-деловому:

— Отпиши государю, пусть прикажет наступать под Ригой. А то германцы пронюхают. Напиши, виденье мне ночью было. Сегодня же отпиши! Число укажи: наступать после двадцатого...

Александра вынула маленькую записную книжечку в зеленом сафьяновом переплете. Тоненьким, как спичка, красным карандашиком начала записывать. Вошли Вырубова и Варнава. На лбу у архиерея капли пота: устал, поднимаясь по лестнице. Царица порывисто встала, поклонилась Григорию и стремительно вышла, сопровождаемая прихрамывающей Вырубовой.

— Пойдем и мы, отец святой! — с издевкой сказал Распутин.

У подъезда дожидался длинный черный автомобиль. Шофер, весь в коже, молча распахнул дверцы. Григорий плюхнулся на сиденье, вытянул ноги в простых сапогах.

— Домой! На Гороховую!

Ехали быстро, пугая гудками прохожих. Встречные лошади рвались из оглобелей, поднимали головы, дико ржали. Распутин за всю дорогу не сказал ни слова, но зато дома, переодеваясь в устланной огромным ковром спальне, разошелся:

— Слыхал? Царь поклон прислал! В каждом почти письме приветы мне. Она мне иногда письма читает. Не все, конечно, с пропусками. Больше двадцати годов вместе спят, а он ей все про ласковое пишет, солнышком кличет, душенькой. И в каждом письме обязательно про погоду.

Помолчал, вздохнул и добавил:

— Запоматывал, как этих называют, что погоду угадывают... Астрономы!

— Метеорологи, Григорий Ефимович.

— Они самые... Хороший бы из него этот самый мете-

оролог вышел. Только и знает: «Утро было чудесное. В тени шесть градусов. Днем потеплело...»

Распутин сбросил простые сапоги, надел лаковые. Белую холщовую рубашу сменил на шелковую голубую, вышитую по вороту и на рукавах разноцветными яркими нитками, длинную, ниже колен. Подошел к туалетному столу, налил на ладонь французского одеколона, похлопал себя по шее, крикнул.

— Суслик! Попрыскайся, чтобы ладаном не пахло.

Варнава вышел из-за ширмы в красной рубаше, поверх был накинут Гришкин кафтан, но босой.

— Ты что копыта-то не закрыл? — заржал Гришка.

— Вели сапоги мои наваксить.

— Сам не велик барин! Поплужай да помахай щеткой. Лукерья!

Вошла молодая, здоровая девка. Распутин кинул ей сапоги Варнавы.

— Скажи Егорке, чтоб глянец навел!

Распутин прихлопнул за ней дверь, постоял и снова с силой распахнул обе половинки. Посмотрел в коридор.

— Ушла! Любят, дьяволы, подслушивать. — Помолчал, потом вздохнул. — Эх, царица-матушка! Воли ей не дают, Суслик! Я бы из нее вторую Катьку сотворил.

— Какую Катьку? — заморгал Варнава.

— Дурак, Суслик! Ты что, про Екатерину Великую забыл? Большого ума была! Эта, конечно, поглупее, но тоже характерная. Лукерья! Скоро вы там? Только за смертью лодырей посылать?

— Ну что вы все время кричите? — войдя с сапогами, укоризненно сказала Лукерья. — Я ведь не ваша Аннушка, чтобы на меня орать!

И ушла, хлопнув дверь. Варнава захихикал:

— Ну и дьяволица! Пошто ты ее держишь?

— Ты, Суслик, не в свои дела носа не суй! Пойдем!

У автомобиля стояли трое в штатском. Тихо переговаривались с шофером. Распутин на цыпочках подкрался, схватил самого маленького за шиворот.

— Сколько раз говорил: не тревожьте моего кучера! Он у меня и так нервный. Наслушается вас, дураков, свалит в канаву... Брысь, сволота!

Сел рядом с Варнавой, ткнул шофера:

— На Петроградскую!

Высунулся в окно, крикнул на ходу филерам:

— Догоняйте, легавые!

На Лопухинской улице, неподалеку от Аптекарского проспекта, Гришка скомандовал:

— Стой!

Кряхтя для важности, легко выскочил из машины.

— Слезай, приехали! Заводи машину во двор, и чтобы никуда. Понадобится.

В полутемной передней встретила нарядно одетая дама в кокошнике. Всплеснула руками, трижды крест-накрест расцеловалась с Гришкой.

— Девоньки! Кого нам бог послал! Девоньки!

Набежали девушки — как будто не сестры, но все в одинаковых розовых платьях, с распущенными волосами. Вздвизгивая, бросились к Распутину. Гришка шлепал их по мягким местам, обнимал.

В переднюю вошел Манус, директор Международного коммерческого банка. Переглянулся с Распутиным.

— Григорий Ефимович! Какая встреча!

Распутин вспомнил про Варнаву, кивнул даме:

— Возьмите моего Суслика под уздцы. Плесни ему в стакан какой-нибудь жидкости покрепче! Его с утра жажда одолевает. — Махнул девушкам: — Сейчас придем! — Встал у зеркала, потрогал пальцами свой большой, мясистый нос. Манус стал рядом, узенькой щеточкой приглаживая усы.

— Чем порадуешь, Григорий Ефимович?

Распутин, охорашиваясь, тихо сказал:

— Двадцатого начнут под Ригой. Понял?

— Понял.

— Чего еще тебе, дураку, надо! Радуйся...

Шофер понадобился только под утро. Гришка вдвоем с Манусом впихнули в автомобиль мертвецки пьяного Варнаву.

— Домой!

Осоловело посмотрел на мил-друга Суслика. У того из-под разорванного ворота красной шелковой рубахи виднелся архиерейский знак — наперстный крест.

— Дурак! — лениво сказал Гришка и заправил крест под рубаху. — Дурак, Суслик, нашел, куда с крестом ездить!..

Гришка продрал глаза, глянул на большие, красного дерева каминные часы.

— Суслик, проспали, дьявол тебя возьми!

Варнава приподнял голову с дивана.

— Крикни, чтоб прохладительной принесли!

— Поди к водопроводу и лакай, сколько хочешь.

Варнава опустил голову, прикрыл веки.

— Леший с тобой, дрыхни! Мне к царице надо.

Распутин ушел в ванную. Слышно было, как он плещет водой, мощно фыркает. Вошел с мокрыми волосами, голый по пояс. Варнава открыл глаза, посмотрел, как Григорий до красноты растирает полотенцем крепкое, жилистое тело.

— Здоров ты, Григорий Ефимович! И живота совсем нет! — Похлопал себя. — А у меня вон какой бредень! Измучился!

Григорий, расчесывая длинные волосы, презрительно скосил глаза.

— Поповское вместилище вина и елєя. Жрать надо помене!

Встал от зеркала, накинул темный кафтан.

— Я к царице. Дрыхни! Лукерью не дразни. Она не посмотрит, что ты в ангельском чине, пнет чище любого городского...

Царица ждала Григория у Вырубовой. В маленькой гостиной на синем с золотом диванчике смирно сидели две старшие дочери Александры — Ольга и Татьяна. Упросили мать посмотреть дорогого друга Григория Ефимовича.

Он появился тихий, скромный, чем-то опечаленный. Низко поклонился:

— Здравствуй, матушка-царица!

Поцеловал в лоб дочерей, почтительно поздоровался с Вырубовой.

— Что с вами, дорогой друг? — с беспокойством осведомилась императрица. — Утомились?

Григорий дернул плечами, будто смахнул с них огромную тяжесть. Поднял голову и уставился, не мигая, на Александру.

— Знаю, матушка, о чем у тебя душа болит. И я этим же терзаюсь. Злое он замыслил! Мужа твоего с отцовского престола спихнуть хочет!

Царица посмотрела на Вырубову. Та, бледная до синевы, судорожно вцепилась в ручки кресла. За несколько минут до появления старца они как раз говорили об этом же — о стремлении великого князя Николая Николаевича стать царем.

Гришка по лицам слушательниц понял, что попал в точку. Опустил голову, замолчал. Длинные пряди упали, закрыли глаза. В тишине слышалось только прерывистое дыхание старца. Великие княжны с испугом смотрели на

него. Распутин вскочил, истово перекрестился, взял царицу за руку повыше локтя, забормотал:

— Виденье было!.. Святой дух!.. Отпиши муженьку дорожному. Пусть прикажет министрам о хлебе лучше заботиться для стольного града. Хлеба не будет, бунты будут! Самый большой ущерб, матушка, твоя семья от голодных может понести. Нечего по чугушке вагоны с окошками взад-вперед гонять. Хлеб надо возить. Неделю, вторую — один хлеб. Надо еще масло, сахар. Напиши мужу, пусть никого не слушает. Его разные дураки из Думы поганой бреханки, лаять будут: «Не на чем в Петроград ехать!» Пусть лают. Наплевать на них. Ты мужу строго напиши. Лучше германцу уступить, нежели революцию в двери пустить. Сюда муж приедет — еще строже поговори!

Распутин обнял великих княжен, поцеловал их в головы.

— И вы, девочки, тятеньке скажите. Поплачьте. На коленки встаньте. Молиться горячей надо. Просить у бога совета.

Григорий опустился на колени. Крестился, кланялся до пола. Приник лбом к паркету, осторожно поглядывая, что происходит со слушательницами. А они уже все на полу, распростерлись, плачут. Распутин загудел снова:

— Помолимся! Помолимся! Укрепи, господи, твердость духа государева!.. Господи, владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия, празднословия не даждь ми...

Истерически икала младшая княжна.

№ 7, 1957 г.

1958—1962

РУБРИКИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Новый, 1958 год родился под знаком массового конкурса на лучшую тему для рисунка. Темы шли широким потоком, и над их воплощением в карикатуры увлеченно трудились лучшие художники журнала, начиная с Михаила Черемныха, Бориса Ефимова, Ивана Семенова, Юлиуса Ганфа. И хотя конкурс как таковой завершился в том же году, традиция делать большой убойной силы рисунки по острым темам, предложенным читателями, сохранилась и по сей день.

Знаменательным событием явилось установление шефства журнала над строительством Соколовско-Сарбайского горно-обогатительного комбината. Первотолчком к такому шефству послужило письмо большой группы рабочих комбината, помнивших еще время, когда «Крокодил» ходил в шефах Кузнецка и Магнитки. «Тряхни стариной!» — призывали труженики. И «Крокодил» ответил: — Есть потряхнуть! В открытом письме строителям Казахской магнитки, опубликованном в журнале, есть такие строчки:

Письмо я ваше получил,
Над вами шефство принимаю,
Готов помочь по мере сил,
Нисколько не жалея вил!..

Рейды, рейды, рейды...

Один из них был проведен по новостройкам юго-запада Москвы. И «Крокодил» убедился, что в новом районе столицы еще не выветрился дух старого. С точки зрения удобств для населения и благоустройства, с одной стороны, и взаимоотношений между людьми — с другой. Жить в но-

вом — значит, жить по-новому! — этими словами подытожен рейд.

А вскоре «Крокодил» обнародовал результаты почти глобальной акции под кодовым названием «Заглянем в наши клубы». Корреспонденты «Крокодила» и их добровольные помощники из молодежных газет посетили в один день — 22 марта 1959 года — 498 клубов в 70 республиканских и областных центрах страны. Помогали им в рейде 430 студентов, рабочих, служащих.

Участники рейда выступили с цифрами и фактами в руках. Они установили, что если клуб — только танцплощадка или коммерческий кинозал, то кпд его в культурной жизни трудящихся близок к нулю.

Весь № 11 за 1959 год был посвящен животрепещущей теме: «Природа и мы».

Взяты на мушку браконьеры и горе-туристы, те, кто загрязняет окружающую среду и варварски уничтожает богатства природы. «Крокодил» основывает КАДП, что означает Клуб Активных Друзей Природы, и приглашает вступать в него всех, кому дороги чистые воды, зеленые дубравы, свежий воздух и такой разнообразный, такой прекрасный животный и растительный мир.

А вскоре сто корреспондентов журнала посетили сто столовых и ресторанов в разных городах страны с целью выявления «победителей» на самое плохое обслуживание клиентов и некачественное приготовление блюд. Специальной Грамотой Крокодила была удостоена одна из столовых города Казани.

Однажды «Крокодил» провел «операцию 11-16». В течение пяти часов сотрудники журнала вместе с инспекторами московской ГАИ проверяли, как используется служебный транспорт. Выяснилось, что далеко не всегда по прямому назначению, о чем журнал зло проинформировал читателей.

Сто корреспондентов и активистов журнала посетили 100 кинотеатров. Операция под кодом «Станция назначения — сердце зрителя» выявила многие изъяны в кинообслуживании населения, особенно сельского, а также высветила не всегда разумную политику кинопроката.

В самом начале года 1960-го был объявлен конкурс читателей на самый смешной случай под рубрикой «Случится же такое!...». Рубрика жива и поныне.

Один из номеров 1961 года (№ 27) был целиком посвящен разоблачению происков и преступлений империализма на международной арене и в своих собственных странах. «Снимаем грим!» — так назывался этот номер. Мощному сатирическому удару подверглись поджигатели новой войны. В номере приведены стихи замечательного кубинского поэта Николаса Гильена, не утратившие свою актуальность и сегодня:

Генерал из Пентагона,
Пентагонный генерал,
В жизни нужно верить жизни,
Ты же смерть за меру взял.
Ждешь, дыханье затаив,
Не гремит ли первый взрыв.
Но тебе, стервятник смрадный,
Ночью темной, с целью грязной,
Катастрофу предвещая,
Не кружить над нашим садом!

Весенней порой 1962 года «Крокодил» провел операцию «Мимоза». Сатирической мишенью служила проблема цветов в канун 8 Марта. Досталось и тем, кто сделал из этой проблемы предмет неслыханных доходов, и тем нерадивым работникам Мосцветторга, которых эта проблема, как выяснилось, мало волновала.

Один из завершающих номеров года (№ 34) почти весь отдан молодым сатирикам и юмористам. Многие из тех, кто когда-то дебютировал в этом номере, стали признанными мастерами сатирического цеха. Назовем хотя бы В. Жилинскую, Д. Иванова и В. Трифонова, А. Внукова, И. Тарабукину, В. Бабичкова и многих других.

Сергей СМЕРНОВ

КОРОТКИЕ БАСНИ

ИНЖЕНЕР-ДУШЕГУБ

Он звался

«инженером душ»,

Но сочинил такую чушь,

Что
 прозвучал
 из этой чуши
Сигнал:
— Спасите наши души!

С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА (В трех частях)

I
— Любишь!
— Да!
— В загс айда!..

II
Вскоре
 видит
 чета:
— Ты — не тот...
— Ты — не та...

III
И вот —
Развод.

ПОПУГАЙ-КОМПОЗИТОР
Он держится принципа:
С миру по нотке.
Во всех его песнях
 чужие находки.

НЕ ТОТ ПОДХОД
С Мусором
 не справилась
 Метла,
Ибо снизу
 Лестницу мела.

ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ
Призналась Мышь:
— Люблю тебя, Крупа,—
К тебе
 не зарастет
 моя тропа!

БОРОДАВКА

— Я,— говорит,—
высокий пост несу!
— А где?
— Да у начальства
На носу.

ЖАВОРОНОК

Без подъемных там и сям
Сам
Взлетает к небесам.
И звенит,
 звенит,
 звенит,
Потому и знаменит.

КОСТЫЛЬ-СИМУЛЯНТ

Скрипит:
— Пода-а-айте!..
Смотрит нищим...
А от него
 разит
 винищем.

ПУДЕЛЬ

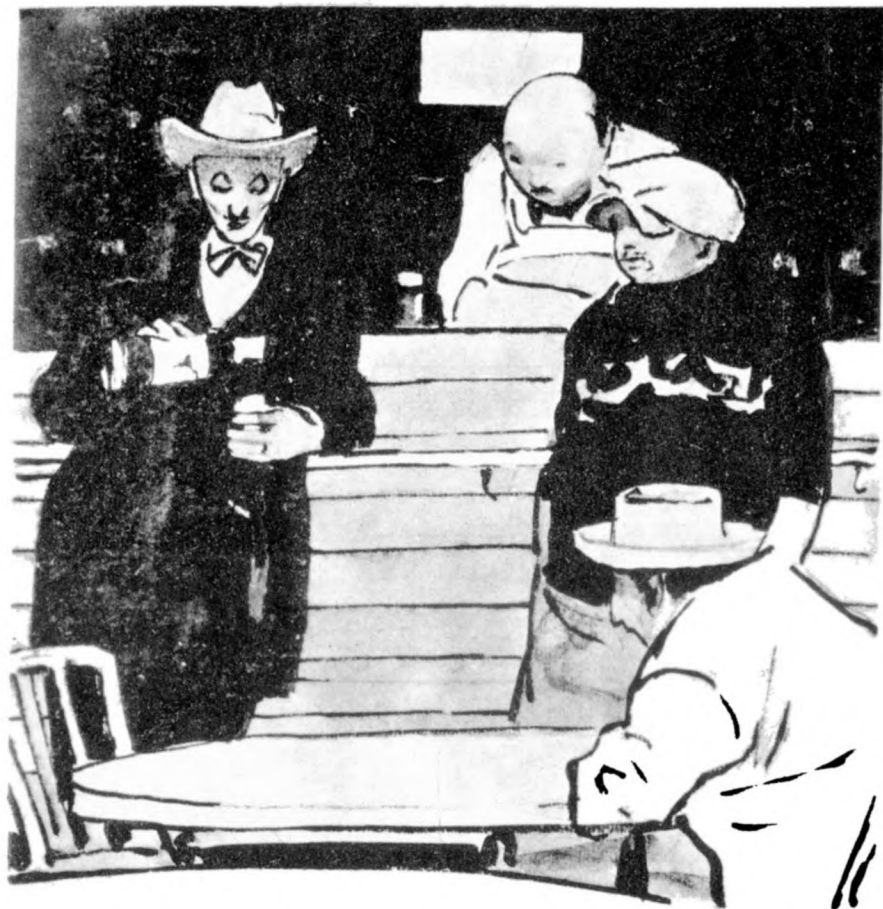
Ему шептали
 льстивые
 уста:
— Вы—
 сущий Лев
 от гривы до хвоста!..
Лишь Лев сказал:
— Послушай, голова,
Ты Пудель,
А стрижешься
 подо Льва.

МЕДНОЛОБЫЙ БАРАН

(Всем агрессорам)

Грозил пробить Гряду Гранита
 лбом:
— Б-о-о-м!!!

ГДЕ-ТО В ПАРИЖЕ.

- Хозяин, когда у тебя в кафе станет светлее?
— Когда наши генералы уйдут из Алжира.

№ 1, 1958 г.

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА.

В СЕМЬЕ ЗАКРОЙЩИКА.

— Папа, сшей платье моему кукленку.

— М-да, материала, знаете ли, того... маловато.

№ 2, 1958 г.

Рисунок Гр. ОГАНОВА.

Г. ТРОЕПОЛЬСКИЙ

ПАРШИВАЯ ФАМИЛИЯ

Он высокий, сухой, остроносый. Волосы жесткие, густые, почти седые. Голос же совсем не соответствует росту: тонкий, со скрипом, чуть прижатый. А лет ему приблизительно пятьдесят пять — шестьдесят. Он никогда

не улыбается, не может улыбаться, всегда суров и смотрит букой. Представьте себе тощего, прямого, как сухостойная ольшина, человека, тщетно пытающегося изобразить лицом и телом своим, скажем, Илью Муромца. Вот вам и будет он самый.

Его можно часто видеть и на улице города, и в Доме культуры, в кино, на базаре, в горсовете, на почте, в милиции — где угодно. Он вездесущий, этот угрюмый человек. И куда бы он ни пришел, там людям становилось не по себе. Если они до этого смеялись и были веселы, то сразу мрачнели; если они работали не покладая рук, то после него опускали руки; если люди были добрыми, то становились злыми; если же до приезда угрюмого кто-то был весел, то, будьте спокойны, обязательно заплачет.

Я совсем не хотел называть этого интересного субъекта по той причине, что очень уж паршивая у него фамилия, тоже совсем какая-то несоответственная. Даже неудобно говорить — Прыщ. И каких только фамилий не бывает на белом свете! Только подумать — Прыщ!

Так вот, гражданин Прыщ, получая хорошую пенсию, отгрохал себе домик. Потом продал его. Потом отгрохал дом. И еще раз продал. После таких операций он потребовал, чтобы ему дали квартиру. Пытались не дать, но куда там!

— Вот как вы относитесь к народу! — заскрипел гражданин Прыщ в лицо председателю горсовета. — Значит, учтем. Мы и в центр дорогу найдем. Что ж, будьте здоровы... до поры до времени.

— Вы же продали собственный дом! — развел руками председатель.

— А вы хотели, чтобы я в коммунизм вошел собственником? Интересно! Идеология! И вы, товарищ председатель, собираетесь руководить обществом, воспитывать?.. Да... Это действительно... — поскрипывал он с мрачной улыбочкой, стоя и пристукивая пальцами по притолоке, собираясь уходить. — Идеология! Ты, председатель, бюрократ! — И ушел, угрюмо усмехаясь.

Он никогда не стеснялся в выборе выражений, будь перед ним молодой человек или старый, заслуженный или незаметный.

А через неделю из области — запрос, из Москвы — запрос. И все по поводу «дела» гражданина Прыща. Пять раз заседал Озерский горсовет, пять раз отписывались, разводили бюрократизм, а в шестой раз дали-таки квартиру тому человеку, который не желает войти в коммунизм собствен-

ником, а желает войти туда со сберкнижкой ценою в двести тысяч.

После того, как гражданин Прыщ перестал быть собственником и стал на порог коммунизма, он посвятил себя целиком и полностью делу укрепления общества города Озерска и воспитанию молодежи. Такую он поставил задачу, поскольку делать ему было нечего, и стал воспитывать.

Шел как-то гражданин Прыщ по улице. Шел медленно, будто он очень умный человек, переваливаясь. Шел, угрюмо поглядывая исподлобья. И вдруг услышал — боже мой! — он услышал веселый, раскатистый смех. Навстречу ему — три комсомольца, веселые, жизнерадостные. Они что-то рассказывали друг другу наперебой и заразительно смеялись, прижимая книжки к груди.

— Непорядок! — сказал товарищ Прыщ. — Эй вы, хулиганы, стойте! — И он сам остановился перед ними.

Для ребят он будто вырос из земли. Ершистый парень с непослушными волосами вытаращил глаза и в ужасе прошептал:

— Пры-ыщ!..

— Где вы находитесь? Почему хулиганите?

— Мы не... — попробовал возразить ершистый парень.

— Ну? Возражаешь? Хорошо. Учтем. Заявлю в милицию. Пятнадцать суток.

Ребята попробовали его обойти. Один даже извинился, неизвестно за что. Но гражданин Прыщ преградил дорогу. Около них уже собралась группа любопытных.

— Что там? — спрашивали граждане друг друга.

— Да хулиганов задержали. Послушаем. Интересно...

А гражданин Прыщ пошел и пошел точить:

— Вы слышали, что неделю тому назад обокрали магазин? Кто воры? Оба молодые люди. Отчего это так? Воспитываем, граждане, вот таких вот. — И он указал на смущенных ребят. Гражданин Прыщ уже вошел в азарт: — Вы несчастные хулиганы, вы не понимаете, что улица — для всех трудящихся! А вы идете и гогочете так, что все на вас оглядываются и тоже смеются. Улица — это вам не дом терпимости!

— Вот оно что! — послышался голос из толпы.

— Смеялись на улице, — сказал другой. — Что же им за это будет?

И в тот момент, легонько раздвигая толпу, подошли два милиционера. Один из них сразу узнал Прыща и спросил:

— Кого задержали?

— Трех. Хулиганов. Нарушали порядок.

— Граждане, разойдитесь! Ничего не произошло! — взывал пожилой милиционер. — Давайте пройдемте... Пошли, ребята! В милиции разберемся.

— Пойдемте скорее: стыдно! — шепнул милиционеру ершистый паренек.

И они все ушли. Угрюмо ушел и гражданин Прыщ.

За углом первого квартала ребята кратко изложили о происшедшем. Их отпустили с миром. Но никто из трех уже не смеялся так заразительно, как они всегда смеялись. Было обидно. А вокруг все стало мрачным.

Но гражданин Прыщ проследил за ходом исполнения. Он узнал-таки, что ребят не довели до милиции, он пришел к начальнику милиции и мрачно запилил:

— Потакаете хулиганам! Для вас не существует законов! Воров разводите, хулиганов воспитываете! Кто виноват, что молодежь развращенная?

— Я этого не вижу, — перебил его спокойно начальник. — Наша молодежь хорошая. Есть, конечно, исключения. Этих надо лечить. Паршивая овца все стадо портит.

— Что вы мне слова не даете сказать?! — пилил гражданин Прыщ. — Вы виноваты. Зачем отпустили трех хулиганов! За взятки? Да?

— Каких хулиганов? — забеспокоился начальник.

И пошла катавасия. Прыщ — заявление. Начальник вызвал тех двух милиционеров. Нашли тех самых ребят, вызвали их в милицию, допросили. И опять отпустили. И опять гражданин Прыщ написал в область. И опять — запрос. И снова — ответ в письменной форме.

О, если гражданин Прыщ вошел в милицию, будьте покойны, милиционеры попотеют: обязательно будет «дело»!

А в доме, где жили три веселых комсомольца, пошла молва: «Вызывали. Всех трех. Два раза вызывали. Ну и молодежь пошла! Ну и ну!»

— Воспитываем плохо, — скрипел гражданин Прыщ на каждом перекрестке. — Хулиганов отпускают. Она, и милиция-то, разложилась. С кого спрашивать?!

В общем, получалось так: если гражданин Прыщ шел по улице, то улица становилась угрюмой и казалось, дома сереют, а небо опускается и давит на городок Озерск.

Более того, гражданин Прыщ внес в горсовет письменное предложение следующего характера: «1, Запретить красить дома в белый, розовый, голубой, зеленый цвета, а равно и в прочие цвета, не внушающие доверия. 2.

Предупредить всех граждан города о том, что дома должны быть преимущественно серыми, располагающими к серьезным раздумьям, или красными, поднимающими революционный дух масс».

Поскольку горсовет отказался от такого предложения, то гражданин Прыщ дал этому делу ход и написал в газету. Поскольку же газета не опубликовала его статью, то он написал на редактора в вышестоящие инстанции. Будут скоро разбирать дело о невнимании редактора районной газеты к письмам трудящихся. Очень настойчивый этот сухой человек с жесткими волосами!

Но что дома? Дома — пустяк. А вот воспитание молодежи — это дело сложнее. Дело дошло до того, что гражданин Прыщ не удовлетворился полным молчанием улицы; он все чаще и чаще стал просто останавливать молодых людей и продолжал воспитывать на ходу.

Однажды шли по тротуару девушки, человек пять-шесть. Все они из десятого класса, все в фартучках — очень культурная и милая ватажка. Вдруг одна из них тихо произнесла:

— Пры-ыщ!

И все произнесли тоже:

— Пры-ыщ!

Девушки приняли прямо-таки монашеский вид: слегка опустили головы, не разговаривали и скромно поприветствовали товарища Прыща. Он глянул на них, нахмутив брови и опустив углы губ, и спросил:

— А куда вы идете, позвольте-ка вас спросить?

— По домам, — ответила Лиза, самая смелая и самая маленькая из ватажки. — По домам. Из школы.

— Та-ак. А разве вы все живете в одном доме?

— Нет.

— Зачем так: ватагой?

— Так лучше, — ответила все та же Лиза.

— Ах, видите ли что! Так лучше! А если вас соберется сорок человек? А если сто? Значит, все можно? Так лучше вам? — Он уже не давал открыть им рта. — Знаете ли вы, что в поведении на улице мы видим лицо школы, мы видим и результаты воспитания? Вы разве не слышали, что в нашем городе за один год народный суд рассмотрел шесть разводов? Да. Шесть женщин бросили шесть мужей! Отчего? От плохого воспитания в школе и дома. Улица вам не... для хулиганства. Улица, она призвана воспитывать молодежь. А вы, бесовские, ватагой, как те глупые овцы... Бесстыдницы!

Высокая сухощавая Нина заплакала. Она никогда не слышала подобной обиды ни дома, ни в школе. А маленькая Лиза, как озлобленный котенок, прыгнула к сухому человеку и выкрикнула в негодовании, покраснев:

— Товарищ Прыщ! Вы прыщ!

О! Это было уже хулиганство. Гражданин Прыщ немедленно отправился к директору школы. Гражданин Прыщ возмущался. Гражданин Прыщ негодовал и требовал немедленного созыва родительского собрания, где он, Прыщ, желает сделать доклад о воспитании молодежи.

— Распустили! Довели молодежь до того, что жутко жить становится,—методично пилил он, скрипя и чуть взвизгивая, как тупая ножовка, на сучке.—Вы понимаете, что вы разрушаете будущее нашего общества? С кем мы войдем в коммунизм, спрашиваю я вас?—пилил он директора.—Известно ли вам, что обокрали магазин? А? Неизвестно? Обокрали. Кто? Два молодых человека. Вы привели молодежь к пропасти. Вы!

Директор поднял обе руки, замахал ими и прокричал одно только слово:

— Уходите!

— Учтем,—сказал гражданин Прыщ.—Голос общественности выгоняете... Совесть народа! Прекрасно. У нас и в Москву дорога известна. Мы и в облоно знаем путь.

Директор, уже совсем обессилев, тихо и жалобно, в изнеможении сказал еще раз, будто выдохнул:

— Уходите.

Гражданин Прыщ ушел. А директор, закрыв за ним дверь, сел в кресло и заплакал. По-настоящему заплакал. Сколько трудов, сколько бессонных ночей, сколько теплых писем из разных концов страны от выпускников школы! А тут пришел «голос общественности» (он же «совесть народа») и оскорбил старика... Заплачешь! Волком завоешь!

В тот же день об оскорблении директора узнали и те трое парней, которых таскали в милицию. (Они, оказывается, носили одно и то же имя—Петя. Так их, впрочем, и на улице звали—«Три Пети» или «три веселых Пети»). Они возмущались. Чаша их терпения переполнилась. Они потрясали кулаками в воздухе, будто угрожая неприятелю.

— В райком комсомола! — крикнули все трое.—Завтра в райком! Больше терпеть нельзя! Нам теперь все равно: два привода в милицию уже имеем.

Все три Пети притопали в райком комсомола: Петя-длинный, Петя-толстый и Петя-ершистый.

Пети требовали немедленно созвать бюро и обсудить вопрос о гражданине Прыще.

— Не понимаю,—удивился, разводя руками, секретарь.—Как же вы сформулируете вопрос в повестку дня? Это же совершенно невозможно.

— Возможно! — гаркнули три Пети.

— Как же сформулировать? — повторил секретарь.

— «О влиянии Прыщей на состояние лица комсомола», — предложил Петя-длинный.

— «Борьба молодежи с Прыщами», — предложил Петя-толстый.

— Не так, — сказал Петя-ершистый. — «Прыщи порочат лицо советской молодежи и комсомола».

— Ну, это уж совсем не годится, — сказал секретарь. — Может быть, просто «О гражданине Прыще»?

— Нет, — сказали три Пети сразу, наперебой. — «О Прыщах», обязательно «О Прыщах», а не о Прыще. Может, еще где есть такие. Обо всех надо.

— Тогда так: «О гражданине Прыще и ему подобных», — заключил секретарь.

Представьте себе, ведь обсуждали на бюро! Степенный Петя-длинный сделал краткое сообщение.

— Товарищи! — говорил он. — Мы молодежь. Это точно. Мы любим школу. Точно. Мы работаем. Это тоже точно. Молодежь покорила целину, молодежь строит заводы, молодежь строит дома, молодежь проливала кровь на защите Родины. Это уж точно. Раз я сказал... — Тут он малость зарепортовался, сбился и продолжал: — Не так я сказал. Значит, так: откуда же взялась такая молодежь? Из плохой школы, из плохой семьи? Не может этого быть! Точно. А гражданин Прыщ позорит нас на каждом шагу, оскорбляет. Везде сует нос и везде портит здоровый воздух. За что он порочит всех и вся? А от нас требуют вежливости к таким вот... Да если курицу дразнить, то и она будет драться! — крикнул он и вытер лоб рукавом. — Вот я вам еще расскажу. Играл на гармошке на базаре комсомолец из колхоза «Луч», а он, гражданин Прыщ, назвал его хулиганом. И чуть гармошку не отобрал. Да, спасибо, парень с головой. Говорит: «Ты за гармошку не берись. А то будешь очень бледный». И кулак показал. «Играть, — говорит, — не буду. Извиняюсь, если не полагается на базаре играть. А за гармошку прошу вас не лапать». Почему это не полагается? Приехал человек из колхоза на базар, купил гармошку, а играть нельзя. Да еще и хулиганом обозвал. Да тут любой выйдет из терпения. Какую же от него требовать вежли-

вость? Я и так еще скажу, как сказал один писатель: «Если человека каждый день называть свиньей, то он обязательно захрюкает»... Почему нельзя играть на гармошке? Глупости все это! В общем, я кончил.

— А что же ты предлагаешь? — спросили Петю.

— А я и не знаю, что предлагать. Просто нельзя дальше терпеть таких Прыщей.

Долго думали ребята, какое же предложение внести и как его сформулировать. Да так ничего и не придумали. Отложили до следующего заседания. В общем-то, все согласились: терпеть дальше нельзя. А вот что же делать с Прыщами? Решили подумать.

А гражданин Прыщ пронюхал о заседании бюро райкома комсомола и заскрипел уже в райкоме партии, у первого секретаря:

— Я дойду куда следует! Дойду! За что они опорочили голос общественности, молокососы? Вы что же распустили их так? Так вы воспитываете комсомол? С кем же мы придем в коммунизм, товарищ секретарь? — И скрипел, и скрипел, и скрипел, как разлаженный чирковый манок.

А секретарь все выслушал. Он не заплакал, как директор школы, не вскипятился сразу, как три Пети, не стал проверять, как начальник милиции, не испугался, как председатель горсовета. Он сказал так:

— Гражданин Прыщ! Я вас выслушал. Воспитывать молодежь надо. Согласен.

— От вас первого слышу такие слова! — воскликнул гражданин Прыщ. — Вот видите...

— Нет уж, я вас слушал, теперь вы послушайте. Так вот. Больше того, убежден я: в систему воспитания надо вносить коренные изменения, но... не с того конца, с которого вы... Впрочем, есть у меня совет.

— В советах я пока не нуждаюсь, мне...

— А все-таки...

— ... мне не двадцать лет.

— А все-таки...

— А...

— А все-таки! Все-таки!.. До свидания, черт вас возьми!

Нет! Не выдержал и секретарь. Он пошел к маленькому столику, налил из графина воды в стакан и пробовал спокойно освежить горло. Но зубы застучали о край стакана. Что поделаешь, у каждого человека нервы, а секретарь был тоже человек, и не железный. Вот и застучали зубы.

Теперь-то уж гражданин Прыщ напишет прямо в Москву. Будет и там «работа» по «делу» гражданина Прыща. Очень крепкий этот гражданин Прыщ. Крепок, как сухая мозоль: твердая, а нестерпимо больно. Сидит такая мозоль, мучает ногу и воображает, что без нее нога совсем бы пропала.

Ну что с ним делать? Да и что сделаешь, если он дошел даже и до библиотеки! Говорил, «дойду» — и дошел. Там он категорически заявил, как «голос общественности», что все книги, от которых читатель смеется, надо изъять.

— Вы мне не возражайте,— монотонно зудел он там.— Вы не думаете о том, что развращаете молодежь. Да. А надо думать. Да. Учтите: народ требует. Народ наш не желает смеяться в такие ответственные моменты строительства новой жизни. Учтите! Вот так. Я говорю это вполне серьезно. Я пишу критическую статью. Скоро будет готова. Учтите. Вот так.

Не дай-то бог, чтобы гражданин Прыщ проник еще и в литературу! Тогда мы перестанем смеяться, а сатире закажем гроб с бархатной обивкой и такими надписями: с одной стороны — «Со святыми упокой рабу Божию сатиру», а с другой — «Жила бледно, умерла незаметно».

Что бы такое придумать для работы в деле борьбы с Прыщами? Правда, Петя-ершистый предложил написать такой лозунг: «Товарищи взрослые! Не проходите мимо Прыщей. Очень просим от лица всей молодежи».

Кто ж его знает? Может быть, он и прав, этот Петя-умница...

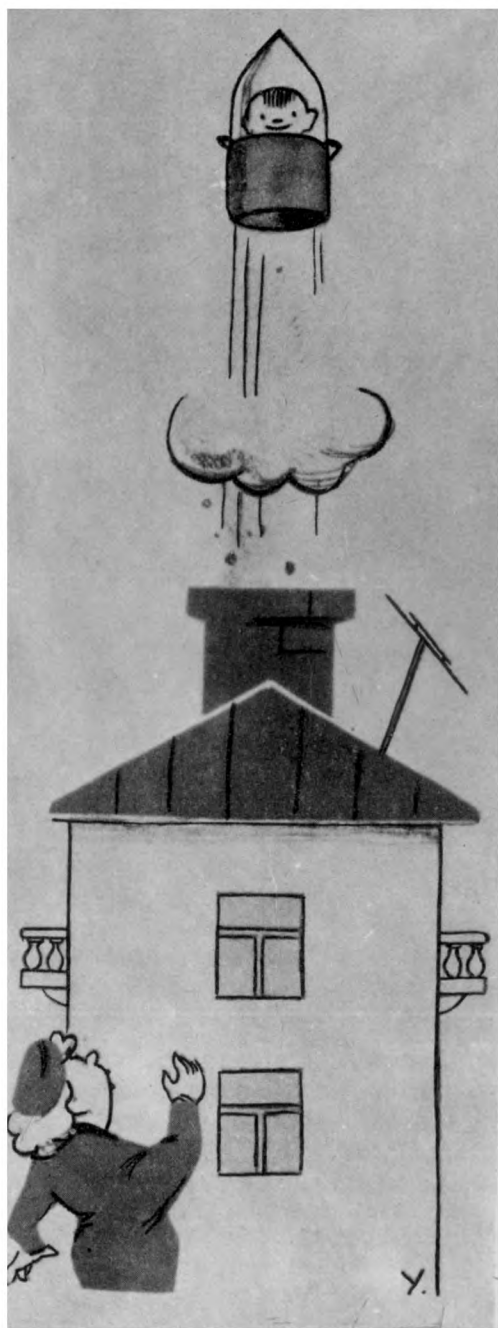
А насчет борьбы с Прыщами в литературе уж и не знаю, что порекомендовать. Заседание, что ли, какое-нибудь устроить в Союзе писателей в свободный от заседаний день? Или, скажем, включить в план мероприятий и каждую субботу (короткий день) всем смеяться? А? Может быть, по методу Пети вывесить золоченую табличку размером 2×2 метра, на каковой начертать крупно: «Прыщам вход воспрещен!»?.. Не знаю. Не знаю, дорогой читатель. Это не мое дело. Я даже и фамилию-то не хотел называть. Больно уж паршивая фамилия. Ха! Прыщ!

ПЕРВАЯ ВЕСНА СЕМИЛЕТКИ.

№ 12, 1959 г.

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

— Что за ребенок!
На минутку нельзя одного оставить!

Рисунок М. УШАЦА.

НОВЫЙ БРИЛЛИАНТ В СОЛНЕЧНОЙ КОРОНЕ.

Крокодил

(1544) • МЕСТО • ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» • ГОД ИЗДАНИЯ 17 • ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 30 к. • 20 ЯНВАРЯ

Новый бриллиант в солнечной короне.
№ 2, 1959 г.

Рисунок Бориса ЛЕО.

РАСТЕТ ЧИСЛО НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ В АФРИКЕ.

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

Если в начале 1960 года в Африке
было 19 независимых государств, то
в конце года их будет около 35.

МОЛОДАЯ МАТЬ.

№ 25, 1960 г.

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

СТАРАЯ ШУТКА

Фантастический рассказ

Сергей Сергеич Бакенбардов, писатель-юморист, сидел за письменным столом и, уставившись глазами в потолок, настраивался. В очередном номере журнала должен был появиться его рассказ.

— И чтобы было смешно! — свирепо сказал редактор.

«Тебе легко говорить,— с горечью думал Сергей Сергеич,— а где я тебе возьму это самое «смешно»!.. Я, кажется, про все смешное уже написал. Тридцать лет пишу одно смешное... Ошалел совсем. А написать все-таки нужно. Ничего не попишешь, нужно писать...»

И снова вперил свой измученный взор в ничего не выражающий потолок. Вместо хороших тем, свежих эпитетов и оригинальных идей на потолке вертелись давно надоевшие бюрократы, подхалимы и мелкие взяточники... Вся эта нечисть вертелась в каком-то диком хороводе... Прошло несколько минут... Красные глаза юмориста покрылись туманом, вежды его незаметно сомкнулись, и Сергей Сергеич начал тихонько посапывать.

Чьи-то часы за стеной пробили полночь.

В эту минуту в дверь Сергея Сергеича постучались.

«Кто бы это мог быть? — подумал он, встрепенувшись.— Петушенко или Корифьюкин? Носит же, чертей, нелегкая!..»

И он отворил дверь.

На пороге стояла женщина.

Старая, истрепанная жакетка собачьего меха висела на ней, как на кривом гвозде.

Спирально сползшие чулки и мятая шелковая юбка говорили о длинной, неудачно прожитой жизни...

Туалет ее был дополнен старинными кружевными митенками и чудовищной соломенной шляпой, такой неуместной в холодную январскую ночь. Лицо у этой странной посетительницы было морщинистое, дряблое, сильно напудренное и кое-где даже тронутое румянами. Во рту у нее торчала папироска, а в потухших ее глазах светилось что-то очень умное и, как ни странно, мучительно знакомое Бакенбардову.

— Вы ко мне? — спросил он неуверенно.

— Сергей Сергеич... Можно?

Она смотрела ему прямо в глаза.

— Простите,—возразил Бакенбардов,—но я, так сказать, не имею чести... ммм...

Женщина кокетливо улыбнулась.

— Ах, Сергей Сергеич! — Она игриво погрозила пальчиком. — Забывчивы вы стали! А ведь вы меня знали, и я когда-то очень нравилась вам...

Бакенбардов густо покраснел.

— Я женат! — сказал он строго. — Да, я, к сожалению, женат! То есть я хотел сказать: к счастью, я женат... И вообще кто вы такая?

— Я?... — потупившись, проговорила гостья. — Я Шутка!.. Сергей Сергеич... Сережа... Я первая ваша Шутка... Ну? Помните?

И она улыбнулась очень просто и сердечно.

Что-то дрогнуло в душе Бакенбардова. Какие-то неясные воспоминания со странной силой ударили в его сердце. Серебряный весенний дождик зазвенел на булыжных мостовых Москвы, и, ступая прямо по голубым зеркалам лужиц, шел в редакцию худенький студент Сережа, прижимая к груди заветную рукопись... Бакенбардов взгляделся в лицо пришелицы... и узнал ее.

— Вы? — вскричал он в волнении. — Вы? Помню! Вы моя милая, первая, тонкая Шутка. Что же случилось с вами, моя дорогая?

Женщина горько усмехнулась:

— Да, это я. Видите, какая неприглядная старость? А ведь была когда-то задорная, молодая, оригинальная. А потом познакомилась с вами, юмористами, артистами; и вот полюбуйте, до чего дошла.

В голосе ее послышались слезы.

— Однако что же мы стоим? — спохватился Бакенбардов. — Милости прошу, пройдемте ко мне. Выпьете чашечку чаю?

— Я не пью,—хрипло ответила гостья. Помолчала и тихонько добавила: — Чая я не пью...

Бакенбардов поставил на стол вино. Где-то далеко слышалась грустная, щемящая душу мелодия: это по радио Ойстрах играл Сарасате. В комнате писателя было тепло и уютно, а за окном, как полагается, выла и стонала вьюга.

— Ах, дорогая моя, милая Старая Шутка,—попросил Бакенбардов,—расскажите мне всю вашу жизнь...

— Ну что ж,—согласилась гостья,—спички есть? — Она закурила. — С чего начать?

Я родилась в тысяча восемьсот (две звездочки) году. Кто

мои родители? Не знаю... Говорят, что однажды в конке меня случайно обронил какой-то подвыпивший субъект. Во всяком случае, вместе с прогрессом я переключалась в трамвай. Там на задней площадке я познакомилась с одним молодым человеком. Это были вы, Сергей Сергеевич... Сережа... Что вас покорило тогда во мне? Моя непосредственность, свежесть? Не знаю... Помню только, что не было лекции, доклада, диспута или простой застольной беседы, куда вы не брали бы меня с собой. О да! Я пользовалась успехом! Но вы были молоды тогда, неопытны и чересчур доверчивы, и, конечно же, меня у вас похитили.

Она поминутно чиркала спичками, забывая зажечь погасшую папироску.

— О, этот демон, эстрадный фельетонист! Он увез меня на Дальний Восток... Этот безумец любил меня больше жизни! Да и немудрено: кроме меня и лакированных ботинок, у него ничего не было. И я его за эту любовь кормила... Но счастье не может длиться вечно. Однажды этот жалкий человек проиграл меня в карты начинающему конферансье. Можно еще вина? Спасибо. А и худой же был тогда этот конферансье! В чем только душа держалась! Это теперь он полторы тонны весит. В такси «Москвич» не влезает... А тогда... О, тогда он вцепился в меня обеими руками и полез в гору: «Эрмитаж, Сочи, Ривьера. И все было бы прекрасно, если бы не... Брюнетик!!! С бородкой... Он охотился за мной. Что ни день — рестораны, шампанское, поездка в Переделкино, Малеевку, то да се, и незаметно для самой себя я очутилась в его пьесе...

Гостя остановилась и перевела дыхание. Справившись с душившими ее слезами, она продолжала:

— Потом пошло, поехало... Калейдоскоп какой-то... Я побывала в баснях Курчихина, эпиграммах Глазина, в скетчах Фисакова и в частушках Цезаревича... Вы не поверите, они торговали мною! Один из них ухитрился продать меня сразу четверым: Мироновой, Менакеру, Штепселю и Тарапуньке! Я так устала...

Она заплакала. Побледневший Бакенбардов нежно гладил ее бесцветные, обожженные завивкой волосы.

«Неужели это те самые блестящие, роскошные кудри, которыми я когда-то восхищался?» — подумал он в том самом стиле, который так ненавидел.

— Послушайте,— сказал он тихо,— а почему бы вам не устроиться в какой-нибудь театр миниатюр?

Во-первых, в Москве нет никакого театра мини-

атюр,—сказала она с досадой,—в Ленинградском и своих Старых Шуток полно... И потом там с нами ужасно обращаются. Никакого покоя: сегодня ступай во «Времена года», завтра «Белые ночи»... Жуть!

— А вы идите в кинокомедию! Вот где нужны Старые Шутки.

— Ну, нет! — возразила Шутка. — Я на днях смотрела одну такую кинокомедию! Заплатила за билет шесть рублей...

— И как показалось?

— Показалось, что пять переплатила...

Она застенчиво посмотрела на Бакенбардова.

— Сергей Сергеич,—прошептала она, покраснев,—Се-режа, милый! Верните меня к жизни, поддержите меня, впишите меня в свой фельетон!..

Бакенбардов просиял и... проснулся!..

...Затем он присел к столу, и перо его побежало по бумаге веселой, сноровистой рысью.

№ 1, 1959 г.

М. ВОЛОВИК

ДЛЯ СЧЕТА И ОТЧЕТА

Докладчик, кончив речь,
Вздыхнул,

как гору сбросил с плеч.

— Товарищи, я кончил! — он сказал.

Его не слышал спящий зал.

Сон председателю

зевотой рот сводил,

Но из последних сил

Он у собравшихся спросил:

— Вопросы есть?

Что, нет совсем?

Неужто все так ясно всем?

Кто будет выступать?

Что, так и будем спать?

...Ну, раз докладчика,

друзья, нам нечем крыть,

Так разрешите мне собрание закрыть!

Молчат. Заснули, как на грех.

Эй, дядя Вася, разбудите всех!

И сторож под бока

людей толкал сердито:

— Проснитесь-ка! Собрание

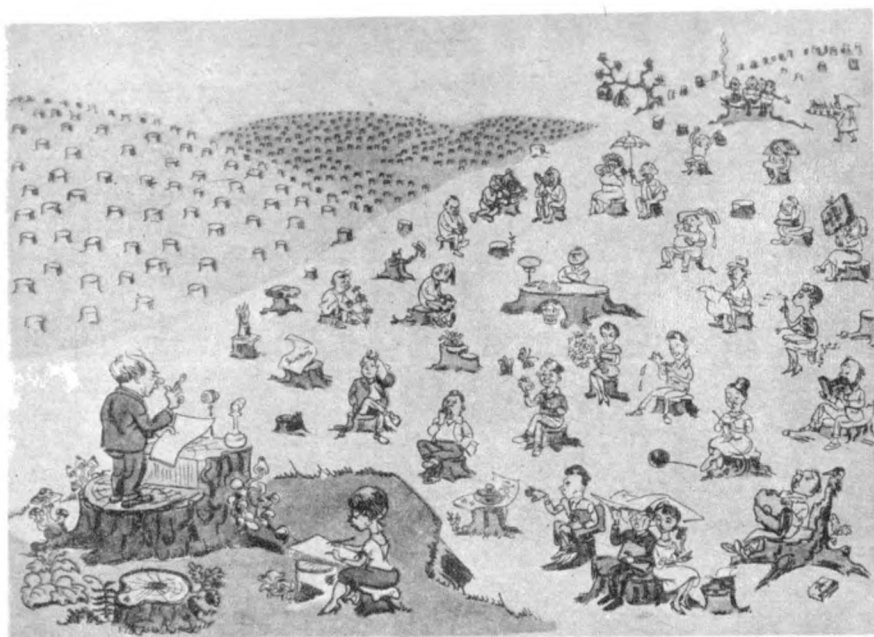
закрыто!

Когда собрание проводится для счета,

То выступают скука и зевота.

г. Уфа.

№ 8, 1959 г.

Совещание по вопросу о сохранении леса.

№ 19, 1961 г.

Рисунок М. БИТНОГО.

Ю. А. ГАГАРИН: — Полет продолжается нормально. Состояние невесомости переносу хорошо.

КРОКОДИЛ

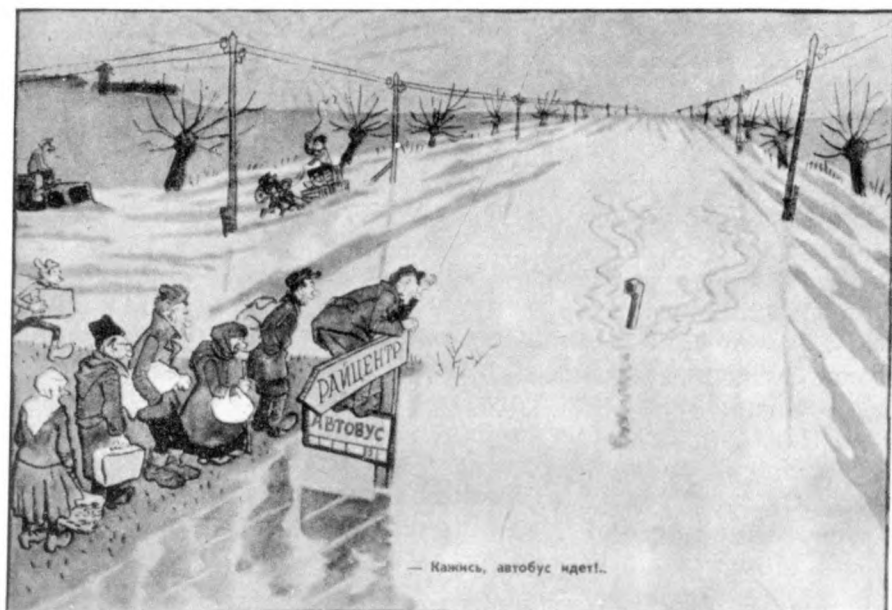
(1625)

ГОД ИЗДАНИЯ 39-й

20 АПРЕЛЯ

Ю. А. Гагарин: — Полет продолжается нормально. Состояние невесомости переносу хорошо.
№ 11, 1961 г.

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

— Кажись, автобус идет?..

№ 7, 1961 г.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— Караул, браконьеры!

№ 21, 1961 г.

Рисунок В. ЧИЖИКОВА.

ИНЖЕНЕР БАШЛЫКОВ И ЕГО ВТОРАЯ ПОЛОВИНА

Недавно в Дивногорске мне рассказали любопытную историю.

Московскому инженеру Башлыкову предложили большую и ответственную работу в Дивногорске. С персональным окладом, подъемными в размере трехмесячного заработка, обеспечивали бесплатный переезд.

— Я как инженер согласен,— сказал Башлыков,— но как моя супруга, моя вторая половина?

— Что ж, посоветуйтесь с супругой!

Семь дней супруги Башлыковы держали семейный совет. А на восьмой Иван Данилович докладывал:

— Моя половина будет рядом со мной всюду! Она готова на любые испытания! Она будет такой же стойкой и самоотверженной, как жены декабристов!

— Ну, тогда, как говорится, ни пуха вам, ни пера!

— Да, но переезд с супругой—это двойные расходы! Надо брать с собой... мебельный гарнитур...

— Оплатим перевоз супруги и гарнитура, выплатим ей подъемные!

Когда условия были оговорены, Башлыков получил деньги на перевоз супруги и гарнитура и вылетел к месту назначения. После того как вновь назначенному главному инженеру вручили ключи от квартиры, он послал вызов жене. Не успел Иван Данилович расставить мебельный гарнитур, а Наталья Сидоровна была тут как тут.

Семь дней супруги ворковали в Дивногорске, как голубки. А на восьмой день Башлыков явился на работу расстроенный, плюхнулся в кресло и, трагически заломив руки, произнес:

— Ушла!..

— Кто ушел?

— Жена.... Уехала в Москву!..

— Не понравился Дивногорск?

— Напротив. Она представляла себе, что попадет в глушь, а увидела современный город. Наталья Сидоровна хотела быть рядом со мной, хотела вместе со мной преодолевать трудности и лишения... А какие трудности в Дивногорске? Гастрономы и рестораны такие же, как в Москве!

— А как же новая квартира, гарнитур?

— Квартира?.. Вам трудно понять Наталью Сидоровну. Она предполагала, что нас поселят здесь в чуме или в фанзе! А нам предоставили квартиру в новом доме с мусоропроводом и газовым баллоном! Такая квартира есть у нас и в Москве! И к тому же давно обжитая!..

Но напрасно инженер опасался, что его супругу не поймут. Ее великолепно поняли. Не успело улеться волнение, вызванное внезапным отъездом Натальи Сидоровны, как совнархозовскую общественность потрясло новое известие: умчалась в столицу жена начальника техотдела Березкина.

— Если бы моему Пете грозила опасность быть съеденным тиграми,— патетически воскликнула она,— я бы его ни за что не покинула! А что такое Дивногорск?! Всего каких-нибудь девять часов лету от Москвы! Никакой романтики!

И тут среди жен ответственных дивногорских работников началось движение, еще не получившее своего названия в истории. Вслед за супругами инженеров Башлыкова и Березкина в Москву парами и в одиночку поспешили жены других специалистов, направленных на работу из столицы.

Оставшиеся без жен инженеры мало-помалу стали терять столичный лоск. Опаздывали на работу, ходили небритыми.

Всего этого, конечно, не могли не заметить городские руководители.

— А что, если мы устроим для вас общежитие? — предложили инженерам. — Дадим коменданта, уборщицу, приставим тетю Глашу? Будет она вас вовремя баиньки укладывать, по утрам кефирчиком поить.

Инженеры горячо запротестовали:

— Ну что вы! У нас ведь жены есть! А жена как-никак — лучший друг! Уважаемая половина! Мы уладим свои семейные дела!

И стали улаживать.

Первым в столицу на переговоры со своей уважаемой половиной собрался инженер Башлыков. Учитывая всю сложность стоящей перед ним задачи, совнархоз решил откомандировать его на государственный счет. Провожать инженера в аэропорт пришли одиннадцать покинутых мужей. Они глядели на Башлыкова с плохо скрываемой завистью и восхищением. Прощаясь, Иван Данилович протянул им пакет и дрогнувшим голосом промолвил:

— Если от меня долго не будет известий, вскройте пакет...

Через двадцать дней от Башлыкова пришла телеграмма: «Прошу предоставить отпуск».

«Знать, нелегко приходится Ивану Даниловичу», — подумали в совнархозе и срочно перевели Башлыкову отпускные.

Через тридцать дней от Башлыкова пришла вторая телеграмма: «Прошу продлить командировку».

Срок продленной командировки истек, а инженер не появлялся. Ждали день, два... семь дней! А на восьмой вспомнили о пакете, оставленном им при отлете в Москву. Пакет вскрыли и прочли:

«Ключ от квартиры у дворника».

Взяли ключ. Отперли квартиру. Она была пуста. Об украшавшем ее когда-то мебельном гарнитуре напоминала лишь поломанная табуретка.

— Что случилось с инженером Башлыковым? — встревожились в Дивногорске.

Этот вопрос заинтересовал и меня. Возвратившись в Москву, я разыскал квартирный телефон Ивана Даниловича. Трубку подняла супруга.

— Какое вам дело до моего мужа? Чего вы от него хотите? — возмущенно заговорила она.

Но тут в трубке зарокотал басок Ивана Даниловича. Он назначил мне место встречи.

Я отправился по адресу...

Старинное здание с колоннами. Вывеска: «Контора по снабжению». Вот и нужная комната. Она сплошь уставлена столами. Письменный стол Ивана Даниловича — у окна. Он сидит важный, представительный. Отныне в обязанности крупного инженера-машиностроителя входит снабжениестроек насосами и вентиляторами.

Когда я отрекомендовался, Иван Данилович предложил было мне сесть. А затем, окинув взглядом сидящих в комнате сотрудников, поднялся, повесил пиджак на спинку стула и вполголоса произнес:

— Давайте-ка лучше выйдем...

Когда мы вышли, я спросил:

— Скажите, что заставило вас покинуть Дивногорск, большую, интересную работу?

Башлыков помолчал, а затем стал разъяснять:

— Жена не захотела там жить... А что поделаешь с супругой! Сами понимаете, моя половина...

И в эту минуту я отчетливо увидел, как человек раздво-

ился. Одна его половина — важная и представительная — осталась в комнате, из которой мы вышли. Уклончивая и скользкая стояла передо мной.

№ 12, 1961 г.

Лев ОШАНИН

ДАЛЬТОНИК

Есть большое различье
Между серым и белым,
Между бурым и красным,
Между наглым и смелым...
Часто видно неясно
Глазам утомленным,
Только очень опасно
Спутать желтый с зеленым.
Это знают шоферы,
Знают все в нашем мире,
Но об этом не помнит
Мой сосед по квартире.
Он, должно быть, дальтоник.
Мог не раз наблюдать я,
Как он путает в жизни
Цвета и понятия.
Спутав разные свойства,
Присущие душам,
Подменил он спокойствие
Равнодушьем...
Грязь случайных сожительства
Любовью он числит,
А набор анекдотов —
Откровением мысли.
Нужно очень немного
Душе его мелкой:
Лишь бы рюмка не сохла,
Не пустела тарелка.

№ 3, 1962 г.

Кнопочное управление.
№ 2, 1962 г.

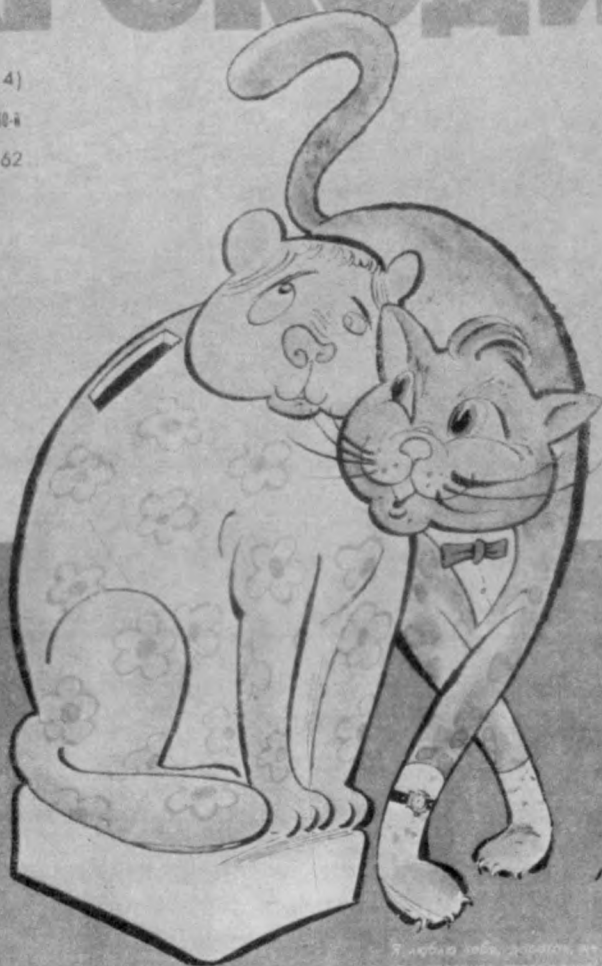
Рисунок А. КРЫЛОВА.

КРОКОДИЛ

№ 14 (1664)

ГОД ИЗДАНИЯ 40-й

20 МАЯ 1962

— Я люблю тебя, дорогая, не за внешность, а за внутреннее содержание.

№ 14, 1962 г.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

— Умоляю тебя, нырни на две минутки...

№ 4, 1962 г.

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

Вик. МАРЬЯНОВСКИЙ

НА ВСЮ КАТУШКУ

Начальник главка Семен Лукич Чреватый прибыл на строительство, заранее готовый метать гром и молнии. Причина была веской: участок, слывший одним из лучших, не выполнял плана.

Таща за собой, как шлейф, свиту сотрудников, Чреватый начальственной рысцой затрусил по стройке. Через час, тяжело отдуваясь и на ходу соскабливая с пальто алебастровые нашлепки, Семен Лукич перешагнул порог конторы начальника участка.

— М-да,— протянул Чреватый,— собирался я тебя раздраконить, Иван Егорыч, да, вижу, на площадке порядок. Давай-ка излагай: кто тебе палки в колеса ставит?

Перепелкин, начальник участка, облегченно вздохнул. Из его исстрадавшейся прорабской души потоком хлынули застарелые обиды.

— Анонсюк без ножа режет,—торопливо заговорил он,—каждую третью плиту с браком шлет... И Гвоздюхин с транспортом подводит — ежедневно пять-шесть машин зажимает.

Вдохновленный, Перепелкин разошелся.

— Сантехники, Семен Лукич, развернуться не дают,—наносил он удар за ударом своим закоренелым обидчикам,—электрики, разбойники, подводок вовремя не делают...

Чреватый стукнул кулаком по столу и руководяще произнес:

— Ясно, Перепелкин. Больше терпеть эти безобразия не будем. Завтра же издам приказ. Будь спокоен, всем всыплю. На всю катушку...

Семен Лукич благодушно потрепал Перепелкина по плечу.

— И тебя, конечно, голубчик, помянуть придется в приказе. Ну, там «на вид» или «указать»... Сам понимаешь,—развел Семен Лукич руками,—нужно для порядка.

На следующее утро Чреватому принесли спешно подготовленный приказ. Но его руку, занесенную для подписи, остановил телефонный звонок. Звонила жена.

— Ты за что режешь Анонсюка? В воскресенье мы приглашены на свадьбу его дочери! Нечего сказать, хороший подарочек! Немедленно, слышишь, немедленно измени приказ!

— Пронюхала уже! — вскипел было Семен Лукич. Но металлические нотки в голосе жены не предвещали ничего хорошего. И Чреватый с неудовольствием перечеркнул пункт: «...директору завода железобетонных изделий Анонсюку Ф. Х. ...строгий выговор с последним предупреждением».

Начальник транспортной конторы Кулебякин позвонил сам.

— Семен Лукич! Дорогой! Кланяйся в ножки! — торжественно пророкотал он в трубку. — Выделяю тебе завтра две машины, вези на дачку кирпичики. Для друга, сам знаешь, ничего не пожалею.

Чреватый чертыхнулся и мрачно взялся за приказ.

Управляющий трестом сантехнических работ Никодим Павлович Флянцев сделал, что называется, ход конем. Когда в очередной раз зазвонил телефон, Чреватый услышал голос приятеля Гребешкова.

— Привет, Семен Лукич! Как здоровьице? Кстати, видел я сегодня Никодяшу. Опять он всю ночь не спал. Чувствую,

говорит, гроза над моей головой собирается. А я человек слабый, нездоровый. Если что, не миновать мне инфаркта.

Чреватый живо представил себе лежащего в гробу Флянцева, и ему стало тошно. Красный карандаш еще раз прикоснулся к приказу...

Перед концом рабочего дня Семену Лукичу принесли заново перепечатанный приказ. Чреватый перечитал его и сокрушенно покачал головой. Он смял приказ, бросил его в корзину и на чистом листке набросал несколько слов. Перечитав написанное, Семен Лукич удовлетворенно хмыкнул: краткости и ясности мог позавидовать сам Голенищев-Кутузов. Приказ состоял из одного пункта: «За срыв плана строительства объявить начальнику участка Перепелкину И. Е. строгий выговор».

Слово «строгий» было написано прописными буквами. Семен Лукич Чреватый либерализма не терпел.

№ 31, 1962 г.

Вита ЖИЛИНСКАЙТЕ

БЕЗ ВЗЯТКИ

Я нашла необыкновенный метод просто и легко добиваться того, что другим удастся только с помощью взятки.

Успех стопроцентный. Метод удивительный. Грешно было бы оставить его только в личном пользовании.

Итак, открытие метода произошло совершенно неожиданно. Я пришла к заведующей детским садом. Пришла уже в двадцатый раз. Ну, ясно зачем: чтобы приняли моего малыша. В двадцатый раз чуть не на коленях я умоляла принять его. Но заведующая была глуха к моим просьбам.

— Нет, нет и нет! — раздраженно отмахнулась она.

— Ну что вам стоит принять одного-единственного мальчика, он очень спокойный...

— Я же вам двадцать раз говорила: все группы переполнены.

— Да, но вчера вы все-таки приняли кого-то... И на прошлой неделе тоже, — робко заметила я.

Заведующая встала, не обратив внимания на мои слова. Встала и я. Стою, комкаю в руках перчатки. Вдруг я почувствовала, что терять все равно нечего, и выпалила:

— Ну, конечно, если бы я пообещала вас отблагодарить,

тогда место моментально нашлось бы... Но я никогда никому не давала взяток и не собираюсь давать. Так что не надейтесь!

— Что?!

— То, что слышали,—уже более спокойно сказала я.—Можете не принимать моего ребенка!

— Что?!—снова закричала заведующая.—Вы хотите сказать, что я... что мы... только за взятки?

Я многозначительно промолчала.

— О, какая подлость!—Она воздела руки к небу.—Кто вам мог такое сказать? «Не собираюсь давать!»—передразнила она.—Зачем мне ваша взятка? Я не беру взятки и могу это доказать.

Я продолжала молчать с безразличным видом.

— И докажу!—стукнула она кулаком по столу.

— Как же вы докажете,—холодно произнесла я, берясь за ручку двери,—если не примете моего малыша?

— А вот и примем! Можете хоть сейчас его привести!

На следующее утро мой сын был уже в детском саду и весело скакал верхом на деревянной лошадке.

Вскоре после этого мне нужно было зайти в домоуправление. Тут я действовала решительно и энергично.

— К ремонту вашей крыши приступят в будущем году. Так предусмотрено планом,—категорически заявил мне техник-смотритель.—Я понимаю, что вам льет на голову, но план есть план, и мы не можем...

— Ах, не можете!—саркастически повторила я.—Вижу, вижу, чем здесь пахнет. Конечно, если бы я вас отблагодарила, тогда вы бы сразу смогли. Но предупреждаю: я никогда никому не давала взяток и не собираюсь давать.

— Что?!

— То, что слышали. Можете ремонтировать хоть через десять лет!

Произошло чудо: со следующего утра на моей крыше трудились ремонтники.

Этот же метод, правда, в несколько измененном варианте, применим и в других случаях. Например, вам понадобилось устроить в вуз племянника. Школу он окончил с результатами довольно скромными, и шансов попасть в институт у него столько же, сколько у черепахи обогнать антилопу. Но не забывайте о чудесном методе. Идите прямо на дом к председателю приемной комиссии. Удобно устраивайтесь в кресле и приступайте.

— Я понимаю, что на законном основании мой Миколас едва ли попадет в институт. Кое-кто посоветовал мне

обратиться с просьбой к вам, заинтересовать вас... так сказать, отблагодарить... Я уже почти купила у антиквара хрустальную вазу... Но это противно моим принципам! Да и вы, насколько мне известно, кристально честный человек. Это вас оскорбило бы...

Председатель приемной комиссии вскакивает и, с трудом сдерживая возмущение, кричит:

— Да кто посмел вам советовать дарить мне какую-то вазу?!

Вы радостно успокаиваете его:

— Я очень рада, я просто счастлива, что лично убедилась в вашей неподкупности.

О результатах приемных экзаменов можете не беспокоиться. Как я уже говорила выше, успех метода стопроцентный.

Обо всем, что со мной произошло, я написала рассказ и принесла его в редакцию.

Прочли и холодно вернули.

— Э, нет! Такое не напечатает. Это не метод бороться со взятками,— сказал редактор.

— Извините. Значит, рассказ не получился. Очень досадно, что так вышло. Конечно, я знаю: пригласи я вас в ресторан на бутылку коньяку, рассказ наверняка бы напечатали. Но это противно моим принципам!

— Что?!

— То, что слышали.

Я бережно взяла рукопись и упрятала ее в сумку. Вы думаете, мой метод дал осечку? Ничуть не бывало!

На другой день раздался звонок из редакции:

— Кажется, у вас был рассказ о взятках? Вы не могли бы срочно его принести?

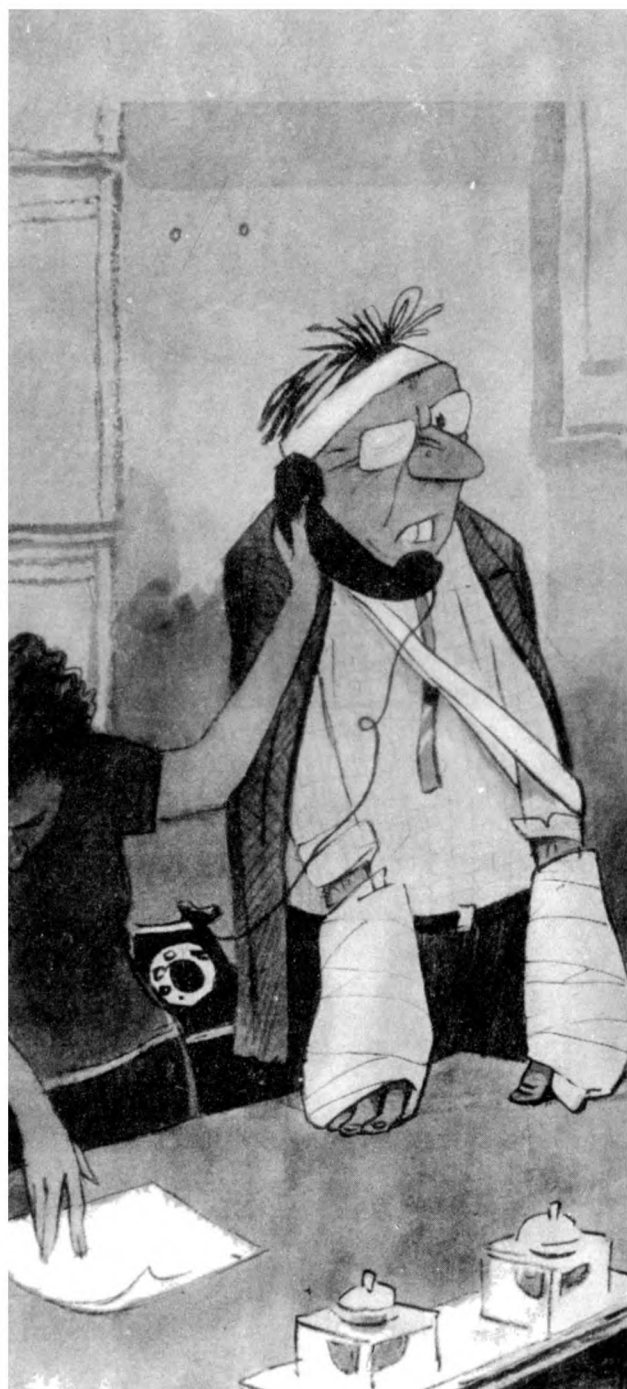
Перевод с литовского.

№ 34, 1962 г.

— Инженер по технике безопасности слушает!

№ 31, 1962 г.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА.

— Под Амура работал!

№ 32, 1962 г.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

Л. МИТНИЦКИЙ

МИМОХОДОМ

На худой конец и худсовет что-нибудь посоветует.

С гневом обрушился в своем выступлении на обезличку. А в отчете о выступлении этого оратора было сказано: «...и др.».

В порядке совместительства проваливал обе работы.

Не работали баня, прачечная, парикмахерская. А ведающий всем этим коммунхоз работал...

— Не понимаю, зачем Двойняшкиным рояль? У них никто не играет...

— Не до игры им тут было: с испуга купили...

«Победа» сама не приходит. Ее обретают в борьбе с перекупщиками.

№ 2, 1958 г.

Виктор АРДОВ

ВОТ ЧТО НАДЕЛАЛИ СПРАВКИ ТВОИ...

Действуют: жилец, управдомами, заведующая, милиционер, врач, два санитар.

Время действия — увы! — еще наши дни...

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Домоуправление. Под вывеской, гласящей «Управдомами», сидит величественный управдомами. Входит жилец.

Жилец (*скромно*). Здравствуйте...

Управдомами (*величественно*). Привет!

Жилец. Вот какая штука... Мне бы надо справочку о том, что я проживаю у вас в доме.

Управдомами. Это еще зачем?

Жилец. Понимаете, не выдают мне иначе книгу, которая...

Управдомами (*перебивает*). Ну тогда пусть они вам дадут справку, что вам нужна справка о том, где вы живете.

Жилец. Да, но мне кажется...

Управдомами (*строго*). Вам кажется, а мы точно знаем. Принесете справку от них — получите справку от нас. Ясно?

Жилец хочет что-то сказать, но, махнув рукой, уходит.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Учреждение. Под табличкой «Заведующий» сидит величественная гражданка средних лет. Входит жилец.

Жилец. Здравствуйте.

Заведующая. А, это вы!.. Ну, принесли справку из домоуправления?

Жилец. Видите ли...

Заведующая. Пока не вижу...

Жилец. Они говорят, чтобы вы мне сперва дали справку, что вам нужна справка о том, что я у них живу.

Заведующая. Вот бюрократы! Ну, что ж... Мы не возражаем. Принесите только от них справку, что вам нужна справка, что нам нужна справка о том, где вы живете. И мы дадим вам такую предварительную справку.

Жилец (с некоторым испугом). А?

Заведующая. Вы что? Оглохли? Я говорю: принесите из домоуправления справку, что им нужна справка, что нам нужна справка о том, где вы живете.

Жилец (покорно). Хорошо. Принесу. (Уходит).

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Снова домоуправление. Управдомами на своем месте. Входит жилец.

Жилец. Здра...

Управдомами. А, почет!.. Ну, принесли от них справку?

Жилец. Принес. То есть нет. В общем, они тоже просят от вас...

Управдомами. А мы дадим. Только сперва пусть они...

Жилец. А они говорят: сперва пусть они...

Управдомами. В каком же это смысле?

Жилец (повторяет реплику заведующей, боясь сбиться). «Принесите,— говорят,— справку, что им нужна справка о том, что нам нужна справка о том, где вы живете»... Вот!

Управдомами. Что вот?

Жилец. Дадите?

Управдомами. Что дадите? Что вы у нас живете? Так я же еще тогда сказал: принесите нам справку, что вам нужна справка...

Жилец. Э, нет, теперь я хлопочу о другой справке: справке, что вам нужна справка, что им нужна справка, что мне нужна справка, что им нужна справка, что нам нужна справка... Простите, я немного запутался.

Управдомами. Вот именно. Но мы не какие-нибудь бездушные сухари. Вы только принесите от них справку, что им нужна справка, что нам нужна справка, что вам нужна справка, что им нужна справка... Ой, что-то и я не так говорю! Значит, давайте сначала: нам нужна справка, что им нужна справка, что нам нужна справка, что вам нужна справка... Куда же он делся?..

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Снова кабинет заведующей. Рядом стоит милиционер.

Заведующая. Он сейчас явится, товарищ старшина. Сами увидите: просто хулиган. Дразнится, что будто бы мы бюрократы... Бормочет насчет каких-то справок, а сам подмигивает. Вот он идет! Вы послушайте только!..

Входит жилец. У него тик: он дергается всем лицом и мигает.

Жилец. Здравствуйте...

Заведующая (*угрожающе*). Здравствуйте, здравствуйте!.. Вы опять?

Жилец. Я не опять, я еще...

Заведующая. А что вам нужно? (*Делает знак милиционеру, предлагая наблюдать.*)

Жилец. Как же, я вам сколько раз говорил: мне нужна справка, что вам нужна справка, что им нужна справка, что мне нужна справка, что вам нужна справка, что им нужна справка...

Милиционер (*берет за плечо жильца*). Пройдемте, гражданин!

Жилец. Куда? Разве теперь справки не здесь надо просить?

Заведующая. Видите, видите, как он хулиганничает?.. Жалко, больше пятнадцати суток вы ему не можете дать...

Милиционер (*выводит жильца*). Давайте, давайте, гражданин. Вроде вы сами трезвый, и пожилой, и вообще с виду приличный товарищ. К чему нам это безобразие? Так и быть: сегодня ступайте домой, а если еще раз... тогда пеняйте на себя...

КАРТИНА ПЯТАЯ

Управдомами у себя за столом. Рядом стоит врач в белом халате, с чемоданчиком в руках.

Врач. Ну, и в чем это у него выражается?

Управдомами. Вроде навязчивого бреда. Все время бубнит про какие-то там справки... Да вот он и сам, зайдите мне за спину. Вы сейчас убедитесь...

Входит жилец.

Он, видимо, помешался: смеется, ловит свой палец, дергается и т. д.

Управдомами (*жильцу*). С чем пожаловали?

Жилец (*тихим голосом*). Справки мне нужны, разные... справочки, справчаточки, справки, хе-хе-хе... Сперва я хочу справку, что мне нужна справка, что вам нужна справка, что им нужна справка, что всем нужна справка, что справка есть справка, что все где-то проживают и справки наживают... Хо-хо!.. Белое, розовое, голубое, зеле-

ное! Крутится, вертится шар голубой, крутится, вертится над головой... а справки не имеет. Как тут быть?

Управдомами подмигнул врачу, тот вышел вперед.

Врач. Спокойней, дружок, спокойней... Дайте руку. Вот так. Пойдемте со мною... там у нас много-много справок... разных... красивых...

Жилец. И мне дадут?

Управдомами. И тебе, и тебе! Всем хватит!

Жилец. А почему ты мне не давал?

Управдомами. Смотрите, псих-псих, а разбирается...

Врач. Кстати, товарищ управдом, это ведь ваш жилец?

Управдомами. А как же!

Врач. Так дайте мне справку...

Управдомами. О чем?

Врач. Что он проживает...

Управдомами. Пожалуйста. Только сперва вы дайте мне справку, что вам нужна справка...

Жилец. Так его! Так!

Врач. Вы, наверное, шутите?

Управдомами. Почему?... У нас такая установка из жилотдела...

Врач. Ах, установка?!

Жилец. Правильно! Кройте дальше!

Управдомами. Безусловно. Если вам нужна справка, предъявите справку, что вам нужна справка...

Врач. Понятно! (*Хлопнул в ладоши.*)

Входят два дюжих санитара.

1-й санитар. Которого тут?

Врач. Этого (*указал на управдомами*).

2-й санитар. Ясно!

Оба санитара хватают управдомами.

Управдомами. Братцы, да вы что? Братцы, я ведь нормальный!..

Жилец (*внезапно прояснившимся, разумным голосом*). Там разберут... Еще бы заведующую прихватить...

Врач. И прихватим. Ведите его, товарищи! (*Жильцу.*) А вы будете свидетель: приступ острого бюрократизма, осложненного волокитой...

Санитары уже увели сопротивляющегося управдомами.

Врач. А где тут, говорите, эта заведующая?

Жилец. Тут, недалеко... Сходим?

Врач. Пошли. У нас есть указание всех подобных субъектов срочно изолировать...

№ 10, 1960 г.

РУБРИКИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

У МОИХ ПОДШЕФНЫХ

Журнал шефствует над крупнейшими стройками — Барнаульским комбинатом искусственного волокна и Соколово-Сарбайским горно-обоганительным комбинатом. Туда выезжают бригады журнала, они выпускают «Малый Крокодил» — газету-листовку.

А вскоре у «Крокодила» появляется и третий подшефный объект пятилетки — Щекинский комбинат Тульской области. В журнале публикуется большой репортаж «Весна в Щекине» с рисунками с натуры художника Е. Шукаева.

В 1965 году на свет появился «Зубастик», журнал в журнале, рассчитанный на молодежного читателя «Крокодила».

«Зубастик» просуществовал несколько лет.

Редакция проводит среди читателей конкурсы на лучшую тему рисунка и на короткий юмористический рассказ.

На страницах журнала вводится «Страница поэта». С подборками сатирических, веселых стихов выступают Юрий Благов, Андрей Внуков, Владимир Масс, Марк Лисянский, Евгений Евтушенко и другие поэты.

Материалы, посвященные 50-летию Советского государства, составляют в основном содержание «Крокодила» за 1967 год. Выделяются очерки-репортажи под рубрикой «Мое обозрение: годы и факты», а также большого формата зарисовки с натуры Германа Огородникова, городов — столиц союзных республик, а также Ленинграда и Москвы.

1963—1967

Марк ВИЛЕНСКИЙ

УЛОВИЛ

Сценка

Кабинет директора совхоза товарища Поветрова. Входит Круглов.

— Ба, Круглов! Из Москвы?

— Прямо с поезда.

— Скорее, скорее рассказывай! Ну, как там? В сферах вращался? Какие веяния?

— У министра был...

— И молчит! Давай садись, выкладывай.

— Ну, принял он меня.

— «Ну, принял»... Ты с подробностями рассказывай. Что ты ему, что он тебе. Я по одной фразочке, по кашлю начальственному могу все распознать. Надо веяния нюхом улавливать. Понял? Давай.

— Ну, узнал министр, откуда я, зачем, и вызвал секретаря.

— Так, так, так... И что же секретарь?

— Ну, входит секретарь.

— Детальки, детальки давай.

— Ну, с косой.

— Как?

— Секретарь с косой.

— Секретарь министра вошел с косой? С настоящей?

— Ну да, длинная такая коса, а что?

— Все! Уловил! Минутку.

Поветров выбегает в приемную.

— Ручкина ко мне, хоть из-под земли!

Прибегает Ручкин, верный зам и адъютант.

— Открываем курсы косарей, Ручкин! Есть такое веяние. Уловил? Объявляй срочный набор. Медпункт ликвидировать к чертовой бабушке — там будет пункт по заточке кос. Ну что ты, не понимаешь? Косы там будем точить: вжик, вжик!.. Школу закрыть немедленно и передать под общежитие курсантам-косарям.

— Косарям? — несколько ошалело переспрашивает Ручкин.

— Не перебивай! В газету срочно позвони. Скажи, что Поветров возглавил почин под лозунгом «Коси, коса, пока роса». Все!

Радостный и взволнованный Поветров возвращается в кабинет.

— Ну, ну, Круглов, говори дальше. Значит, входит секретарь и вносит большую косу, ха-ха-ха...

— Что значит вносит? Коса у нее на спине болтается.

— Болтается?

— Ну да, русая коса. Вообще, между прочим, симпатичная у него секретарша.

— Подожди, зачем же тогда ты мне голову морочил этой ерундой? На черта мне сдалась твоя секретарша с ее девичьими косами!

— Так вы сами, товарищ Поветров, требовали, чтобы я рассказывал со всеми деталями...

— Погибель моя! — хватается за голову Поветров. — Минутку!

Опрокидывая на ходу стулья, он выбегает из кабинета на крыльцо.

— Ручкин! Ручкин!

Через двор на зов начальства спешит Ручкин.

— Уже! — рапортует Ручкин. — Медпункт закрыл, школу ликвидировал. Больные в обмороке, дети в восторге.

— Полный назад! Все открыть как было. Уловил?

— Ясно.

— В газету звонил?

— А как же!

— Отзванивай обратно. Скажи — опечатка получилась: курсы открываются, только не косарей, а звонарей... Тьфу ты пропасть! Звеньевых, я хотел сказать.

Поветров возвращается в кабинет, где его дожидается Круглов.

— Ну и зачем министр вызывал эту девицу-красу? Эту секретаршу?

— «Принесите, — говорит, — справку, сколько сельхоз-

техники и какую именно получил в прошлом году совхоз, где директором Поветров».

— Так, так... А ты ему про наши дела рассказывал?

— Конечно. Напомнил насчет нашего письма.

— А он-то что, он-то? Ты давай мне со всеми детальками, с детальками рассказывай, чтоб я почуял, какие веяния наверху, куда ветер... Ну, ну!

— Он говорит: «Напрасно Петухов разводит...»

— Как напрасно?..

— Да вы дайте, Иван Порфирьевич, досказать...

— Минутку! Уже уловил! Мне много не надо. Мне бы только веяние почуять... Ручкин! Ручкин!

С конца коридора нарастает каблучный грохот.

— У нас на ферме петухи еще имеются?

— Да, штук тридцать наберется.

— Всем свернуть головы!

— Ясно!

— И вот что: курей тоже под нож! В порядке перевыполнения. Уловил?

— Ясно!

С видом довольным и бодрым Поветров возвращается в кабинет.

— Так, с петухами претворено.

Круглов всплескивает руками...

— Вы не дослушали меня, Иван Порфирьевич. Помните, вы писали Петухову, чтобы нам дополнительно отпустили три трактора. А Петухов переправил наше письмо на согласование в управление. Так вот, министр и говорит, что напрасно Петухов разводит бюрократизм.

— Но петухов-то резать или не резать?

— Я вас не понимаю, Иван Порфирьевич. Какие петухи? Это фамилия Петухов.

— Уловил! Минуточку! Ручкин! Ручкин!

Вбегает взмыленный Ручкин. Сапоги верного адъютанта обсыпаны пухом. В руке окровавленный нож.

— Уже. Претворил.

— Зарезал?!

— Петухов всех зарезал, курей приканчиваю...

— Зарезал... Ты меня зарезал! Уловил?

— Остальное снимите там...
№ 3, 1963 г.

Рисунок Г. ИОРША.

Парень в пальтох маме говорит: «Посмотри, маме у нас корова. Красавица! Какое счастье!» Но при этом забывает, что главный — маме молока и его жирность.

ВЫВЕЛИ ПОРОДУ

— Ну как можно от такой красавицы
еще и молока требовать?

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

№ 15 (1701) • ГОД ИЗДАНИЯ 41-й • 30 МАЯ 1963

ВЫВЕЛИ ПОРОДУ.

— Ну, как можно от такой красавицы еще и молока
требовать?

№ 15, 1963 г.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

ДЕТСТВОУБИЙЦЫ.

№ 31, 1964 г.

Рисунок А. КРЫЛОВА.

ДРУГ ДЕТСТВА

Все началось с газеты. С вечерней московской газеты, каким-то чудом очутившейся в магазине далекого городка, в котором жил Петр Васильевич.

Утром, как обычно, Петр Васильевич зашел за папиросами и тут, прямо на прилавке, обнаружил столичную гостью. Это была далеко не новая газета, но, поскольку вести в городок всегда приходили с большим опозданием, Петр Васильевич незамедлительно углубился в чтение. Читать газеты он любил.

Он просмотрел объявления о разводах, о новых кинокартинах и театральных постановках, осуждающе почмокал языком, дойдя до тем готовящихся к защите диссертаций, изучил спортивную информацию («Отлично! Опять победил «Спартак»») и хотел было отложить газету в сторону, как...

Очевидцы утверждают, что именно с этого момента Петр Васильевич навсегда потерял покой. Поперек газетной страницы огромными буквами тянулся заголовок «Новый почин работников московского универмага. Берите пример с С. Д. Калинкина!».

«Это какого же Калинкина? — радостно ужаснулся Петр Васильевич. — Уж не Сереги ли? Ну, конечно, его отчество — Данилыч. Господи, приятность-то какая! Серега, которого мы в школе калинкой-малинкой дразнили, за вихры таскали...

А! Наш Серега — и вдруг в самой столице! Заведует секцией бытовых приборов крупнейшего универмага! А?»

Через минуту новость о том, что Петр Васильевич спустя двадцать лет неожиданно отыскал друга, стала известна всему магазину, через пять минут — всему городу, через пять дней — горисполкому, в котором трудился наш герой. Прошла неделя, и Петр Васильевич начал укладывать чемоданы.

Он ехал в Москву, к другу детства.

Столица встретила Петра Васильевича перронной сутолокой, последним морозцем и обилием мороженого. Десятки сортов ледяного деликатеса громоздились на лотках у вконец простуженных продавцов. Поеживаясь и приплясывая, продавцы заглядывали приезжим в глаза, умоляя не подрывать финансовый план лучшего в стране хладокомбината. Но Петру Васильевичу было не до мороза, не до

финансового плана и соблюдения порядка на стоянке такси. Он растолкал очередь, нырнул в машину и помчался в универмаг.

В секции бытовых приборов толпился народ. Петр Васильевич схватил за рукав первого подвернувшегося продавца и с такой радостной уверенностью завопил: «Заведующего мне!» — что ему сразу же вынесли жалобную книгу.

— Зачем мне жалобная? — продолжал на высоких тонах приезжий. — Заведующего давайте... Который у вас тут почин поднял. А? Товарищ он мой. Старинный. С детства! Понимаете?

Продавцы понимали, но ничем помочь не могли.

— Болен наш заведующий. Да, тяжело. Да, сердце. А вы поезжайте к нему домой. Для больного встретить старого друга — лучшее лекарство. Право, не стесняйтесь!..

Первый этаж... третий... пятый... Вот и квартира, где живет его друг. Петр Васильевич нажал кнопку звонка и только потом заметил приколотую записку: «Ушла на базар. Скоро буду».

Петру Васильевичу ждать было некогда, и он позвонил в квартиру рядом.

— Сергея Данилыча? — Из двери выглянула соседка. — Эх, батенька... В больнице он. Вторую неделю. Что вы! Ужасные строгости. Пускают по воскресеньям, и то одного человека. Подождите, батенька мой, лучше супругу. Где больница?

Соседка растолковала, как ехать, и Петр Васильевич заторопился к лифту.

День в больнице был действительно неприятным. Петру Васильевичу не открыли даже дверь.

— И не пытайтесь, гражданин. Приходите, когда положено. Да не кричите вы, здесь медицинское учреждение.

Но Петр Васильевич не сдавался. Из больницы он помчался в Моссовет, затем в редакцию журнала «Здоровье» и, наконец, в Министерство здравоохранения. Он убеждал, ругался и умолял.

— Дорогие мои, хорошие, помогите пробиться к другу! Хоть на минутку. Столько лет прошло! Бросьте вы эту бюрократию! Подойдите по-человечески. А?

Люди не камни. И Петр Васильевич получил разрешение пройти в палату, но... на другой день. Сегодня было уже поздно.

Что же, скажет читатель, оставим нашего героя до завтра. Но вы просто не знаете Петра Васильевича! Он не

привык останавливаться на полпути. Друг его детства Серега где-то здесь, рядом, а он!..

Петр Васильевич снова поехал в больничный городок. Разузнал, на каком этаже лежит Калинин, примерился... Деревья до окна не доставали, а водосточная труба была явно в веселом предремонтном состоянии. И Петр Васильевич принял единственно правильное решение: начать переговоры со старушкой, дежурившей у входа. Он говорил долго, и его слушательница все время согласно кивала головой.

— Вот бюрократы! К другу не пускают. Эх-ма, до чего дошло. Черствые люди, а вот в наше время...

Через несколько минут старушка совсем размякла, провела его черным ходом на третий этаж и показала дверь палаты.

— Только на одну минуту. И тише. Ненароком дежурный врач...

Но в ушах Петра Васильевича уже свистел ветер. Он неслся по коридору, словно владелец лотерейного билета, предположивший, что выиграл «Москвич». Табуретки и фикусы летели в стороны, как щепки.

Рванул дверь, плюхнулся на стул и прерывающимся, но ликующим голосом зашептал:

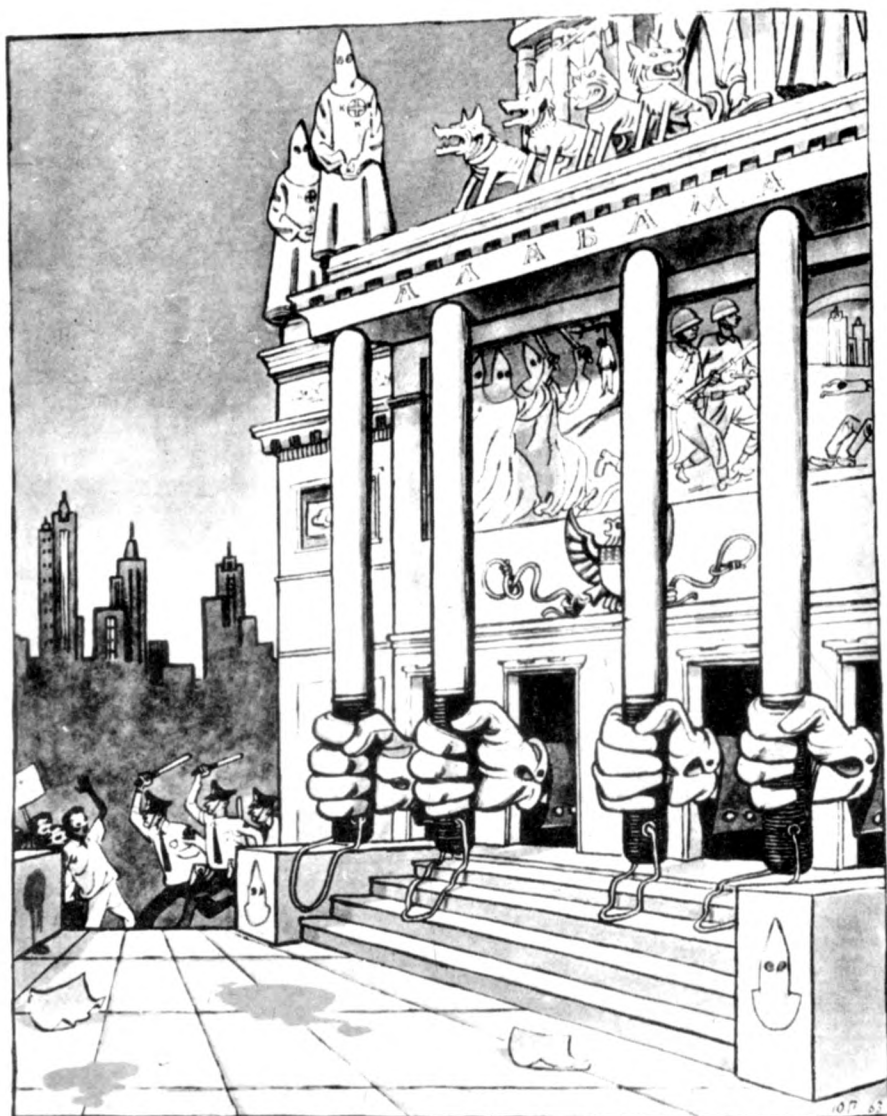
— Серега! Посмотри сюда! Узнаешь старого приятеля Петьку? А? Еле прорвался. И только на минутку. У меня к тебе важное дело. Специально приехал. Будь другом, помоги достать холодильник. А? Я понимаю, в один день покупки не оформишь. Поэтому сразу с поезда и к тебе. Сделаешь? Ну, что тебе стоит? Ты же заведующий секцией...

Больной медленно повернулся к гостю, и Петр Васильевич увидел перед собой совсем молодого человека.

А с соседней кровати на Петра Васильевича с грустью смотрели знакомые с детства глаза.

Обратный путь по лестнице Петр Васильевич проделал без помощи собственных рук и ног. Прибежавшие на шум дежурный врач и санитары, вероятно, помогли развить другу детства приличную начальную скорость. Петр Васильевич пролетел несколько поворотов, шлепнулся и зло проворчал:

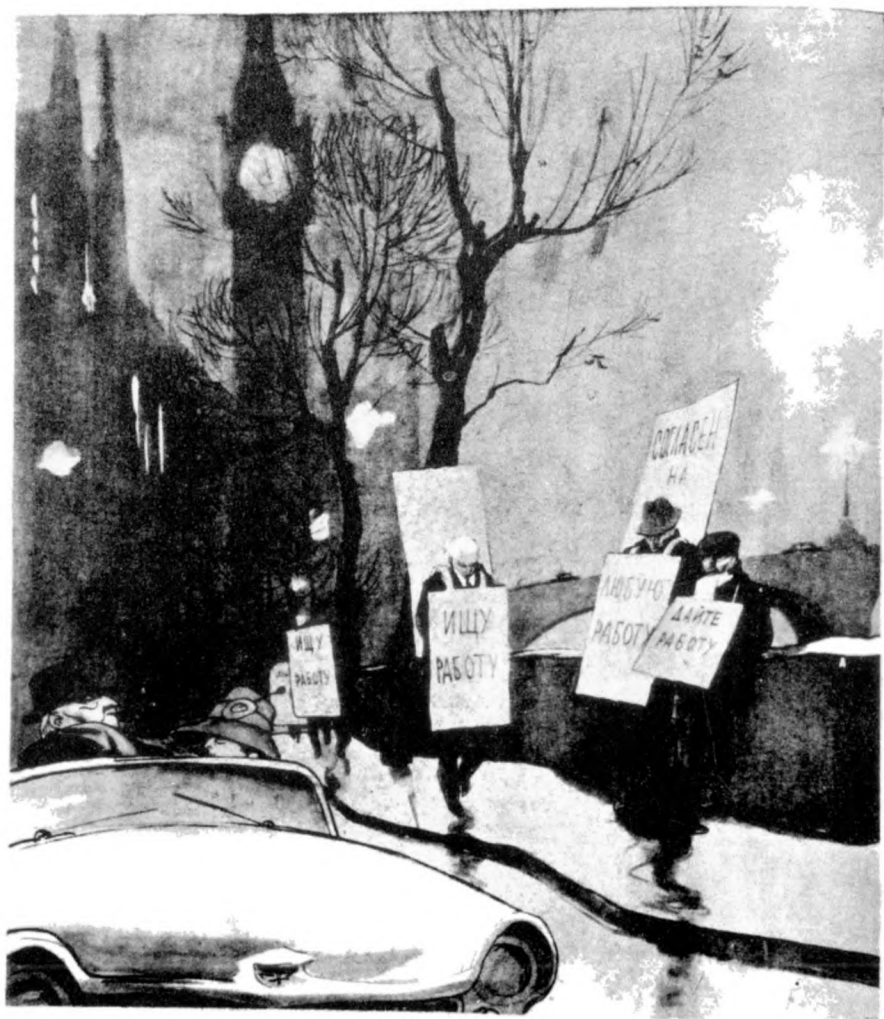
— Вот так всегда. Как станут начальниками, сразу зазнаются! Друга детства не мог выручить. Бездушный он человек! Трудно было записку о холодильнике написать, что ли?

СТОЛПЫ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ.

№ 18, 1963 г.

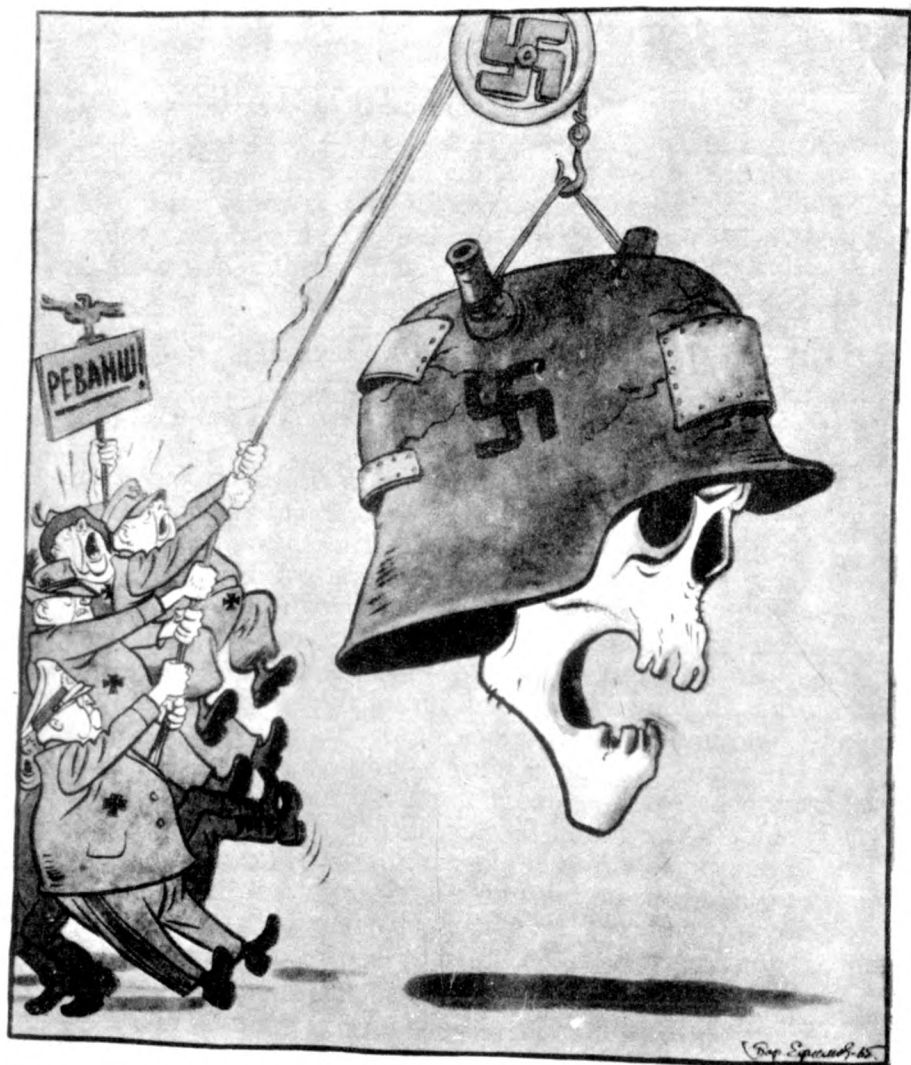
Рисунок Ю. ГАНФА.

— Я смотрю, в Лондоне носят то же, что и у нас в Вашингтоне!

№ 6, 1963 г.

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

Поднимают голову...
№ 13, 1964 г.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

КАК Я ЛОВИЛ МЕЩАНИНА

В редакции мне сказали:

— Есть задание. Надо выполнить.

А мне жалко, что ли? Надо — значит, надо.

— Чего делать-то?

— Поезжай, — говорят, — на Ставрополье, поймай там мещанина и напиши о нем фельетон.

— Это, — говорю, — нам раз плюнуть. Подумаешь, невидаль!

А как стал собираться, взяло меня небольшое сомнение. Решил кое-что уточнить. Звоню в московскую справочную.

— Так и так, — говорю. — Не сообщите ли, какой из себя мещанин, в чем его принципиальное отличие.

Девушка помедлила самую малость и отвечает:

— Мещанин — это который с фикусом и канарейкой.

Все ясно. Выписываю командировку, получаю аванс, прилетаю в Кисловодск. Выпил бутылку минеральной воды и пошел на большак ловить мещанина.

Охотничьих припасов никаких брать не стал. А пустился на хитрость. Воткнул возле дороги фикус и посадил на него канарейку. Сижу, подманиваю.

И еще, кроме канарейки, взял я на всякий случай кусок бечевочки. Поймаю, думаю, мещанина и привяжу к какому-нибудь кусту. Чтобы он не убежал, пока я буду про него фельетон писать. А напишу — отпущу. Пускай ходит.

И вот, значит, сижу. Сижу час, другой, а мещанина нету. По большаку много народу ходит. Служащие идут, отдыхающие дефилируют — все наш простой советский народ. А мещанин отсутствует.

«Куда же, — думаю, — он пропал? Или у него другие запросы появились? Может, он теперь вместо канарейки магнитофоном наслаждается?»

Сидел, сидел, и надоела мне эта самодеятельность невыносимо. Закинул я свой фикус в кусты, а канарейку отпустил на все четыре стороны. Пускай летает, жалко мне, что ли?

Собрался домой. И тут идет гражданин в меховой шапке. Представительный такой, интеллигентный. Сколько таких за день прошло!

— Охотой, что ли, занимаетесь? — спрашивает.

— Да вот,— говорю,— ловлю мещанина.

— И попадается?

— Плоховато.

— Да,— говорит,— сейчас не сезон. А у меня вот другие заботы. Разбилась крепкая советская семья. Была, знаете ли, неземная любовь, вздохи под луной и трели канарейки... А теперь жена ушла.. И что самое неприятное — приходится делить имущество. Прямо нож острый.

— А вы,— говорю,— простите, не из мещанского сословия, что про канарейку вспомнили?

— Что вы! — говорит.— Я интеллигент. Канарейка — это так, к слову. Разрешите представиться: Котюргин Илья Георгиевич, врач-рентгенолог санатория «Москва». Несу в суд документы о разделе имущества. Не угодно ли поччитать?

— Давайте,— говорю,— если разберу.

Читаю:

«Акт

Мы, нижеподписавшиеся, комиссия в составе представителя местного комитета санатория имени Кирова Хачатурянс С. С., санатория «Москва» Горбоносова П. Г., Давыдовой, составили настоящий акт в нижеследующем:

Ввиду добровольного ухода от мужа Котюргинной ее муж сдал, выдал все ее личные вещи, а именно:

.....
13) Восемь шелковых трусиков—16 р.

14) Семь х/б трусиков—8 р. 40 к.

15) Три бюстгальтера—9 р.

.....
33) Клипсов 4 пары—16 р.

34) Брошь—1—5 р.

35) Диплом об окончании мединститута

36) Бидон

Подписи членов комиссии».

— Здрово,— говорю.— Прямо-таки редкий документ. Только, на мой взгляд, есть в нем одно упущение. Почему, например, не указана стоимость диплома? Уж если быть точным, надо до конца.

— Я об этом думал,— говорит Илья Георгиевич,— только не знаю, во сколько его оценить.

— А диплом был с отличием или без?

— Без.

— Тогда, я думаю, можно приравнять к семи хлопчатобумажным гарнитурам. А если бы диплом был с отличием, можно было бы оценить, как шелковые.

— А не дорого будет?

— По-моему, нет. В крайнем случае приплюсуйте к диплому еще бидон. Будет в самый раз.

— Возможно,—говорит рентгенолог,—возможно... А я вот от супруги еще расписочку потребовал. Полюбуйтесь.

«Я, Котюргина Анна Ильинична, действительно в присутствии председателя местного комитета санатория имени Кирова Петровой З. А. и члена местного комитета Хачатурянс С. С. получила со своего мужа следующее:

- 1) Облигации 3%-ного займа на 100 руб. с талоном № 17.
- 2) Простынь—5.
- 3) Полотенце—1.
- 4) Очки—1.
- 5) Консервный нож—1.
- 6) Рожок для надевания обуви—1.
- 7) Компот в мешочке—2 кг 500 г.
- 8) 1/2 бутылки ацетона.
- 9) Салфетки бумажные.
- 10) Пудра «Сирень».

— Да,—говорю,—дело у вас поставлено солидно. Только не пойму, зачем вы привлекли к этому делу общественность?

— А как же! —удивился Илья Георгиевич.—Разве можно на слово верить? А что, если жена потребует с меня компот вторично? Так сказать, захочет добавки. Начнутся разные мещанские пересуды. А я, скажу вам откровенно, мещанства терпеть не могу. Что хотите, только не мещанство.

Рассказал он мне по дороге еще кое-какие пикантные подробности о бывшей жене, о сослуживцах, и мы расстались.

А я пришел в Кисловодск, выпил бутылку минеральной воды и поехал обратно.

Возвращаюсь в редакцию, докладываю: нету, мол, мещанина. И так и этак ухитрялся—не попадается. А где я его возьму, если нету? Рассказал, между прочим, про рентгенолога.

А ребята смеются.

— Голова ты,—говорят,—садовая! Это же и был как раз мещанин. Тот самый, который барахло возводит в принцип. Садись скорей и пиши про него фельетон.

Обидно мне стало до слез. Загляделся, думаю, недотепа, на его интеллигентскую шапку, а мещанскую-то суть и не заметил. И вспомнил, что Илья Георгиевич несколько лет

назад с первой женой точно так же разводился. Тоже требовал, чтобы суд разделил все имущество вплоть до сумки хозяйственной пестрой, поперечной пилы без ручки, мешка и помойного, извините, ведра.

Когда я это рассказал, смотрю, помрачнели ребята. А приятель мой подходит и за грудки берет.

— Признайся,— говорит,— что про ведро ты от злости выдумал. Я обедать собрался, а после твоего ведра не могу в столовую идти.

А я тоже разозлился.

— Иди ты к дьяволу! — говорю.— Ничего я не выдумывал, об этом факте даже «Горьковская правда» сообщала.

Ну, а потом, когда страсти улеглись, сел писать фельетон. Обидно, конечно: друг без обеда остался. Хотя и его понять можно. Потому что как тронешь это мещанство, так очень на душе скучно становится. И уж, кажется, тронешь-то чуть-чуть, с краешку, а все равно настроение портится.

№ 5, 1964 г.

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

ЭКСКУРСИЯ

Экскурсий сто, не менее
Местком провел за год:
На фабрику печения,
На фабрику копчения,
На мол- и пивзавод.
С очередной экскурсии
Пришел домой супруг:
— Налей рассола, Мусенька,
Иначе мне каюк!
— Где ты шатался до ночи,
Где время проводил?
— Я на ликеро-водочный
С экскурсией ходил.
Узнали мы, как делают
Коньяк и «Салхино»,
Попробовали белое
И красное вино.
Под руководством лектора

Мы сделали «ерша»,
И с нашим зам. директора
Я пил на брудершафт.
— А что вы все же вынесли
С экскурсии такой?
— Мы ничего не вынесли,—
Сказал супруг с тоской.—
Охрана там зубастая
Стоит у проходной.
Зато по полтора мы
Добавили в пивной...

Не спорим здесь о вкусах мы
(Кто пиво пьет, кто квас),
Но странные экскурсии
Проводятся подчас.
Музеев, планетариев
У нас не сосчитать,
Ан нет — на пивоваренный
Экскурсия опять!
И дух пивной и квасовый
Витают над толпой:
Идет поход культмассовый
И массовый запой.

№ 13, 1963г.

Ф. КРИВИН

СКАЗКИ

РЕАКЦИЯ ЗАМЕЩЕНИЯ

По степени своей активности металлы замещают друг друга.

— Вам Золото? Его замещает Серебро.

— Серебро? Его замещает Медь.

— Медь? Ее замещает Свинец.

До чего длинный этот ряд активности металлов!

— Вам Свинец? Его замещает Олово.

— Олово? Его замещает Железо.

— Железо? Его замещает Калий.

Ну, вот и решайте свои дела с Калием—он такой активный, что может всех замещать.

Но решить Калий ничего не может.

— Лично я не возражаю. Но как прореагирует Золото? Вы идете к Золоту—и все начинается сначала.

РЕАКЦИЯ РАЗЛОЖЕНИЯ

— Он, правда, красивый?

— Он правда, зеленый?

— Зеленый, красивый, бегите все на него смотреть!

Посадили Малахит в пробирку, пригрели. Тепленько ему, хорошо. Это не то, что прозябать на Урале. Вот в таких условиях можно себя показать!

— Малахит! Малахит!

— Самоцвет! Уральский самородок!

Прибегают, смотрят.

Сидит в пробирке черненькое вещество и пускает воду и углекислый газ. Воду—это от удовольствия, а газ—так, для запаха.

Сидит вещество в пробирке. Тепленько ему, хорошо.

Вот в таких условиях происходит реакция разложения.

№ 12, 1964 г.

г. Ужгород.

Ю. МАРТЫНОВ

КОЛЛЕКЦИОНЕР

У меня сидел мой знакомый Вавилычев. В самый разгар беседы перегорела электрическая лампочка. Я ввернул новую, а старую хотел выбросить в мусоропровод.

— Ты с ума сошел!—закричал Вавилычев.—Сейчас модно коллекционировать перегоревшие электрические лампочки.

Он бережно завернул лампочку в газету и унес с собой.

Через месяц он позвонил мне и с надеждой спросил:

— Слушай, у тебя нет случайно пачки туалетного мыла «Дядя Миша»?

— Только сегодня жена купила.

— Вот удача! — обрадовался Вавилычев. — Ты смотри, не вздумай пойти с этим мылом в баню. Я заберу его для коллекции. Теперь самая мода на коллекции туалетного мыла.

Вавилычев приехал и забрал «Дядю Мишу».

Еще через месяц он вновь вспомнил обо мне:

— Слушай, в прошлый раз, когда я был у тебя, на окне стоял кактус. Верно?

— Да, у меня есть кактус.

— Так ты мне его отдай. Коллекция кактусов — это крик моды!

Вавилычев приехал и забрал кактус.

Как-то я пришел домой и вижу: на квартирной двери нет ручки. Вместо нее приколотая записка: «Пришлось повозиться. Но зато какая находка для моей коллекции дверных ручек! Сейчас это модно. Вавилычев».

Говорят, сейчас модно собирать старые дачные раскладушки. У меня есть такая. Не дожидаясь визита Вавилычева, я отвез ее к нему домой. Он бурно выразил свою радость, а затем спросил:

— Слушай, ты не знаешь, где можно купить яйцо страуса эму? Я на днях узнал, что скоро войдет в моду коллекционирование птичьих яиц.

№ 30, 1964 г.

Ю. ЗОЛОТАРЕВ

ОБЩИЙ ЯЗЫК

Рассказ

Начальник планового отдела треста Григорий Филиппович Теленочкин грустит: он далек от начальства.

А хочется, ох, как хочется, быть поближе! Но попробуй найди общий язык с управляющим трестом Кульковым, когда тот, как скала, неприступен.

Сидит в своем кресле, желчный, сухой, мрачный, и талдычит одно и то же:

— Отчет готов? Так-с, покажите... Отлично. Вы свободны.

Но Теленочкину не хочется уходить. Ему хочется побыть рядом. Сказать этому грозному, властному человеку что-то возвышенное. Прочувствованное. Чтобы понял тот, какой у него преданный подчиненный. Но с чего начать?

«Нащупай тему, — советуют Теленочкину знакомые. — Есть же тема, которая волнует твоего руководителя!»

Есть, наверное, а какая? Теленочкин щупал и так и этак.

Пробовал говорить о футболе и опере, преферансе и кинофильмах.

Кульков терпеливо выслушивал горячие тирады начальника планового отдела и, глядя куда-то сквозь него, неизменно говорил:

— У вас все? Тэк-с. Отлично. Вы свободны.

«Чурбан проклятый! — мысленно ругался Теленочкин. — Никак к нему не подъедешь. А может, женщины?»

И Теленочкин однажды решился. Заговорщически подмигнул, прищелкнул языком и многозначительно кивнул на дверь.

— Секретарша-то у вас, Валерий Петрович, ух! Пальчики оближешь!

— Вы, товарищ Теленочкин, сколько лет жена-ты? — внезапно спросил его управляющий.

Григорий Филиппович вздрогнул и сказал севшим от волнения голосом:

— Семнадцать без малого.

— Тэк-с. Отлично. А детей у вас сколько?

— Трое как будто...

— И почтенный отец семейства смотрит на молоденьких женщин, как кот на сметану? Вы свободны!

«Нет, безнадежно, — тоскливо размышлял Григорий Филиппович. — Уж если женщинами его не проймешь!..»

Он совсем было потерял надежду, как вдруг во время очередного доклада случайно, без всякой задней мысли сказал:

— Отчет надеюсь завтра закончить, Валерий Петрович. Если не заболел.

Кульков поднял голову и внимательно посмотрел на Теленочкина.

— Но я постараюсь не заболеть! — поспешно добавил Григорий Филиппович.

— А не надо стараться, — неожиданно мягко сказал управляющий, и глаза его потеплели. — Болезнь не перехитришь. Что с вами?

— Так, пустяки. Что-то съел, желудок болит...

— Ага! — вскричал Кульков и дружески хлопнул Теленочкина по плечу. — Поздравляю вас, дорогой, с гастритом! То же самое, что у меня! Теперь будем вместе болеть! Ну-ка, ну-ка, доложите, где болит, как болит, после какой именно пищи болит...

«Нашел! — радостно подумал Теленочкин. — Нашел, кажется, общую тему!»

И они горячо, увлеченно заговорили о болезнях.

Теперь счастливый Теленочкин часами просиживал в кабинете управляющего. Болел много и жадно. И чем больше обнаруживал у себя недугов, тем ближе, роднее становился Кулькову.

Можно смело сказать, что это были болезни роста: Теленочкин быстро вырос до заместителя главного инженера.

У него, как и у руководителя треста, были бронхит, радикулит, фарингит, не говоря уже о гастрите. У него, как и у руководителя треста, появилось затемнение в легких, и, метя в главные инженеры, он собирался даже заболеть чем-то вроде плеврита, но не успел.

Кульков уезжал на курорт. Это испугало Теленочкина: «Не дай бог, еще вылечат!» Но тут же успокоил себя: «Нет, ничего. Я на врачей надеюсь. Не подведут».

— Вот только беда,— охая и кряхтя, поделился с Теленочкиным Кульков.— Карту курортную заполнять надо. Анализов уйма! Кровь, сок и так далее. А я, знаете ли, не могу. Как только кольнут меня в палец и начнут кровь сосать в пробирки стеклянные, так со мной дурно. А уж кишку эту глотать — сплошное мучение!

И тут Теленочкина осенило:

— Валерий Петрович, да я для своего руководства — что хотите! В огонь, в воду и на анализ! Давайте, все за вас сделаю.

— Как это так?

— Очень просто. Возьму ваше направление — и в лабораторию. Там ведь в лицо вас не знают, а мне за вас свой сок отдать и тем более кровь — одно удовольствие!

— Хорошо бы, конечно. Неловко, однако...

— Ерунда. И болезни у нас с вами как раз одинаковые. Где направление? Я побежал!

Через неделю Кульков вызвал к себе в кабинет Теленочкина и, тыча в бумажки, глухо сказал:

— Судя по результатам анализов, я абсолютно здоров. В санаторий меня не пускают, гонят в дом отдыха. Что скажете?

Теленочкин покачнулся и прошептал:

— Очень рад этому обстоятельству...

— Ах, рады?! — гаркнул Кульков.— Тэк-с. Отлично. Вы свободны. Вообще и окончательно свободны! Ясно?

Теленочкин еле доплелся до дома, лег на диван и заболел. Первый раз в жизни.

КРОКОДИИ

№ 5 (1727) • ГОД ИЗДАНИЯ 42-й • 20 ФЕВРАЛЯ 1964

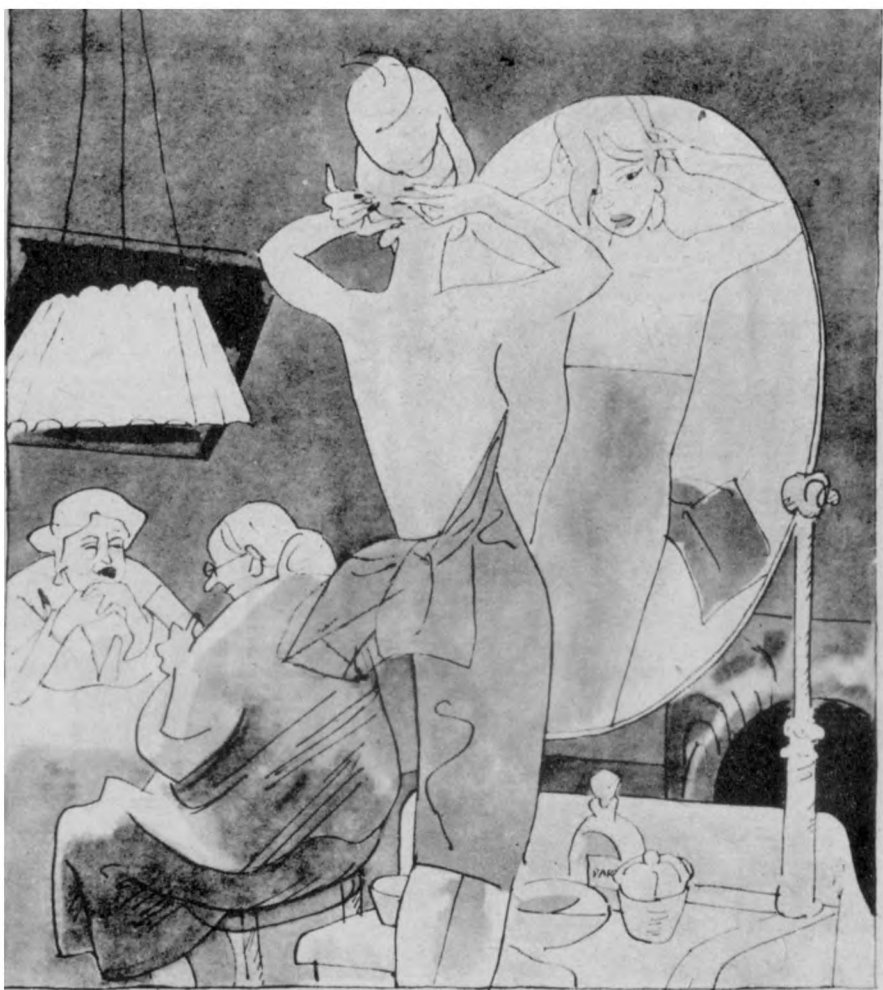

ЖЕНА ЗАДЕРЖАЛАСЬ НА РАБОТЕ.

— Ма-а-а-ма!

№ 5, 1964 г.

Рисунок В. ЧИЖИКОВА.

— Вы же знаете, как прошла наша юность: ходили голодные, раздетые... Так пусть хоть дочка одевается как следует!

№ 5, 1964 г.

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

— Как вам удалось организовать такой вечерок?

— Вскладчину: бабушкина пенсия, дедушкина пенсия, папины отпускные, мамина премия...

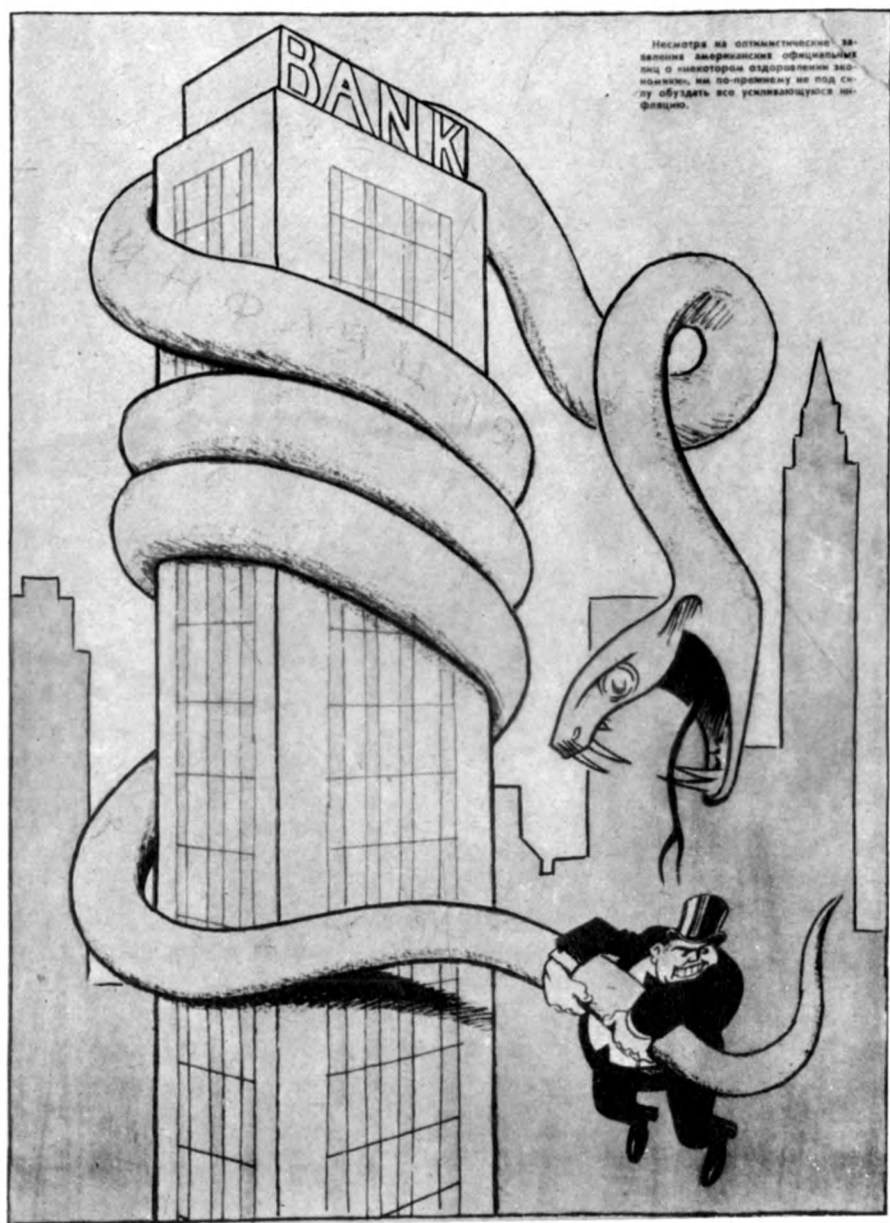
Рисунок Е. ШУКАЕВА.

— Нам бы получше, у директора цветочного магазина именины.

№ 1, 1965 г.

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

— Ну, теперь она в наших руках!

Рисунок А. КРЫЛОВА.

№ 25, 1975 г.

— Говорят, что у меня потеряна чуткость. Клевета! Я всегда держу ее на запоре!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

КРОКОДИЛ

№ 4 (1762) • ГОД ИЗДАНИЯ 43-й • 10 ФЕВРАЛЯ 1965

— Говорят, что у меня потеряна чуткость. Клевета! Я всегда держу ее на запоре!

№ 4, 1965 г.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

КТО КОМУ МОЛИТСЯ?

Рассказ

К директору районного Дома культуры Сергею Ивановичу Свиридову зашел массовик Володя, серьезный худой юноша в очках. Зашел он под вечер, неловко поклонился и начал переминаться с ноги на ногу, что означало у него высшую степень волнения и тревоги.

— Ну, какие пироги? — улыбнулся ему директор. — Пари держу, что подобрал наконец руководителя фотокружка.

— Нет, Сергей Иванович, я по другому вопросу зашел. Я, Сергей Иванович, с серьезным сигналом к вам.

Он покосился на находившегося в директорском кабинете бухгалтера Сивого, потом подошел поближе к столу и, вытянув шею, сказал:

— Мне думается, что Андрей Ильич, наш лектор на атеистические темы, — франкмасон!

Свиридов и Сивый в изумлении воззрились на Володю.

— Чего-о? — переспросил директор. — Франкмасон? Чуть какая-то! Сейчас никаких франкмасонов, сиречь, вольных каменщиков (Сергей Иванович любил блеснуть эрудицией), нету. Вымерли! Это я точно знаю.

Володя сконфуженно шмыгнул носом.

— Ну, может, я неправильно выразился, — сказал он. — Франкмасон в моем понимании есть глубоко религиозный человек, если хотите, фанатик и изувер, но тщательно скрывающий свою веру. Разоблачить его трудно, потому что людям он говорит одно, а сам чувствует другое. Разве что случайно когда-нибудь обмолвится.

Бухгалтер Сивый понимающе закивал.

— А ведь это бывает в жизни, Сергей Иванович, — вмешался он в разговор, — я тоже такого знавал в свое время. В коллективе слыл воинствующим атеистом, церковь, служителей культа почем зря хулил, а придет домой, запрется, бух на колени и ну отвешивать поклоны, чтобы, значит, бог простил ему его хулу! Только он назывался не франкмасон, а двурушник, который и нашим и вашим.

— Да вы что, оба белены объелись, что ли? — рассердился Свиридов. — Андрей Ильич — высокой квалификации лектор, никакой он не двурушник и не франкмасон. Народ его слушает охотно: интересные примеры подбирает. Мало ли что могут наговорить на человека? Язык без костей. Но

тсс... кажется, он пришел, легок на помине. У него же нынче лекция «Происхождение праздника пасхи».

И действительно, дверь распахнулась, и в кабинет стремительно вошел молодой еще, но уже с изрядной лысиной маленький чернявый человечек. Он бросил на диван объемистый портфель и зябко потер ручки.

— Брр! Холодище-то нынче! Не весна, а наказание господне! Выйдешь из дому и всю дорогу молишь бога, чтобы скорее до Дома культуры добраться.

— Неужели так холодно? — спросил бухгалтер.

— И-и, не приведи господь! — пожаловался лектор.

Свиридов и Сивый выразительно переглянулись.

— М-да, нынче свежо, — согласился директор, — там уже народ собрался, Андрей Ильич, должно быть, опять зал полный.

— Вот это хорошо! — искренне обрадовался лектор. — Мне ведь по заданию райкома еще одну лекцию прочесть нужно. На кроватной фабрике, в семь часов. Мало-вато времени, да, пожалуй, с молитовкой успею. А? Должен успеть! Ну, господи благослови, пошел я.

Он забрал свой портфель и выскочил в фойе. Оставшаяся троица некоторое время молчала.

— Бога-то он, верно, к месту и не к месту поминает, — размышлял Свиридов, задумчиво барабанив пальцами по столу. — Может, это машинально, по привычке, а может, и вправду верующий. Кто его знает! В душу к нему не заглянешь. Неужто и он дома перед иконами на колени бухается? Ай-яй! Конфузия! А вдруг область об этом узнает...

— Непременно с кем-нибудь посоветуйтесь, — предложил Сивый, — хотя бы в райисполкоме. А то не ровен час...

На следующий день Свиридов с раннего утра сидел в приемной председателя райисполкома Бухтеева и дожидался, когда он появится. Наконец грузный, страдающий одышкой председатель показался в дверях и медленно двинулся в кабинет, бросая на ходу ожидающим:

— Привет! Наше вам с кисточкой! А тебе, Свиридов, что надо? Опять какую-нибудь чертовщину выкинул?

— Посоветоваться зашел, — ответил директор Дома культуры, — есть тут одно щепетильное дельце.

— Щепетильное? А ну, проходи.

Пока председатель снимал пиджак и вешал его на спинку кресла, Свиридов поделился своими сомнениями насчет лектора. Председатель молча слушал, потом сердито засопел.

— Какого беса ты ко мне с подобными пустяками пристаешь? Тут от посевной аж чертики в глазах мельтешат, а ты еще своим франкмасонством голову морочишь! Лучше бы к предстоящему смотру сельских хоровых коллективов предложения продумал. Ох, боюсь, этот сатана Капелькин провалит нам мероприятие!..

— Как же мне все-таки быть-то? — уныло спросил Свиридов. — Поскольку сигнал о лекторе поступил, стало быть...

— Посылай всех сигнальщиков к чертовой бабушке! — вскипел Бухтеев. — А еще лучше посылай их ко мне. Я им такое франкмасонство покажу, что сам Вельзевул завертится в своем пекле. Распустились, дьяволы! Ну да я их распотрошу, сто чертей им в глотку!

Глубоко задумавшись, вернулся Свиридов в свой кабинет и устало плюхнулся в кресло. К нему мгновенно подскочили массовик Володя и бухгалтер Сивый. В ответ на их немой вопрос Сергей Иванович беспомощно развел руками:

— Ничего не могу понять. Хоть убей! Ну, хорошо, допустим, Андрей Ильич часто поминает бога потому, что в него верует. А товарищ Бухтеев кого почитает? Выходит, что чер... Господи! Помоги рабу твоему разобраться в этом запутанном деле!

№ 5, 1966 г.

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ ИЗ «ЛИРИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ» А. А. КОШМАРКОВА

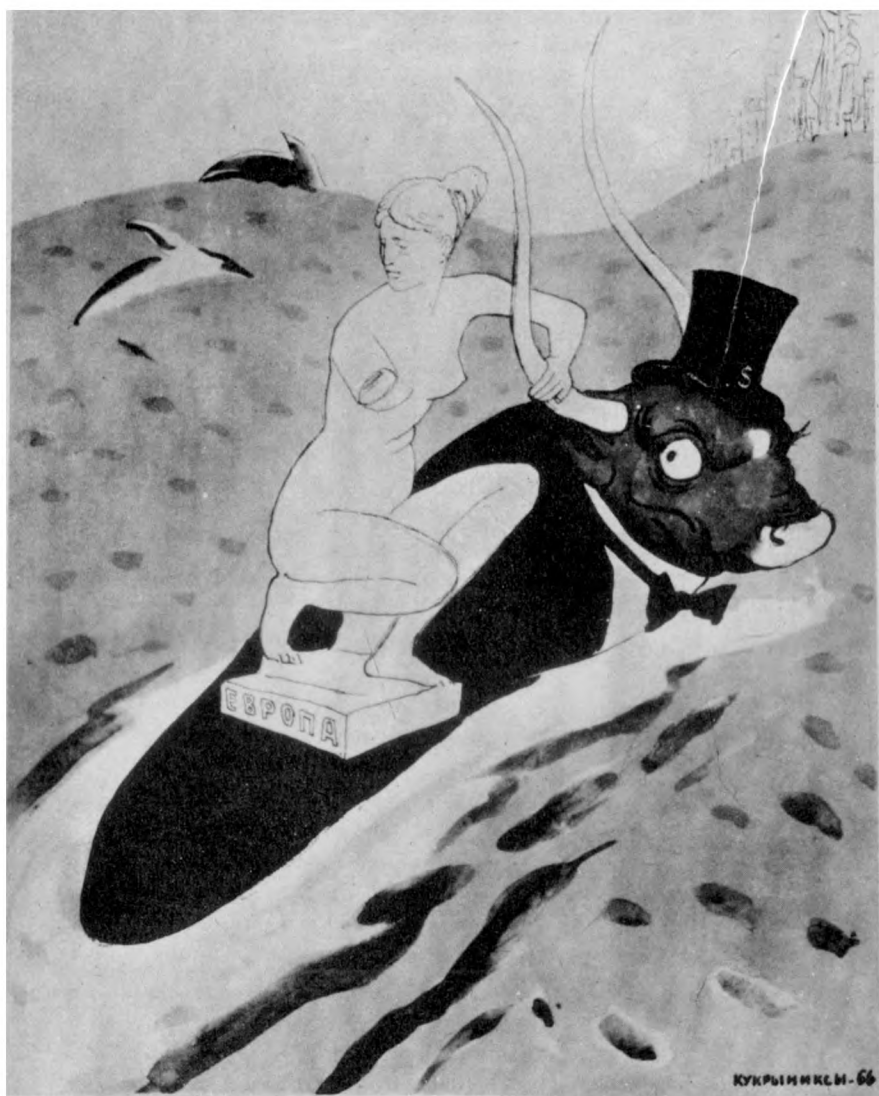
1. МОЕЙ СУПРУГЕ

Нет,
 мой талант
 принадлежит
 не мне,
А времени,
 народу
 и стране.
Вчера писал стихи я за столом,

По тебе тосковать.
Кто с этой дорожной
Тоской не знаком?..
Но вот электричка
Гуднула гудком
И двинулась,
Долгой разлукой грозя,
Тебя отдаляя,
Меня увозя...
Когда за окном
Промелькнуло Перово,
Я вспомнил родные
Глаза твои снова.
А в Люберцах,
В этом далеком краю,
Припомнил
Родную прическу твою.
И так постепенно
Под грохот колес
Я вспомнил твой лоб,
Твои брови, твой нос.
Но вот и Малаховка!
Край мой родной
Березой встречает меня
И сосной.
Но страшная мысль
У меня в голове:
Пока я в Малаховке,
С кем ты
В Москве?!

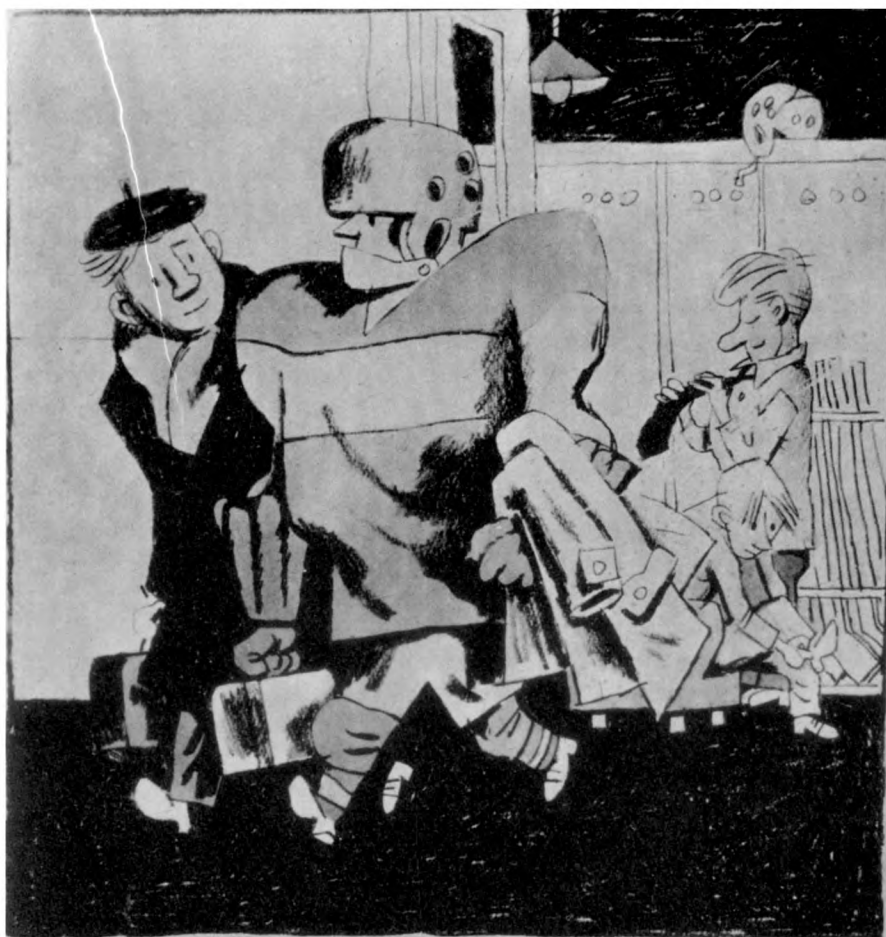
*Записал, совершенно случайно,
Владлен БАХНОВ.*

№ 29, 1966 г.

ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ.
№ 22, 1966 г.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

— А ты почему не переодеваешься?
— Мне еще в автобусе ехать...

Рисунок Г. АНДРИАНОВА
по теме С. Рубинцева (Москва)

КРОКОДИЛ

№ 34 (1978) декабрь 1966

год издания сорок пятый

— А ты почему не переодеваешься?
— Мне еще в автобусе ехать...

№ 34, 1966 г.

Рисунок Г. АНДРИАНОВА.

«НЕ НДРАВИТСЯ МНЕ ЭТО...»

Тула, конечно, начинается с самовара. Я имею в виду гостиницу «Тула», где сияет серебряным самодержавным пузом титанический самовар. Он самый большой в мире, и обжора Гаргантюа неминуемо лопнул бы, выпив полную самоварную вместимость.

Химерические размеры чай-да-сахарного исполина поневоле будят мысль о том, что на свете нет ничего невозможного: вдруг лошади кушают не овес, а, скажем, люля-кебаб с рисом? И Волга впадает не в Каспийское море, а в Тихий или даже в Ледовитый океан?..

Я размышлял об этом не всуе. Мне требовалось разыскать в Туле Растеряеву улицу, описанную Глебом Успенским, чтобы бросить на нее историко-сатирический взгляд. Как, мол, она изменилась?

Стояли, например, монстры-хижины — стали добротные, комфортабельные жилища. Били друг другу морды («не то чтобы с сердцов, а даже от большого уныния». Г. Успенский) — ныне ходят в обнимку, являясь членами общества «Знание». Царила «всеобщая бедность, в маме-вом плену у которой... томилаcь убогая сторона», — теперь разумный достаток и социальное страхование.

Все это было верно, как аксиома о лошадях и Волге, и лежал передо мною проторенный журналистский шлях, инкрустированный цитатами из «Нравов Растеряевой улицы» и надежно оснащенный цифровыми данными горсовета. Но я вовремя опомнился: каково все это читать в тысячный раз массовому читателю?..

Я глянул в зеркальное самоварное брюхо, и лицо мое исказилось. Это было, собственно, уже и не лицо, а, так сказать, «физиогномия», которая вдобавок очугунела. И стал я не Митиным Владимиром Васильевичем, как мне положено свидетельством о рождении, а растеряевцем Прохором Баташевым. Образом синтетическим, собирательным, вместившим черты мещанина, дикаря и стяжателя.

А дело было так. Аккурат под Троицу, не помню какого года, я набрался водки до полного недоумения, свалился в подклеть, где меня засыпало злаками, и впал в консерва-

тивное состояние. Когда же на месте подклети начали возводить здание, меня нашли, дали понюхать нашатырного спирта и хотели уже тащить в милицию, как вдруг рабочий нулевого цикла воскликнул:

— Стойте! Да он растерявец. Верно?..

— Уж это как есть,— блудливо поводя глазками, отвечал я.— Известно, растерявец. Меня еще господин Успенский отобразил в полном собрании своих сочинений. Ужо попадись он мне...

Рабочие сказали, что писатель изобразил не конкретно меня, а вообще тульского жителя тех лет, и отправили меня в горсовет. Исходя из того, что мои нанковые портки и чуйка совершенно истлели от полувекового бытия в подклети, горсовет выделил кое-какую сумму для моей экипировки. Меня привезли в универмаг и сдали с рук на руки Ольге Дмитриевне, главной приказнице отдела готового платья.

— Чуйки есть? — спросил я.

— Нет,— сказала Ольга Дмитриевна.— Вот костюмы прекрасные есть, и совсем недорого.

— Не надо. А нанковых порток нету?

— Увы. Зато имеются тергалевые плащи по последней парижской модели «Мерси».

— Мерси, мерси...— закапризничал я.— Мне бы чего ни то посуконней, дабы не скукожиться. Да скорей, душа горит...

Оделся я непривычно. Отвезли меня в цирюльню, где тоже вышло неудовольствие: я желал «под горшок», а меня обкорнали голо, сказали «под польку». Плюнул я в зеркало и степенно удалился. Только город нипочем не узнаю.

— Братцы,— взмолился я.— Отведите же меня куда-нибудь в родные места. К примеру, в Чулково. А то меня тут всенепременно мотором задавит.

Поскольку лошади не нашлось, повели меня по городу так. Идем. А публика поспешает себе мимо, и на меня — нуль внимания. Не то, что в дни моей знаменитости, когда провел я по Туле самолично купленного верблюда, а засим в пьяном виде подарил его первому встречному... Не тот стал город. Ни одной тебе конуры. А бывалоча сиживал я сам в собачьем домике и лаял на глазевших прохожих.

— Стой! — хрипло заорал я провожатому.— Куды ты меня ведешь? Не ндравится мне это... Сей же секунд веди на Подъяческую. Жива!

— И чего надсаживаешься? — сказал провожатый .—

Эва она, бывшая Подъяческая. Тут тебя и нашли в овсах.

«Врет»,— думаю. Однако затаился, смотрю. Кругом новые дома, на одном надпись: ателье «Модница». Эх, говорю, совсем мое дело швах. О былых-то временах здесь черепа друг другу разбивали в кулачном бою, а ныне зажрались, модничают. Посмотрел я на «Модницу», где стояла когда-то моя изба, которая, как писал господин Успенский, «все-таки напоминала физиономию обезьяны», и стало мне не по себе. Уж слишком я к прежнему свинству привык. Не по нутру мне все эти новшества и баловства. Не ндра...

— Пойдем,— говорю,— отседа. На мою фабрику.

— Была,— говорит провожатый,— твоя, да сплыла.

— Куда же это,— интересуюсь,— бесхозная она, что ли?

— Отчего же-с. Очень даже при хозяине. В частности, вот при нем: слесарь-инструментальщик Борис Дмитриевич, золотые руки, наш советский Левша.

— Постой, постой,— вспоминаю я,— что-то мне твоя личность очень знакомая. Ты не Воронов ли будешь? Владел я таким.

— Он, только внук,— смеется слесарь.— Теперь владею этим заводом наравне с коллегами. Вот они: Щеглов, Алферов, Циплакова Анна Петровна, сборщица, токарь Кирик Вася и все прочие. И если есть ко мне вопросы, то поживей, а то у меня сегодня приемный день. Депутат я Верховного Совета.

Тут я окончательно взбеленился:

— Как же ты можешь государственный вопрос решить, если ты простой мастеровой?

— А вот для этого мы вам, Баташевым, и дали по шее в семнадцатом, чтобы самим управляться. И, как видишь, идет дело: не только правим государством, а электронные устройства делаем, мотороллеры, стиральные маши...

— А это,— кричу я,— чем это пованивает? Не керосинчиком ли? Стало быть, и примуса работаете? По старинке-матушке?

Однако слышу, кругом смеются. Оказалось, что примуса идут исключительно за границу— тамошним мужикам способней керосин жечь, дешевле. Но тут увидел я самовары, и на душе у меня полегчало.

— И опять ты выходишь без понятия! — хохочут мастеровые.— Самовары-то эти электрические!

И взяла меня ненависть. Мастеровые сытые, гладкие, веселые. Детей в музыкальных училищах держат, в отличных квартирах прохлаждаются. Н-ну, думаю, мне бы роту

городовых с «селедками», сыграл бы я им такую музыку... Но что-то внутри у меня лопнуло. Допер я нутром, что эту силу никакими лампасами не одолеть. И вспомнил, как «сам предполагал заведовать исключительно капиталом», а около фабрики хотел устроить кабак, и кабак «этот рисовался какою-то разверстою пастью, которая не переставая будет глотать черные фигуры мастеровых...»

Посмотрел я на эти фигуры. Эх, сцапать бы, заглотнуть, да зуб неймет, потому как свело мне челюсти судорогой. Стою и мычу: врача бы! А сам вспоминаю растеряевского «доктора» Хрипушина, пользовавшего все болезни одним лекарством — сухим коровьим пометом...

А мне все хуже. Всполошились провожатые, отвезли меня к настоящему доктору по уху, горлу и носу, Якову Григорьевичу Ротенбергу, тому самому, что у одного пациента, обезумевшего от неразделенной любви, вынул восемь бритвенных ножичков аж из самого пищевода...

Приехали, а доктору справляют пятидесятилетний юбилей работы. Речи, речи... Сам городской голова на трибуне: «Дорогой, уважаемый воспитатель...» И так далее, а на меня снова ноль внимания. То ли дело было, когда хоронил я собственную отрезанную ногу и на кладбище ее провожал как полагается — с певчими, с венками...

Вправил мне доктор челюсть и совсем бесплатно, хотя я и думал рассчитаться из кубышки, в которой хранился кое-какой пустяк, так, золотые десятки. Ринулся я за ней, а ее и след простыл: когда новый цирк строили, кубышку нашли и в казну отдали.

Этого я уж совсем не вытерпел, иду, чуть ли не ревмя реву. Надо бы, думаю, развлечься, деньжонки от экипировки еще остались. Не зайти ли в театр? Вижу: заезжая оперетта, и репертуар вполне подходящий, моей юности.

— Ну-ка,—говорю кассиру,—давай все билеты. Один буду смотреть представление, как в прежние времена.

— Да вы купите один билет,—советует кассир,—и смотрите вдоволь, зал-то все равно будет пустой.

— Нет,—говорю,—это не по мне. Хотелось бы, чтобы всей публике было в пику. Безобразиев очень хочется, неудовольствия.

— А вы водочки выпейте,—сладким голосом говорит кассир.— Может, полегчает!

Отличная мысль! Только выпить мне больше ста граммов не дали, хотя и нашла на меня этакая торжественность, орлиность. Появился кураж, и захотел я сжечь банкетный зал при фабрике-кухне, но меня быстренько схватили и

стали волочить в район милиции. Это меня-то, Баташева... Но тут я вовремя вспомнил, что в действительности являюсь Митиным Владимиром Васильевичем, сотрудником «Крокодила», и закричал:

— Не рвите рукав, братцы, я же синтетический!

— Какой? — опешили милиционеры. — Перлоновый, что ли?

— Нет, собирательный, — отдуваясь, объяснил я, — ставший на два часа бывшим фабрикантом, кровососом.

— Ну и как, — спросили милиционеры, — было вам в этом качестве?

— Так себе, — признался я. — Дрянновато, неумоготу. Психология совсем разная...

Вот и конец этой истории. Уезжал я из Тулы, так и не выполнив полностью редакционного задания, не найдя не только Растеряевой улицы, но даже следов ее. «И дьявол с ней, — подумал я, — с этой улицей!» Дело ведь не столько в нищете материальной, царившей здесь когда-то. Дело в том, что властвовала психология рабства, приниженности и угнетения, на смену которой пришла пятьдесят лет назад психология свободы и собственного достоинства».

Плюс, конечно, стиральные машины и прочие баловства.

И это так же не требует доказательства, как то, что лошади едят все-таки овес, а Волга впадает в Каспийское море. Как ей это и положено всеми учебниками географии.

№ 22, 1967 г.

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

ПОСЛЕ ПОЛУЧКИ

Мозг. Значит, так, зарплата получена. На руки чистыми 54 рубля 06 копеек. Пятьдесят сразу Маше на хозяйство, целковый на подарок Андрюшке, а 2.87 в задний карман на непредвиденные. Все в ажуре!

Сердце. А все-таки люблю я их! И Машеньку, несмотря на ее вечное ворчание, и Андрюшку, не глядя на его тройки. Хорошие они у меня, золотые!

Ноги. А ну, шагаем веселей до дому! Обед небось давно готов. Наши ждут с нетерпением.

Глаза. А что тут такое на углу? Раньше не замечал.

(Читают по складам.) Пив-ной зал но-мер де-вять... Наверно, недавно открылся.

Правая нога (левой, нерешительно): Зайдем, что ли, на пять минут, полюбопытствуем?

Левая нога. Стоит ли? Дома-то ждут...

Мозг. Прямо уж не знаю, как и быть.

Сердце. Ни в коем случае! Вспомни, чем кончился для меня наш субботний поход с Артюхиным и Краснопевцевым!

Мозг. Ну, мы, право же, на минутку, без компаний!

Глаза. Никак Павел Николаевич в дверь прошмыгнул? Вот мы кого давно не видели!

Мозг. Зайти, а?

Сердце. Ну, как знаешь! Я снимаю с себя всякую ответственность.

Правая нога (левой). Ну, пошли, что ли. Чего на месте-то топтаться?

Руки. Вот примите, пожалуйста, плащ. Ничего, можно за петлю, вешалка оборвана.

Спина (ногам). Очень прошу вас, останемся у стойки. Мне это не трудно, мы ведь на минутку.

Ноги. Нет уж, пожалуйста, вы за нас не решайте! Мы ведь тоже не железные. Присядем ненадолго.

Правый глаз. А вот и мой коллега у Павла Николаевича подмигнул нам.

Ноги. Пошли, что ли, к его столику?

Правая рука. Ох, до чего же сильно он меня жмет! Прямо Юрий Власов!

Спина. Ну, я понимаю, друзья, давно не виделись. Но зачем же так больно хлопать?

Сердце. Может, все-таки уйдем?

Мозг. Да уж куда там теперь! Неловко. А потом мы же только на пять минут.

Горло. Ой, как горячо! Не меньше как градусов сорок!

Желудок. Ну, вот опять! Мало ему субботнего!

Горло. Фу, как горько и холодно! Терпеть не могу пива!

Правая рука. Держись, рюмочка, не падай! Сейчас тебе опять с подружкой стукаться!

Уши. Ах как приятно слышать этот мелодичный звон!

Горло. Опять горячо! Что же это за климат такой неустойчивый?!

Желудок. Эй, вы, там, наверху! С ума, что ли, посходили? Лейте осторожнее, а то у нас все затопляет!

Печень (с тоской). Боже, что со мной будет завтра!

Ноги. Ну, вот! Только удобно устроились, как нам еще

какую-то пустую бутылку сверху спустили. Только мешается тут под столом!

Сердце (*мозгу*). Слушай, может, хватит? Наши дома заждались...

Мозг (*беспечно*). А, чего там! Обойдется! А ты помалкивай. Твое дело биться — тук-тук, тук-тук. И вообще я сейчас дам команду запеть!

Язык. Этого еще не хватало. Я же еле ворочаюсь!

Левая рука (*глазам*). Ну-ка, гляньте, пожалуйста, мне на запястье. Который час?

Глаза. Мать честная! Уже половина десятого!

Мозг. А ну еще по одной!

Желудок. Да вы в своем уме? Все! Я сегодня больше не принимаю!

Печень (*умоляюще*). Братцы, имейте совесть! Ведь для меня это зарез!

Руки. А вот как мы сейчас обнимем Пашку, старого черта!..

Губы. Паша, родной! Дай-ка-с мы тебя расцелуем!

Глаза. Что за наваждение! Ужись, Павел Николаевич отворачивается...

Правая рука (*решительно*). Пальцы! Слушать мою команду! Сжимайтесь в кулак! Сейчас мы этому нахалу как...

Зубы. Чтой-то нас после Пашкиного ответа вроде меньше стало?

Правый глаз. Караул! Заплываю!

Руки. Товарищ старшина! Больно! Не заламывайте нас так сильно за спину!

Ноги. Интересно, куда это нас волокут?

Левый глаз. Хоть я теперь и один, но убей меня бог, если это не родное 50-е отделение...

Спина. Боже мой, какая опять лежанка жесткая! Как в ту субботу!

Мозг (*сквозь сон*). Значит, так... Маше на хозяйство... Андрюшке на подарок... Мне на непредвиденные...

Руки. Да тут в кармане только и осталось что 06 копеек!

Мозг (*не слушая их*). Маше на хозяйство... Андрюшке на подарок... (*Окончательно засыпает*).

Горло (*облегченно*). Наконец-то!.. X-pp. X-ppp!..

Рисунок Г. ВАЛЬКА

Прораб: Вот видите, и раньше сдавали объекты с недоделками!

Прораб: — Вот видите, и раньше сдавали объекты с недоделками!

№ 2, 1967 г.

Рисунок Г. ВАЛЬКА.

— Вы прекрасно выглядите... Помолодели на целых пять лет!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

— Вы прекрасно выглядите... Помолодели на целых пять лет!

№ 28, 1967 г.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА.

— Как раз на месте будущего заводского поселка — роща.
— Тем хуже для рощи!

Рисует Б. САВКОВА

— Как раз на месте будущего заводского поселка — роща.
— Тем хуже для рощи!

№ 26, 1967 г.

Рисунок Б. САВКОВА.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

ЕСЛИ ТОЛКОВО ОБЪЯСНИТЬ...

В какой бы запутанной ситуации ни оказался человек, всегда можно ее прояснить, если рассказать обо всем толково. И объяснить мотивы своих поступков. Показать, что именно оказало решающее воздействие на странное порой поведение человека.

Постоянные клиенты «Крокодила» и объясняются. В своих объяснительных записках, устных и письменных показаниях...

Граждане судьи, прошу учесть, что я ругался матом, но не в прямом смысле.

Ударил его легонько, но он сильно упал и ушибся. Вины своей не ощущаю. Вежливости не терял до конца драки.

В апреле месяце жена трижды применяла ко мне рукоприкладывание (детские лыжи, металлическая клюка, сапоги). Отдачи с моей стороны не было.

Пришла заведующая, и я начал сдавать свои субпродукты, из которых не хватило головы и сердца. Куда девалась голова, объяснить не могу, а сердце, наверное, кто-то из женщин украл, так как при сдаче во дворе столовой не было ни одного мужчины, кроме меня и лошади.

Я, Шифоротов Михаил Федорович, выпил вина в кафе «Спутник» и зашел в милицию, чтобы меня посадили до вытрезвления.

Я, Никитин Николай Филиппович, будучи в нетрезвом виде в отгуле, заехал в пивную, выпил там на троих бутылку — не берет, выпил еще бутылку — не берет. Еще выпил, не помню сколько, — взяло. Проснулся в кукурузе и боюсь идти домой.

Прошу местный комитет, чтобы впредь со мной таких случаев не повторялось.

Я, Чирков И. Е., выпил триста грамм, показалось мало, взял еще, потом еще, и, по-видимому, хватило. Потому что я оказался в кабинете народной судьи, куда залез через окно, в котором выбил стекло, потому что нарсуд находится

в одном доме, где я живу, и я кабинет нарсудьи перепутал со своей квартирой.

Когда утром меня обнаружили спящим на диване в кабинете нарсудьи, то я сказал: «Простите, я попал не по адресу»,— а нарсудья говорит: «Нет, вы, товарищ Чирков, явились точно по адресу». И дала мне пятнадцать суток и за мой счет вставила стекла.

Я не вышел на работу ввиду того, что ездил дергать зубы. Я забыл справку взять с них, потому что когда мне выдернули два зуба, то у меня от боли справка выскочила из головы.

Встал утром, глянул в зеркало—сам себя не узнал. Решил на работу не идти, потому что физиономия моя не сходилась с фотографией на пропуске.

Придя на работу 19 сентября 1963 г. в часов десять утра, взял бутылку по 1 р. 22 к., выпил, как говорится, на старые дрожжи, и захорошело. Больше этого не пил, за что был отстранен от работы.

9 июня на смене я был замечен вами в состоянии лежания на стуле. Этого больше не повторится.

А что Липилина не узнала меня—это фактическая ложь. Она говорит, что на мне лица не было. Как же это так: лица не было, а синяки на нем она усмотрела.

Я вынужден требовать развод из-за того, что жена постоянно вмешивалась в мою семейную жизнь.

Я ехал автобусом и пошутил с кондуктором, она шуток не поняла и отвела меня в медвытрезвитель.

Иванов подскочил ко мне и ударил меня колом по глазу, на который был привязан теленок.

1968—1972

РУБРИКИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

«КРОК-ИНФО»

Этой рубрикой открылся первый номер журнала за 1968 год.

«В этом году,— говорилось в редакционном извещении,— Крокодил вводит на своих страницах новую рубрику «Крок-инфо» — Крокодильская информация. Жанр газетно-журнальной информации существует давно. Жанр юмористической и сатирической информации только рождается».

А далее шли информации. Приведем две из них.

АДРЕС ГОМЕРА — МЫТИЩИ

Сотрудница мытищинской газеты «За коммунизм» Т. Петрунина с помощью телефонной книжки обнаружила местожительство «прямого потомка великого Гомера, род которого неизмеримо древнее родов Габсбургов и Романовых», а именно: инженера Георгия Ивановича Гомера. Знакомству с Г. И. Гомером посвящен очерк Т. Петруниной «Гомер живет в Мытищах», опубликованный в газете под рубрикой «Встречи с интересными людьми».

Подобно своему предку, Гомер-младший пишет стихи, но только родным и знакомым и только хореем и ямбом («До гексаметра дело еще не доходило»). Т. Петрунина приводит и другие доказательства прямого родства: родился Г. И. Гомер в Тбилиси, отец его — судья всесоюзной категории по теннису, а дед был «седой и осанистый».

СЛАВНЫЙ ЮБИЛЕЙ

На станции Сокаль (Украина) в самом разгаре подготовка к юбилейному банкету. Письменный стол в кабинете начальника строительного управления № 34 богато сервирован. Завезены шампанское и ананасы.

В ближайшие дни будет торжественно отмечено прибытие на станцию Сокаль 1500-й тонны гравия для стройуправления № 34. Сейчас на станции уже лежат 1364 тонны не востребовавшего гравия. До юбилея осталось совсем немного — 136 тонн.

Первый номер «Крокодила» за 1969 год открылся коллажем во всю страницу, где была помещена фотография нового автомобиля Волжского завода в окружении любопытствующих зрителей. Всех их, кроме прочих вопросов, интересовал и самый жгучий: «Сколько будет стоить «фиат»?

Бригада «Крокодила» в составе Е. Гурова, В. Надеина и М. Раскатова, побывавшая на заводе, в большом репортаже ответила на все вопросы нетерпеливых автолюбителей. А скоро многие из них и сами стали счастливыми обладателями знаменитых «Жигулей».

«БЫТ ИЛИ НЕ БЫТ?»

Этот почти гамлетовский вопрос из номера в номер задает «Крокодил» и устами своих читателей и корреспондентов отвечает: там, где царят равнодушие, халтура, бескультурье, там нет и не может быть здорового быта, заботливого бытового обслуживания населения.

«КРОКОДИЛ» НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ»

Такой специальный номер появился в журнальной подшивке за 1968 год, № 4. Он был посвящен трудовой дисциплине и едко высмеивал лентяев, лежебок, летунов, прогульщиков, разгильдяев и прочих малосимпатичных граждан.

Выпуск специальных, ударных, как говорили крокодильцы, номеров вошел в постоянную практику. Появились в свет спецномера «О здоровье», «Колхозный», «На ниве просвещения» и другие. А когда готовился «Комсомольский» номер, то выяснилась знаменательная подробность. Оказалось, что все участники номера — литераторы и художники — комсомольцы, но только разных лет. Старейшим из них был Александр Безыменский, комсомолец с 1918 года, автор стихов «Ему полвека», а самым молодым с 1957 года, Руслан Киреев, автор репортажа «Город, которому 10 лет» (Амурск на Дальнем Востоке).

Начиная с № 1 за 1970 год, «Крокодил» ввел на своих страницах «Приз справедливости».

Цель этого нововведения — поощрять тех, кто самокритично, по-деловому и справедливо реагирует на крокодильскую критику.

В апреле (№ 11) 1970 года вышел специальный номер журнала, посвященный 100-летию со дня рождения великого вождя партии и Советского государства В. И. Ленина.

«КРОКОДИЛ» НА ПОДШЕФНОЙ СТРОЙКЕ — такая рубрика в 1971 году часто появляется на страницах журнала. Донесения со строительства комбината химического волокна в Барнауле и Соколово-Сарбайского горно-обогатительного комбината в г. Рудном (Казахстан) шлют специальные корреспонденты «Крокодила», фельетонисты и художники.

«КРОКОДИЛЬСКИЕ ЧТЕНИЯ»

В канун Нового, 1972 года в Продолговатом зале редакции собрались свободные от сатирической вахты крокодилы — литераторы и художники. Так как все почему-то оказались свободными от вахты, свободных мест в зале не было. Перед собравшимися появился прибывший из Воронежа известный писатель-сатирик Гавриил Николаевич Троепольский и познакомил их со своим новым произведением — комедией «Постояльцы».

Комедия понравилась аудитории, и было решено:

- а) напечатать отрывок из нее на страницах журнала;
- б) устраивать Крокодильские чтения регулярно, чтобы знакомить читателей с законченными новыми крупномасштабными произведениями сатириков и юмористов (сатирический роман, повесть, комедия, сценарий комедийного фильма).

Вслед за отрывком из комедии Г. Троепольского «Наследники» «Крокодил» опубликовал фрагменты из крупных произведений Владимира Полякова (книга «Товарищ смех»), Юрия Алексеева (роман «Бега»), Бориса Ласкина и Леонида Лиходеева (сценарий фильма «Эффект Ромашкина»), Андрея Макаенка (пьеса «Таблетку под язык») и другие.

ПО ЗАСЛУГАМ!

Нет, это не очередные сообщения о мерах, принятых по выступлениям журнала: строгих взысканиях, отстранениях от должности, судебных приговорах... Хотя меры действительно приняты, и совершенно определенные, конкретные. Но не к героям фельетонов или карикатур, а в отношении их авторов — фельетонистов и художников. Оказывается, на долю сатириков выпадают не только хулы, но и (скажем, не очень часто) хвалы, поощрения.

Вот их краткий перечень, взятый нами из «Крокодила» лишь за короткий пятилетний период (1968—1972 гг.).

ПРЕМИИ САТИРИКАМ

Секретариат правления Союза журналистов СССР присудил премии Союза журналистов за 1967 год.

В числе премированных:

Э. Я. Пархомовский и С. А. Руденко (Пантелеймон Корягин), фельетонисты «Известий» — премия за «Удивительные истории»;

И. М. Семенов, народный художник РСФСР, — премия за серию рисунков, опубликованных в «Крокодиле»: «Любители вала постарались», «Баня в современном стиле», «Не поймешь, где кончается модерн и где начинаются недоделки», «Идут экзамены...», «Прощай, оружие!».

Поздравляю соратников по сатирическому оружию и желаю им новых успехов!

№ 14, 1968 г.

КРОКОДИЛ

НАГРАДЫ САТИРИКАМ

Ко Дню печати секретариат правления Союза журналистов СССР присудил премии ряду журналистов за лучшие работы 1968 года. Среди тех, кто отмечен высокой наградой, и мои постоянные авторы — сатирики: Семен Давыдович Нариньяни и Иосиф Ильич Игин.

С. Д. Нариньяни получил премию за фельетоны, опубликованные в «Правде», и за книгу фельетонов «Случайная знакомая». Художник-карикатурист И. И. Игин премирован за книгу «Улыбка Светлова».

Поздравляя старых друзей, я желаю им почаще радовать читателей журнала своим творчеством и салютую вилами.

№ 14, 1969 г.

КРОКОДИЛ

ПОЧЕТНЫЕ ЗВАНИЯ КРОКОДИЛЬЦАМ

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР моим сотрудникам—И. П. Абрамскому, художественному редактору, и Б. И. Юдину, заместителю ответственного секретаря редакции, присвоено почетное звание «ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАБОТНИК КУЛЬТУРЫ РСФСР».

Поздравляю!

КРОКОДИЛ

№ 17, 1969 г.

С НАГРАДОЙ!

Редакция газеты «Народна младеж» (Болгария) провела международный конкурс на лучший юмористический и сатирический рассказ.

С удовольствием отмечаем, что в числе лауреатов конкурса два крокодилца. Одну из трех первых премий — «Золотой Ежик» — получил Леонид Сергеевич Ленч. Одну из четырех вторых премий — «Серебряный Ежик» — жюри присудило Елене Александровне Цигулиевой.

Крокодил поздравляет обладателей «Ежей» и желает им новых творческих удач.

№ 23, 1969 г.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в развитии советского изобразительного искусства и в связи с семидесятилетием со дня рождения народный художник СССР Ефимов Борис Ефимович награжден орденом Трудового Красного Знамени.

№ 32, 1970 г.

ТРИ ЛАУРЕАТА

Завершен еще один год, подведем итоги нашей журналистской работы... Позвольте, скажет придирчивый читатель, а не слишком ли поздно взялся Крокодил за такое дело? Не поздно. Журналистский год, вопреки обычному календарному, исчисляется с пятого по пятое мая. Отсчет ведется от традиционного праздника всех пишущих и печатающихся — Дня печати. Именно в этот день присуждаются высшие журналистские награды — ежегодные премии Союза журналистов СССР.

Истекший год был для веселого цеха очень плодотворным: премии получили сразу три сатирика:

БАШИРОВ Альвсот Атамалы-оглы, редактор джалилабадской районной газеты Азербайджанской ССР;

ГРАБКО Алексей Андреевич, главный художник журнала «Кипэруш»;

ЕГОРОВ Борис Андрианович, член редколлегии нашего журнала.

№ 14, 1971 г.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за большие достижения в развитии советского изобразительного искусства Борису Ивановичу ПРОРОКОВУ присвоено почетное звание НАРОДНОГО ХУДОЖНИКА СССР.

Мастер политического плаката, автор острых, выразительных сатирических рисунков, карикатур, многие из которых на протяжении ряда лет появляются на страницах «Крокодила», получил широкое народное признание.

Крокодил сердечно поздравляет Бориса Ивановича ПРОРОКОВА с высоким званием и желает ему новых творческих успехов.

№ 29, 1971 г.

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК за заслуги в деле мобилизации трудящихся на выполнение народнохозяйственных планов, плодотворную работу по воспитанию советских людей в духе коммунистической морали, за развитие сатирического жанра литературы и изобразительного искусства Указом от 25 августа 1972 года наградил журнал «Крокодил»

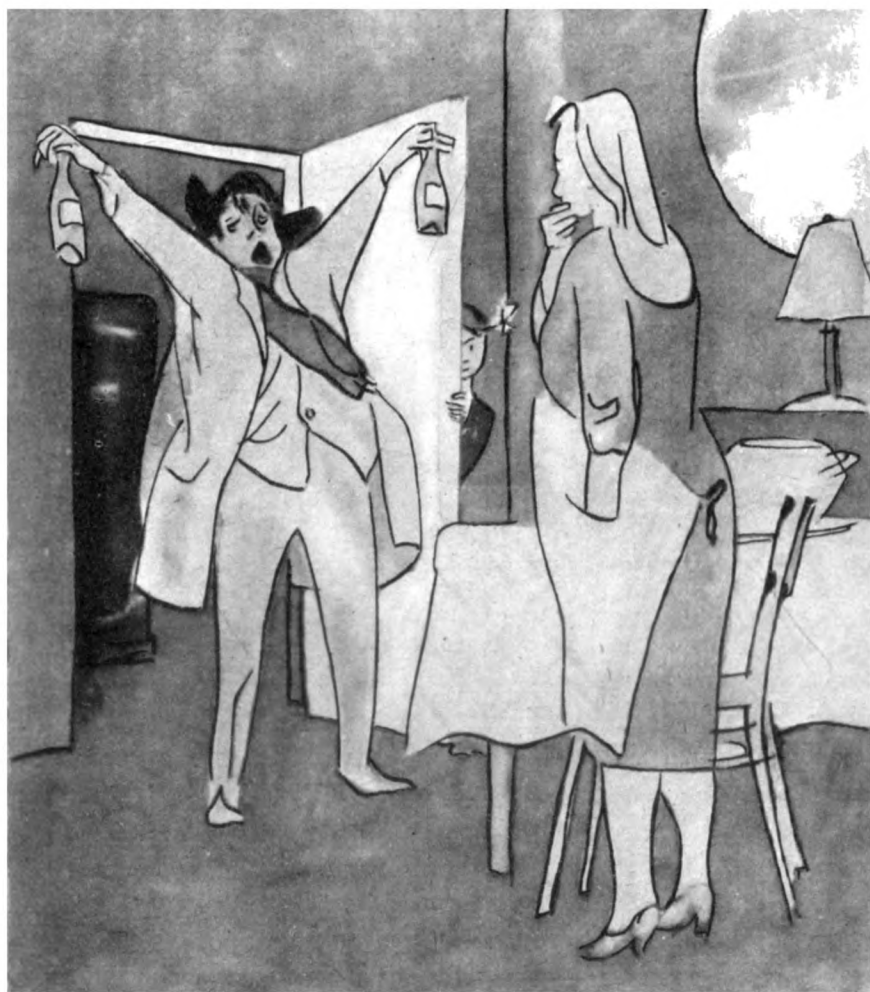
ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ.

№ 25, 1972 г.

Сергей МИХАЛКОВ

ПРОБЛЕМА ИШАКА

Мамед Гусейн жил в доме
на горе —
Полтысячи шагов наверх от родника,
И потому при доме, на дворе,
Как дед и как отец, держал он
ишака.
Идет Мамед домой по тропке
налегке —
Два бурдюка воды везет на ишаке.
Идет Мамед домой из леса
налегке —
Вязанку хвороста везет на ишаке.
Ишак ему помощник, верный друг,
В горах без ишака крестьянин
как без рук...
Али Камал, что в городе живет,
На кухне у себя из крана воду пьет.
За хворостом ему ходить не надо
в лес:
Тепло и свет дает в избытке ГЭС.
Али Камал-оглы строчит такой
приказ:
«Поскольку в коммунизм мы
держим путь сейчас,
Нам следует отныне на века
Искоренить в деревне ишака!»
И вот уже Гусейн тропой от родника
Сам тащит на себе два полных
бурдюка
И шепчет на ходу: «Не понимаю, как
Мне верный путь держать мог
помешать ишак?!»

— Ура, Маня! У меня теперь два выходных.

№ 2, 1968 г.

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

С ЭТОГО ВСЕ
НАЧАЛОСЬ

— Если будут меня спра-
шивать, скажите: бога
нет!

— Если будут меня спрашивать, скажите: бога нет!

№ 7, 1968 г.

Рисунок Г. ВАЛЬКА.

ДЕЛИКАТНО ИЗ РУЖЬЯ

*Ой ты, любовь, любовь наша,
Когда сердце в груди пляшет!
(Такой уж стих)*

Любя Зину, Зинин папа пырнул Васю взглядом и предупредил:

— Чтобы ты с моею Зинкою ни-ни! Ни малейших женитьб!

Любя Зину, Вася ответил:

— Женюсь.

Любя и папу и Васю, Зина нейтрально всплакнула.

Однако была весна, и голуби мурлыкали, и за хутором улюлюкали соловьи. Весна действовала очень бракосочетательно. Не дремал по весне и Вася. Так что к лету Зина перестала нейтральничать и без лишних слез сама заговорила с родителями.

— За Ваську не выходить! — не передумали родители. — Он некрасивый, он неумный, у них корова бодучая!

К родителям присоединилось несколько тетя и бабушка-старушка. Они тоже любили раскрасавицу Зину и не любили нераскрасавца Васю.

И лето, и осень, и чуть ли не всю зиму ежовые рукавицы не давали событиям нарастать. Но чего не миновать, того уж не миновать, и в конце концов Вася выразился перед Зиной решительно:

— Эх! Как говаривал всегда принц Гамлет: была не была!.. Идем вдвоем к папашам и мамашам, и ни шагу назад!..

Они взялись за руки и сквозь строй тополей, прутастых, как веники, зашагали вдоль хутора.

Первой из Зининых родственниц встретилась на пути бабушка-старушка. Она всплеснула руками и воскликнула:

— О господи, святые Николай угодники! Опять!

Миновали бабушку-старушку.

Первой из тетя попалась тетя Катя. Она тоже всплеснула руками и тоже воскликнула. Но воскликнула не в пример энергичнее бабушки, отчего Зина покраснела, Вася закрипел зубами, а прохожий незнакомец остановился, потоптался и сказал: «Вот так баба!»

Миновали и тетю Катю. А миновав ее, вышли как раз на тетю Душаню, стоявшую, как подобает казачке, подбоченясь и у плетня.

Тетя Душаня не прибегла к жестам. Она взяла не формой, а содержанием.

— Идете? — спросила она. — Идите, идите. Там уже вас ружье дожидается. И чем, думаете, заряжено?..

И хотя тетю Душаню тоже миновали молча и хотя уж и крыша Зинино дома завиднелась, Вася вдруг устранился.

— Я твоего отца знаю, — сказал он мрачновато. — У него пулевая дробь. Видела картину «Иван Грозный и его сын Иван»?.. Конечно, я ему не сын, но все равно лучше уж это самое... к нам сначала пойдем.

В Васином доме было чудесно. Распростертые объятия были в Васином доме, горячие поцелуи... Родственники появились, приятели, на столе появилось все, что надо... Смотрины, так уж смотрины! И уж песню было затянули:

*Вся от солнца золотая,
Вся на лодочке плывешь...*

Как вдруг бухнули двери, и в дом ворвался небольшой невооруженный отряд в три тети.

— Руки! — тяжело дыша, крикнула тетя Катя. — Руки!..

«Ну! — яростно подумал Вася. — Если она сейчас скажет «Руки вверх!», то я...»

— Руки на себя наложу! — выговорила наконец тетя Катя.

— А мамка ейная уже утопла, — соврала, появляясь в дверях, отставшая бабушка-старушка.

Тут, конечно, Зина — из дому, Вася — за Зиной, гости — за Васей. А впереди всех — три тети.

А на улице неподалеку — птица-тройка. Тети Зину — хватить и в санки. Коней — хлесть и помчали. За конями — обкраденный Вася, за Васей — рассердившиеся гости, за гостями — опять отставшая бабушка-старушка. Так что прохожий незнакомец, поспешавший уже обратно, снова остановился, снова потоптался и малокультурно сказал: «Эк как они тут все поопупевали!»

Тройка примчала уворованную невесту к дому тети Душани, как к самому крепкому в отношении запоров. В доме уже сидели родители, в углу стояло ружье.

Однако до дробы дело не дошло. Преследователи побегали-побегали вокруг дома, повыражались на холоду, но на приступ так и не пошли, остыв без пальто и шапок.

В доме же состоялось собрание родственников. Повестка дня была такая:

1. Почему Зина питает чувства к Васе?
2. Как далеко у них зашло дело?
3. Нельзя ли Зину отвлечь каким-нибудь посторонним

Константином?

После собрания Зина ревела три дня и не выходила из тети Душаниного дома. Но, впрочем, если бы она и не ревела, то все равно бы из дому не вышла, потому что сидела под надзором.

Может, ее и дольше держали бы взаперти, да на работу ее вызвали, на молочную ферму, где Зина работала фельдшером.

А потом проявили отцовскую заботу и о Васе. Общественность проявила. Общественность любила быть в курсе всяких интересных событий и любила проявлять о чем-нибудь заботу.

Общественность не замедлила выяснить, во-первых, почему Вася питает к Зине такие чувства; во-вторых, до каких именно ласк дошло у них дело и, в-третьих, нельзя ли Васю отвлечь от Зины какой-нибудь посторонней Агафьей Тихоновной.

Проявил заботу и председатель колхоза. Васе он отсоветовал иметь дело с Зиной, а то опять шуму не оберешься. Зинину папе он посоветовал не иметь дела с огнестрельным оружием, а то опять шуму не оберешься. Председатель любил порядок.

Коллективная и индивидуальная воспитательная работа не пропала даром. Зина живет сейчас на другом хуторе, а в свой навещается редко. Вася, хотя и остался дома, но тоже уразумел, что именно земляки любят, а что — не любят. Поэтому, например, когда он ехал со мной к Зине на «газике», то лег животом на сиденье, заведя впереди тетю Душаню, а потом чуть не утопил нас в речке, показывая дорогу в объезд правления колхоза.

Я не знаю, чем все это кончится. Не знает и Вася. Не знает и Зина. Зато окрестное население много знает и много расскажет вам пикантных подробностей из их личной жизни, ставшей достоянием широкой общественности.

От автора. Все имена в этом фельетоне вымышленные. В данном случае — от боязни принятия мер.

НАВАЖДЕНЬЕ В УЧРЕЖДЕНЬЕ

В день осенний
 иль весенний,
Может, в стужу,
 может, в зной
Отправляюсь в учреждение
За обычной накладной.

Ровно в девять прибываю,
Прохожу по этажу,
Дверь налево открываю
И спокойно захожу...

Что за чудо, в самом деле?
Непонятно отчего,
На столах лежат портфели,
За столами — никого!

Открываю дверь направо —
Там курьерша кофе

пьет.

— Мне б увидеть

помзамзава...

— Сам увидишь, как

придет.

Десять двадцать...

Десять сорок...

Я сижу и тихо жду.

А потом по коридору,

Как в бреду, опять бреду.

Я хожу и только слышу:

— Вышла... Вышел...

— Вышла... Вышел...

Больше силы нету ждать.

Начинаю рассуждать:

— Если дверь не на замке,
Значит, шляпа на крючке.

Если шляпа на крючке,
Значит, сам невдалеке...

Раз машинка без чехла,
Значит, сумка у стола.
Если сумка у стола,
Секретарша не ушла...

У меня минут пятнадцать
Есть в запасе, коли так.
Я решаю прогуляться
И иду в универмаг.

...Вдруг, как будто свет
в окошке...

Замираю, чуть дыша:
Секретарша босоножки
Примеряет не спеша!..

Оглянулся —
елки-палки! —
Горделив и величав,
Поплавочки для рыбалки
Выбирает помзамзав!..

На минуту почему-то
Я впадаю в забытье...
Вновь гляжу
через минуту —
Ни его и ни ее!

Это что ж за наважденье!
Иль склероз тому виной?..
Я галопом в учрежденье
Все за той же накладной.

Прибегаю прямо в мыле...
Мне в ответ —
смешно сказать:
— Только что
на месте были,
А теперь ушли опять!

№ 11, 1969 г.

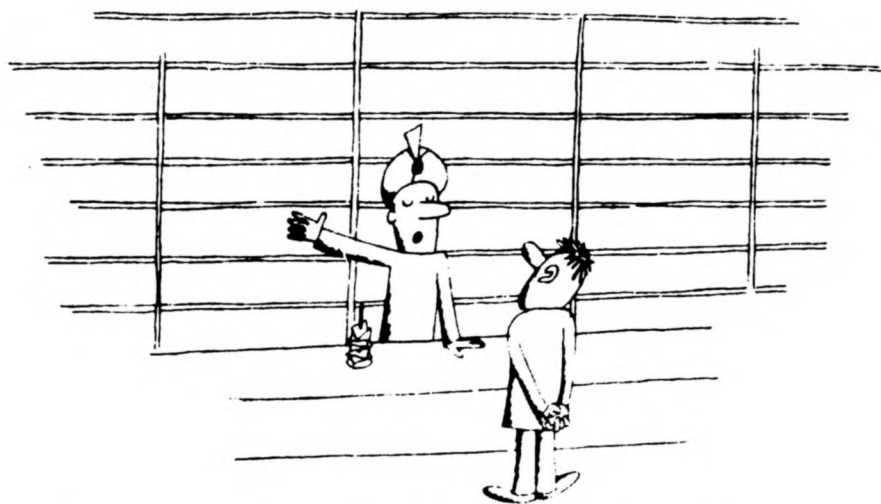
Из одной обоймы.
№ 18, 1968 г.

Рисунок А. КРЫЛОВА.

Новинка.
№ 11, 1969 г.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

— Шапку-невидимку? Пожалуйста, вам какую?
№ 16, 1969 г.

Рисунок А. СЕМЕНОВА.

— Что вы имели по физкультуре в школе?
— Освобождение...

Рисунок Ю. АНДРЕЕВА

— Что вы имели по физкультуре в школе?
— Освобождение...

№ 15, 1969 г.

Рисунок Ю. АНДРЕЕВА.

Н. ФЕДЮРКО

ЧЕТЫРЕ СКОРОСТИ

— Я попрошу
Обед у вас!
— Один обед? И все?
Сей... ЧАС!

— Вы мне пивка бы
Принесли...
— Сию МИНУТУ!
«Жигули»...

№ 32, 1968 г.

— По двести грамм
И пива нам!
— Сию СЕКУНДОЧКУ
Подам!

— Эй, повторить
Коньяк нам снова!
— В одно МГНОВЕНИЕ!
Готово!!!

БОЖЕНЬКА

В доме старухи Марины переполох. Она с ожесточением перетряхивает свое добро: столы и стулья, табуретки и комод, тарелки и лохани, ковры и половики; вытащила даже доски от разобранных полатей, которые хранила на память — как-никак, на них спали ее дети, пока не выросли большими и не разбредлись по белу свету.

В углу ее комнаты стоит пузатый, окованный широкими полосами железа сундук. Она открывает его, достает отбеленные конопляные скатерти, длинные вышитые рушники с петухами и небольшие полотенца, которые свято хранит, как память, бережет от порчи. Роемся и роемся в сундуке бабка Марина. Затем со злостью захлопывает крышку, и раздается такое «не-ет!», что оно подняло бы на ноги всех соседей, если бы они сидели сейчас дома, а не вышли работать в поле. Бросается старая к софе. И здесь поиск напрасен.

Что же случилось с бабкой Мариной, чего она мечется?

Достался ей в наследство резной деревянный крест, подаренный ее бабушке к свадьбе прабабушкой. И не простым был тот крест, а с Иисусом, сыном пресвятой девы Марии. Иисус висел на кресте с закрытыми глазами, распущенными волосами и терновым колючим венком на голове. Сколько лет хранила и оберегала она его! Брала с собой на все крестины и венчания. А когда услышала, что та маленькая коробка, которую принес сын, кроме медицинских советов, известий и всякой другой музыки, произносит противные божественному слуху речения, настояла, чтобы перенесли ту коробку в среднюю комнату, подальше от боженьки.

Старуха всячески пыталась приучить к боженьке и своего внука — четырехлетнего избалованного карапуза. Боялась, что и он вырастет в неверии, как его мать и отец. Мальчик часто стоял в углу и внимательно слушал слова бабушки о том, что боженька приносит в дом все: и хлеб и соль... Если он, Витя, будет слушаться, боженька и конфет ему принесет и шоколадку. И правда, когда Витенька неумело крестился своей маленькй ручонкой, Марина тоже крестилась, потом чмокала внука в щечку, и происходило чудо: из-за спины боженьки бабушка доставала конфеты с коровкой, какие покупала в магазине мать и которые так нравились мальчику.

И вот сейчас, можете себе представить, потерялся боженька, который всегда висел в углу ее комнаты.

«Господи, где же ты спрятал пресветлый, **преизмученный** лик свой?» — думает старуха.

А он не отвечает. Не желает отвечать — и все. Может быть, рассердился, что не ходит она так часто, как **раньше**, вместе с ним по крестинам и свадьбам. А может, обидели его хулительные слова из той коробки, что принес сын.

«Боже, боже!»

Старуха бежит из комнаты в комнату и бьет челом около каждого угла.

«Боже, милостивый боже!»

Во дворе загладели ребята. Бабка Марина выглянула в окно.

№ 16, 1969 г.

Станислав РОДИОНОВ

РЕСТОРАН НА ДОМУ

Не надо ходить в «Кавказский», и в шашлычную «Космос» не надо. Дома лучше. Фокус в том, чтобы телом сидеть в квартире, а душой чувствовать себя в ресторане. Я тебя научу.

Закупи в магазине то, что заказываешь в ресторане. Если этого в магазине нет, то купи другого. Водки купи побольше, а коньяку еще больше.

Возьми приятеля и ступай вечером домой. Об официантке не беспокойся — я надеюсь, что ты женат. Жена и не догадается, что она сегодня официантка.

Поставь посреди комнаты два небольших столика, за один сядь с приятелем и попроси жену подать то да се. Она по этому поводу скажет два-три слова, и первая рюмка под них проскочит в горле, как репейник, — вот тебе уже и ресторан. Но до полного ощущения еще далеко.

Прежде всего нет чего-то знакомого, нудного, как звон комара в палатке. Поэтому сбегай за электриком. Если он не пьет, пригласи водопроводчика — уж он-то не откажется. Посади его за соседний столик и налей две рюмки сразу, а лучше один стакан. Жена-официантка нетактично выразится в том смысле, что зачем ты привел эту вечно пьяную рожу. Подмигни жене и на ухо шепни, что водопроводчик пришел в смысле испорченного телевизора. Она подаст ему

селедочку. Он выпьет, гордо откажется от закуски, уронит ее на пол, икнет и подтащится к вашему столу выяснять насчет уважения. Признайся ему сразу, что уважаешь, и он ответит взаимностью. Опрокинув в знак дружбы твою рюмку себе в рот, водопроводчик вернется за свой столик и сразу уснет.

Замечаешь, что стало рестораннее?

Но чего-то не хватает, и я знаю чего — чувства современности. Сходи-ка в квартиру над тобой и пригласи молодого парня с его сезонной подругой. Скажи, что достал на денек запись нового танца шлёппи-поппи. И они придут: он кибернетик, она социолог. Посади их за столик к водопроводчику, и пусть столкнутся две цивилизации — неандертальская и модерн.

Кибернетик в безукоризненном костюме, само собой, с транзистором. Будет на тебя посматривать с легким превосходством, потому что ты фрезеровщик. Она, социолог, будет курить сигареты, трести волосьями не существующего в природе цвета и светить из-под стола здоровыми, как автомобильные фары, коленками. Не вздумай дать им вина и водки — только рябину на коньяке. В крайнем случае кальвадос.

Замечаешь, что поресторанило? Но еще не все: нет настоящей суеты.

Сбегай в квартиру справа и квартиру слева: пригласи всех соседей немедленно в гости. Мол, выиграл автомобиль. Они удивятся, и пока будут гладить воротнички и чистить зубы, сходи вниз к дяде Пете. В каждом доме есть дядя Петя. Если в вашем нет, значит, его зовут дядя Вася. Быстренько приведи дядю Васю к себе, поднеси водки в той большой рюмке, которая называется фужером, и объясни задачу. После второго фужера он поймет.

Теперь садись, теперь все готово.

Через полчаса позвонят первые гости. Дядя Вася, стоящий между входных дверей, как в вертикальном гробу, откроет и сообщит онемевшим гостям, что мест нет. Тут же подойдут остальные. Все страшно удивятся, разволнуются, начнут доказывать и нажимать на дверь. На лестничной площадке станет еще веселей, чем в домашнем ресторане.

Именно в этот момент кибернетик затеет разговор с подругой.

— Хемингуэй — сила, — скажет он.

Водопроводчик проснется и пролепечет:

— Потому их много.

— Хемингуэй один, — строго скажет кибернетик

— Сто мильёнов,—подтвердит водопроводчик.

— Хэм один,—забагровеет кибернетик.

Из передней донесется шум прибоя—значит, вся лестница присоединилась к гостям и теперь все из любопытства напирают на дядю Васю.

— Да я за Хемингуэя рожу тебе отвинчу!—заорет кибернетик и схватится за транзистор.

— За сто мильёнов,—заплачет водопроводчик.

Ты не успеешь подумать, что они перепутали цивилизации и теперь их не отличить, как одна пара при помощи рубля прорвется в домашний ресторан. Но ты не обратишь на них внимания, ибо кибернетик все-таки поднимет над головой транзистор, но уже не из-за Хемингуэя. Он заметит, что рука водопроводчика лежит на коленке-фаре его подруги, хотя сама подруга этого не заметит.

Ты не успеешь решить, что предпринять, как твой приятель ущипнет твою же официантку-жену. Ты, конечно, возьмешь в руку мельхиоровую вилку, но здесь завизжит подруга кибернетика, потому что водопроводчик возьмет в зубы мельхиоровый нож.

Тут уж толпа с лестничной площадки сомнет дядю Васю и ворвется в ресторан—отдельную квартиру, а твоя жена вызовет дружинников.

Ну, чем теперь не ресторан? Так что не ходи в водочную «Фиалка» и в молодежный ресторан «Синхрофазотрон» не ходи. И дома можно.

№ 24, 1969 г.

Анатолий ТИТОВ

СИЛА КОЛЛЕКТИВА

— Э-э, дорогой товарищ, обслужить вас не можем!—сказал гардеробщик и бережно вернул пальто дорогому товарищу.

— А в чем, собственно, дело?—недоумевая, поинтересовался дорогой товарищ.

— А в том, дорогой товарищ, что есть кому вешать, есть на что вешать, а вот за что вешать—нет.

Дорогой товарищ не обнаружил на своем пальто вешалки, и лицо его залил румянец.

— Понимаете, я...

— Понимаю, понимаю. На то я здесь и стою, чтобы вас понимать,— перебил гардеробщик.

— К сожалению, до начала спектакля осталось десять минут, и я бы очень просил вас...— умолял дорогой товарищ.

— И не проси, все равно без пользы. До тебя тут двое просили, да не упросили. Постарше тебя были, а ты молодой, резвый. Не теряй понапрасну время, слетай домой, пришей вешалку и приходи.

— Но я же не успею!

— При современных скоростях еще раньше срока прибудешь,— сострил гардеробщик.

— Может быть, как-нибудь за ворот повесите или за петельку?— внес контрпредложение дорогой товарищ.

— За ворот можно только дома, а у нас театр,— парировал гардеробщик.

Дорогой товарищ вспотел от волнения, ему уже казалось, что исчерпаны все возможности уговорить гардеробщика, как вдруг его озарила светлая мысль.

— А как же мне быть с друзьями?— обратился он к гардеробщику.— Мы сидим рядом, и они просили меня взять для них пару binokley. Выходит, что я их подвел.

Гардеробщик посмотрел на дорогого товарища своими голубыми глазами, и голос его потеплел:

— Давай назад пальто-то. Другой бы не взял, а я не могу, ты не один, а с коллективом пришел.

Вот что значит сила коллектива!

г. Ленинград.

№ 8, 1969 г.

Азиз НЕСИН

АРХИТЕКТОР, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ АМЕРИКУ

Утром учитель сказал нам, что у нас на уроке будет присутствовать инспектор. Мы видели, что учитель волнуется, и сами волновались больше его.

Мы знали, что этот инспектор был уже в других школах. Мы спросили ребят из соседних школ, что он у них делал. Они сказали, что в каждом классе инспектор просил учителя написать какой-нибудь пример и проверял его решение. Потом он предлагал писать стихи под диктовку и

просматривал тетрадки. После этого он сам задавал везде одни и те же вопросы: когда была открыта Америка? Кого ты больше всех любишь? Кто завоевал Стамбул? Кто построил мечеть Сулеймание?

Учитель велел принести нам новые тетрадки. Он написал на доске решение примера и сказал, чтобы мы списали его в тетради. Когда мы списали пример, учитель написал на доске стихотворение.

— И это тоже внимательно перепишите в свои тетрадки,— сказал он.

Мы списали и стихотворение. Учитель проверил тетради и исправил ошибки.

— Дети, если придет инспектор, я попрошу вас решить этот пример и продиктую это стихотворение. Кроме того, я попрошу вас запомнить ответы на некоторые вопросы. И если инспектор спросит кого-нибудь из вас, вы сразу же ответите.

И мы вызубрили назубок ответы.

— В каком году была открыта Америка?

— В 1492-м,—орали мы хором.

— Кого ты больше всех любишь?

Тут поднимался шум, потому что все отвечали по-разному. Один кричал—маму, другой—папу, третий—Ататюрка...

Потом учитель задавал третий вопрос:

— Кто завоевал Стамбул?

— Султан Мехмед Фатых!—отвечали мы дружно и уверенно.

— Кто построил мечеть Сулеймание?

Учитель еще не успевал договорить до конца, как мы все орали:

— Архитектор Синан!..

Два дня подряд мы зубрили ответы на эти вопросы.

— Смотрите же, не забудьте,—повторял все время учитель.

У меня в голове только и вертелись ответы: 1492, отца, султан Мехмед Фатых, архитектор Синан, 1492, отца, султан Мехмед Фатых, архитектор Синан, 1492, отца... Где бы я ни был, я по порядку шептал эти ответы.

— Ты что, заболел?—спросила меня мама перед школой.

— Нет,—ответил я.

— Ты всю ночь повторял: 1492, отца, султан Мехмед Фатых, архитектор Синан... Я решила, что у тебя жар.

В тот день к нам на первый урок пришел инспектор.

— Продиктуйте какое-нибудь стихотворение,— попросил инспектор учителя.

— Дети, приготовьте тетради и пишите.

Учитель стал диктовать стихотворение, которое мы написали раньше. Многие ребята даже писать не стали, а только делали вид, что пишут.

Когда учитель кончил диктовать, инспектор проверил все тетради и не нашел ни одной орфографической ошибки.

— Спасибо. У вас дети грамотные,— сказал он учителю.

Непроверенной осталась только тетрадь Дженгиза, который сидел на последней парте в левом ряду.

— Дай твою тетрадь,— попросил Дженгиза инспектор.

— Стихотворение.

— Как стихотворение?

Я посмотрел на Дженгиза и понял: он от волнения дал инспектору тетрадь, в которой был решен пример.

— Где стихотворение? — допрашивал инспектор.

Еще немножко, и Дженгиз достал бы тетрадь, в которой оно было написано. Но тут он увидел учителя: тот стоял за спиной инспектора и делал Дженгизу умоляющие знаки. Дженгиз понял.

— Я не смог написать стихотворение,— сказал он.

Инспектор повернулся к учителю и сказал:

— Напишите на доске какой-нибудь пример.

Учитель покраснел, как свекла.

Мы ведь думали, что сначала будем решать пример, а потом писать стихотворение, как было в других школах, но инспектор изменил порядок, вот Дженгиз и перепутал.

Инспектор стоял с тетрадкой Дженгиза, и учителю пришлось написать на доске другой пример. Ты знаешь, что с математикой у меня всегда было хорошо. Но тут мы все так растерялись, что многие не смогли ничего решить. Проверив наши тетрадки, инспектор нахмурился. Учителю было очень стыдно. Я подумал про себя: если бы инспектор задал вопросы мне, я бы ответил без запинки. Мне очень хотелось помочь учителю, и я повторял про себя: 1492, отца, султан Мехмед Фатых, архитектор Синан...

Инспектор будто угадал мое желание.

— Встань,— сказал он мне.

Я с радостью вскочил, а что было дальше, мне потом рассказали ребята.

— В каком году ты родился? — спросил меня инспектор.

От волнения я не понял вопроса и решил, что инспектор спрашивает, в каком году была открыта Америка.

— В 1492-м.

От удивления у инспектора глаза на лоб полезли.

— Что-о-о? В каком?

— В 1492-м,—уверенно повторил я.

— Кто завоевал Стамбул? — спросил меня инспектор

— Отец.

Мне в голову не пришло, что инспектор может задавать вопросы не в том порядке, как в других школах.

— Я спрашиваю тебя, кто завоевал Стамбул? — закричал он.

— Мой отец, господин инспектор.

— Кто твой отец?

— Архитектор Синан, господин инспектор.

— Ты что, вопросов не понимаешь? Я спрашиваю, кто твой отец, а ты мне отвечаешь — архитектор Синан...

Тут только я понял, что сказал глупость. Но от волнения и крика инспектора никак не мог взять себя в руки.

— Что сделал архитектор Синан? — продолжал спрашивать меня инспектор.

Я совсем смутился.

— Завоевал Стамбул.

— Кто?

— Архитектор Сулейман,—постарался я исправить свою ошибку.

— Кто же в таком случае построил мечеть Сулеймание?

— Султан Синан Фатых.

Я понимал, что все перепутал, но уже не мог остановиться.

Инспектор так разозлился, что и сам все перепутал.

— Сынок,—сказал он,—Америку построил султан Мехмед, а мечеть Сулеймание открыл Фатых Синан.

Ребята заметили, что он говорит неправильно, и начали улыбаться. Инспектор понял, что ошибся.

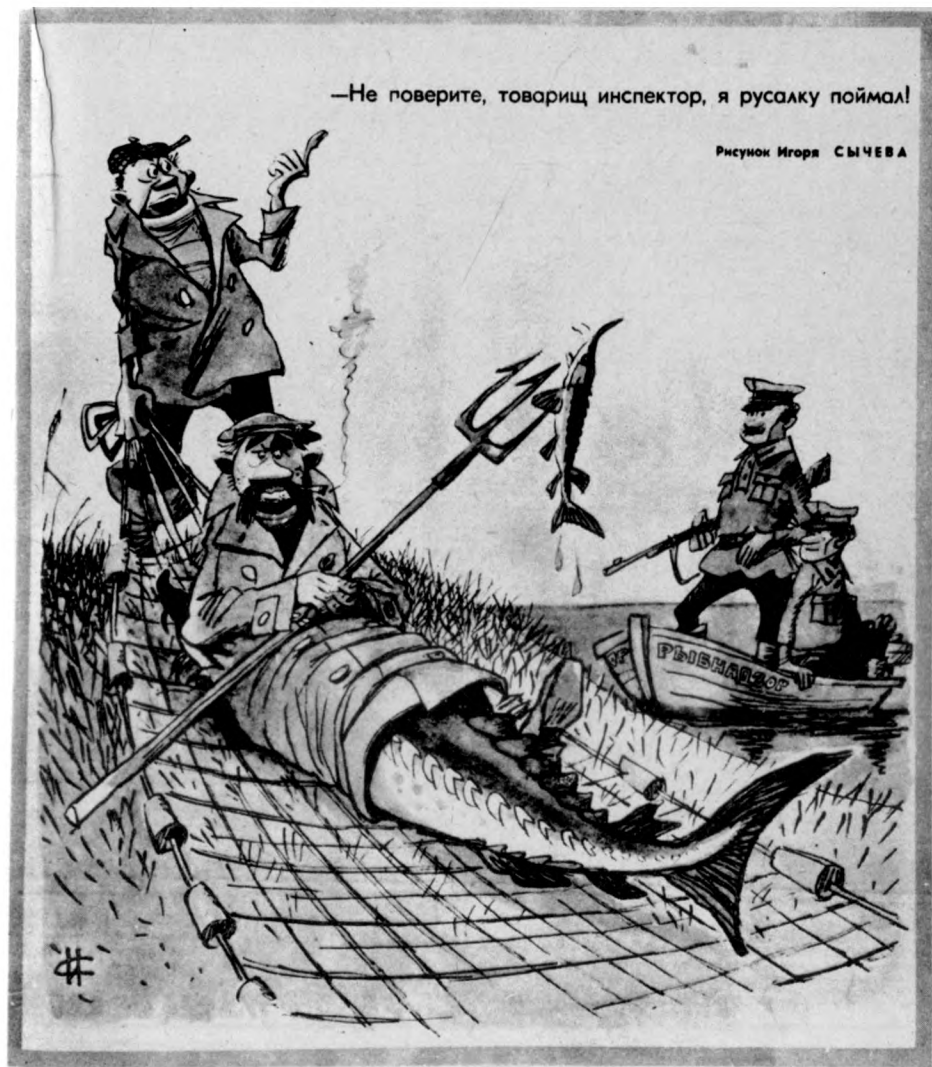
— Я хотел сказать, что мечеть Синание построил архитектор Сулейман, а Фатыха открыл архитектор султан Мехмед,—решил он исправиться. А потом в ярости закричал:—Ты меня совсем запутал, мальчишка! —И пулей выскочил из класса.

В классе стояла мертвая тишина...

*Перевели с турецкого
А. СВЕРЧЕВСКАЯ и В. ФЕОНОВА.*

— Не поверите, товарищ инспектор, я русалку поймал!

Рисунок Игоря СЫЧЕВА

— Не поверите, товарищ инспектор, я русалку поймал!

№ 18, 1969 г.

Рисунок И. СЫЧЕВА.

— Собираюсь в Москву на съезд. А это птички для отчета.
 № 32, 1969 г.

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА.

Н. ПОЛОТАЙ

ЗООАФОРИЗМЫ

Попугай всегда оправдывается: говорил-де с чужих слов!

Амеба все еще наша современница!

Бесполезно искать друзей животных на живодерне.

Только Жираф всегда выслушивает критику снизу.

Ежа не зажмешь!

САМОУПИЙЦА.

№ 9, 1970 г.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

Мала Моль, а шубу ей подавай!

Стрелянный Воробей пугала не боится.

И Тля имеет свое Я.

Развелось столько волков в овечьих шкурах, что все овцы взяты на подозрение.

№ 3, 1970 г.

— Ваня, держись! На следующей выходим!

№ 21, 1970 г.

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ.

Сергей БОДРОВ

И ПОШЕЛ ШИШКИН...

Рассказ

Была у Шишкина жена, любил он студень из свиных ножек, который она готовила.

Девятого числа вызывает его начальник. Сидит он в просторном кабинете за полированным столом, пьет чай с лимоном.

— Садись, — говорит, — за компанию. Попей чайку перед дорогой. Ты завтра по поручению общественности нашей конторы стартуешь в сверхдальнем марафоне Москва — Калуга.

На столе пряники стоят, баранки. Кусочек сахара откусишь, в блюдечко подуешь и пьешь не спеша.

Когда чаю попили, начальник руку Шишкину пожал и говорит:

— Послушай, Шишкин, не в службу, а в дружбу. У меня в Калуге теща живет. Занеси ей яички, я тут купил шесть десятков. Ну, давай, Шишкин, беги. Ни пуха ни пера!

— Спасибо,—ответил Шишкин. А сам домой побежал с женой посоветоваться.

— Может, лучше на велосипеде поедешь? — спрашивает жена.

— На велосипеде нельзя,—говорит Шишкин.

— Ох, не беги, Шишкин,—говорит жена.—Чует мое сердце — не к добру это.

— Ты не волнуйся, Тоня,—успокоил Шишкин,—я быстро обернусь.

Жена только головой покачала, усмехнулась.

Рано утром Шишкин тронулся в путь. Он бежал впереди с букетом цветов и тещиными яичками. По бокам ехали милиционеры в колясках. Редкие прохожие смотрели им вслед.

— Господи,—перекрестилась сердобольная старушка и помахала белым платочком.

А бежать было хорошо... Кругом поля зеленеют. Картошку пропалывают. Птички в небе поют. Облака плывут медленно...

В три дня достиг Шишкин Калуги. Отдохнул, помылся, в музей сходил и приехал обратно на поезде.

Дома никого нет, водопровод не работает, на столе записочка. Шишкин прочитал, затосковал: «Зачем ты, Тоня, это сделала?»

Пошел в контору, а там новый начальник сидит, пьет кефир с булочкой. Угощать Шишкина не стал, а спрашивает:

— Вы где три дня были?

— В Калугу бегал.

— Мне это не нравится,—весело говорит начальник,—если каждый начнет в Калугу бегать. Я вам выговор объявлю.

— У меня водопровод не работает,—говорит Шишкин.

— Водопровод что жена: такой же капризный,—шутит начальник.

— А жена меня покинула,—говорит Шишкин.

— Жена не водопровод: сегодня покинула, завтра придет,—опять пошутил начальник и засмеялся.

— Она навсегда меня покинула, в монастырь ушла,— говорит Шишкин.

— Как в монастырь? — испугался начальник.

— Вот так, записку оставила.

— Что же делать? — загрустил совсем начальник.

— Я не знаю,— говорит Шишкин.

Начальник пот со лба вытер, усы потрогал. У подчиненного жена в монастырь ушла. Где это видано? За такие вещи по голове не погладят. «Хорошо бы от Шишкина избавиться», — подумал он и предложил:

— Давай мы тебя, Шишкин, опять куда-нибудь отправим, например, пешком вокруг земного шара. Идет?

— Я согласен,— говорит Шишкин.— Только тапочки купите.

Так и сделали. И пошел Шишкин. То дождь, то ветер, леса шумят, реки текут. А он идет. Где он теперь, никто не знает. Может, в Чите, может, на Гавайских островах...

Звали его Саша, жил он в Новых Кузьминках.

№ 1, 1970 г.

Гизо НИШНИАНИДЗЕ

СВОЙ ЧЕЛОВЕК

Прилавок магазина «Одежда». За прилавком продавец.

Покупатель. (*подходит к продавцу, говорит ему на ухо*). Дорогой мой человек! Не могу ли я у вас приобрести пальто?

Продавец (*также на ухо*). Вы назвали меня дорогим, значит, вы свой человек. Заходите в примерочную и подождите меня.

Покупатель (*в примерочной*). Ну что ж, это пальто мне нравится. Сколько оно стоит?

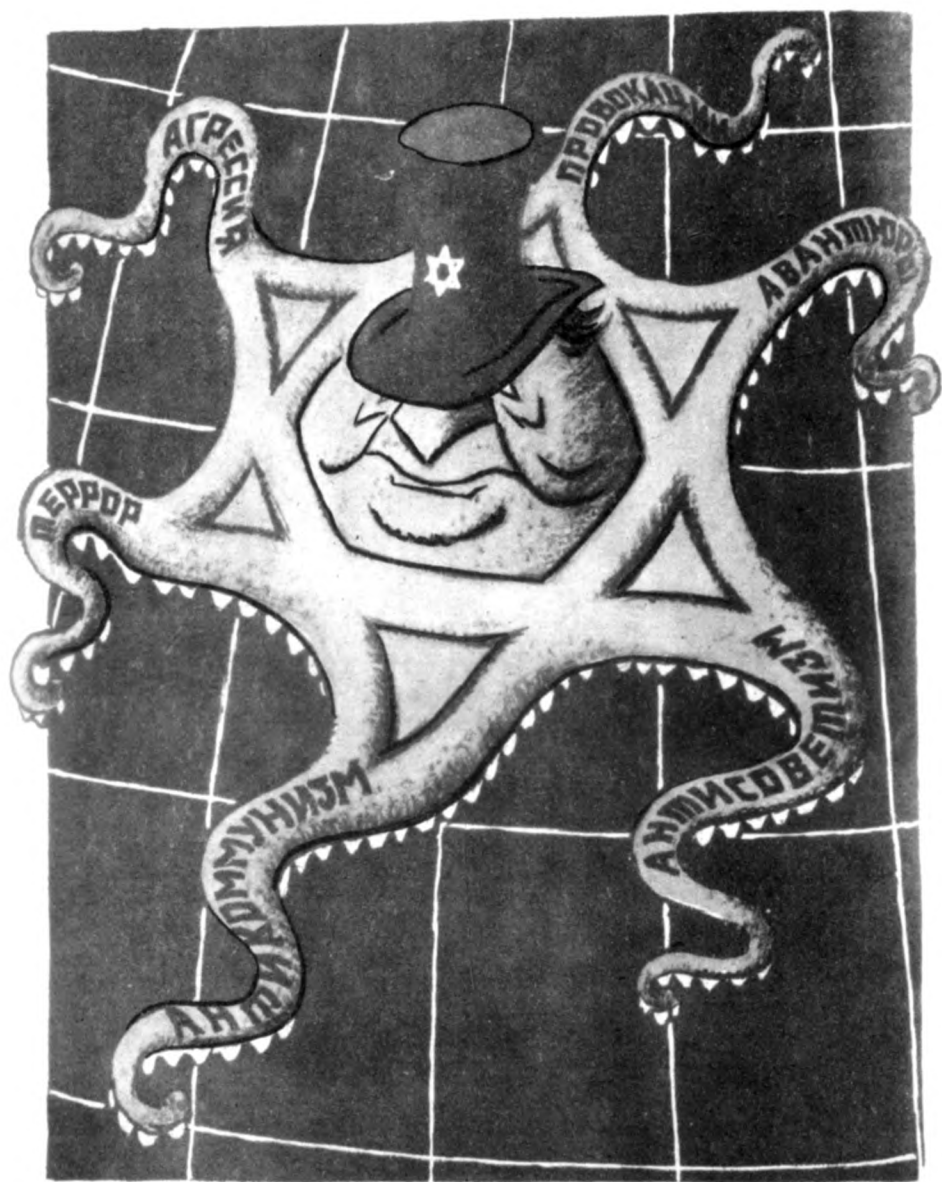
Продавец. Фабричная цена — сто пятьдесят рублей, а наша — двести пятьдесят.

Покупатель. Так дорого?

Продавец. Для своих людей не так дорого. Ведь вы же свой человек? Иначе зачем вам нужно было шептать свою просьбу мне на ухо?

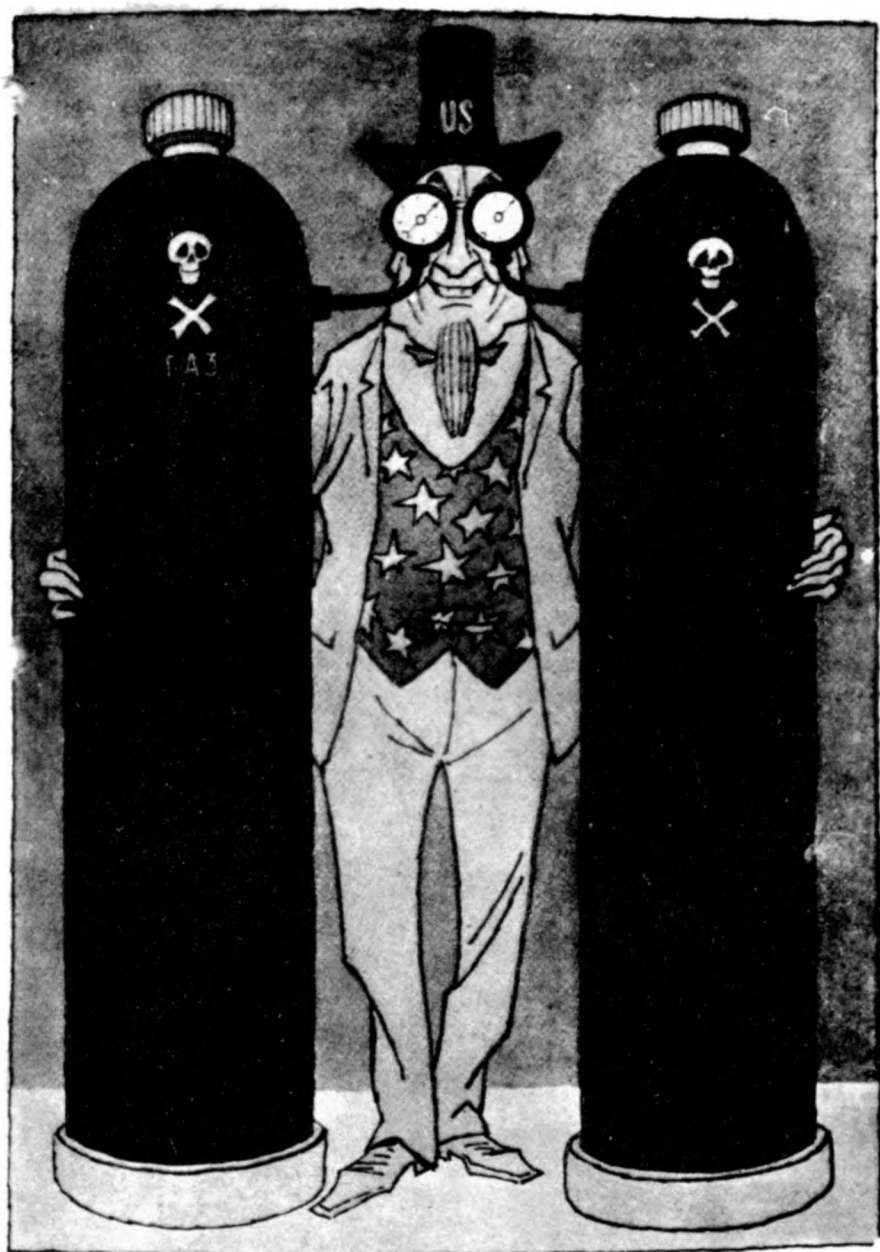
Покупатель (*опять шепчет продавцу на ухо*). Вы ошибаетесь: я не ваш, я обыкновенный человек. Но вот простудился и потерял голос.

№ 14, 1972 г.

ЩУПАЛЬЦА СПРУТА.
№ 15, 1972 г.

Рисунок М. АБРАМОВА

ВЗГЛЯД НА ЗАПРЕЩЕНИЕ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ.
№ 21, 1970 г.

Рисунок М. АБРАМОВА.

КРОКОДИЛ

№ 6 (1728)

ГОД ИЗДАНИЯ 42-й

29 ФЕВРАЛЯ 1964

ДЕВУШКА —
ЧИСТОЕ
ЗОЛОТО!

Рисунок В. ГОРЯЕВА

ДЕВУШКА — ЧИСТОЕ ЗОЛОТО!

№ 6, 1964 г.

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА

Наш серебристый лайнер благополучно перемещался во времени и пространстве, чтобы точно по расписанию прибыть в аэропорт большого города, расположенного на берегах могучей полноводной реки. Являясь командиром корабля, я уверенно держал руки на штурвале и обдумывал предстоящую посадку. Под крылом уже проносились городские окраины, как вдруг оба наших двигателя отказали, и мы начали падать. Если не принимать во внимание крики пассажиров, мы падали в полной тишине.

— Спокойно, товарищи! — сказал я пассажирам, второму пилоту, штурману, стюардессам и себе. — Будем садиться на что попало.

Я посмотрел вниз. Справа и слева от нас до горизонта простирались бесконечные кварталы большого города, а прямо под нами неторопливо несла свои воды могучая река.

— Внимание! — объявил я. — Принимаю решение садиться на реку.

Услышав мой уверенный голос, пассажиры потеряли сознание, и теперь уже в полной, без всяких оговорок, тишине наш серебристый лайнер врезался в спокойную поверхность реки. Вопреки моим опасениям он не утонул. Он нырнул до самого дна и вынырнул обратно. От удара пассажиры пришли в сознание и начали аплодировать и смеяться. Кроме того, внезапно заработали оба двигателя, и наш самолет стремительно помчался по речной глади, оставляя позади пенный след. Я быстро разобрался в новой обстановке, чисто интуитивно нащупал фарватер и повел самолет к ближайшей пристани.

Вскоре на берегу засверкали белоснежные строения речного вокзала. Я заложил глубокий вираж и четко прошвартовался к причальной стенке. При нашем появлении на пристань высыпали люди с узлами и чемоданами. Потом появился человек в кителе. По его распоряжению нам подали трап. Пассажиры тепло поблагодарили меня и всю команду за чудесное спасение и дружно покинули самолет. Вслед за ними по трапу спустились мы. Но человек в кителе загородил нам дорогу.

— А вы куда, товарищи? — с удивлением спросил он. — У вас через десять минут рейс на Астрахань. Вот и пассажиры готовы.

— Категорически игнорирую ваше наглое требование,— решительно заявил я.— Вверенный мне лайнер принадлежит системе Аэрофлота.

— Что с возу упало, то пропало,— сурово заметил человек в кителе.— С той минуты, как ваш самолет коснулся поверхности реки, он фактически превратился в плавающее средство, именуемое судном, а юридически перешел в систему нашего пароходства. И давайте не будем задерживать пассажиров.

— Кончай волынку! — зашумела очередь.— Третий день на узлах сидим, а они, видите ли, где-то там летают.

— Граждане! — сказал я.— Этот рейс для нас полная неожиданность. Еще час назад мы летели на высоте десяти километров и ни о чем таком не думали.

— А могли и подумать,— сказал старичок, стоявший первым.— В дороге надо быть готовым ко всему.

...Из Астрахани мы вернулись бывалыми речниками. Пока грузились новые пассажиры, я поднялся в ресторан. Там ко мне подсел человек в кителе. Мы пили пиво. Под нами плескалась волна, над нами орали чайки.

— Охота в небушко-то? — приветливо спросил он.

— Охота,— сознался я.— Черт меня дернул на вашу речку садиться.

— В следующий раз осторожнее будешь.

— Знал бы, не вынырнул,— пошутил я.

— Ну и что? Ну не вынырнул бы? — Он дружески обнял меня за плечи.— Что бы изменилось? Тебя бы зачислили подводной лодкой. Эх, капитан,— задумчиво сказал он, сдувая пену с запотевшей кружки.— Никто не знает своей судьбы. В прошлом году один из ваших на пшеничное поле сел. И что ты думаешь? Пятьсот гектаров убрал к осени. Теперь лучший комбайнер района, на груди — орден, на фюзеляже — звездочки. Или другой случай, сам видел. Автобус на рельсы занесло. Дождь шел, скользко было. С тех пор маневровым паровозом работает. Да что говорить! Ты меня спроси: как я в речники попал? В пятьдесят пятом году пошел в магазин «Одежда» костюм покупать. Примерил один, другой, третий. Смотрю: китель висит. Вот этот. Только я его на плечи — тут меня и зачислили. Пятнадцатый год работаю... А до этого я в горсправке служил. Как сейчас помню: иду из школы домой, а навстречу — старушка. «Молодой человек,— спрашивает,— как мне на Васильевскую улицу пройти?» Объясняю: «Квартал прямо и два направо». Только сказал — раз! Обнесли меня киоском,

телефон установили, окошечко, горсправка. Вот такие дела...

— Нет,— твердо сказал я.— Мне ваше смирение перед судьбой непонятно. Я буду драться до конца. Я, пока шли в Астрахань, с каждой стоянки телеграфировал. И в Аэрофлот и в пароходство.

— Ну, и какой результат?

— Пока никакого,— признался я.— И пароходство не отвечает. И, самое непонятное, родной Аэрофлот молчит.

— Что же тут непонятного?— усмехнулся человек в кителе. Все понятно. Не до тебя им теперь. Ни вашим, ни нашим.

— Почему?

— А ты что, не слыхал? Тут у нас катерок на подводных крыльях развил недозволенную скорость и оторвался от поверхности.

— И что?

— Как что? Твой Аэрофлот его вмиг зацапал и поставил на линию. Кажется, Свердловск — Воронеж.

— Послушайте,— обрадовался я.— Это как раз моя бывшая линия. Теперь самое простое — обменяться. Мы — туда, катер — сюда.

— И не мечтай, капитан,— сказал человек в кителе.— Этому не бывать. Суди сам: сегодня тебя отпустят, завтра буксир попросится, послезавтра — баржа. А кто здесь будет плавать? Нет, капитан, ты теперь до гробовой доски речник. Сиди и не рыпайся.

Я уткнулся в кружку и заплакал.

— Ну, брось, брось,— ласково сказал он и подлил мне свежего пива.— Давай-ка споем лучше, что ли. Нашу, речную.

— Давай споем,— сказал я сквозь слезы.— Речную так речную.

Мы обнялись и затянули: «Из-за острова на стрежень...»

После второго куплета нам дали категорию, после третьего — поставили в график филармонии, а четвертый мы пели уже на гастролях в Кисловодске — три концерта в день, из них один шефский.

— А ты говоришь, не вынырнул бы,— сказал человек в кителе.— Идем, вызывают на «бис»...

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ СТРОКИ

АРХИМЕД сказал: «Дайте мне точку опоры — и я переверну весь мир». Но он не сказал, зачем это ему нужно.

ДАРВИН установил, что человек происходит от обезьяны. Но он не объяснил, зачем это понадобилось обезьяне.

СОКРАТ сказал: «Я знаю, что я ничего не знаю». Но он не сказал, каким образом он об этом узнал.

НАПОЛЕОН сказал: «От великого до смешного один шаг». Но не установил, сколько шагов от смешного до великого.

ТАЛЕЙРАН сказал: «Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли». Но не сказал, как выходят из этого положения глухонемые.

ЦИЦЕРОН сказал: «Я никогда не бываю так занят, как во время своего досуга». Но не сказал, что же надо делать, чтобы быть занятым и на работе.

№ 36, 1972 г.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ СИМ ОБЪЯВЛЯЮ...

Согласитесь, читатель, мы с вами совершенно потеряли всякую ориентировку и наделали бы массу ошибок, если бы нас всю жизнь не сопровождало его превосходительство Объявление.

Но вот какие объявления иногда бывают...

«С 10 по 13 сентября в квартирах будут прочищаться батареи. Жильцы, которых не будет дома, останутся непрочищенными».

Копию снял И. Панин.
г. Омск.

«Товарищи!

**Желающие выпить пиво, прошу посетить баню с 12-00.
Буфет».**

Прислал К. Игнатьев.
пос. Октябрьский, Хабаровского края.

«Принимается посуда из под солнечного масла.»

(Объявление в магазине «Овощи»)

Прислал О. Любимов.
г. Калининград.

**«Для участия в эпизодных съемках фильма требуются
лица с тупым выражением лица. Оплата сдельная. Админи-
страция».**

(Объявление в киностудии)

Прислал К. Мартянов.
г. Одесса.

**«Граждане нагорного стада! Состоится собрание по
выбору пастуха и быка».**

Прислал Н. Петров,
г. Сердобск.

**«Имеющие поросят от 1 месяца и старше за газ будут
платить как за члена семьи».**

Копию снял В. Юлин,
г. Рязань.

«Продается пожилой дом».

(Из объявления)

Списала А. Смердова,
г. Халтурин, Кировской области.

Объявление.

**Охотники 22-11-68 г. в Кр. уголке автоколонны
состоится отчетно-выборное собрание**

- 1. Отчет бюро.**
 - 2. Отстрел лося.**
- Бюро.**

Фото М. Блинова,
г. Выборг.

«На постоянную работу временно требуется машинистка».

Списал А. Елесин,
г. Красноярск.

«Продаются две четырехмесячные козочки от семилитровой козы».

Списал Е. Шпаков,
г. Севастополь.

«Объявление

Тов! Чтобы вы не требовали жалобной книги, мы вас предупреждаем, что котлеты позавчерашние.

Зав. Производством.»

«Объявление

Кто нашел права шофера или кому заложил по пьянке, то прошу сообщить по ул. Серова, 33 Камнев.

В долгу не останусь».

Прислали В. Червов, А. Чуликов,
г. Курган.

КОНКУРСЫ КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ...

УЛЫБКА-68

Редакционная коллегия журнала «Крокодил» объявляет в 1968 году ОТКРЫТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС на лучший юмористический рассказ и юмористический рисунок. Целью конкурса является ознакомление широкого круга читателей с лучшими образцами современной юмористической литературы и графики.

Девиз конкурса: «УЛЫБКА-68».

В конкурсе приняли участие 3077 авторов — советских и зарубежных. А его лауреатами стали: Виктор Драгунский, Леонид Ленч, Игорь Сычев (СССР), Азис Несин (Турция), Пал Пустаи (Венгрия), Ганс Юрген Штарке (ГДР).

Д и Г

В связи с тем, что Генеральная Ассамблея ООН объявила 1968 год Международным годом прав человека;

и ввиду того, что «Крокодил» всегда выступал против дикости, насилия, дискриминации

редакция объявила свой конкурс

«ДУШИТЕЛИ И ГОНИТЕЛИ»

Сокращенно «Д и Г» и учредила соответствующую медаль.

На первом же заседании совета учредителей медаль была вручена американским расистам.

«УНИВЕРСИАДА ОСТРОУМНЫХ»

объявленная «Крокодилом», сильно урезала свободное время студентов университетов страны. Теперь к их ежедневным учебным занятиям прибавилась еще подготовка ответов на задания крокодильской «Универсиады». Впрочем, дополнительная нагрузка выполнялась с охотой, ведь задания-то были веселые!

Когда в конце года подвели итоги, то оказалось, что победителями стали студенты Таджикского (чемпионы), Черновицкого (вторая премия) и Томского (третья премия) университетов.

Победители получили призы «Хохочущий крокодил», отлитый из бронзы умельцами одного из московских предприятий.

КТО ВЫ, ТОВАРИЩ ИКС?

Такой конкурс на короткий юмористический и сатирический рассказ объявил «Крокодил» в начале 1970 года. А почему Икс? Да потому, что конкурс проводился как бы анонимно, под девизами.

«Энциклопедию на общественных началах» взялись составить читатели «Крокодила» в 1971 году. Энциклопедия получилась, может быть, не очень научной, но достаточно смешной. Вот некоторые образцы.

Абсурд — 1) воробей, несущий в когтях колхозного быка; 2) чужие мысли, которые расходятся с вашими.

Авось — муж авоськи.

Акула — килька на руководящей работе.

Анонимка — послание, в котором автор скрывает имя, но показывает свое настоящее лицо.

Алиментщик — отец-заочник.

Аспирант — ученый кот в мешке.

Бабушка — член семьи, не вылезающий из пеленок.

Барабан — музыкальный инструмент, работающий из-под палки.

Бутылка — известная гастрономическо-арифметическая величина. Делится на три без остатка.

Взятка — сочетание материального и аморального стимула.

Вобла — сушеная рыба, иссохшая по пиву.

1973—1977

Евгений ЕВТУШЕНКО

КОМПРОМИСС КОМПРОМИССОВИЧ

Компромисс Компромиссович
шепчет мне изнутри:
«Ну, не надо капризничать.
Строчку чуть измени».
Компромисс Компромиссович
не палач-изувер.
Словно друг,
 крупно мыслящий,
нас толкает он вверх.
Поощряет он выпивки,
даже скромный разврат.
Греховодники выгодны:
Кто с грешком —
 трусоват.
Все на счетах высчитывая,
нас,
 как деток больших,
покупает вещичками
компромисс-вербовщик.
Покупает квартирами,
мебелишкой,
 тряпьем,
и уже не задиры мы,
а шумим — если пьем.
Что-то — вслушайтесь! — щелкает
в холодильнике «ЗИЛ».
Компромисс краснощеконький
зубки в семгу вонзил.

Гномом
 вроде бы мизерным
компромисс-бодрячок
иногда с телевизора
кажет нам язычок.
«Жигули» только куплены,
а на нитке повис,
как бесплатная куколка,
хитрован-компромисс.
Компромисс Компромиссович,
как писатель, велик —
автор
 душу пронизывающих
сберегательных книг.
Компромисс Компромиссович,
«друг»,
 несущий свой крест,
мягкой, вежливой крысочкой
потихоньку нас ест...

№ 27, 1974 г.

Николай ЭНТЕЛИС

КЛИМ И КЛИМАТ

Проснувшись в чуждом настроении,
Горя задором трудовым,
Пораньше держит направление
В родимый цех ударник Клим.
Вахтер, небритый дядя Кеша,
Бурчит сердито в проходной:
— Чуть свет уже стучишься, леший!
Ишь, разогнался, как чумной!

В обычный час из кабинета
Неторопливо зам идет.
Клим поднял руку в знак привета:
— Викентий Палычу — почет! ,
Но важный зам не видит Клима:
Уставясь хмурым взглядом в пол,

Проплыл Викентий Палыч мимо
И даже бровью не повел.

В столовой повариха Дарья
За стойкой—как с трезубцем бог:
— Щи кончились... Котлеты жарят...
Компота нет—есть только сок.
Чего ты мелешь! Суп холодный?
Не по нутру у нас харчи?
Ты, видно, просто не голодный...
Чего? Жену иди учи!

В конце большого перерыва
С надеждой Клим заходит в БРИЗ,
Вопрос бросает торопливо:
— Как мой чертеж? Разобрались?
Работник БРИЗа смотрит строго,
Встает, роняет на ходу:
— Охотников до премий много...
Рассмотрим... В будущем году.

На склад за нужною деталью
Во весь опор помчался Клим
И вдруг застыл... Глядит с печалью:
Хмельной завскладом перед ним.
— Степан, милок! Стоят моторы...
Скорее! Под угрозой план...
— Когда б имел золотые горы! —
В ответ ему пропел Степан.

И вот сложили инструменты...
Увы, невесел был финал:
Примерно сорок три процента
Ударник Клим за смену дал.
В довольно грустном настроеньи
С работы ехал Клим назад...
Все были в крайнем удивленьи:
Откуда этот результат?

Зам вынул вечное перо:
— Придется вызвать на бюро!

Работник БРИЗа хмыкнул:— Та-ак!
А носит чертежи, чужак!

— Приперся парень раньше всех,—
Бубнил вахтер,— а цифры— смех!

Сказала Дарья:— Жучил нас,
А сам-то малый— лоботряс!

— Так он, видать, глядел в стакан,—
Икая, вымолвил Степан.

Для заключенья небольшого
Сам автор тоже просит слова:
— А может, в неудачах Клима
Виновен
данный микроклимат?

№ 11, 1973 г.

№ 2, 1973 г.

Рисунок О. КОРНЕВА.

— Сержант, огоньку не найдется?
№ 27, 1973 г.

Рисунок В. ЖАРИЙОВА.

В ТАРАКАНЬЕМ МИРЕ

Гога Тараканов пятый час лежал на диване и жестоко скучал. Магнитофон распространял по квартире кваканье джаза. Гога сучил ногами и лениво мечтал о танцплощадке.

Гогина бездеятельность была санкционирована папой и мамой, которые никак не хотели примириться с тем, что сынуля третий год не может попасть в вуз.

— Добьемся! — яростно говорила мама дальним и даже близким родственникам. — Разве наш мальчик хуже других? Такие же ноги, руки, голова и все остальное.

Родственники про себя криво усмехались и прятали глаза. У них было свое мнение о Гогиной голове.

Ежегодно в августе Гога блестяще, со знанием дела проваливался на приемных экзаменах. Остальные одиннадцать месяцев он предавался изысканному безделью в ожидании нового провала.

Внезапно на спинке дивана появился деловитый черный таракан. Он подбежал к Гогиному уху и, запыхавшись, сказал:

— Решение принято. Поздравляю тебя от имени и по поручению...

— Какое решение? — спросил Гога, нисколько не удивившись тараканьему голосу (из школьного курса биологии он уже не помнил, могут ли тараканы разговаривать.)

— Известно, какое, — с веселой торжественностью сказал черный таракан. — Ты можешь теперь стать полноправным членом нашего племени. Совет старейшин, основываясь на трехлетних наблюдениях, решил, что ты вполне заслужил эту честь.

— Не дошло, — зевнул Гога. — Я что, должен быть тараканом или мне разрешено остаться человеком?

— Именно тараканом, — с готовностью подтвердил собеседник, поводя усами. — Дело-то именно в том, что, презрев нормальный человеческий образ жизни, ты тем самым утратил и достойный человека облик. Так что тебе позволено вступить в Великое Сообщество Домашних Паразитов.

— Потрясно! — сказал Гога и оживился. — Кореши будут вне себя. Только я один в тараканы не пойду. Тут без меня Соньку закадрят. Давайте тогда и Соньку принимайте.

— Какую Соньку? — опешил черный таракан.

— Ну, Соню Букарашкину из девятой квартиры. Которая шедеврально кидает чарльстон. Клевая такая чувиха.

— Примем меры,—пробормотал черный таракан, мало что уразумевший из этих изречений.— А теперь нам пора.

И он пощекотал Гогино ухо кончиком усов.

Вы, конечно, можете мне не верить, но вот что тут произошло: послышался тихий свист, и Гога стал быстро сокращаться в объеме. Он уменьшался так стремительно, словно вы поднимались над ним на вертолете. При этом он желтел, коричневел и темнел, пока наконец не перевоплотился вполне в черного трехсантиметрового таракана с изящными усиками.

— Теперь бежим в Большую Щель! — крикнул ему таракан-волшебник.

— Ну что ж, старик, похилиаем,—с любопытством откликнулся Гога, направляясь вслед за ним.

Щель под плинтусом была темная и теплая. Она пахла тленом и гнилью. Тараканы сбежались поглазеть на новообращенного собрата. Гога держался с небрежным достоинством.

— А ну, таракашки,—сказал он, подпрыгнув.— С кем сбачаем твист?

Но таракашки молчали, так как человеческий язык был в этом племени известен только одному мудрому черному таракану-волшебнику и специальному посланцу совета старейшин по особо важным делам.

Мало-помалу Гога привык, однако, к молчаливому существованию. Это, впрочем, неудивительно: с одной стороны, и в человеческом обществе язык не был ему особенно нужен; с другой стороны, простейшим чувствам и помыслам окружавших его усатых паразитов не требовалась более сложная система информации, нежели простое шевеление усами.

По ночам тараканы, дождавшись сигнала дежурного по Щели, разбегались на промысел. Гога рыскал по кухне вместе со всеми, выискивая хлебные крошки и колбасные шкурки. Тараканы насыщались, не отходя от своей добычи. Они не тащили провизию в Щель про запас. Они жили сегодняшним днем или, точнее, сегодняшней ночью. Гогу вполне устраивала эта новая жизнь.

Между тем мудрый черный таракан сдержал свое слово и через неделю привел в Щель околдованную Соньку Букарашкину. Едва завидев Гогу, она вскричала:

— Где моя талия, Гарри? И где теперь мои модерные корочки на шпильках?

Она всхлипнула и уже собралась было разреветься, но мудрый черный таракан тактично дал ей понять, что тараканы не плачут по причине отсутствия слезных желез.

Теперь Гоге стало жить веселее. Они с Сонькой поселились в дальнем углу Малой Трещины, и когда по вечерам сверху, из человеческого мира, доносились твякающие мелодии магнитофона, Гога приглашал подругу к танцу. Любопытные обитатели щелей и трещин сбегались посмотреть на странное занятие супругов и, наблюдая замысловатые па, нервно подергивали усиками в знак удивления и недоумения. Заскорузлые ретрограды, они жили по обычаям предков и еще понятия не имели о новейших криках паразитической моды.

Однако понемногу тараканье племя привыкло к странным забавам Гоги и Соньки; самые же резвые начали сперва украдкой, а потом и явно подражать им. Дело дошло до того, что однажды, когда совет старейшин объявил аврал на предмет ремонта Большой Щели, несколько десятков молодых тараканов, увлекшихся танцами и игрой в жмурки, не явилось по сигналу.

Тем временем Гога и Сонька, вконец развращенные абсолютно потребительским образом жизни, настолько обленились, что перестали выползать по ночам из Большой Щели за пропитанием. Они предпочитали отнимать хлебные крошки и другую снедь у несовершеннолетних таракашек, которых снабжали папы и мамы. Больше того, они снюхались с путешествующими клопами и обменивали у них простые кухонные продукты на деликатесы парадных комнат.

Поведение супругов являло собой венец паразитизма даже для тараканьего племени. Все большее число тараканов стало забывать не только о своих семейных обязанностях, но даже об элементарных правилах предосторожности. Танцевать отваживались на открытых местах, в результате чего гибли под шваброй десятки молодых особей. Коррупция потрясала самые основы тараканьего быта. Сверхпаразитические нравы Гоги и Соньки заражали племя, подобно чуме. Племени угрожало окончательное вырождение.

Экстренное собрание совета старейшин поручило мудрому черному таракану переговорить с Гогой и Сонькой, чтобы добиться их согласия на обратное перевоплощение в человеческие существа.

Выслушав требование совета старейшин, супруги нагло рассмеялись и заявили, что никуда не хотят уходить из этой теплой и темной дыры, поскольку тараканья жизнь представляется им самой легкой и безоблачной на свете...

Тогда черный волшебник вознегодовал и, быстро прикоснувшись к супругам усами, чудодейственным образом превратил их в человеческие существа.

И теперь я снова вижу Гогу и Соньку. И мне чудится, что когда они идут по вечерам на танцы, затравленно озираясь вокруг; когда они сидят за ресторанным столиком, тупо уставясь в рюмки и слюнявя сигареты; когда они стоят у ворот, твистообразно переминаясь с ноги на ногу,—мне кажется тогда, что в глазах у них навечно застыла смертная тоска по теплой и темной тараканьей дыре, пахнувшей гнилью и тленом.

№ 4, 1973 г.

— Дед, ты православный?

— Эх, милоч, если ты иконками интересуешься, то тебе не здесь, а у «Метрополя» потолкаться надо...

№ 31, 1974 г.

Рисунок В. МОХОВА и В. МОЧАЛОВА.

КАК СЕРЕЖА РУБЛЬ ИСКАЛ

— Сережа, сбегай, лапочка, в магазин и купи кило сахара.

Сереже шесть лет, и он охотно помогает маме по хозяйству. Мальчик уже и за молоком ходит, и за хлебом, и за колбасой, и за конфетами. За конфетами Сережа может пять раз на день ходить. Ему это совсем нетрудно. Да и магазин недалеко от дома.

Дала мама Сереже серебряный рубль, он положил его в верхний кармашек рубашки-безрукавки и пошел.

Надо вам знать, что по дороге в магазин есть очень красивый лужок. Трава по колено, а в ней купают свои зеленые косы плакучие ивушки. Кругом ромашки цветут, даже в глазах мелькает. На одной ромашке Сережа увидел большого красного мотылька с желтыми и черными кружками на крылышках. Таких красивых мотыльков Сережа еще никогда не видел, хоть уже второе лето собирает для своей коллекции всяких мотыльков и бабочек.

Сереже ужасно захотелось поймать этого красавца, он тихонько сошел с тротуара и стал подкрадываться к мотыльку. Вот он уже у самой ромашки, протянул руку, чтобы схватить мотылька за крылышко, а тот порх—и полетел. Сережа бегом за ним, запутался в высокой траве и упал.

Видит Сережа, что без сачка ему мотылька не поймать. Делать нечего—направился в магазин. Подошел к кассе, хотел уже сказать: «Тетя, выберите мне кило сахара»,—но вспомнил, что нужно сначала рубль достать. Сережа—в карман, а там пусто. Пропал рубль.

Заплакал Сережа и побежал на то место, где за мотыльком охотился, но не пошел в траву, где он упал, а бродит по тротуару и ищет рубль на асфальте.

Прохожие спрашивают:

— Что ты, мальчик, тут ищешь?

— Рубль потерял,—утирая слезы, отвечает Сережа.

— А ты тут его потерял?

— Нет, там, в траве. Там я мотылька ловил и упал.

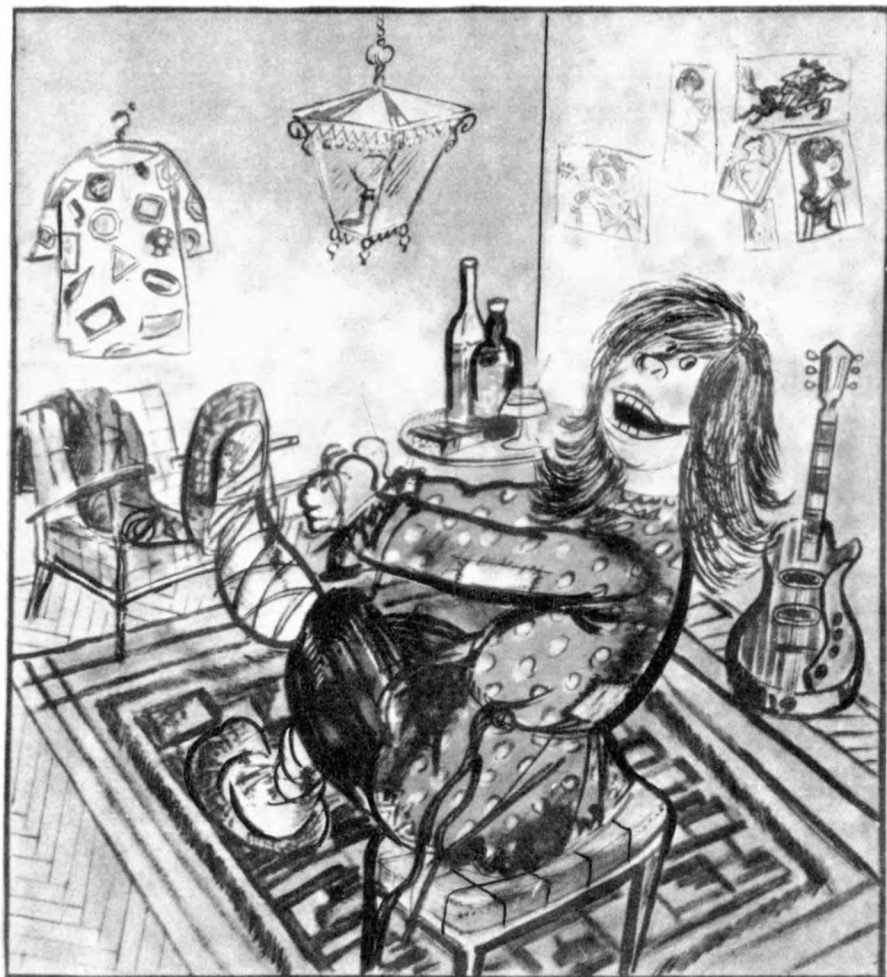
— В траве и ищи. Чего же на тротуаре ищешь?

— Эге, тут вон как видно все, и то не могу найти, а в траве—как я его найду?

Видели такого чудака?

Сереза меня не удивляет. Он еще маленький. Меня очень удивляют некоторые взрослые дяди, которые точно таким же образом ищут скрытые резервы производства.

№ 5, 1974 г.

— Я им докажу, что наш хиппи — это не какой-нибудь там западный!

№ 1, 1973 г.

Рисунок Б. САВКОВА.

Карьера Ивана Ивановича (из жизни подхалимов).
№ 10, 1975 г. Рисунок М. БИТНОГО.

ПОЧТИ ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Павел Петрович чихнул и проснулся. Было тихо. Он несколько удивился этому обстоятельству и перевел взгляд на книжную полку. Луч солнца упирался в пятый том сочинений известного зарубежного автора В. Шекспира, значит, было двадцать пять минут девятого. Обычно Павел Петрович вставал на два тома раньше, а в конце четвертого тома провожал жену на работу, а сейчас самое время уже и ему выходить.

— Ну и заспался же я сегодня,—сердито пробурчал Павел Петрович и быстро вскочил. Он не любил, когда его ругали. Сделав по сокращенной системе зарядку, он кое-как ополоснулся, чем-то перекусил и как-то домчался до работы.

У входа Мария Тимофеевна, как всегда, вязала и, увидев Павла Петровича, поприветствовала его привычным взмахом спиц, делая при этом очередной узел.

«Любопытно,—привычно подумал он,—сколько узлов в час она делает?» Но спрашивать, а тем более выслушивать ответ, как всегда, было некогда, и он поднялся к себе.

— Вечно вы опаздываете,—прошелестела Кира Семеновна, хотя права на шелест у нее почти не было: по зарплате они уже который год шли рубль в рубль и лишь стол ее был на несколько сантиметров шире стола Павла Петровича. Но зато его стол стоял несколько ближе к свету. Так что положение их в отделе было, можно сказать, равным.

Но Павел Петрович промолчал. Он помнил, что еще вчера шеф строго-настрого приказал ему срочно закончить сводный отчет. Поэтому сразу же включился в работу, благо все цифры и сведения были им уже собраны накануне.

Правда, два раза его отрывали от бумаг. Сначала Машенька попросила у него рубль на коляску для Ниночки из бухгалтерии. Он безропотно подчинился, хотя смутно подумал: когда же это Ниночка родила, ведь вчера еще вроде ничего заметно не было. Но расспрашивать не стал: понимал, дело деликатного свойства, можно легко нарваться: у одних бездетные браки, у других безбрачные дети... Потом Тихон Иосифович, как всегда, задал ему вопрос из вечернего кроссворда. Павел Петрович без

запинки назвал по вертикали араукарию — род вечнозеленых хвойных деревьев...

Да, все было привычно. Вера Карповна с помощью телефона вела дистанционное управление учебой и поведением своего Вовика, а Света все выясняла и никак не могла выяснить свои отношения с Костей.

В обеденный перерыв Павел Петрович вместе со всеми спустился в буфет-столовую, как всегда, чертыхнувшись по поводу меню, которое не менялось вот уже много месяцев. Правда, за кассой сидела другая девушка, но точно так же, как и ее предшественница, недодала две копейки, ссылаясь на отсутствие все той же меди.

Вторая половина дня, как всегда, пролетела незаметно. Уже к пяти часам он представил шефу сводный отчет, тот просмотрел его, указал на две-три небольшие неточности, а в целом одобрил и даже поблагодарил. Павел Петрович вошел в отдел и демонстративно, даже несколько нахально, улыбнулся в сторону Киры Семеновны. Народ безмолвствовал. Пробило шесть.

Возле гардероба его заинтересовал разговор двух плановиков из соседнего отдела. Они с жаром обсуждали результаты вчерашнего футбольного матча ЦСКА — «Спартак».

— Позвольте, — не выдержал Павел Петрович, — но ведь «Спартак» в настоящее время находится за рубежом. Я сам читал и даже видел в спортивном выпуске по телевидению фрагменты...

Оба плановика в упор посмотрели на него и потом, словно по команде, рассмеялись:

— Ну, и шутник же вы, Павел Петрович! Да вы же о прошлогоднем зарубежном турнире «Спартака» толкуете. А мы о нынешнем первенстве.

Он хотел переспросить что к чему, но не успел. Плановики удалились.

Только дома за ужином, допивая стакан чая, Павел Петрович узнал от жены, что он пролежал в летаргическом сне целый год.

«Надо же! — внутренне содрогнулся Павел Петрович. — Это же сколько процентов в кассе взаимопомощи за лишний год набежало!»

Но тут же подумал, что если он представит справку от врачей с печатью и на бланке, то этот год в расчет не возьмут, поскольку в сонном состоянии человек деньгами пользоваться не может.

И он заснул крепким настоящим сном.

Утро в сосновом лесу.
№ 22, 1976 г.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА.

Н. МОНАХОВ

ПОСМЕЕМСЯ ЖЕ, ТОВАРИЩИ!

Стоял месяц май. Бело-розовая кипень яблоневого цвета выплескивалась из садов. Напоенный духами «Весенние» воздух транслировал мажорные птичьи арии, ариозо, ариетты, каватины, эпиталамы. И солнце, конечно, смеялось.

Веселым майским днем, вынырнув из яблоневого метели, перед председателем товарищеского суда садоводческого кооператива «Коллективист» предстала член кооператива Векшина и вручила ему бумагу:

«Прошу разобрать мое заявление, что член кооператива Прыщенко в субботу обозвал меня оскорбительным словом «гадюка». За что, не знаю.

Векшина».

Председатель товарищеского суда пригласил Прыщенко и ознакомил его с заявлением.

— На эту клевету я принесу письменный ответ,— ответил ответчик.

Принес:

«На заявление гр. Векшиной Г. М. заявляю, что в мае, числа не помню, мимо моего участка проходили супруги Малозуевы, и у нас зашел разговор о делах садовых. Векшина вышла из своего дома и стала у калитки слушать наш разговор. Когда Малозуевы ушли, я подошел к ней и сказал: «Как вам не гадко подслушивать чужие разговоры!» — и больше мной ничего не было сказано. А в части «гадюка» — это изобретение подательницы заявления, имеющей цель очернить меня.

Р. С. И еще прошу выяснить у Векшиной, за что она прошлым летом назвала меня наглецом».

Шли дни. В соцветиях завязывались антоновки, анисы, грушовки, а председатель товарищеского суда развязывал папку, чтобы подшить еще одно заявление Прыщенко:

«В дополнение к моему первому заявлению по заявлению Векшиной Г. М. прошу выяснить, за что она в сентябре позапрошлого 1973 года подняла крик у своей кухни и обозвала меня «хамом» и «гадом ползучим». Сообщаю, что в это время на участке отсутствовали ее родственники, а на ее брань я не отвечал ни единым словом».

Наливались соком яблоки. Полнело и дело «Векшина—Прыщенко».

В него было подшито:

«Заявление № 3 от Прыщенко В. Е.

В дополнение к моим двум заявлениям по заявлению Векшиной Г. М. прошу вас, т. председатель тов. суда, учесть при разборе дела следующее:

19 августа 1972 года ее муж, Векшин А. П., в присутствии ее обозвал меня вором досок, при этом сослался, что жена, то есть Векшина Г. М., видела, как я воровал доски. На это объясняю, что в 1968 году я нес доски от Огибеева, а в 1969 году — брус от Болучевского, которые они дали мне сами».

Струилась июльской негой природа. Подсолнухи задорно перемигивались с солнцем, а председатель товарищеского суда в изумлении моргал, читая:

«Заявление № 4 от Прыщенко В. Е.

Дополняя три ранее поданных мною заявления, сообщаю, что у Векшиных имеются следующие предметы:

1. Лестница-стремянка — 1 шт.
2. Ножницы кровельные — 1 шт.

3. Тиски слесарные — 1 шт.
4. Скамейки фигурные — 2 шт.
5. Гипсовая цветочница — 1 шт.
6. Палатка брезентовая — 1 шт.

Прошу проверить, как все эти предметы Векшины приобрели».

На ближайшем собрании членов кооператива председатель товарищеского суда попросил слова и огласил все заявления.

По мере чтения на лицах слушателей начали мелькать улыбки, а когда чтение закончилось, все восемьдесят шесть человек безудержно хохотали несколько минут. Председатель товарищеского суда, напустив на себя очень серьезный вид, что стоило ему немалого труда, толковал что-то о необходимости прений и резолюций, но его не слушали.

Смех оказался лучшей резолюцией. Хотя после этого никто не видел соседей Прыщенко и Векшиных за совместным чаепитием, но заявлений от них больше не поступало. Есть достоверные сведения, что они начали здороваться.

Поэтому, дорогой читатель, когда нам с тобой доведется встретиться с глупостью или мелкой, вздорной страстишкой, которые живучи, как вредные черепашки, не будем хмуриться и метать громы и молнии, а посмеемся вволю и погромче. Подсказанный здравым смыслом, умный смех умеет стыдить лучше мудрых резолюций.

Такого смеха боится даже тот, кто ничего не боится, говорили великие мыслители. И они были правы.

№ 30, 1976 г.

Мануил СЕМЕНОВ

ПРИРУЧЕНИЕ БЮРОКРАТИЗМА

Дошла недавно до меня новость: хотят будто бы закрыть бюрократизм. Знаете: так, как закрывают фабрику, продукция которой перестала пользоваться спросом, или рудник, если месторождения иссякли и эксплуатировать их дальше экономически просто невыгодно. Новость сильно встревожила меня: правильно ли мы поступаем, не преждевременно ли?

Конечно, с одной стороны, может быть, и правильно. Пишущая братия жалуется: тема, мол, исчерпана, не хватает за душу, как прежде.

«Я волком бы

выгрыз

бюрократизм», —

сказано, конечно, сильно. Но когда? Больше сорока пяти лет назад. А других таких же вдохновенных строчек не написано. Явный признак непопулярности темы или падения удельного веса сатирического пафоса в жанре поэзии.

Хнычут карикатуристы: не можем, дескать, больше рисовать эту отвратительную физиономию в очках с роговой оправой и тупым взглядом. Примелькалась она, а люди обращают на нее не больше внимания, чем на табличку «По газонам не ходить!».

Сетуют эстрадные артисты. Перестала маска бюрократа пользоваться успехом. И не потому, что вытеснили ее Авдотья Никитична и Вероника Маврикиевна, а ввиду выработки у зрителей иммунитета. Не хочет он над бюрократом смеяться, хоть убей его!

Одним словом, по всем линиям наметилась явно тупиковая ситуация.

И все-таки не рановато ли списывать в архив, объявлять дешую распродажу, отправлять на слом? Исчерпали ли мы все возможности бюрократизма? Думаю, что нет. Особенно если учесть, что мы думали только о вреде, какой он причиняет, и упускали из виду пользу, которую может приносить бюрократизм.

Позвольте, а разве такое возможно, спросите вы? Вполне возможно, все зависит от условий, ситуации и целей, которых мы хотим достигнуть. Не претендуя на патент, автор тем не менее берет на себя труд показать на ряде конкретных примеров полезный, так сказать, созидательный бюрократизм. Это в известной мере напоминает процесс одомашнивания дикой кошки, когда человек, приручив ее, использовал врожденные хищнические инстинкты пушистого зверька в собственных интересах.

Начнем хотя бы со следующего эксперимента: как можно в союзе с бюрократизмом бороться против бесхозяйственности и даже побеждать ее?

Правление Банка Откровенной Бесхозяйственности, именуемого в дальнейшем БОБ. За столом с табличкой «Председатель» восседает бюрократ. Он принимает посетителя.

— Мы просим правление банка, — говорит посети-

тель,— ассигновать шестнадцать миллионов на строительство завода фарфоровой посуды.

— На местном сырье?

— Так точно. Но глины хватит на два, от силы на три десятка чайных сервизов.

— Чем это подтверждено?

— Данными геологоразведки. Правда, ее провели после того, как проект завода был утвержден и внесен в генплан, но все-таки провели.

— Значит, завод сразу же после пуска...

— Встанет на консервацию.

— А где гарантия, что завод не будет переориентирован, скажем, на деревообработку?

— Вокруг завода в радиусе более тысячи километров нет ни одного деревца. Леса вырублены еще в XVIII веке. Вот справка Гослесофонда.

— Тогда на переработку шерсти.

— Но единственным источником шерсти в нашей области являются эрдельтерьеры и колли. Однако собак обеих пород насчитывается у нас не более двухсот. Можете ознакомиться с годовым отчетом общества собаководов.

— Значит, шестнадцать миллионов рублей, ассигнованных нашим банком, окажутся выброшенными на ветер?

Посетитель, обрадованный тем, что ему удалось успешно преодолеть все бюрократические рогатки, восторженно восклицает:

— Так точно, на ветер! Можно оформлять ассигнования?

— Не спешите в кассу! Мне нужен еще один документ.

— О боже! Какой еще?

— Документ, подтверждающий тот факт, что в районе строительства на самом деле дуют ветры и что они способны разметать шестнадцать миллионов рублей, как дорожную пыль!

Посетитель поднимается со стула, в изнеможении отирает со лба выступивший пот и, пошатываясь, направляется к выходу. Он бормочет, как в бреду:

— Чинуша... канцелярист... бюрократ несчастный!

Ну, а теперь перенесемся из производственной сферы в область быта, посмотрим, чем бюрократизм может быть полезен здесь. Возьмем для примера хотя бы кампанию по борьбе с алкоголизмом, которая пока не достигла, к сожалению, блистательных успехов. Так вот, что произойдет, когда к ней подключатся бюрократы? Если, конечно,

поставить перед ними задачу не пресекать пьянство, а, наоборот, насаждать его? Итак, представим себе...

Раннее утро. За прилавком только что открывшегося ларька знакомая по предыдущему эпизоду фигура бюрократа, только теперь он не в отлично сшитом костюме, а в поддевке и белом фартуке. К ларьку подбегает изрядно помятая личность, говорит хриплым голосом:

— Слушай, парень, плесни-ка кружечку!

— Ась?

— Налей, говорю, своего пойла. Душа горит!

— Поосторожней, гражданин. Во-первых, тут продают не пойло, а плодоягодное вино под названием «Смородинка» ГОСТ 1261. А во-вторых, откуда мне знать, что у вас душа горит, на лбу ведь не написано...

— Да ты принюхайся как следует, от меня же вчерашним перегаром за версту разит.

— Вот еще что выдумали! Вас тут за день тыща проходит, и к каждому принюхиваться? Во что же я, лицо официальное, тогда превращусь? В сыскное животное?

— Ну нюхать не желаешь, тогда взгляни на мое лицо. Видишь, какое оно опухшее?

— Вижу. Только мои личные эмоции и восприятия к отчету не приложишь и в папку не подошьешь. А потом, может быть, вы просто поспали больше обычного. Как говорится, после трудов праведных...

— После трудов? Ха-ха! Да ты знаешь, как мы вчера с дружками поддали?

— Опять эмоции, опять сказки Венского леса... Ну, представьте, отпущу я вам кружку вина, а что дальше будет?

Личность в предвкушении выпивки явно оживилась.

— Милый, ты только налей, только налей. Мне один лишь глоток и нужен, я ведь с пол-оборота завожусь.

— Все вы так хвастаетесь. А потом вприпрыжку на работу бежите.

— Я на работу побегу? Ха-ха! Да ты знаешь, сколько у меня прогулов по причине этой самой пьяночки?

— Не знаю. Наболтать что угодно можно. А вот вы мне справку принесите.

Личность явно ошарашена происшедшим неожиданным поворотом.

— О чем справку?

— О прогулах. Тогда и вино получите. Нам ведь когда на базе вино отпускают, то строго наказывают: «Помните,

разливное вино — продукт дефицитный, без разбора им торговать нельзя. Отпускайте в первую очередь тем, кто не может без него обойтись: шоферюгам и грузчикам от мебельных магазинов, прогульщикам, алкоголикам-хроникам...» Поняли, гражданин?

— Так ведь я, можно сказать, тоже...

— Вот именно: сказать все можно. Несите справку, иначе у нас с вами ничего не выйдет.

— Да, но если я кружку «Смородинки» хвачу, вахтер заметит, меня схватит.... А как же тогда будет со справкой?

— Не волнуйтесь. Если пользоваться вашей терминологией, то, пока я не схвачу справку, вы не хватите вина. Сообрили?

Помятая личность ошалело крутит головой.

— Справка... ГОСТ 1261... Не хочу!

Бодрой походкой направляется к заводской проходной. А бюрократ, с удовольствием потирая руки, говорит:

— Ну вот, еще одного псевдоалкоголика изобличил.

Достаёт гроссбух и делает в нем какую-то отметку.

— Поставим галочку для отчета.

Краткости ради мы привели только два примера благотворной деятельности бюрократа. Но их ведь можно продолжить. Почему бы не создать по принципу БОБ главк «Распылитель» (по распылению государственных капиталовложений), объединение «Сокрзапчасть» (сокращение выпуска запасных частей), фирму «Туда-обратно» (расширение встречных перевозок) и, наконец, службу УПОК (ударим по качеству)!

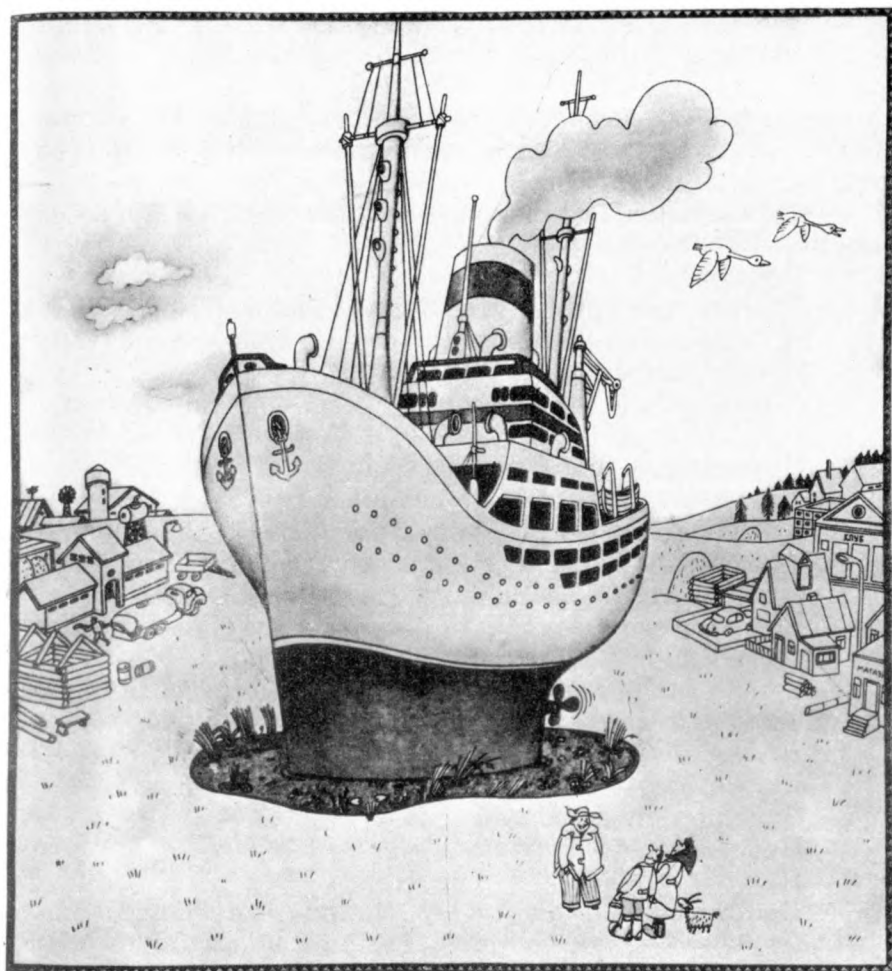
Несомненно, имел бы успех и перевод на бюрократические рельсы таких бытовых услуг, как утеря вещей заказчиков, сданных в ремонт, перелицовку или химчистку, порча верхнего платья и пальто в ателье, упорядочение натуральных и денежных поборов с ответственных квартиросъемщиков и членов их семей и т. д.

Если мы, отбросив бывлые предрассудки, приступим к широким и смелым экспериментам, то может наступить время, когда бюрократизм из всеми презираемого и гонимого станет симпатичным и желаемым. Превратится в доброго друга человека на службе и дома.

И тогда вместо обычных сегодня ругательств и проклятий мы будем то и дело слышать:

— Спасибо тебе, бюрократизм!

— Чао, милый!

— В конце года оставались деньги — вот и купили.

№ 8, 1977 г.

Рисунок В. ШКАРБАНА.

Евгений ДУБРОВИН

ПОЛУБОКС

— Сегодня пирог похож на пресноводную черепаху. — Глава семьи Виктор Степанович ковырнул ножом подгоревший пирог и поморщился.

— А ты видел пресноводную черепаху? — Младший Погребенников, семиклассник, перестал пить чай и уставился на отца.

— Это не имеет значения. Я знаю, что пресноводная черепаха имеет форму пирога и что она черная. Этого вполне достаточно.

— Чтобы иметь право сравнивать, надо обязательно видеть предмет, с которым сравниваешь... Если уж говорить о пресноводной черепахе...

— Оставь черепаху в покое,— сказал старший Погребенников.

— Почему?

— Потому что есть другие темы для разговора.

— Но мне хочется говорить именно про черепаху.

— Я тебе запрещаю!

— А если я буду говорить про пресноводную черепаху?

— Тогда... Тогда увидишь...

— Применишь физическую силу?

— Мужчины, перестаньте ссориться.— Мама Ира Ивановна Погребенникова подошла с большим хозяйственным ножом к пирогу и сделала попытку его разрезать. Пирог заскрежетал, как сковорода, когда ее скоблят.

— Выбрось его в ведро для пищевых отходов,— посоветовал Славик.

— Я тебе выброшу, паршивец! — Мама Погребенникова сделала новую попытку пробиться к сердцу пирога.— Я столько сил в него вложила.

— Да, но если он сгорел?

— Будешь есть горелый.

— Нелогично.

— Пирог сгорел из-за тебя!

— Из-за меня? — удивился младший Погребенников.

— Да, я его пекла под впечатлением вчерашнего родительского собрания.

— Разве вчера было родительское собрание? — спросил папа Погребенников.

— Да, когда ты пьянствовал со своими приятельницами.

— Не приятельницами, а приятелем, и не пьянствовал, а выпил две рюмки коньяку,— поправил Виктор Степанович.

— Меня не интересуют подробности твоих походов. В общем, когда ты пьянст... прости, выпивал... я краснела. На этот раз речь шла о санитарном состоянии этих оболтусов. Не стригут свои головы, если эти кошмарные сооружения можно назвать головами, месяцами.

— Наш упоминался? — спросил папа Погребенников.

— В числе первых.

— Ты почему не стрижешься? — спросил папа Погребенников.

— Нет еще срока,—ответил сын.—Я не стригся всего полтора месяца, а на классном собрании постановили стричься один раз в два месяца.

— Что за бред! — воскликнул Виктор Степанович.— Какой дурак принимает такие постановления?

— Это правда,—вмешалась мама Погребенникова.—Они вынесли такое решение. И то слава богу! А то некоторые индивидуумы не стриглись по полгода.

— Абсурд! У одного волосы растут быстрее, у другого медленнее, одному идет длинная прическа, другому нет. И потом—кто будет следить за сроками?

— У них есть «волоснадзор».

— Черт знает что! — воскликнул папа Погребенников.—И что, они каждого фиксируют?

— Каждого! Я член «волоснадзора»! — гордо заявил Славик.—Мы завели такую тетрадь, и секретарь «надзора» отмечает, когда кто пострижется. Мне еще одиннадцать дней до срока.

— Почему же тогда тебя упоминают? — спросил папа Погребенников ехидно.

— Потому что наш классный руководитель не признает «волоснадзора». Отсталая женщина.

— Вот и я не признаю «волоснадзора».—Виктор Степанович хлопнул ладонью, но попал не по столу, а по пирогу, и тот отозвался железным скрежетом. Сын засмеялся.

— Да! — продолжал папа Погребенников, облизывая измазанную вареньем ладонь.—Я считаю, что энергию, затраченную на работу «волоснадзора», следует истратить на повышение балла успеваемости. Я вывожу тебя из «надзора» и посылаю в парикмахерскую. Сегодня же. Как только попьешь чай!

— Правильно! — обрадовалась мама Погребенникова.—Давно бы так!

— На каком основании? — спросил младший Погребенников.

— Да врежь ты ему, Витек, как следует! — Мама Погребенникова убрала от мужа кусок пирога и подала новый, менее горелый.—Цельными днями сплошная демагогия.

— Врезать легко,—сказал Славик.—Ты меня убеди.

— Марш в парикмахерскую! А то сейчас схлопочешь!

— Что, не хватает аргументов?

Виктор Степанович покраснел.

— Считаю до трех! Раз!

— Ни за что не постригусь раньше срока. Это дело

принципа. Я член «волоснадзора» и должен подавать пример.

— Два!

— Если ты зарабатываешь деньги, это еще не значит, что ты умнее меня и можешь приказывать, не приводя никаких аргументов. Ты мне сначала докажи, что длинная прическа — это некрасиво. Если докажешь, я сам пойду и постригусь. Хоть под полубокс. Ты только докажи, что полубокс — вершина красоты.

— Полубокс гигиеничен, — сказала Ира Ивановна.

— Зато при полубоксе торчат уши, — парировал Славик. — Только жлобы заставляют своих сыновей стричься под полубокс.

— Витек! — закричала мама Погребенникова. — Ты слышишь, что он говорит! Он, оказывается, считает нас жлобами! Мы с тобой кормим его, поим, одеваем, даем образование, а он вон кем нас считает! Жлобами! Нам, оказывается, еще расти и расти до его уровня! Да врежь ты ему хоть раз, чтоб искры из глаз посыпались! Пусть знает, кто здесь хозяин. Он, наверно, думает, что он здесь хозяин!

— В современной семье нет хозяина, — сказал молодой Погребенников. — И прошу тебя, мать, без эмоций. Эмоции не добавляют аргументов.

— Как это — нет хозяина? — растерялась мама Погребенникова.

— А так. Мы все должны быть на равных началах.

Папа Погребенников, до того молчавший и лишь все более и более красневший, вдруг рывкнул:

— Три!

Мать и сын Погребенниковы вздрогнули.

— Когда я стану отцом, — продолжал Славик, сделав вид, что он не услышал цифру «три», — у меня в семье будут другие порядки. Я не стану никому навязывать своего мнения.

— Я долго буду ждать? — крикнул папа Погребенников и изо всей силы ударил кулаком по столу. Удар пришелся как раз по блюдцу. Блюдце веером разлетелось по кухне, как взорвавшийся в верхних слоях атмосферы болид. Славик и Ира Ивановна инстинктивно пригнулись.

— Вон в парикмахерскую!

— Только через одиннадцать дней.

Может быть, если бы Славик кричал, горячился, даже наскикивал на отца, Виктор Степанович не пошел на рукоприкладство. Но младший Погребенников сидел с

таким невозмутимым видом, словно он здесь был профессор и принимал экзамен от несмышленных студентов. Возможно, этот самоуверенный вид и вывел папу Погребенникова из себя. Кандидат наук Виктор Степанович Погребенников размахнулся и врезал своему сыну по уху. Удар был несильный, но получился очень обидным, так как прозвучал звонко, на всю кухню. О нем можно было сказать: сочная оплеуха.

Младший Погребенников вскочил и рванулся в сторону отца, однако зацепился за угол стола и отскочил к плите, как волейбольный мяч. Ухо его горело.

— Давно бы так,—сказала мама Погребенникова.

Может быть, маме Погребенниковой не стоило этого говорить в данный момент. Оскорбленный физическим действием член «надзора» волосатиков нагнул голову и, как молодой бычок, бросился на Виктора Степановича. Кандидат наук выставил вперед кулак. Член «волоснадзора» наткнулся на кулак, обхватил его руками и, повиснув всем телом, стал загибать кулак к полу.

— Мало еще каши ел, чтоб с отцом справиться,—опять подала голос мама Погребенникова. Во время схватки никогда не надо подзуживать. Славик с еще большей яростью навалился на кулак. Старший Погребенников весь налился кровью, но не сдавался.

— Отец, да что ты с ним играешься?—сказала мама Погребенникова.—Двинь его левой свободной.

Виктор Степанович не собирался воспользоваться советом, но младший Погребенников понял совет матери как буквальное указание и поспешил упередить действие. Он вцепился зубами в левую свободную.

— Ах ты, мерзавец!—взревел старший Погребенников и инстинктивно отскочил в сторону. Его противник тотчас же воспользовался обстановкой и прошмыгнул в открытую дверь.

— Стой!—закричал отец.

Сын промчался по коридору и юркнул в ванную. Заскрежетала задвижка. Виктор Степанович, бежавший за сыном следом, чуть не получил дверью по лбу.

— Открой!—рыкнул старший Погребенников.

Молчание.

— Открой! Кому говорю!

Молчание.

— Дверь вышибу!

Молчание.

Кандидат наук отошел назад, чтобы разбежаться и

вышибить дверь с ходу, но тут в коридор прибежала испуганная Ира Ивановна.

— Ты с ума сошел! — закричала она. — Кто же ломает дверь? Где я найду мастера?

— Этот мерзавец укусил меня! Представляешь? Укусил родного отца! Да если бы я укусил своего отца...

— ...ры! — донеслось из ванной.

Погребенниковы прислушались.

— Живодеры! — раздалось совсем явственно.

Мама Погребенникова не успела опомниться, как Виктор Степанович промчался по коридору и ударил плечом в дверь. Дверь сорвалась с петель и упала внутрь ванной. Виктор Степанович влетел вместе с ней головой вперед. Младший Погребенников стоял возле ванной, держа в руках душевой шланг.

— Не подходи!

— Ёх, — выдохнул старший Погребенников, отшвыривая в сторону сорванную дверь. Глаза его горели. — Пришла тебе крышка, мерзавец! Расплатишься за все!

Кандидат наук, растопырив руки, как василиск в сказке, двинулся на сына. В лицо ему ударила струя воды.

— Ах ты!

Виктор Степанович замахнулся, чтобы немедленно покарать негодяя, но тут на спину мужа бросилась Ира Ивановна.

— Старый дурак! — закричала она. — Гоняешься за ребенком по всей квартире как сумасшедший! Дверь сломал! Где теперь я буду мастера искать! А ну марш за мастером в фирму «Заря»! А ты, оболтус, чего стоишь? Бери тряпку и вытирай свое безобразие! Не соскучишься с этими мужиками!

Ира Ивановна пошла на кухню и стала там сердито греметь тарелками, Славик взял тряпку, а Виктор Степанович отправился в фирму «Заря».

ХУНТА ЧИЛИ

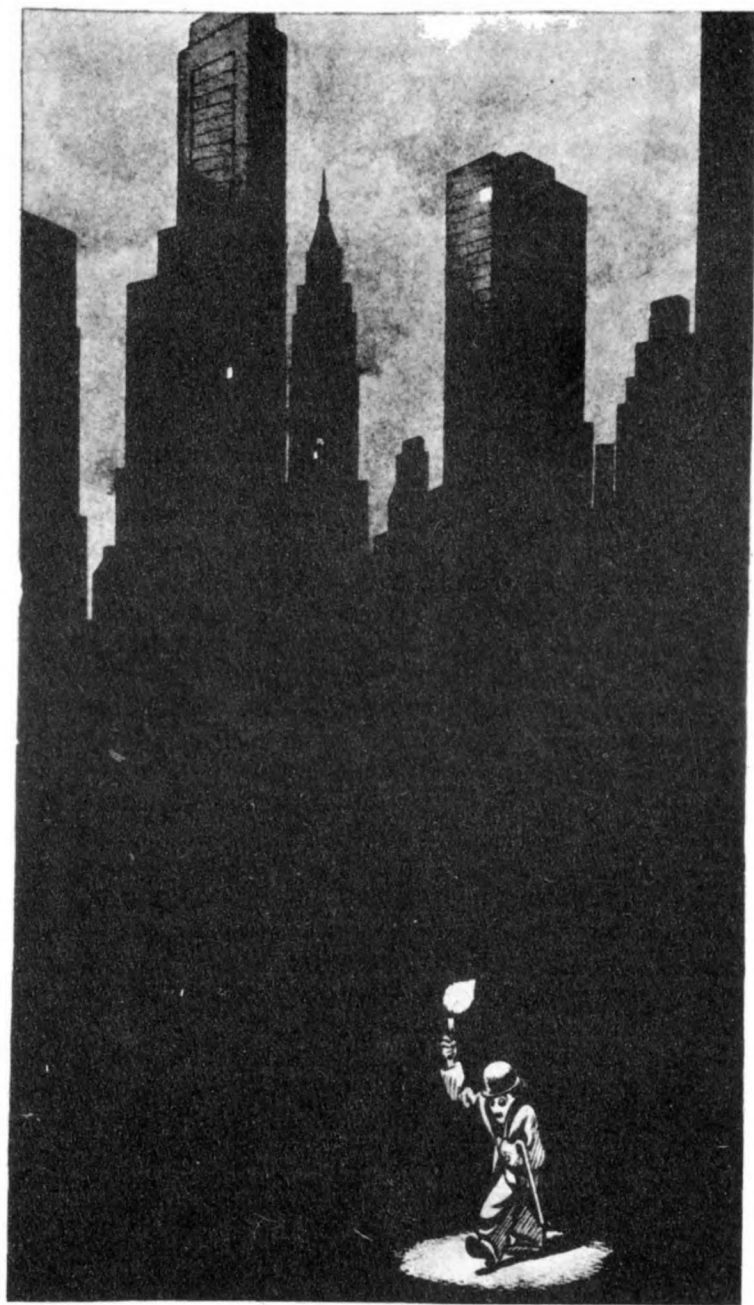
ЗНАКОМЫЙ ПРОФИЛЬ

Выставка «Сатира в борьбе за мир».

№ 12, 1977 г.

Евгений КАЖДАН.

13. «Крокодилу—60 лет».

Огни большого города или новые времена.
№ 10, 1974 г.

Рисунок А. КРЫЛОВА.

КОЗЕРОГ

Писатель-сатирик Нияз Ахметович К. принимал своих московских коллег. Три дня были отданы встречам с местными юмористами, празднику смеха, веселым застольям, шуткам. А на четвертый Нияз Ахметович сказал:

— Пришла пора отдохнуть. Вы в нашей республике впервые. Давайте совершим путешествие. Я покажу много интересного. Ну, например, наш грязевой курорт. Там есть что посмотреть: новые корпуса, водолечебницы, закрытый бассейн...

С утра сатирическая бригада двинулась в путь. Нияз Ахметович развлекал спутников всякими любопытными историями, и никто из них не заметил, как началось горное ущелье, а вместе с ним и территория курорта. Здесь гостей уже поджидал главный врач Ходжапулатов. Поздоровались, познакомились, расселись по машинам, поехали дальше. За поворотом на живописной скале показался выбитый из камня красавец козерог.

— Напомните мне потом об этом козле,— бросил Нияз Ахметович. — Я кое-что вам расскажу.

Машины остановились у двухэтажного коттеджа на краю обрыва.

— Надо перекусить с дороги,— вы ведь добирались к нам полдня. Прощу заходить,— пригласил главный врач. — Ну, а потом осмотрим все, что пожелаете.

В гостиной был уже сервирован стол. По местным обычаям сначала отведали душистых дынь, попили зеленого чая. Потом было подано блюдо плова.

— Вы хотели что-то рассказать о козереге,— напомнил Ниязу Ахметовичу главный врач. — Кстати, этот каменный козерог — символ нашего курорта.

— Вот именно,— оживился писатель. — На этом-то и строится весь сюжет.

Он наполнил пиалу чаем и начал:

— Однажды председатель Бикмаганского колхоза-миллионера почтенный Абдулла Абдуразаков, устав от текущих забот, собрался в отпуск и велел главному бухгалтеру принести все путевки, которые есть в правлении. «Надо поразмыслить, куда поехать», — сказал он при этом.

Вскоре главный бухгалтер разложил перед председателем пачку бумажек. Путевки были серые, безликие, ничего не говорящие. В них указывались лишь названия санато-

рия и стояла цена. Председатель перекладывал путевки, тяжело вздыхал. Ему абсолютно ничего не нравилось. И вдруг на одной из них он увидел силуэт вашего козерога. Председатель Абдулла Абдуразаков впился в него глазами.

— Вот это козел! — воскликнул он. — Какие рога! Какие копыта! Непременно еду туда!

А надо сказать, среди путевок, которые отверг достопочтенный Абдулла Абдуразаков, были Сочи, Ялта, Геленджик, Цхалтубо, Подмосковье...

Все по-доброму засмеялись. Главный врач Ходжапулатов легонько крикнул. Дескать, смотрите, какая о нас идет слава!

— В общем, председатель из Бикмагана собрал свои чемоданы и примчался сюда. Прибыл, огляделся, место ему показалось унылым, скучным. Смутные предчувствия стали вползать в председателю душу.

Главный врач курорта заерзал на стуле. На его лице задвигались желваки.

Между тем Нияз Ахметович, как ни в чем не бывало, продолжал:

— Повели его в корпус, показали палату. Комната душная, на тринадцать человек, простыни черные, наверное, не менялись после прежних жильцов, уборная во дворе...

— Ваш бикмаганский знакомый, этот самый Абдулла Абдуразаков, либо сумасшедший, либо лжец,— оборвал рассказчика главный врач.— В нашей санатории изумительная чистота. Во всех помещениях—санузлы, душ. Кстати, самые большие у нас палаты трехместные...

Бурная реакция хозяина не произвела никакого впечатления на Нияза Ахметовича. Он оставался спокоен.

— Мой рассказ не столько о санатории, сколько о козероге,— заметил сатирик.— Итак, приходит бикмаганский председатель, уважаемый Абдулла Абдуразаков в столовую. На первое ему подают суп-рататуй, на второе—лапшу, слипшуюся в один ком, котлеты с мухами...

От такой бестактности рассказчика у гостей похолодели руки. Они подумали, что хозяин давно уже обрел право выбросить Нияза Ахметовича в окно вместе с сопровождающими его лицами.

— Вы что, специально хотите осрамить нас перед московскими товарищами? — спросил главный врач, сжимая кулаки.— Какие котлеты с мухами? Все, что здесь подано, взято из столовой санатория. Точно такую же пищу едят отдыхающие...

— Ладно, пусть уж рассказывает до конца,— сонно сказал руководитель сатирической бригады.— Слушаем вас, дорогой коллега.

— Ну так вот. Повели степенного бикмаганского председателя Абдуллу Абдуразакова на процедуры,— тем же бодрым тоном продолжал Нияз Ахметович.— Окунули с головой в эту неприятную воду, потом сняли трусы и впороли такой дикий укол, что несчастный пациент взвыл и убежал в горы. И вот, бродя здесь по тропинкам и потирая проколотое место, он вдруг нос к носу столкнулся с вашим каменным козерогом.

— Ах, это ты, бандит, изображен на путевке! — крикнул он, сатанея.

В бессильной злобе председатель схватил козерога за каменные рога и, нанося ему удары ногами по животу и груди, завопил на все ущелье:

— Это ты позвал меня сюда, в эту дыру! Негодяй, провокатор, хулиган! Вот ты где мне попался! Живым не уйдешь!

Он кричал так громко, что из санатория прибежали люди, едва оторвали его от скульптуры, притащили в палату, положили в кровать и накрыли теплым одеялом. Наутро досточтимый Абдулла Абдуразаков проснулся очень довольным.

— Ну, я сполна рассчитался с этим негодяем, с этим паршивым козлом,— удовлетворенно сказал он дежурной сестре.

Затем быстро собрал чемоданы, и, не дожив до срока пятнадцати дней, отправился восвояси...

— Это вся ваша история? — спросил главный врач Ходжапулатов.

— Да, вся,— ответил Нияз Ахметович.— Впрочем, я могу рассказать вам еще одну, более затейливую, но не связанную с вашим курортом.

— Нет уж, избавьте,— сказал Ходжапулатов.— Прошу вас пойти познакомиться с местом.

Заглянули в двухкоечную палату. Главный врач подошел к кровати, откинул одеяло. Простыни сверкали белизной.

— Ну где же здесь грязь? — сказал он, строго глядя на Нияза Ахметовича.

Пришли в столовую. Был ужин. Главный врач подсел к крайнему столику, спросил отдыхающих:

— Как сегодня кормят?

— Отлично, как всегда. Пальчики оближешь...

В лечебном корпусе Ходжапулатов обратился к процедурной сестре:

— Скажите, Гульнара-апа, не припомните ли вы случая, когда от наших уколов больные удирали в горы?

Сестра засмеялась:

— Шутите!

— Медицинский персонал у нас замечательный,— сказал главный врач. — Да и как может быть иначе? Больные приезжают на костылях, их приносят на носилках, а уезжают они отсюда здоровыми людьми. Посмотрите книгу отзывов, поговорите с отдыхающими, кстати, у нас лечится много иностранцев. А какие перспективы открываются перед нами! На развитие курорта государство отпускает несколько миллионов. Расширяем территорию, увеличиваем число мест, закупаем новейшее медицинское оборудование...

Когда гости прощались, главный врач Ходжапулатов подошел к Ниязу Ахметовичу и сказал:

— Так что передайте своему вздорному бикмаганскому председателю, пусть вернется к нам и покажет грязные простыни и мух в котлетах.

Нияз Ахметович засмеялся:

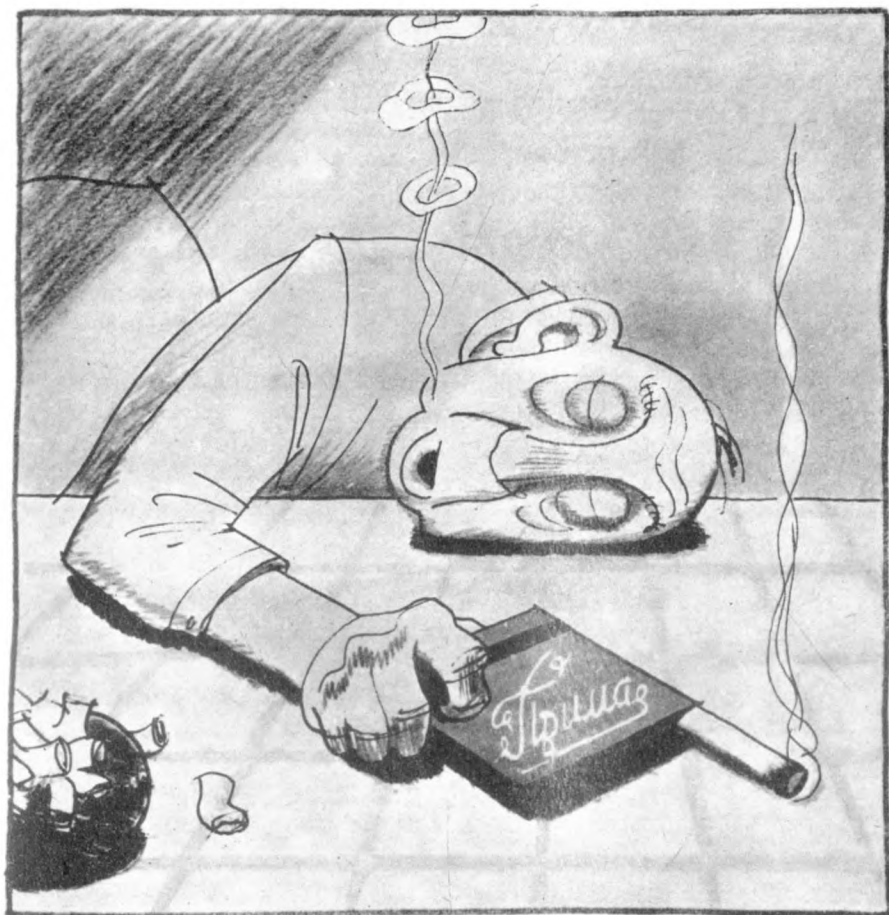
— Видите ли, никакого чудака из Бикмагана в природе не существует. Как я только увидел вашего каменного козерога, то у меня в голове сразу же сложился этот сюжет. И я рассказал вам про колхозного председателя, чтобы уязвить самолюбие нашего дорогого хозяина и побудить его показать курорт в самом лучшем виде. Что ж, я чувствую, гости в восторге, и я тоже. Теперь сомнений у меня нет.

Писатель полез в карман пиджака и извлек плотную бумажку, в верхнем углу которой был вытиснен силуэт козерога.

— Так что, товарищ Ходжапулатов, принимайте с завтрашнего утра нового отдыхающего,— сказал Нияз Ахметович с низким поклоном.

Воцарилось минутное молчание.

— Ох уж мне эти юмористы,— засмеялся главный врач. — Все у них получается не как у людей.

№ 29, 1974 г.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

Алексей ХОДАНОВ

СТАРЫЙ НОВЫЙ ДРУГ

Разбирая как-то ненужные бумаги, я наткнулся на старую записную книжку и с легкой грустью стал перелистывать забытые имена, канувшие в Лету номера телефонов... На одной из страниц внимание мое привлекла полустертая от времени запись, сделанная незнакомой рукой: «Федьке — звонить вечно!».

«М-да... Кто бы это мог быть? — подумал я и хотел уже было перевернуть страницу, как вдруг меня осенило: так это же Федька Сидоров, мой однокурсник, закадычный, можно сказать, друг юности, сосед по комнате в самом неустроенном и самом веселом доме на свете — в студенческом общежитии! Помнится, встретились на улице, потребовал он эту самую записную книжку и собственноручно нацарапал свои координаты. И при этом еще ворчал, что забывать старых друзей грешно.

Это надо же, смущенно рассуждал я, сколько общих волнений, конспектов, вечеров в читалках, шпаргалок, и вот хотел перевернуть страницу, чтоб никогда не вспомнить, не позвонить...

Проклиная себя за черствость, я набрал номер и услышал далекий, чуть погрубевший, но такой же знакомый голос:

— Сидоров у телефона!

— Федька! — закричал я радостно. — Это действительно ты, староста знаменитой двадцать четвертой группы?

— Кто это? — строго спросил голос.

— Это я, Лёдик! Помнишь, бродяга?

Трубка помолчала немного, потом укоризненно сказала:

— Я-то помню, а чего сам исчез?

— Да суета, старик, — жалко оправдывался я. — Дни бегут, звонки звенят, сводки шуршат, не успеваю за стол сесть, а уже домой пора, а там семья, сам понимаешь, обязанности...

— Понимаю, — согласился Федька. — У самого так, но я стараюсь не забывать старых друзей, вот только тебя из виду потерял. Где трубишь? Надеюсь, высоко забрался?

— Да нет, не получилось как-то... Экономистом вкалываю в одной маленькой конторе.

— Бывает, и мал золотник, да дорог. Контора-то что выдает?

— Так, ерундистику. Брючные ремешки делаем из кожзаменителя.

— Действительно ерундистика... — разочарованно, как мне показалось, вздохнул Федька. — Солидные люди подтяжки носят. Гм... ремешки. Надо же!

— А наших, наших-то встречаешь?

— В основном с ними и общаюсь. Валька Зайцева дочь замуж выдала. Димка Козлов кожаный пиджак купил, аргентинский, архимоднейший, щеголяет.

— Молодец! Годы его не берут!

— Ну, а тебя берут? — Федькин голос подобрел. — На мандолине пилишь?

— Да какое там! На счетной машине пилю. Голова не тем забита.

— А зря... — Федька помолчал немного, потом сказал: — Ну, а квартирные условия у тебя как, ничего? Надеюсь, не в коммуналке живешь?

— Да что ты! У меня трехкомнатная!

— Сколько людей проживает?

— Со мной — трое.

— Ну это еще годится. — Федька покашлял и деловито спросил: — Так слушаю тебя, Леонард Кузьмич. Давай.

— Что давай?

— Говори, что там у тебя да как.

— Да по-прежнему на Варьке женат, сын в институте...

— Поступать должен?

— Поступил. Арабский учит, ох, и трудно ему, одно слово «верблюд», говорит, четыре тысячи синонимов имеет!

— С учебниками, что ли, туго?

— Да нет, все есть.

— От картошки освободить?

— Уже вернулся.

— Может, сумку фирменную хочет, чтоб все упали? Есть у меня такая, японская — «Спортклуб, путешествия, приключения», в клеточку, а?

— Да нет, есть у него сумка!

— Тогда, может, сессию завалил? Может, похлопотать надо?

— Спасибо... Тройка, правда, есть, но мы исправим.

— Так... — Федька помолчал и, как мне показалось, удивленно спросил: — Ну так что ты?

— Как что? — не понял я.

— Не может быть, чтобы тебе ничего не было надо!

— Да нет, ничего не надо! — радостно сказал я. — Все у меня есть. Тыфу, тыфу, тыфу, конечно! Очень рад был тебя слышать. Никуда не уезжаешь?

— Да нет...

— Надо обязательно встретиться. На днях, лады?

— Лады... — неуверенно произнес Федька.

Я пожелал ему всего доброго и повесил трубку. На душе было легко, совесть понемногу успокоилась. Четкими квадратными буквами я вывел на перекидном календаре: «Федьке — звонить вечно!».

На следующий день жена неожиданно спросила меня:

— Ты чего это Федьке Сидорову звонил?

— Но откуда ты знаешь?

— Валька Зайцева меня разыскала. Федька ей на тебя пожаловался. Совсем, говорит, Лёдку не узнаю. Куда, говорит, подевалась его откровенность, решительность...

— Как... то есть? — обомлел я.

— Да, говорит, чувствую, ему что-то нужно, нашел ведь меня, а о деле говорить стесняется, все темнит, все вокруг да около. Федька-то, оказывается, директор нашего торгового центра! Ты не знал?

— Очень рад за него.

— А за меня? Немедленно позвони ему и попроси вот по этому списку.

С этими словами жена протянула мне длинный лист бумаги, исписанный мелким почерком...

— Да это же неудобно... — начал было я, но встретил такой решительный взгляд, что рука моя сама по себе потянулась к телефонной трубке.

— Федь... — слабым голосом сказал я. — Это я, Лёдик... Ты извини, что я...

— Лады, — сказал Федька, выслушав мой список. — Я все застенографировал. Все, конечно, дефицит, но не для друзей.

— Может, тебе это трудно? Может, я тебя обременил?

— Пустяки, Лёдик! Главное — дружба, которую ничто не вычеркнет из нашей жизни. Вот Валька Зайцева. Свадебное платье для дочери ее достал! Архимодное! Да и Димке Козлову — а он вообще со мной здороваться забывал — пиджак устроил, кожаный, аргентинский! Все хорошие ребята, все меня не забывают! И ты вот объявился... Жаль, конечно, что карьера у тебя не удалась, но хоть жилищные условия хорошие, и это хлеб. Спасибо, что позвонил! Звякну тебе через пару деньков.

Он действительно «звякнул» через пару деньков и, сообщив, что заказ по списку выполнен, сказал:

— Так он к тебе уже выехал. Будет через полчаса. Прими и обогрей!

— Кого... обогреть? — удивился я. — Кто выехал?

— Да один нужный человек из одного дефицитного управления. Инкогнито, с секретаршей. В творческой командировке. Поживут в твоей трехкомнатной месячишко.

Он повесил трубку, а я еще долго слушал короткие гудки, с трудом сознавая, что действительно вновь обрел старого друга.

№ 2, 1977 г.

ЕГО КОРМИЛО.

№ 12, 1976 г.

Рисунок Г. АНДРИАНОВА.

Дм. ИВАНОВ,
Вл. ТРИФОНОВ

ПО РАСЧЕТУ

С некоторых пор Ступишину просто невозможно стало спокойно покурить на работе. Едва он выходил на лестницу и притулялся возле большой пепельницы, обязательно приходил кто-нибудь из его отдела.

— Ой, Ступишин,— заводил этот кто-нибудь, одолжившись сигаретой,— ты посмотри на себя. Ну, честно говоря,

что в тебе хорошего? На вид ты плюгавый. Ума невыдающегося. На службе звезд с неба явно не хватаешь. Разве в таких влюбляются? Тебя же не любить, тебя жалеть только можно.

Ступишин отмалчивался и только яростнее затягивался. А тут, как назло, подходил еще кто-нибудь.

— Подумай, Ступишин,— говорил этот второй кто-нибудь, одолжившись спичками,— и так-то нельзя сказать, что у тебя жизнь в огнях и цветах, верно? А тебе еще брак по расчету угрожает. Двойная петля!

Ступишин торопливо задавливал сигарету, но кто-нибудь третий все же успевал ему сказать:

— Ой, остерегись, Ступишин! Она хочет выйти за тебя из-за денег!..

Сослуживцы, разумеется, шутили. Может быть, не очень остроумно. Но им как-то хотелось намекнуть Ступишину, что та бешеная сумма, которую он дуриком выиграл в «Спортлото», не принесет ему счастья. По простоте душевной, столь свойственной невыигравшим людям, сослуживцам Ступишина чудился какой-то вакхический пикник в зеленой роще по Рублевскому шоссе или, на худой конец, обед в ресторане.

Но Ступишин сразу положил все деньги на сберкнижку, не оставив свободной мелочи даже на кружку пива. Вот сослуживцы и попугивали его по-дружески.

Но Ступишин затосковал всерьез. Дело в том, что не так давно, преля над квартальным отчетом, он вдруг с ужасающей ясностью ощутил, что у него, в сущности, нет никаких надежд оставить потомство. И, подстегнутый этой мыслью, он обратил свой взор на счетовода Зою Павловну, еще сохранившую какую-то свежесть в кислой атмосфере их постылой конторы. Зоя Павловна поначалу несказанно удивилась, но после тоже стала бойко стричь из-за арифмометра глазами в сторону Ступишина.

Ступишин, сопоставив в уме сроки, вдруг пришел к выводу, что это пробуждение взаимности фатальным образом совпадает с его лотерейной удачей. Так что сослуживцы, кажется, были недалеки от истины, решил он. И с той поры редкие поцелуи, перепавшие ему от Зои Павловны, отдавали горьким полынным привкусом.

Сослуживцы продолжали попугивать Ступишина уже без интереса, а больше по инерции. И вот на очередном перекуре Ступишин дрогнул.

— Как же теперь? — угрюмо спросил он. — Теперь назад хода нет. Я ведь и с папашей ее познакомился, и с дядями.

— Тоже невидаль — дядя! — засмеялись ему в ответ. — Главное, расстаться красиво! Чтобы претензий не было. Чтобы в треугольник не жаловалась, если даже у вас зашло далеко. Лучше всего ей заткнуть рот каким-нибудь ценным подарком. Это вроде отступного будет. И после — ни слова, ни взгляда! Она сама поймет, что вы порвали.

И Ступишин, помаявшись, снял-таки с книжки приличную сумму. Целую неделю после работы он кружил по магазинам, пока наконец неожиданно для самого себя не купил какую-то дурацкую антикварную вазу с драконами. Такую большую, что в ней можно было принимать ванну.

— Зачем это? — растерянно спросила Зоя Павловна, когда Ступишин явился к ней на квартиру со своей фарфоровой бадьей.

— На добрую память!.. — пробормотал Ступишин и, побеговав, кинулся вниз по лестнице.

Утром он сказал сослуживцам:

— Все. Сделано.

— Вот это по-мужски! — ответили ему. — Узел рубить надо, а не тянуть резину!

Но Зоя Павловна, как видно, ничего не поняла. Она все истолковала превратно. Она застелила ступишинский стол свежей фиолетовой бумагой, а в стаканчик для карандашей поставила веточку багульника. И как Ступишин ни уклонялся от ее горячих ласковых взглядов, как ни делал вид, что все кончено, — разрыва явно не получалось.

— Поскупился, стало быть! — решили сослуживцы за растерянного Ступишина. — Стало быть, недооценил запросов. Тут, Ступишин, скаредничать нельзя. Не тот случай.

И Ступишин внял. Когда за тройную цену он раздобыл желтый кухонный столик, Зоя Павловна повисла у Ступишина на шее и радостно закричала:

— Не может быть!

— Может, может, — сказал Ступишин, даже не подозревая, каким он окажется провидцем. — Все может быть.

И, действительно, было все.

Был палантин из шкурок полевых мышей, купленный Ступишиным с рук в подворотне возле комиссионного магазина. Палантин уменьшил сумму вклада на ступишинской книжке ровно вдвое.

Были стиральная машина, транзисторный приемник, соковыжималка... После нее ступишинскую книжку в

сберкассе уничтожили, так как на ней не осталось ни копейки.

Были часы-браслет, показывающие не только время суток, но даже месяц, год и век. Их Ступишин приобрел уже с помощью кассы взаимопомощи.

Был ореховый шкаф, площадью с однокомнатную квартиру, купленный Ступишиным на подаяния добрых знакомых.

Были невероятные туфли из породы ортопедической обуви, но зато с этикеткой «Карьера девушки» на английском языке. На туфли Ступишин наскреб денег, продав кое-что из личных вещей на воскресной барахолке.

Все было. Не было только долгожданного разрыва.

И вот однажды утром, когда Ступишину пришла в голову новая идея — откупиться цветным телевизором, он вдруг окинул взглядом голые стены своего жилища и сказал сам себе: стоп!

А потом он принарядился в свой единственный костюм и, сорвав по дороге с клумбы георгин, отправился к Зое Павловне делать официальное предложение.

Он, конечно, понимал, что женится по расчету. Но другого выхода у него теперь не было.

№ 12, 1977 г.

Александр ЖАРОВ

ОТЧЕГО?

Мой сосед живет в достатке,
У меня же сплошь нехватки:
Обстановка старовата,
Книг на полке маловато,
Телевизора «нема»,
Беден скарб семьи весьма.
И одежда — просто смех,
Обувь тоже хуже всех...
Отчего ж другую долю
В этом мой обрел сосед?
Оттого, что к алкоголю
У него пристрастия нет!

№ 4, 1977 г.

ТО ЛИ ЕЩЕ БУДЕТ!

Нагружать все больше нас
Стали почему-то.
Нынче в школе первый класс —
Вроде института.
Нам учитель задает
С «иксами» задачи,
Кандидат наук — и тот
Над задачей плачет.

ПРИПЕВ:

То ли еще будет,
То ли еще будет,
То ли еще будет,
Ох, ох, ох!

А у нас стряслась беда:
Сочиненье снова.
Лев Толстой в мои года
Не писал такого.

Не бываю я нигде,
Не дышу озоном.
Занимаюсь на «труде»
Синхрофазотроном.

ПРИПЕВ.

Нагружать все больше нас
Стали почему-то.
Нынче в школе первый класс —
Вроде института.

Я ложусь в двенадцать спать,
Силы нет раздеться.
Вот бы сразу взрослым стать...
Отдохнуть от детства.

ПРИПЕВ.

СОБРАНИЕ

В большом городском зале состоялось собрание секции владельцев пуделей. В секции числился 51 человек. На собрание пришли все. Был избран президиум в составе 49 человек, ровно столько, сколько помещалось стульев на сцене.

После перерыва поступила записка от сидящего в партере Кошкина с просьбой избрать его в президиум, так как ему страшно одному сидеть в темном зале. Его сосед по креслу Бантиков с перерыва не вернулся, остался в буфете.

Председатель прервал оратора и поставил вопрос на обсуждение. Кто-то внес предложение включить свет в зале. Но тут другой кто-то разумно заметил, что это дорого обойдется.

После небольших дебатов единогласно решили доизбрать Кошкина в состав президиума, тем более что на сцене после перерыва много мест опустело.

Кошкин торжественно поднялся на сцену.

С тех пор не проводилось ни одного собрания, чтобы Кошкина не избирали в президиум.

№ 35, 1977 г.

С. КОМИССАРЕНКО

СИСТЕМА ФЕРАПОНТОВА

— Эй, товарищ, остановись на мгновение! Как жизнь?

— Хорошо.

— Очень хорошо! В общем, записываю тебя. Фамилия?

— Петушков из планового отдела.

— Будешь участником шахматного турнира, Петушков! Первая встреча с Лёвкиным. Играешь белыми. Как говорится, белые начинают и выигрывают!

— Но позвольте, я совсем не умею играть! Ни бельмеса в шахматах! Знаю только, что конь ходит какой-то буквой...

— Ничего страшного! Лёвкин тоже не умеет. Но что поделаешь, нужно провести турнир — минимум тридцать участников! Жертвуем качеством.

— Но как же мы будем играть, если не умеем?

— Ну, перво-наперво расставьте фигуры — это все уме-

ют! Может, даже придется сделать один ход, кстати, конь ходит буквой «Г», а дальше — присудим победу!

— По системе коэффициентов?

— По системе Ферапонтова — моего заместителя по мас-совости.

— Это как же?

— Берете монетку и подкидываете: дважды орел — победа, дважды решка — поражение, орел и решка — ничья. На все случаи жизни предусмотрено! Первым подкидывает играющий белыми.

— А почему нельзя сразу проставить результат? Без подкидываний.

— Наивный ты человек, Петушков! Ведь должен быть спортивный интерес в игре! То, что заставляет участников волноваться... Смотри не перегори до турнира!

— А это что за народ явился? Болельщики?

— Какие еще болельщики? В футбол будут играть!

— Тоже по системе Ферапонтова?

— Что ты! В самый современный футбол сыграют. По системе 1—4—2—4. Очень сложно победить! Четырежды, значит, должен выпасть орел, потом еще два дополнительных тайма по четыре раза... Между прочим, собираемся и в хоккей играть. Уже приготовлены монеты. Только вот думаем: по какой системе производить вбрасывание?

№ 29, 1977 г.

Им. ЛЕВИН

ПИСЬМО ИЗ РЕДАКЦИИ

Управляющему московской городской конторой Росмя-сорыбторга тов. Моруженко А. Я. от автора юмористического рассказа «Новый по-новому», опубликованного в журнале «Крокодил» (№ 36, 1976 г.).

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Уважаемый товарищ Моруженко А. Я!

Считаю своим долгом объяснить, почему до сего времени я не выполнил данное Вами указание.

Но вначале осмелюсь напомнить сюжет рассказа. Речь в нем идет о некоей Петрухиной, которая из тщеславия мечтает назвать к своему новогоднему столу гостей с именем. Но все ее хитроумные старания неизбежно закан-

чиваются крахом — приходят совсем не те, на кого она рассчитывала. Так, к примеру, «вместо прославленного полярника за праздничным столом появлялся директор холодильника № 8...»

Признаюсь откровенно, я не ожидал получить от Вас по поводу этой шутки такое официальное послание:

МИНИСТЕРСТВО ТОРГОВЛИ
«РОСМЯСОРЫБТОРГ»

Журнал «Крокодил»

т. Левину И. И.

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ
КОНТОРА

«4» января 1977 г.
№ К-02-02

В журнале «Крокодил» № 36, декабрь 1976 года опубликована статья «Новый по-новому», в которой упоминается директор (без фамилии) холодильника № 8.

Для принятия мер и ответа вам необходимо знать:

1. Холодильник или хладокомбинат № 8 и фамилию директора.

2. Если это хладокомбинат № 8, где директор т. Родионов Г. Ф., то это предприятие входит в систему Московской городской конторы Росмясорыбторга.

3. Если речь идет о директоре хладокомбината № 8 т. Родионове Г. Ф., то какие дополнительно имеются у вас компрометирующие материалы.

Прошу вас сообщить по указанным вопросам.

Управляющий

А. Я. Моруженко

Задание Ваше застало меня врасплох. Что предпринять: либо в срочном порядке собирать интересующие Вас компрометирующие (кстати, пишется, извините, без «н») материалы на т. Родионова Г. Ф., либо чистосердечно признаться, что никакими порочащими сведениями на директора хладокомбината № 8 в настоящее время не располагаю?

После мучительного раздумья я решил все-таки остановиться на втором варианте: публично признать свою некомпетентность в данном вопросе.

На основании вышеизложенного прошу Вас считать настоящую объяснительную записку ответом на Ваше письмо за № К-02-02 от 4.1.77 года, вырезать ее и подшить к делу.

Искренне
Им. Левин.

№ 13, 1977 г.

РУБРИКИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Пожалуй, самой значительной рубрикой года была рубрика

«САМОЕ, САМОЕ...»

Приближалось 60-летие Советской власти, время подведения исторических итогов и всенародных торжеств. Новая рубрика должна была помочь подготовке к юбилею. Вот что заявила редакция в обращении к читателю:

Жизнь, как зорко подметил поэт, не только прекрасна, а еще и удивительна. Сегодня, на пороге нашего общего шестидесятилетия, это осознается с особой ясностью. Самое, самое. Сколько его вокруг нас! Ежедневно и ежедневно мы узнаем об удивительных трудовых рекордах наших соотечественников, о поступках поразительной духовной красоты и силы. Даже корреспонденты Крокодила, выезжая на места, чтобы отхлестать бичом сатиры очередного негодника, отнюдь не обозревают окрестности сквозь сумеречные темные очки. Но такова уж профессиональная, цеховая обязанность Крокодила — утверждать хорошее, описывая плохое. И все же нет-нет, а иногда начинает грызть нутро добрая, как поется в песне, «белая зависть» к коллегам-журналистам, пишущим о том, что не требует принятия никаких мер, кроме рукопожатий и поздравлений. Вот почему Крокодил решил ликвидировать этот пробел, предлагая вниманию читателей материалы под рубрикой «Самое, самое...».

Первая публикация была посвящена БАМу — самой крупной стройке десятой пятилетки;
самой молодой по возрасту строителей;
самой сложной по геологическим условиям.

«ВСТРЕЧИ СО СТАРЫМИ ЗНАКОМЫМИ».

Так называлась эта публикация в первом номере журнала. Это была встреча с героями пяти крокодильских фельетонов, которые должны были исправить вскрытые фельетонистами недостатки и не потрудились это сделать.

Публикация заканчивалась таким сообщением редакции:

«На сегодня все. Крокодил не говорит: «До свидания!» Он не хочет больше свиданий на своих страницах с упомянутыми товарищами и фактами. Он надеется, что для свиданий не будет поводов.

Но обещает всем другим, прячущимся за отписки, что их вновь и вновь будут ждать

Встречи со старыми знакомыми».

Как и следовало ожидать, позднее эти свидания с фельетонными героями регулярно продолжались...

Продолжает выходить крокодильская международная газета:

«ВОКРУГ СВЕТА И ТЬМЫ».

Критическому освещению практики социалистического соревнования в городе и деревне служит рубрика:

«СОРЕВНОВАНИЕ.

КРОКОДИЛЬСКАЯ ПРОВЕРКА».

Корреспонденты и художники «Крокодила», работающие в области экономики, давно заметили, что когда в процессе выполнения народнохозяйственных планов успешно решаются одни экономические проблемы, то рядом с ними нередко возникают другие, новые. Для их освещения, конечно, с позиций экономиста-сатирика и была введена в журнале рубрика

«ПЯТИЛЕТКА СТАВИТ ВОПРОС».

ЯЗЫКОМ КАРИКАТУРЫ И ПЛАКАТА

В начале весны 1977 года в Москве открылась третья международная выставка «Сатира в борьбе за мир». «Крокодил», — один из главных организаторов и участников выставки. Она прошла с большим успехом.

Международную выставку 25 марта посетили и с большим вниманием ознакомились с представленными на ней

работами руководители партии и правительства во главе с Л. И. Брежневым.

Товарищ Л. И. Брежнев, другие советские руководители дали высокую оценку экспозиции и пожелали художникам, посвятившим свой благородный труд делу защиты мира, новых творческих успехов в широкой пропаганде темы международной разрядки и сотрудничества. (ТАСС).

1978 — 1982

Однажды в «Крокодиле» (№ 13, 1978 г.) появился на развороте рисунок, изображающий большую детскую коляску, в которой сидели не дети, а хотя и молодые, но вполне взрослые дяди и тети. Кто они, зачем забрались в коляску и почему коляску катил сам «Крокодил» в образе няни? Надпись по борту коляски все разъясняла:

«ВСЕСОЮЗНЫЙ СЕМИНАР МОЛОДЫХ ФЕЛЬЕТОНИСТОВ»

Крокодилы старшего поколения усердно занимались с семинаристами, а потом подготовили и выпустили в «Библиотеке Крокодила» сборник их произведений
«НАДЕЙСЯ И ЖДИ».

Надежды сбываются: впоследствии многие из участников семинара стали авторами журнала.

Непогожим осенним утром 1978 года на Домодедовском аэродроме появились три крокодилы — фельетонисты Дм. Иванов, Вл. Трифонов и художник Евг. Шабельник. У регистрационной стойки они предъявили билеты до далекого сибирского города Тобольска. Дежурная на посадке узнала частых клиентов Аэрофлота. «Ага, — подумала она, — сатирики опять отправляются в служебную командировку». Однако дежурная не знала, что она провожает крокодильскую бригаду не просто в командировку и не опять, а впервые в
«СИБИРСКУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ КРОКОДИЛА».

С тех пор крокодильские экспедиции на восток отправлялись регулярно, и их участники докладывали читателям о богатейших ресурсах Сибири и о том, что еще мешает их использованию. Не случайно отчеты эти публиковались под одним многозначительным заголовком
«ИСКАТЕЛИ СОКРОВИЩ».

МАТЕРИНСКИЙ НАКАЗ

Немало, сын мой, будет в жизни сложной
Нападок разных, сплетен и интриг.
Не обращай внимания на них.
Владей собой. Укус клопа не страшен.
Неси во всем достоинство свое.
Горох на сковородке вон как пляшет,
А все ж не сможет расколоть ее.

Еще запомни, сын, такой наказ:
Берись за дело с разумом и толком.
Услышав песню, не спеши с восторгом
Тотчас пускаться в пляс и перепляс.
Остановись и вслушайся сперва,
Не торопись и разберись вначале,—
В чем песни суть, о чем ее слова.
От радости она иль от печали.

Запомни, сын мой, жизнь — она сложна.
Окажешься случайно в чем-то грязном,—
Знай, очень много способов есть разных
Очиститься от грязного пятна.
Любой из этих способов возьми.
Но никогда и ни за что, запомни,
Не очищайся о своих знакомых
И непричастных к грязи не грязи.

*Перевел с аварского
Владимир ТУРКИН.*

№ 18, 1978 г.

КРОКОДИЛ

№ 36 • декабрь • 1981

ISSN 0130-2671

Рисунок Л. САМОЙЛОВА.

ПРИСОЕДИНЯЮСЬ!

№ 36, 1981 г.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА.

НАТОВСКОЕ СИТО.

№ 3, 1979 г.

Рисунок М. АБРАМОВА.

ПИМЕН, СЕРГЕЙ, АРИСТАРХ

Да, отборовшись в течение дня, сидя в лоджии, глядя на высотный город вокруг, с большим человеческим теплом любил он помыслить. И, смежив веки, вызывал он мысленно образ крестьянина Пимена и думал о нем.

Баба Секлетинья сидела в избе и что-то сучила. В подпечье чесались куры. Прел на загнетке кот. Пахло керосином из лампы. Хозяин, скотник Пимен, сидел на лавке. За распояской был у него оселок, на столе же перед хозяином стояла в плошке тертая редька. Жуя редьку, оселком Пимен мыслил точить косу. Имелось у Пимена горе. Отбивать он любил косу перед заточкой на рельсе, в который бьют набат при пожаре. Вот тринадцать уж лет он косу отбивал и тринадцать раз получал от сельчан березовой каши за зряшный сигнал пожара.

Еще у Пимена было бельмо, в волосах полова, лучкова пила была, навойник, колун, самовар, омшаник, нетель и свинья супоросная. Кочет был и семь кур русско-пестрых.

В бога Пимен редко ругался: хромала на селе атеистическая пропаганда.

Не курил Пимен.

Боялся грозы.

Также имел: застреху, подпол; непрерывку-кино не любил, а любил он показ частевками, чтобы, покуда механик заправляет новую часть, можно было обмозговать, про что была часть до этого.

Перед городскими был Пимен маленько ущербен. Из городских слов знал: трынвай, комбикорм, изолятор, спецовка, атмосферный осадок.

Полюбить мог только раз навсегда. Полюбил телятницу Секлетинью. Дети были лицом без подмесу в Пимена. Потом перешли с пустышек на тюрю.

Пимен верил в нечистую силу и огни на болотах.

Дома все ладил сам.

Пимен банился по субботам. Банился истово. Приоткрывши дверь курной бани, кричал жене Секлетинье:

— Секлетинья! А ить ишо Суворов учил: солдат, ежели у каптера для тебя после бани не нашлося вина,—продай белье, а выпей! Неси или што?

И когда приносила Секлетины — выпивал, крякал и говорил:

— Пьешь — вода, зажжешь — горит!

И гарным маслом фабрил волосы, расчесав на пробор прямой.

Приятно было после крестьянина подумать о городском труженике заводов и фабрик. Труженика звали Сергей, а жену его — Алла.

Работал Сергей на большом заводе. Трудился по четырнадцатому классу точности. Слов знал много: припуск, посадка, обтюратор, люнет, гипоидная шестерня, трансмиссия, быстрорез ЭИ-262, обтекатель, консистентная смазка.

Знал игру на баяне.

От коллектива не отрывался. Стригся коротко. Ходил в дружину. Ездил на массовки. Трусы носил длинные из сатина, плавал по-собачьи. А Алла была сверловщица. В самодеятельности пела Иоланту из «Иоланты». Сергей был однолюб, но все не решался.

Алла была десятка не робкого. В аванс спела при всех:

— Мы с тобою не дружили
Ни зимою, ни весной.
Но поскольку ты в дружине,
Ты постольку только мой!

Поженились в получку. Сергей бриться стал каждый день. Порезы заклеивал папиросной бумагой или зашпунивал.

Чуждых веяний, что пошли с фильма «Чайки умирают в гавани» и выставки картин художника Пикассо, не любил. Не любил галстук. Любил блузу. Косоворотку.

Дома все ладил сам.

Курил, но готов был бросить курить. Курил «Памир». Окурки заплевывал. Состоял членом общества озеленителей, другом птиц, осведомцем, донором, нормы ГТО сданы.

Связь с деревней — боялся грозы. Деревенские слова знал: суперфосфат, пуд, береза, стадо.

Детей растил династически: как и он — токари.

На досуге выжигал по дереву профили жены и детей.

В доме отдыха тосковал: спешил вернуться в родной коллектив.

И как приятно было, подумав о крестьянине и рабочем, подумать об интеллигенте. Звали его Аристарх. Был он художником-вывесочником.

Издавека Аристарха всегда принимали за стул с висящим на спинке его пиджаком. Аристарх мог мыслить абстрактно и отвлеченно.

Грозы Аристарх не боялся и учил с разговорником итальянский язык:

— Ходите вы на лыжах?

— Нет, я хожу на бровях.

Имел подписку на журнал «Новый мир», плавал кролем в югославских плавках. Курил запоем «Вечерние». Окурки гасил сухим способом в пепельнице.

Дома ладить ничего не умел, приглашал леваков за бутылку.

Жаловался:

— Старею, старею! У пожилых художников еще только когда пропадает восприятие на фиолетовый цвет, а у меня уже пропадает!

Из сельских слов знал: боронование, день год кормит. Из городских производственных слов был знаком со словами: ИТР, пересменка.

Имел раньше жену. Платил алименты. Имел дочь от первого брака. Но уже встречался с Ларисой, студенткой юрфака. Студентка юрфака приходила на свидание со свистком под пуловером — вдруг случится насилие, и тогда она засвистит.

Взяв ее за руку, говорил художник-вывесочник Аристарх:

— Знаете, Лариса, новорожденному китайцу возраст числится — год. Приплюсовывается внутриутробный период.

— Ах, что вы такое говорите, — говорила Лариса.

Так приятно было думать о них — крестьянине, рабочем и интеллигенте — с большим человеческим теплом и знанием, чего они чают. И он, писатель Ёсипов, думал о них, своих подписчиках, и думал, как еще строже велит он завтра корреспондентам не перегружать зауемью читателя — рабочего, крестьянина, интеллигента. Писать надо на простого человека и просто. Мы должны быть понятны широким массам!

Последний раз он был в массах двадцать семь лет назад.

Вопрос насильственно «увязан»,
Расчищен путь к военным базам...
Так пентагоновский мундир
Вновь под угрозу ставит мир.

Дм. ДЕМИН.

КУКРЫНИКСЫ-В

Рисунок КУКРЫНИКСЫ

Вопрос насильственно «увязан»,
Расчищен путь к военным базам...
Так пентагоновский мундир
Вновь под угрозу ставит мир.

Дм. ДЕМИН

№ 16, 1981 г.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ

Директор ПРОСТИ (проектного института светильников и торшеров) привел меня в отдел плафонов и люстр и, по-отчески держа за плечо, объявил:

— Знакомьтесь, наш новый сотрудник Жолобков Борис Ильич.

Я занял отведенное мне рабочее место и уткнулся в проект пятирожковой люстры, томясь от жарких взглядов сослуживцев.

Минут через пятнадцать молодая чертежница взяла пачку «Явы» и вышла из комнаты.

— Что-то наша Тонечка стала много дымить,— вздохнула копировщица в парике стиля Людовика XVI.

— На то есть особые причины,— молвила сидящая напротив меня миловидная дама.— Ведь Тонечке Беловой перестал звонить приятный баритон.

— А может быть, они поженились? — предположил румяный здоровяк в нарукавниках.

Но тут вошла Белова, и все углубились в свою работу.

Потом поднялась девушка в пышном парике и, источая аромат французских духов, величественно удалилась.

— А вы заметили, что наш Людовик совсем не звонит по телефону? — оживилась Тоня Белова.

— Наверное, опять поссорилась со своим Генрихом,— махнула рукой миловидная дама.

— Вот вы ничегошеньки и не знаете, Любовь Степановна,— рассмеялась Белова.— Она теперь звонит ему из соседнего отдела.

— Так вот почему Роза поминутно отлучается! — оторвавшись от чертежей, проворчал руководитель группы.

— А в этом, Петр Фомич, наблюдается положительный момент,— успокоил руководителя здоровяк в нарукавниках.— Звоня из другого отдела, Людовик меньше отвлекает нас от работы.

Но тут вошла Роза-Людовик, и все снова углубились в свои бумаги.

Вдруг распахнулась дверь, и в отдел влетела ярко оформленная девица.

— Петр Фомич! Срочно к шефу! — начальственным тоном секретарши приказала она.

— А вы заметили, как побледнел наш Петруша? — поправляя парик, изрекла Роза-Людовик.

— Может быть, у него поднялось давление? — беспокоилась Любовь Степановна.

— Давление, конечно, наблюдается, — хихикнул здоровяк в нарукавниках. — На нашего Петрушу со стороны шефа.

— И точно, директор перестал здороваться с Петром Фомичом, — участливо отозвалась чертежница Белова. — Наверняка его скоро того...

Но тут вошел раскрасневшийся Петр Фомич, и все тотчас погрузились в работу.

Затем, взяв сумочку, вышла в коридор Любовь Степановна, а следом за ней засеменял здоровяк в нарукавниках.

— Вот он, служебный роман! — прошуршала Тоня Белова. — Натуральное кино...

Тут я поднялся со стула, и все, оглянувшись в мою сторону и словно застигнутые внезапным появлением постороннего, замолкли. Я достал пачку «Дымка» и вышел покурить. За дверью раздался голос Розы-Людовика:

— А новенький оказался курящим. Долго же он, однако, бедняга, маялся.

— Надо засечь время, сколько он будет курить, — пробурчал руководитель группы.

И тогда я поспешно бросил сигарету в урну, вошел в комнату и, оглядевшись, выразительно посмотрел на два пустующих рабочих места.

— А наши герои служебного романа что-то долго выясняют отношения, — как бы между делом заметил я. — Может быть, у них размолвка?..

Сотрудники подарили мне взгляды, полные какой-то необычайной теплоты и нежности. И я почувствовал, что они приняли меня в свою дружную семью.

№ 15, 1978 г.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

«Сестрица моя в женском вытрезвителе, —
Обидели...»

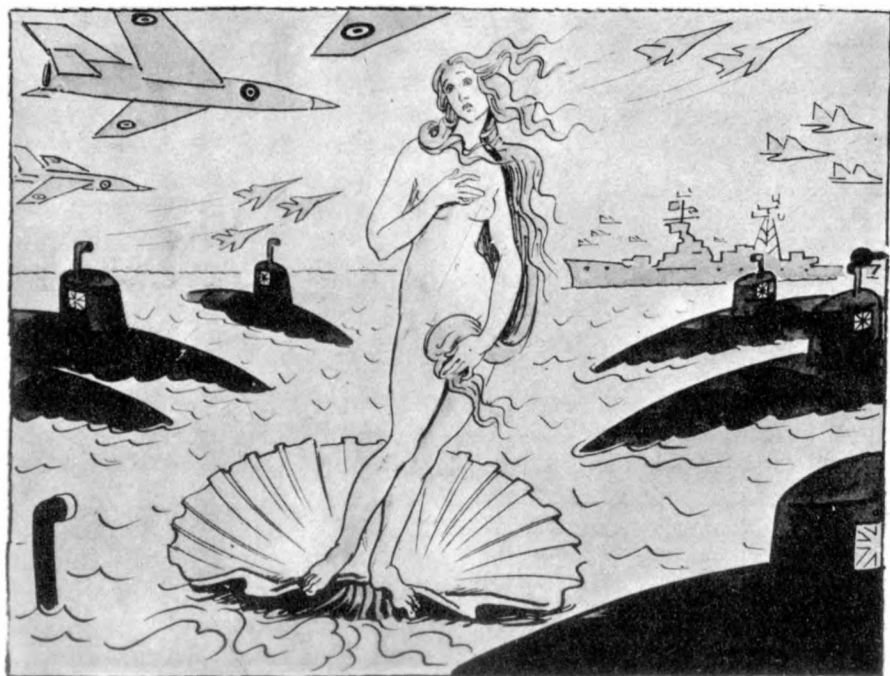
Как при водолюбце Владимире Крестителе,
бабьи слезы льются в вытрезвителе.

Что там пририсовано на стене «Трем вителям»?

«Я тебя, сестричка, полюбила в хмеле,
мы с тобой прозрели в ледяной купели.
Давай жить нарядно, словно две наяды.
Купим нам фиалки, поступим в институт.
Сплетницы, фискалки от зависти умрут!»
«Бабоньки, завязываю. Слушайте таксистку.
Этак жить — тощица! На смех гаражу.
Чтобы в рот взяла я эту дрянь?

Даже если будет что не так.

416

Если бы Афродита родилась на Кипре теперь.

№ 25, 1979 г.

Рисунок А. КРЫЛОВА.

— А где тут ваш предводитель окопался? Покажь, где его логово!

Подводит меня Правая рука к обитой кожей двери с табличкой «Директор». Я дверь настежь и с порога:

— Вот ты где пригрелся! — говорю. — Корчишь из себя синьора-помидора — предводитель продуктов общественного питания!

А он нахально:

— Позвольте, — говорит, — узнать, чем, собственно, обязан и кто вы такой будете?

— Я-то, — говорю, — буду, а вот ты, — говорю, — будешь ли на этом месте в обозримом будущем — не знаю!

Ну, он видит — дело серьезное.

— Может, — говорит, — вас кто из продавцов обидел? Так мы сейчас все уладим, виновного накажем, а если хотите, так и в жалобную книгу напишите, мы не против...

Это они-то не против! Да у них эту амбарную книгу хоть зубами рви — зубы себе вырвешь, книгу — нет! А тут, нате, сам предлагает, вот до чего сдрейфил. И начал я его дожимать.

— Промашка, — говорю, — у вас вышла, не за того меня приняли. Свой фолиант предлагайте этим лопухам-простофилям, что в торговом зале толкутся. Со мной этот номер не пройдет, я вас насквозь без рентгена вижу. И по мордасам вашим вижу, чем вы здесь живете!

Тут он смекнул, что я в курсе дела, и залепетал:

— У нас накладные в порядке, вот они, пожалуйста, проверьте...

Я, конечно, этот дешевый маневр пресекаю на корню.

— Ты, — говорю, — мне свои накладные-перекладные не суй. Знаем мы ваши дебет-кредиты, брутто-нетто — не первый год с вашим братом знакомы.

Он сразу обмяк, на стульчик уселся, накладные в сторонку сдвинул, пригорюнился. И вдруг как встрепенется.

— Слушайте, — говорит, — а может, вам чего нужно?!

«Слава тебе, господи, — думаю, — наконец-то дошло!» А вслух равнодушно так:

— А что... завезли... что-нибудь?

Он даже из-за стола выскочил.

— Помилуйте, — говорит, — каждый день завозят, как же иначе!

Тогда уже спрашиваю с нажимом:

— А то... есть?

— Вообще-то, — говорит, — нету, но для вас найдем.

— А сё... есть?

Замаялся.

— Вообще-то тоже нету, но для вас... постараемся.

— А то-сё?

— Вообще-то... но ради вас... конечно...

— А того не найдется?

— Верьте слову — не та категория снабжения... впрочем, если вы очень настаиваете...

— А сего не сыщете?

— Да ведь это ж... Зачем же грабить средь бела дня?! Ну, хорошо-хорошо...

— А как насчет того-сего? — Чувствую, что перехожу грань, но остановиться уже не могу.

— Побойтесь бога!..

— Так есть или нет? — спрашиваю сурово.

— Есть, — обреченно выдыхает он.

— Одевайся, идем!
— Куда?! — ужасается он. — У меня семья, дети...
— В складские помещения, — говорю непреклонно.
Он облегченно вздыхает.

Через час, выходя из «Гастронома», еле протискиваюсь в двери: взятые напрокат баулы сделали меня втрое шире. Сзади с такими же баулами кряхтят Руки — Левая и Правая...

«Вот ведь прохвост!» — подумали вы про меня. И я не в обиде: можно так подумать. Но я не прохвост. Просто у двух чудаков предстояла свадьба. И мне поручили добыть, достать, извлечь из-под земли то-се, а также того-сего... А я от природы не умею ничего ни добывать, ни доставать, ни извлекать. И работников прилавка боюсь прямо-таки до смерти. Спросите, как же я отважился на всю эту жуткую комедию? А что прикажете делать, если один их тех чудаков — я сам?

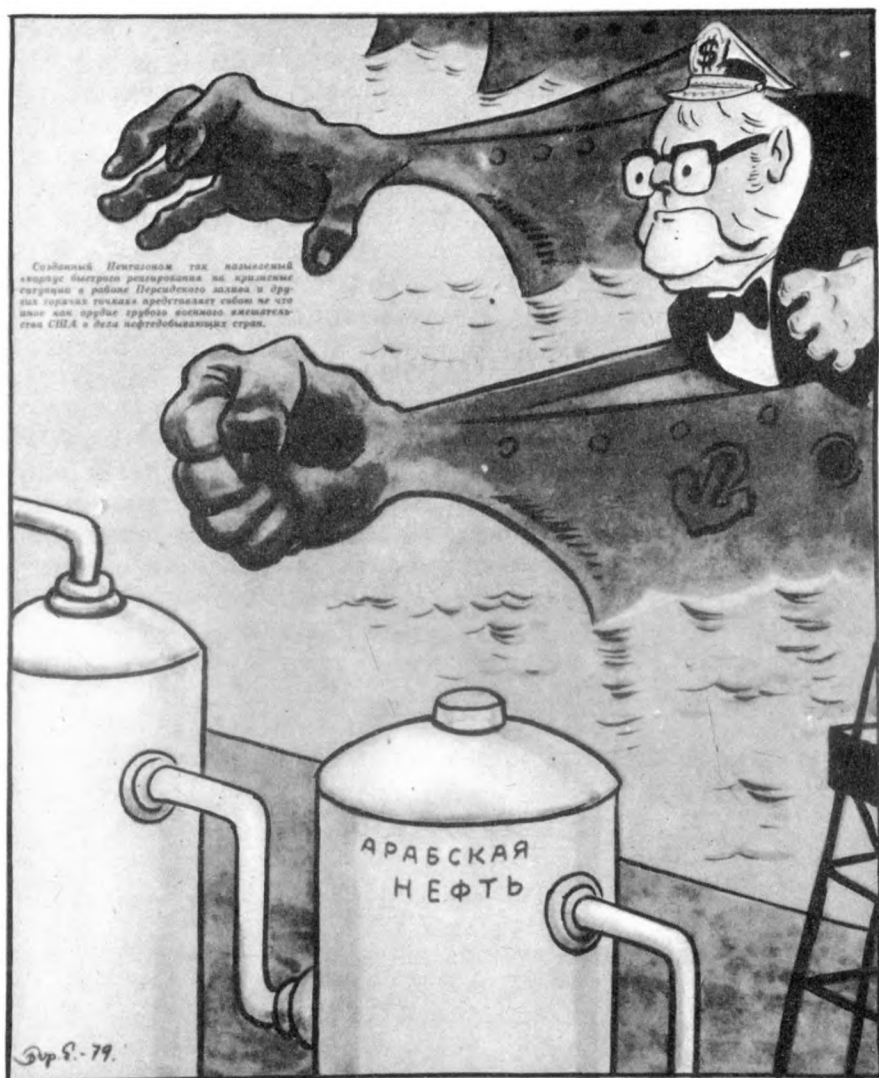
№ 10. 1978 г.

Сергей РЕВЗИН

НЕПОДСУДЕН

В Дворце культуры некий
вор
Две части кинофильма
спер.
Директор был буквально
в трансе,
Скандала ждал он
на сеансе.
Но самый строгий
зритель даже
Не смог заметить той
пропажи.
Мораль: напрасно
режиссер
Не сделал то,
что сделал вор!

№ 16, 1980 г.

КОРПУС БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ.

№ 25, 1979 г.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Осенняя мелодия.

№ 25, 1975 г.

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА.

Мих. КАЗОВСКИЙ

ВСЕ ПО-НОВОМУ

Я проснулся и вспомнил, что меня назначили начальником. Парамонов ушел на пенсию, а меня назначили. Я ждал этого утра целых двенадцать лет. Даже больше. Целую жизнь! Я ждал и наконец дождался. Какое счастье! Какое удивительное настроение! Я красив, умен и молод. Я жажду

деятельности. Я чувствую себя Ломоносовым накануне закладки университета!..

Парамонова давно нужно было уволить. Это старое трухлявое бревно с ушами. Он не понимал веяний времени. Он жил позавчерашним днем. Парамонов работал только для себя. Он видел не дальше ветрового стекла своего служебного автомобиля.

Нет-нет, теперь я все поломаю. Все. Решительно все! Служебный автомобиль отныне будет использоваться только в служебных целях. А то: «Где машина? Где водитель? Надо в министерство срочно везти пакет!» А шофер повез Парамонова на дачу. Безобразие!.. Часы приема отменяю вовсе. Никаких часов приема. Каждый пусть входит, когда ему нужно. Я встану из-за стола, пожму руку, предложу есть... Вот так, в непринужденной обстановке станем решать все вопросы. Легко, весело, быстро!.. Секретарша заварит кофе... Кстати, секретаршу надо сменить. Сразу же. Обязательно! Леокадию Самсоновну отправлю в производственный отдел. Там и зарплата выше — ей перед пенсией хорошо. А на ее место возьму Женечку из отдела кадров. Не девушка — прелесть. Глаза, губы, коленки — все на месте. Я где-то читал, что секретарша — лицо начальника. Пусть моим лицом будет Женечка!

Что еще? Лапсердучева уволю. Бездарь. Лентяй. Стопроцентная профнепригодность. А Викентию Викентьевичу Бэзэ надо немедленно дать квартиру. Дельный работник, умница, а живет в коммуналке. Талантливых людей надо ценить! И вообще все теперь у нас пойдет по-новому. Потому что я не Парамонов. И точка!

В это время зазвонил телефон.

— Товарищ Кукушкин? — сказал шофер. — Доброе утро. Автомобиль у подъезда.

— У какого подъезда? — спросил я.

— У вашего. На работу пора ехать.

— Глупости. Я и на троллейбусе доберусь.

— В троллейбусе давка, — напомнил шофер. — Смертоубийство. Да и времени в обрез. Не успеете общественным транспортом.

Я посмотрел на часы. Шофер говорил правду.

— Ну хорошо, — с досадой ответил я. — В первый и последний раз. Слышите?

На сердце стало противно. Плохо начинается. По-парамоновски.

На работе, пока шел к своему кабинету, все сотрудники улыбались и здоровались подчеркнуто вежливо. Никогда

не думал, что у нас такое количество подхалимов. Ну, от Лапсердуева я иного не ожидал, а зачем остальные? Неужели они решили, что я начну клеветать на эту древнюю удочку, как старик Парамонов?

Сел за стол, вызвал звонком секретаршу.

— Леокадия Самсоновна,—сказал я.—Как вы посмотрите на то, что я намерен перевести вас в производственный отдел?

Заплакала. На нее было грустно смотреть. Пожилая, некрасивая женщина с трудной судьбой...

— Но ведь там и зарплата выше,—заметил я.

— Это неважно,—плакала секретарша.—Я уже здесь привыкла. Мне трудно будет переключиться... У меня сердце...

Черт возьми, а ведь действительно станет ей дурно, а я виноват. В конце концов через год она должна выйти на пенсию, потерплю как-нибудь.

— Ну хорошо,—вздыхнул я.—Не волнуйтесь. Работайте, как работали...

Леокадия Самсоновна залепетала слова благодарности.

— И, пожалуйста, вызовите ко мне Бэзз. Пора помочь человеку и предоставить ему отдельную квартиру,—добавил я.

Секретарша вытерла слезы.

— К вам Лапсердуев просится,—сообщила она.—Сказать, что вы заняты?

— Нет, пусть войдет. Он мне как раз нужен.

Какой все-таки противный этот Лапсердуев! Волосы жидкие, глаза бегают, рубашка несвежая... Что это он мне протягивает?... Господи, Византия, десятый век! Разнюхал, подлец, что нумизматика — моя слабость...

— Вы знаете,—заизвинялся Лапсердуев,—совершенно случайно обнаружил в шкатулке моей бабушки... Хотел выбросить, но потом вспомнил, что вы коллекционируете... Может быть, пригодится?

— Л-любопытно...—плохо скрывая волнение, ответил я.—Удивительно ценные монеты... Сколько вы хотите за них?

— Ну что вы! Какие пустяки! Берите даром.

— Нет-нет, я не вправе!.. Это будет похоже на взятку.

Лапсердуев вытаращил глаза:

— Помилуй бог! Я же от чистого сердца. Клянусь вам!

Нет, что-то в нем все-таки есть, в этом Лапсердуеве. Какой-то скрытый шарм... Лентяй, конечно, порядочный, но, в сущности, все мы не без недостатков...

— Ну хорошо,— сказал я.— Сделаем так: вы пока монеты оставьте, я приценюсь у специалистов и возьмущу деньги...

Лапсердуев закланялся.

— У вас ко мне все?

— Да, собственно, все...— кивнул он.— Побегу на рабочее место.

— Как работается?

— Вы знаете, замечательно! Такой, я бы сказал, энтузиазм, что ли... Под вашим чутким руководством... Все мы устали от этого бюрократа Парамонова. А теперь — прилив сил!.. Одно смущает — Бэзэ...

— А что такое? — напрягся я.

— Да нет, точно мне неизвестно, фактами не располагаю... Однако поговаривают, что у него с этой Женечкой из отдела кадров... как бы вам сказать?... Служебный роман...

Вот так новость! Кто бы мог подумать!

— Да ведь у Викентия Викентьевича — семья!

— В том-то и дело!..

— Скверно, скверно... А я ему хотел помочь, отдельную квартиру предоставить...

— Да, нехорошо,— согласился Лапсердуев.— Это могло бы быть неправильно понято в коллективе... Тем более что у нас имеются и более достойные кандидатуры...— Он выразительно посмотрел на меня.

— Ладно, я подумаю. Можете идти...

А Женечка, Женечка какова! И что она нашла в этом заморыше?

— Леокадия Самсоновна,— сказал я по селектору.— Бэзэ прошу ко мне не вызывать.

— А товарищ Бэзэ уже ждет в приемной,— ответила секретарша.

— Мне сейчас некогда. Скажите, пусть приходит в часы приема. И распорядитесь, пожалуйста, чтобы шофер к часу ждал меня у парадного. Я поеду домой обедать...

Ну и работка! Сплошные нервы! И как это Парамонов справлялся? Надо будет съездить к нему, попросить поделиться опытом...

— Не из моих ли лат, нечестивец, ты выкроил себе машину?

№ 33, 1979 г.

Рисунок А. КРЫЛОВА.

Леонид ЛЕНЧ

ЛЮБИТЕЛЬ

Троекозову Петру Степановичу, члену бюро одной творческой организации (какой именно, я уточнять не буду), позвонила по телефону домой технический секретарь,

очаровательная Любаша, и сказала, что на понедельник назначено внеочередное бюро.

— По какому вопросу? — поинтересовался Троекозов.

— Первый — план работы на квартал, — сказала Любаша, — в общем, деловые будни, как говорит шеф, но зато второй... (Тут Любаша сделала многообещающую паузу.) Персональное дело! Поступило заявление на Купицына!

— На Купицына? На Юрия Семеновича?!

— На него! Написала его бывшая жена.

— И в чем же она его обвиняет?

— Жуткая аморалка! — сказала очаровательная, но вполне добродетельная Любаша. — Один лишь его донжуанский послужной список занимает полторы страницы на машинке через один интервал. Представляете? И потом... такие пикантные подробности. Сплошной кошмар! Придете, Петр Степанович?

— Обязательно! — сказал Троекозов.

Купицына он знал мало, но однажды тот, выступая на общем собрании, обронил нелестное замечание в адрес Троекозова в связи с его неблистательным творчеством, и теперь Троекозов получил возможность, вникая и докапываясь, отплатить аморальному Купицыну за этот его выпад.

...Приступили ко второму, главному вопросу — к разбору персонального дела Купицына. Троекозов приосанился, поспешно приготовил шариковую ручку и блокнотик — записывать пикантные подробности нравственного одичания своего коллеги, как вдруг председатель бюро спокойно объявил, что персональное дело Купицын Ю. С. разбираться не будет.

— Позвольте, почему? — не скрывая своего разочарования, спросил Троекозов.

Председатель бюро так же спокойно сказал:

— Заявление на Купицына написала его бывшая жена, а когда узнала, что назначен разбор дела на бюро, пришла ко мне сегодня утром и взяла заявление обратно.

— Позвольте... а зачем же вы его отдали? — возмутился еще больше Троекозов.

— Она тут долго рыдала, призналась, что написала заявление под горячую руку, что все в нем не так и не то... короче говоря, довольно банальная история!

— Ну, знаете ли, — сказал Троекозов с тем же глубоким чувством возмущения, — так у нас дело не пойдет! Раз заявление было подано — давайте его обсудим! Доложите нам суть. Но, пожалуйста, с подробностями. В таких делах подробность — все!

— Кто же это появляется в Нью-Йорке в полночь?!

№ 1, 1982 г.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Один из тех членов бюро, кому Троекозов звонил по телефону накануне заседания, сказал с места:

— Петр Степанович, а чего ты так распетушился? Радоваться надо, что член нашего коллектива оказался порядочным человеком, а не подонком, а ты скорбишь и возмущаешься?!

Троекозов одним рывком поднялся с кресла и пошел к выходу. В дверях он обернулся и сказал с горечью:

— Я вижу, что вместо того чтобы разобрать персональное дело Юрия Семеновича Купицына, тут хотят разбирать персональное дело П. С. Троекозова. Не выйдет!..

Он вышел, сильно хлопнув дверью.'

№ 20, 1982 г.

ЭСТЕТЫ ИЗ КУКАНОВКИ

Рассказ

— Все бы хорошо,— сказала Алина, услышав наконец от Антона: «А давай-ка поженимся»,—но вот фамилия твоя...

— Дело не в фамилии, а в человеке,— философски заметил Антон.— Бывают фамилии и хуже. Я вот знаю одного крупного руководящего работника, так его фами...

— Я не за руководящего работника выхожу! Но не желаю, чтобы меня называли «Алина Свинина». На всю Кукановку срам!

— А мы ударение поставим на последнем слогe,— безмятежно заявил Антон.— Будешь зваться не Свинина, а Свинина́.

Алине ужасно захотелось немедленно «поставить ударение» на шее жениха. Но... то, что дозволено жене, не дозволяется невесте. Пришлось искать другие аргументы.

— Если до меня тебе нет дела,—с надрывом сказала она,—то подумай, жестокий человек, о детях!

— О каких детях? — изумился Антон.

— Как это каких? Наших с тобой, конечно. Как их будут называть в садике? А в школе?!

Антон широко улыбнулся:

— Ну... Мальчишку определенно будут дразнить поросенком или окороком. А девочку — сарделькой. Ха-ха!

— Ты садист! — взвизгнула Алина.— Если так — ищи себе другую Свинину.

— Аленька, я же пошутил,— оробев, сказал Антон.— Ну, скажи, что ты предлагаешь?

— Примешь мою фамилию. Антон Сангурский! Чем плохо? Звучит?

Антон согласился, что звучит. И в поселке городского типа Кукановка появилась молодая семья Сангурских.

Но вскоре она почему-то распалась. Причины я не знаю. Если вам так уж необходимо это знать — пойдите в загс и, покопавшись в бракоразводных делах, подберите причину сами.

Интересно то, что Антон не пожелал вернуть себе

«девичью» фамилию и остался Сангурским. «Что мне, сто раз документы переделывать?» — резонно заявил он при расторжении брака. Алина же равнодушно сказала: «Фиг с ним. Меня не убудет».

Дальше события развивались так.

Антон женился вторично. На парикмахерше Зое.

— Зоя Сангурская! Звучит! — воскликнула новобрачная с интонацией Алины. Антон же самодовольно ухмыльнулся.

Вышла замуж и Алина. Ее новый супруг свою фамилию Квач охотно сменил на фамилию жены.

— Филипп Сангурский! — пропела Алина. — Оч-чень эстетично.

Что случилось в дальнейшем с Квачом-Сангурским — нам неизвестно. А вот с Антоном дело обстояло довольно необычно. Зоя в один прекрасный день обнаружила, что ее муж — редкий зануда и жмот, и ушла от него к заму, носившему вполне нормальную фамилию Шуликов. Но беда была в том, что несознательные жители Кукановки постоянно ошибались и называли его Жуликовым.

— Не тушуйся, Яша! — обнадежила его Зоя. — Мы их обставим, вот увидишь. Возьми мою фамилию: звучно и элегантно — Зося и Ян Сангурские. Вполне!..

...Прошло около двух лет. Антон Сангурский получил отдельную квартиру и, естественно, женился. На учительнице музыки Мальвине Шахмахер. Конечно, она приняла фамилию мужа, хотя и ее собственная звучала довольно оригинально и многообещающе.

На этом этапе мы потеряли и Алину и Антона. Что с ними случилось потом, я сказать затрудняюсь.

Но ведь рассказу нужен конец! Это только сильно современные литераторы «футуро» пишут произведения без конца, любезно предоставляя читателям возможность додумывать и приделывать к шедевр у конец на свой вкус. Зато у нашей маленькой истории даже два конца.

Первый конец. На новогоднем балу в кукановском Дворце культуры, кружась со своей супругой в вихре какого-то неизвестного танца, синоптик Вася Кулибаба заметил одиноко стоящего у буфета своего старого однокашника и шепнул жене:

— Валька, хватит нам топтаться. Я сейчас тебя познакомлю со своим корешком. Артик — отменный парень.

— А как его полностью? Артикул? — осведомилась жена.

— Какой тебе артикул? Артур его звать... Сейчас я его приволоку.

И через минуту притащил, придерживая за рукав.

— Знакомьтесь. Валя, это мой друг Артур Топорищев.

Но Артур неожиданно побагровел и сдавленным голосом прошипел:

— Я уже давно не Топорищев. Я ношу фамилию Сангурский.

— Да что вы, Артур! — воскликнула Валя. — Но ведь мой муж... Кто он, по-вашему? Вы так давно не встречались, что...

— Как кто? Известно, Василий Павлыч Кулибаба.

— А раньше! — мстительно сказал Вася. — Это не ты, а я Сангурский. По жене.

— И я по жене!

— Каким же это образом? — подозрительно посмотрела на друзей Валя. — А ну, братья Сангурские, давайте разберемся. Значит, так. Мой первый муж был...

А вот второй конец.

(Примечание автора. Можно оставить оба конца. А можно выбрать, какой нравится читателю, и на нем поставить точку. Я бы лично оставила и тот и другой. Все-таки больше строк, а это имеет очень большое значение для определения суммы гонора.)

Итак, второй конец. Председатель райисполкома Андрей Иваныч (не бойтесь, не Сангурский) читал газету, сидя в своем кабинете. Внезапно он помрачнел, перечитал снова одну из статей, покачал головой, отбросил газету и поднял телефонную трубку. Он позвонил в Кукановку.

— У вас что, Василий Титыч, — сердито спросил он у председателя поселкового Совета. — Почему семейственность развели? Людей не хватает?

— Какую семейственность, Андрей Иваныч? — испуганно спросила трубка.

— А такую. Вот газета передо мной. Учительница музыки М. Сангурская, библиотекарь — Т. Сангурская, агроном — Б. Сангурский, председатель стройкома — Ф. Сангурский. Ветврач...

— Андрей Иваныч, родной, не трудись! — весело завопила трубка. — Они никакие не родичи, а просто однофамильцы. Некоторые даже друг друга не знают. А недавно свадьба у нас была: Сангурский на Сангурской женился. Вот смеху было!..

— Врут небось, — меланхолично пробурчал Андрей Ива-

ныч.— Ну вот что, Клячин, ты мне все-таки обо всем этом однофамилии напиши подробную докладную. На случай если в области обратят внимание.

— Ладно. Изложу в соответствии с существующим положением. Но только вы меня, Андрей Иванович, Клячиным больше не называйте. Я ведь тоже скоро фамилию сменю. Буду зваться по жене, Сангурским. Тимофей и Татьяна Сангурские. Совсем другое звучание. Если улучите минутку — приезжайте на бракосочетание. Будем рады.

— Как... как?.. — Андрей Иванович застопыркался. — А тебе это за каким бесом понадобилось? Взрослый человек, можно сказать, и...

— А за таким бесом, — наставительно сказал Клячин, — что в человеке все должно быть прекрасно. И пальто, и прическа, и фамилия, ну, и рожа соответственно. Во всем должна быть красота. Это так моя Татьяна говорит. А она уж знает, библиотекарь, можно сказать, деятель культуры...

Повесив трубку, Андрей Иванович недоуменно бормотал:

— Скажи на милость, какие цивилизованные там, в Кукановке. Все-то они знают. Любители красоты. Красота! — И, что-то вспомнив, добавил: — А что ж такое — красота? Сосуд она. В котором пустота.

И, довольный собой, подытожил:

— Вот так-то. И мы кое-что читали.

Но, снова взявшись за газету, задумался.

— Да. Вот я. Кто я? Андрей Иванович Балдин... Нет. Что-то не то... Неблагозвучно. И остроты всякие на этот счет... А не поехать мне, в самом деле, в Кукановку на свадьбу? Поглядим там, что и как...

№ 29, 1980 г.

Э. ПОЛЯНСКИЙ

ЭСТАФЕТА ПОКОЛЕНИЙ

На днях звонит мне Юрка Гольский, мой школьный дружок, и зовет на вечер встречи бывших выпускников нашей школы. А я мнусь и учащенно дышу в трубку. С одной стороны, меня тянет повстречаться с одноклассниками, а с другой — пугает встреча с учителями, которым я в свое время здорово досадил.

— Стоит ли будить в наших учителях печальные воспоминания? — нерешительно произнес я в трубку.

Уговорил он все же меня. Купил я два десятка гвоздик и, прячась за Юркину спину, переступил школьный порог.

— Кто это с тобой, Юра? — приглядываясь ко мне, спросила директор Мария Трофимовна.

Борода, которую я отпустил в последние годы, скрыла мой острый подбородок и сделала меня неузнаваемым.

— Как, вы не узнаете Владика Баркова? — удивился Юрка.

Услышав мою фамилию, учителя настороженно вытянулись и, всмотревшись в меня, бросились врассыпную.

— Куда же вы? — закричал им Юрка вдогонку. — Не пугайтесь — он уже совсем тихий.

— Помнят еще Владика Баркова! — растрогался я. — Не забыли.

— Такие ученики не забываются, — с трудом выговорила Мария Трофимовна.

Я стал разворачивать находившийся в моих руках сверток, и Мария Трофимовна насторожилась.

— Напрасно беспокоитесь, Мария Трофимовна, — сказал я улыбаясь. — У меня здесь не пьяная кошка. Я уже давно не спаиваю их валерьянкой.

И протянул ей несколько гвоздик.

Увидев цветы, учителя немного успокоились и снова подошли к нам. Я поздоровался с каждым по отдельности и раздал оставшиеся гвоздики.

Физик Александр Владимирович, приняв от меня цветы, долго вертел их, подозрительно изучая стебли, листья и полураспустившиеся бутоны.

— Невольно приходит на память один прискорбный случай, — объяснил Александр Владимирович. — Шестой «Б» преподнес мне ко дню рождения цветы. По-моему, это были тюльпаны. Так вот именно ты подложил в букет листья крапивы.

— Мне очень стыдно за эту проделку, — сказал я, покраснев. — Извините меня, Александр Владимирович, если можете.

— Тогда уж проси прощения и за муху, — вмешалась в разговор учительница географии Анна Петровна.

— За какую муху? — удивился я.

— За ту, которую ты, обмакнув в чернильницу, пустил летать по классу. Я хорошо помню, как эта муха испачкала меня чернилами.

— Что-то подобное припоминаю, — сказал я, еще больше

краснея.— Эх, вернуть бы те годы! Я бы, приходя в школу, окунал всех мух во французские духи. Чтобы они разносили приятный запах.

— А как бы ты теперь поступил со скелетом? — поинтересовался учитель по физкультуре Сергей Яковлевич.— Вспомни, как ты перетащил его из биологического кабинета в спортзал и прицепил к шведской стенке, будто он карабкается на нее...

— И наши девочки, войдя в спортзал, подняли такой визг, что сбежалась вся школа,— продолжил я, скромно потупившись.— Теперь, Сергей Яковлевич, я бы так не поступил. Приношу вам свои глубочайшие извинения. Готов также извиниться перед скелетом.

— Сделай одолжение: он стоит на прежнем месте,— сказал Сергей Яковлевич.

И вот, сопровождаемый своими бывшими учителями, я поднялся на второй этаж в кабинет биологии.

— Привет, дружище,— бодро поздоровался я со скелетом.— Это я, Владик Барков, который посадил тебя на шведскую стенку.

Тут послышался скрип суставов, левая рука скелета резко поднялась и хлопнула меня по плечу. Я истошно закричал и отшатнулся. Учителя тоже попятились.

— Кажется, я догадываюсь, в чем дело,— успокоил всех физик Александр Владимирович. Он бесстрашно приблизился к скелету, заглянул внутрь и даже присвистнул.— Фотоэлемент. Скорее всего, изобретение Норкина.

— Кто такой? — спросил я, оправившись от испуга.

— Твой достойный последователь,— объяснил Александр Владимирович.— Так сказать, эстафета поколений.

— Куда мне до него,— чуть ли не с завистью сказал я, разглядывая приспособление незнакомого последователя.— Это вам не муха в чернильнице.

Как бы в подтверждение моих слов скелет лязгнул челюстью и шагнул вперед.

Биологический кабинет мгновенно опустел.

СЕКРЕТ МАСТЕРА ОСЕТРОВА

На работе произошло неприятное событие: сломался общественный электрочайник.

Коллектив женский, эмоциональный. Реакция самая неожиданная. Синхрофазотрон сгорел—никто глазом бы не моргнул, а тут из-за обыкновенного чайника целая драма.

— Выручайте, Александр Иванович,—кинулись женщины к своему коллеге, единственному в комнате мужчине.

Осетров смущенно пожал плечами:

— Я, правда, никогда не пробовал... Не мой профиль...

Но атака женщин была стремительной и мощной.

— Ну, Александр Иванович! Ну, пожалуйста! Вы ведь инженер... мужчина... умница...

Осетров не устоял и с тяжелым, как штанга Султана Рахманова, предчувствием взялся за чайник.

Повертел его, покрутил, внутрь заглянул, кулаком постучал. В розетку воткнул. Чайник был холоден, как борщ в студенческой столовой.

— Дома починю,—сказал он и, чтобы не осрамиться, сразу после работы побежал в мастерскую. Чайники брали только на осень, а на дворе была весна. Осетров подумал, посомневался. Потом махнул рукой: не ударять же лицом в грязь—и направился в магазин.

...На работе он появился с новым чайником.

— Вот это мастер! —наперебой расхваливали его коллеги.—Что значит руки золотые... Чайник-то, смотрите, как новенький стал.

Слава о мастере Осетрове разнеслась со скоростью звука.

Александр Иванович чувствовал себя именинником и больше не сожалел о потраченных деньгах.

Однако на другой день ему принесли в ремонт будильник.

Осетров уперся, заартачился:

— Да вы что, смеетесь? Идите в мастерскую. У меня работа. Я занят.

— Знаем,—сказали ему,—что клиентов у вас хватает. Но это просьба Ивана Мироныча. Ни одна мастерская не берет.

Осетров вздохнул: разве ему откажешь! — и положил будильник в портфель.

Подобных часов в магазине не оказалось. Сказали, что модель старая и уже давно снята с производства, и предложили настенные с боем. Александр Иванович растерялся: такого поворота он не ожидал. Он позвонил Ивану Миронычу. Трубку взяла секретарша Галочка.

— Будильники такие уже не модны... не выпускаются... А с боем можно?

Пока Галя наводила справки, Осетров прикидывал предстоящие расходы.

— Разрешил. Делайте с боем. Иван Мироныч спрашивает, с кукушкой не сможете?

— А с песнями Аллы Пугачевой не хотите? — разозлился мастер и повесил трубку.

...Восторгу сослуживцев не было предела.

— Да он просто Паганини ремонта, — говорили об Осетрове. И пошло и поехало. К Осетрову валили, как на «Бони М». Несли все подряд: авторучки, зажигалки, кофеварки, электрогрелки... Одна женщина, предприимчивая, видно, попросила пылесос в швейную машину переделать:

— Вы, говорят, все можете...

Другая обиделась даже: Ивану Миронычу вон из плюгавенького будильничка какие часы... А я из цветного телевизора прошу маленький, портативный сделать. Неужели трудно? Из большого маленький всегда легче...

Александр Иванович отбивался как мог, но люди-то все нужные — попробуй откажи. Он терпел, крепился, зарплат не хватало, в долги залез по уши.

Мастер ходил невеселый, бледный, невыспавшийся.

Свой секрет раскрывать не хотелось: стыдно — такой авторитет, и вдруг...

Осетров выбрал другое.

На новую работу шел радостный и торжественный, как на премьеру в Большой театр. Александра Ивановича встретили приветливо, даже, можно сказать, с восторгом.

— Слышали о вас, слышали. С нетерпением ждали...

— Вы о чем, товарищи? — Хорошее настроение слетело с Осетрова, как листья с осенних деревьев.

— Не скромничайте, знаем, — ответили ему. — Вы, кстати, вовремя, будто по заказу. Рояль у нас в комнате сломался...

НЕЗАМЕНИМЫЙ

На экране бушевали страсти, назревал и все никак не мог разрешиться конфликт, но Сергей смотрел не на экран, а на очаровательную соседку слева. Увы, соседка не обращала на него внимания. Она глаз не могла оторвать от киногероя — черноволосого титана, игравшего прославленного хоккеиста.

— Подумаешь! — сказал Сергей громко. — Ничего особенного. Я, например, этот финт выполняю гораздо техничнее.

Соседка скосила на него взгляд, но Сергею и этого было достаточно, чтобы продолжить бой с киногероем.

— А это разве удар? Я за игру ломаю не меньше трех клюшек. А это так... лидер дворовой команды...

На этот раз соседка наградила Сергея ослепительной улыбкой.

— Что вы говорите? Три клюшки подряд?

— Когда и четыре. Все зависит от накала борьбы и качества клюшек.

Из кинотеатра они вышли вместе. По дороге выяснилось, что работает Рита по соседству с его заводом да и живет недалеко: пять автобусных остановок.

Дальше события развивались положенным образом — первое свидание, первый поцелуй... Лишь одно обстоятельство омрачало душу нашего героя — приближалась зима, и расспросы Риты относительно будущих хоккейных баталий становились все настойчивее.

— Да пока только тренировки в спортзале. Так сказать, черновая работа... Непосвященным неинтересно... — мучительно краснея, бормотал Сергей.

— Я понимаю — настоящего спортсмена украшает скромность, — шептала Рита, глядя на юношу сияющими голубыми глазами. — Но мне так хочется скорее поболеть за тебя! — И тоненьким голоском вскрикивала: — Шайбу!

Он каждый раз вздрагивал и испуганно оглядывался по сторонам.

— Умоляю тебя, тише!

И вот наступил час расплаты. Когда влюбленные тихим зимним вечером возвращались из кинотеатра, Рита вдруг увидела огромную фанерную афишу, расположенную у входа на стадион. На ней был аляповато изображен богатырь хоккеист; написанный крупными скачущими

буквами текст извещал о предстоящем на следующий день матче.

— Ты приготовил мне сюрприз! — радостно воскликнула Рита, целуя юношу в щеку. — Наконец-то я за тебя поболею! Ух! Все девочки будут завидовать.

Сергей стоял неподвижно, бледный...

Наутро он пришел на стадион, чтобы разыскать своего давнего знакомого, капитана сборной Юрия. Нашел он его в раздевалке, где Юрий, весело насвистывая, надевал доспехи.

— Юра, ты мне друг? — мрачно спросил Сергей.

— Ну? — настороженно ответил капитан.

— Выпусти меня сегодня на лед.

— Зачем? — удивился Юрий. — Ты же не умеешь играть.

— Я хочу погибнуть как герой на ее глазах! — патетически заявил Сергей.

— На чьих глазах? — воскликнул капитан.

Пришлось Сергею выкладывать все начистоту.

...Заводской стадион был забит до отказа. Предстоял полуфинальный матч между «Кометой» и «Планетой». Рита сидела за воротами Сережиной «Кометы» и ждала начала матча. Но вот зазвучала песня Пахмутовой о трусе, который не играет в хоккей, и на поле вышли богатырские ледовые дружины. Она смотрела и не верила своим глазам: впереди «Кометы» — ее Сережа. Не Сережа даже, а Илья Муромец на коньках. Вот он уже обменивается с капитаном «Планеты» рукопожатием, улыбкой и вымпелом. Раздался свисток судьи, и Сережа направился... на скамейку запасных. Игра захватила Риту. Она кричала, и свистела вместе со всеми, и все ждала, когда же выйдет на лед ее Сережа. Один раз он даже выпрыгнул через борт на площадку, но тренер вернул его обратно. Было много удалений, а одного травмированного хоккеиста из «Планеты» увели под руки с поля боя...

Закончилась игра в пользу «Кометы». И вновь на поле во главе команды-победительницы вышел на прощальную церемонию Сергей. Мгновение, и вот он уже летит в воздух, подбрасываемый дюжиной ребятами из его команды.

Из раздевалки герой дня вышел вместе с Юрием. Еще не остывшая от переживаний Рита уже ждала их.

— Завидую вам, Рита, — сказал капитан «Кометы». — С таким геройским парнем нигде и никогда не пропадете. Орел! Душа команды! Главный диспетчер победы.

— Диспетчер? — тихо прошептала Рита. — Но почему же я не видела его на поле?

— Ишь, чего захотели,—усмехнулся Юрий.— Да разве мы имеем право выставлять его на каждую игру? Тут же организуется за ним форменная охота. Мы Сергея бережем на решающую финальную игру. Знаем, что до конца ему все равно доиграть не дадут. Дай бог половину первого периода целехоньким провести. Но зато за эти полпериода он непременно распечатает ворота противника. Так что бережем как зеницу ока... Ну, не надо слез, Риточка, ведь все мы настоящие мужчины.

— Нет,—сквозь слезы промолвила Рита.— Если он настоящий мужчина, то пусть больше никогда не играет в хоккей.

— А как же финальный матч? — поинтересовался с самым серьезным видом Юрий.

— Как хотите! — резко отрезала Рита.— Ты обещаешь мне, Сережа, больше не рисковать своим здоровьем, а может быть, и жизнью? Ради меня!

— Только ради тебя,—нежно прошептал Сережа.— Только ради тебя.

— Эх, какого мастера потеряли! — Юрий тяжело вздохнул и, с трудом сдерживая смех, удалился. Впрочем, со спины казалось, что он безутешно рыдает.

№ 29, 1980 г.

Ефрем ГОРДОН

ПОЭТИЧЕСКАЯ КВАШНЯ

*Нет, братцы,
Спешность не по мне,
Иной поэмит повсеместно,
А у меня в моей квашне
Еще пыхтит тугое тесто...*

Василий ФЕДОРОВ

Я, братцы, спешность не приемлю,
В стихах горячки не порю,
А потихонечку поэмлю
И кое-как стихотворю.
Иной, бывает, так поэтит,
Как будто блинчики печет,

Но вряд ли кто-нибудь на свете
Стихотворню его прочтет.
Поэчу я совсем иначе:
Дней пять слова в квашне держу,
Их туго-натуго рифмачу,
Затем вокруг квашни хожу.
Колдую долго над замесом
И помещаю следом в жар,
А испеку — сдаю по весу
Со Знаком качества товар.

№ 6, 1978 г.

Александр
ИВАНОВ

КТО КОГО?

*Я эту комнату наполню
Одной тобой, одной тобой.
...И как цветок тебя поставлю
В стакан с водою ключевой.*

Михаил ТАНИЧ

В полях благоухала мята.
Я шел тропинкой луговой.
А ты была слегка помята,
Совсем склонилась головой.

Я прослезился, детство вспомнил
И взял тебя еще живой...
В прохладной комнате наполнил
Стакан водою ключевой.

Разуться я тебя заставил,
Расправил легкий сарафан
И очень бережно поставил
Босыми ножками в стакан.

Ты как-то сразу заблистала
В стакане тонкого стекла.
И распускаться вскоре стала,
Потом и вовсе ожила.

Вливалась радость в грудь
безбрежно,
Кружилась сладко голова.
А я ходил вокруг и нежно
Пел песни на свои слова.

Ты посвежела, как невеста,
И вот уже к исходу дня
Ты распустилась. И на место
Уже поставила меня!..

№ 27, 1978 г.

ЯН ПОЛИЩУК

ВОСХОЖДЕНИЕ

Мой приятель Динко укладывается в постель обычно после основательной порции телевизора, что-нибудь за полночь. Но раз в три месяца, накануне выходного дня, рано удаляясь в свою комнату, он отчаянно возвещает:

— Приглушите звуки. Завтра я осаждаю Витошу!

— О! — благоговейным хором откликается семья.— Завтра он осаждаёт Витошу!

Выключив телевизор и укутав телефонный аппарат пышно взбитой подушкой для смягчения внезапного звонка, весь дом прислушивается к командам Динко.

— Одеяло здесь... Кеды тоже... Компас на месте... Термос?... Куда, черт вам в бочину, девался мой термос?

Тесня друг друга, все бросаются искать термос. Как и следует ожидать, он стоит на письменном столе, уже источая головокружительный аромат плиски.

...Сигаретный слоистый туман стоит над славной Софией, когда Динко, приторочив с помощью домкрата к плечам рюкзак вещеизмещением в две тонны, выступает в поход. Сметливо ориентируясь по компасу, он выходит к остановке троллейбуса, доставляющего пассажиров прямо к подножию горы. Трудно описать ярость горновосходителей, с какой они осаждают салон, чтобы провести несколько минут в комфортабельном кресле и таким образом сберечь элерию перед предстоящим штурмом Витоши. Динко едва втискивается со своим рюкзаком вовнутрь, при этом выдавливая с передней площадки шестерых

конкурентов. Они с проклятиями выстреливаются на улицу, словно шарики из деревянного пистолета-хлопушки.

Наконец троллейбус, кренясь на виражах под тяжестью груза, добирается до подошвы Витоши. Предстоит новый сложный этап путешествия. Преодолев метров двадцать, Динко перебирается в рейсовый автобус. Натужно урча, автобус увозит наверх по терренкуру очередную когорту путешественников. Из открытых окон до оставшихся долетает удалая корпорантская песня: «Витоша, Витоша, вита-ша!» (что, очевидно, в переводе со студенческой латыни означает: «Витоша, Витоша, ты жизнь — и этим все сказано!», — а может, и что-то иное...).

Где-то на полпути к вершине предстоит новое испытание — пересадка в вагончики фуникулера. Но путники и здесь не утрачивают боевого запала — песня звучит с прежним шиком: «Витоша!» Когда до пика остается не больше сотни шагов, вагончики притормаживают. Обстановка требует самостоятельных действий и, главное, арктического мужества, чтобы устоять перед райскими искусами.

Из разбросанных вокруг шатров выглядывают продавцы в тирольских шляпках с перышками и, демонически усмехаясь, предлагают отведать освежающего оранжада или пепси-колы. Над охотничьей избушкой вьется дымок, в котором угадываются нежные кабабчата и поджаренный на углях сладкий перец-чушка...

Но это все удел каких-нибудь бонвиванов. Динко же, как истинный подвижник, сбросив с помощью трех добровольцев с изнуренных плеч свой рюкзак, подкрепляется домашними бутербродами и незаменимой плиской. Когда рюкзак заметно тощает, Динко начинает штурм вершины по истоптанной тропе.

О, это не легкие шаги к небу, доложу я вам! Бутерброды отягощают желудок, и, чтобы не завалиться, надобно то и дело цепляться за пожухлые кусты на обочине тропы. И все же Динко неукротимо идет и идет вперед и даже пытается промурлыкать фрагмент из бравой песни.

И вот вершина покорена! Победа, черт вам в бочину, виктория, триумф! Прислонившись к дереву, на оголенном стволе которого было начертано традиционное: «Здесь побывали любители природы...» — и следовало несколько размытых автографов, Динко разделяется с остатками плиски. Незабываемые мгновения торжества и печали. Торжества человека над стихией... Печали — при воспоми-

нании о тоскующих под кроватью домашних туфлях-бабушках с загнутыми носками...

...В воротах дома нашего триумфатора встречают супруга и дети, молитвенно воздевающие руки:

— О! Он одолел Витошу! Надо срочно отбить депешу дядюшке в Габрово!

№ 3, 1981 г.

КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ...

«ПОСЛЕДНЯЯ ФРАЗА»

Кто-то из маститых мастеров прозы высказал глубокую мысль, что рассказ начинается с первой фразы.

Но с такой первой, чтобы хотелось дочитать до последней.

Публикуемые нами авторы решили поступить наоборот: заинтересовать читателя именно последней фразой.

Но такой, чтобы в ожидании ее прочитывались и первая, и вторая, и третья... Правда, не тысячная, так как долго испытывать читательское ожидание рискованно.

Поэтому, сев за свои пишущие машинки, они писали перед последней фразой не так-то уж много предыдущих, всего одну страничку через два интервала.

Признаемся, их идея пришлась Крокодилу по душе, и он обращается ко всем писателям, а также читателям-юмористам с призывом принять участие в развитии этой идеи и присылать соответствующие коротенькие рассказы, лучшие из которых будут публиковаться под рубрикой, так прямо и названной: «Последняя фраза».

Александр
СУКОНЦЕВ

НОТАЦИЯ

Директор был человеком добрым и мягким. Он никогда не распекал своих подчиненных, не повышал голоса. Остучании кулаком и речи не могло быть. Если и случалось, правда, крайне редко, он слегка журил провинившегося.

Вот и сейчас перед директором стоял, опустив голову,

Федор Иванович и переминался с ноги на ногу. А директор тихим голосом, по-отечески его корил:

— Нехорошо, братец ты мой, Федор Иванович, получается. Ведешь ты себя не того... Весь коллектив относится к тебе с уважением. Я бы сказал, любит тебя. А ты? На посетителей, извини меня, рычишь. Уборщица зашла прибраться, ты на нее страху нагнал. От несознательных посетителей подачки принимаешь. С товарищами по работе конфликтует. Что молчишь? Отвернулся? Стыдно тебе?

Тигр по имени Федор Иванович тяжело вздохнул и пошел в угол клетки.

№ 20, 1978 г.

Михаил АНДРАША

ВТОРОЕ ЗАМУЖЕСТВО

Рассказ

В Клубе туристов одного южного города вручали ежегодный приз «Легкий рюкзак» — за самое красочное и самое правдивое описание туристического путешествия или похода. Год назад этого почетного приза удостоились трое молодых людей, описавшие свои приключения в соляных пещерах, где они заблудились и откуда выбрались на другую сторону Земли. Как писали они в своем сочинении, выйдя на поверхность из глубокой расщелины, увидели центральную площадь знаменитого города Рио-де-Жанейро. На вопрос, как называется эта площадь, стоявший поблизости полицейский ответил:

— Имени Остапа Бендера.

В этом году «Легкого рюкзака» было удостоено исключительно правдивое сочинение инженера Нины Симоновой.

После небольшого вступительного слова старейшины клуба председатель конкурсного жюри — пожилой мужчина, которому на вид было лет шестьдесят, а на самом деле девяносто девять, — объявил имя победительницы конкурса и сказал, что «Легкий рюкзак» вручается за сочинение под названием «Второе замужество». Необычность названия отразилась на аплодисментах — они были несколько настороженными. Дело в том, что члены Клуба туристов этого города свято чтут семейные узы и под разными

благовидными предложениями избавляются от тех туристов, которые нарушают брачный союз.

На сцену поднялась виновница торжества — миловидная стройная женщина в вечернем платье из модной искрящейся ткани.

Нина Симонова приняла из рук председателя рюкзак в красивой упаковке, и, следуя установившейся традиции, стала читать свое сочинение.

«Это лето,—начала она взволнованно,—мы с мужем провели как нельзя лучше. У нас была изумительная возможность путешествовать вдвоем, мы могли отправиться хоть на край света. Мы давно задумали это путешествие — еще тогда, когда подали заявление о приеме нашего ребенка в детский сад. Заявление у нас приняли и обещали сообщить, когда подойдет наша очередь. Судя по очереди, это время было далеко. Соседка дала нам дельный совет: взять в домоуправлении справки о том, что у нас нет бабушки, нет дедушки и что мы не имеем материальной возможности нанять домработницу. Муж хорошо зарабатывал, но я попросила его приносить домой как можно меньше денег и сменить работу. Он упрямылся, но я настояла на своем. Он перешел на другую работу, которая оплачивается втрое хуже. Из полученных в разных местах справок следовало, что мы едва сводим концы с концами, живем так, что не можем себе позволить не только хрусталя, но даже обыкновенного цветного телевизора. Нас сразу же передвинули в очереди в детский сад.

Но намного короче была очередь матерей-одиночек и разведенков, то есть женщин, которым мужчины отдают лишь четверть своего заработка. Я подумала и решила уговорить мужа подать на развод. Муж, конечно, упрямылся, говорил, что не может жить без меня, что не представляет себе... Все же я настояла. Суд постановил расторгнуть наш союз. Я стала получать ничтожные алименты. На службе, где у моего бывшего мужа была прекрасная репутация, узнали, что он бросил семью, платит алименты, и хотели пришить ему «аморальное поведение». Но я пошла к нему на службу и постаралась убедить начальника, что во всем виновата я, а у них работает исключительно порядочный человек.

Пока мы возились с этим делом, сильно увеличилась очередь за счет лиц, которые устраивали детей так же, как и мы.

И тут мой бывший муж узнает, что немедленно принимают в детский сад ребенка от отца-одиночки.

Муж подает заявление и требует, чтобы меня лишили родительских прав. Лишение прав — дело не такое простое. Но по большому знакомству мужу удалось добыть необходимые документы. Наконец свершилось! Мой бывший муж приносит направление в детский садик. Да еще на пятидневку.

Но так как за это время наша дочь сильно подросла и пошла учиться в первый класс, мы смогли быстро, без особых хлопот устроить ее в пионерский лагерь на два срока. А сами провели летние отпуска в туристическом многодневном походе.

Это было удивительное время нашей молодости и любви.

Именно в походе, на лоне природы, мы хорошо узнали друг друга.

Муж сделал мне предложение, и я дала согласие выйти за него второй раз...»

Нина Симонова закончила чтение. Наступила пауза, а затем раздались аплодисменты — гром аплодисментов. Все члены клуба поднялись со своих мест и приветствовали победительницу стоя.

№ 23, 1981 г.

КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ...

ЧТО БЫ ЭТО ЗНАЧИЛО?

Упоительная женщина

Буфетчица.

Семеро по лавкам

Семейная династия в торговой сети.

А. Науменко,
г. Харьков.

Сапоги всмятку

Женские сапоги-чулки.

В. Золотухин,
г. Ростов-на-Дону.

И все-таки она вертится!

Жена после работы.

В. Локтев,
г. Астрахань.

Ни пуха ни пера.

Фотоохота.

Т. Дечко,
г. Шостка.

Камень за пазухой.

Трофей с экскурсии к памятникам старины.

С. Пивоваров,
г. Феодосия.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1922—1927 гг.	7
1928—1932 гг.	38
1933—1937 гг.	61
1938—1942 гг.	97
1943—1947 гг.	127
1948—1952 гг.	165
1953—1957 гг.	194
1958—1962 гг.	226
1963—1967 гг.	270
1968—1972 гг.	316
1973—1977 гг.	358
1978—1982 гг.	404

АВТОРЫ ЛЕТОПИСИ

ЛИТЕРАТОРЫ:

И. АБРАМСКИЙ,
Н. АДУЕВ,
Ф. АЛИЕВА,
С. АЛЫМОВ,
В. АРДОВ,
АРГО,
АРХИП (А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ),
Н. АСЕЕВ,

Н. БАЖЕНОВ,
В. БАХНОВ,
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ,
Д. БЕЛЯЕВ,
С. БОДРОВ,
Н. БОГОСЛОВСКИЙ,
Ю. БЛАГОВ,
И. БУНИН,

А. ВАСИЛЬЕВ,
Ф. ВИДРАШКУ,
М. ВИЛЕНСКИЙ,
А. ВИХРЕВ,
ОСТАП ВИШНЯ,
М. ВОЛОВИК,

Р. ГАМЗАТОВ,
А. ГОЛУБ,
Б. ГОРБАТОВ,
Е. ГОРДОН,

А. Д'АКТИЛЬ,
Е. ДОЛМАТОВСКИЙ,
В. ДРАГУНСКИЙ,
Г. ДРОБИЗ,
Е. ДУБРОВИН,
В. ДЫХОВИЧНЫЙ,

Д. ЕВДОКИМОВ,
Е. ЕВТУШЕНКО,

А. ЖАРОВ,
В. ЖИЛИНСКАЯТЕ,

Д. ЗАСЛАВСКИЙ,
Ю. ЗОЛОТАРЕВ,
И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ,
М. ЗОЩЕНКО,

А. ИВАНОВ,
ДМ. ИВАНОВ,
Н. ИВАНОВ-ГРАМЕН,

М. КАЗОВСКИЙ,
В. КАНАЕВ,
Н. КАРПОВ,
Л. КАССИЛЬ,
В. КАТАЕВ,
С. КИРСАНОВ,
Ф. КРИВИН,
Э. КРОТКИЙ,
А. КОВАЛЕНКОВ,

Б. КОВАЛЬ (ЮДИН),
А. КОЛОСОВ,
М. КОЛОСОВ,
С. КОМИССАРЕНКО,
В. КОНСТАНТИНОВ,

Б. ЛАВРЕНЕВ,
Л. ЛАГИН,
Г. ЛАНДАУ,
В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ,
Им. ЛЕВИН,

Ф. МАКИВЧУК,
Ю. МАРТЫНОВ,
С. МАРШАК,
В. МАРЬЯНОВСКИЙ,
Е. МАТВЕЕВ,
М. МАТУСОВСКИЙ,
В. МАСС,
В. МАЯКОВСКИЙ,
В. МИТИН,
Л. МИТНИЦКИЙ,
С. МИХАЛКОВ,
Н. МОНАХОВ,
А. МОРАЛЕВИЧ,

С. НАРИНЬЯНИ,
С. НАРОВЧАТОВ,
Александр НЕВЕРОВ,
А. НЕСИН,
А. НИКОЛАЕВ,
Г. НИШНИАНИДЗЕ,

Ю. ОЛЕША,
Л. ОШАНИН,

В. ПОБЕДОНОСЦЕВ,
Я. ПОЛИЩУК,
Э. ПОЛЯНСКИЙ,
Н. ПОЛОТАЙ,
М. ПРИШВИН,
А. ПРОКОФЬЕВ,
М. ПУСТЫНИН,

М. РАСКАТОВ,
А. РАСПЕВИН,
Б. РАЦЕР,
С. РЕВЗИН,
А. РЕМЕЗОВ,
С. РОДИОНОВ,
Р. РОМАН,
Пантелеймон РОМАНОВ,
Г. РЫКЛИН,

Б. САМСОНОВ,
В. СВИРИДОВ,

М. СВЕТЛОВ,
СВЭН (И. КРЕМЛЕВ),
К. СИМОНОВ,
М. СЕМЕНОВ,
М. СЛОБОДСКОЙ,
С. СМИРНОВ,
Л. СОБОЛЕВ,
А. СУКОНЦЕВ,

Л. ТАТЬЯНИЧЕВА,
А. ТИТОВ,
Вл. ТРИФОНОВ,
Г. ТРОЕПОЛЬСКИЙ,
братья ТУР,

Н. ФЕДЮРКО,

А. ХОДАНОВ,

Е. ЦУГУЛИЕВА,

Карел ЧАПЕК,
М. ЧЕРВИНСКИЙ,

И. ШАТУНОВСКИЙ,
И. ШАФЕРАН,
С. ШВЕЦОВ,
Е. ШЕВЕЛЕВА,
В. ШИШКОВ,
Виктор ШКЛОВСКИЙ,

М. ЭДЕЛЬ,
Н. ЭНТЕЛИС,
Илья ЭРЕНБУРГ.

ХУДОЖНИКИ:

М. АБРАМОВ,
Ю. АНДРЕЕВ,
Г. АНДРИАНОВ,

М. БИТНЫЙ,
Л. БРОДАТЫ,

М. ВАЙСБОРД,
Г. ВАЛЬК,
В. ВАСИЛЬЕВ,
Е. ВЕДЕРНИКОВ,

Ю. ГАНФ,
Л. ГЕНЧ,
В. ГОРЯЕВ,
Е. ГУРОВ,

ДЕНИ,

Е. ЕВГАН,
К. ЕЛИСЕЕВ,
Бор. ЕФИМОВ,

В. ЖАРИНОВ,

Г. ИОРШ,

Е. КАЖДАН,
А. КАНЕВСКИЙ,
Г. и В. КАРАВАЕВЫ,
Б. КЛИНЧ,
В. КОЗЛИНСКИЙ,
В. КОНОВАЛОВ,
О. КОРНЕВ,
А. КРЫЛОВ,
С. КУЗЬМИН,
КУКРЫНИКСЫ,
Н. КУПРЕЯНОВ,

Борис ЛЕО,
Н. ЛИСОГОРСКИЙ,

Б. МАЛАХОВСКИЙ,
Ив. МАЛЮТИН,
Д. МООР,
В. МОХОВ,
В. МОЧАЛОВ,

Гр. ОГАНОВ,
Г. ОГОРОДНИКОВ,

Б. ПРОРОКОВ,

Н. РАДЛОВ,
Ф. РЕШЕТНИКОВ,
К. РОТОВ,

Б. САВКОВ,
Л. САМОЙЛОВ,
А. СЕМЕНОВ,
И. СЕМЕНОВ,
Л. СОЙФЕРТИС,
И. СЫЧЕВ,

А. ТОПИКОВ,

Ю. УЗБЯКОВ,
М. УШАЦ,

Ю. ФЕДОРОВ,

К. ХОМЗЕ,
М. ХРАПКОВСКИЙ,

А. ЦВЕТКОВ,

М. ЧЕРЕМНЫХ,
Ю. ЧЕРЕПАНОВ,
В. ЧИЖИКОВ,

В. ШКАРБАН,
Е. ШУКАЕВ,

Е. ЩЕГЛОВ.

КРОКОДИЛУ — 60 ЛЕТ

Редактор Е. П. ДУБРОВИН
Художественный редактор А. П. КРЫЛОВ
Технический редактор Л. И. КУРЛЫКОВА

Сдано в набор 02.02.82. Подписано к печати 12.07.82 г.
А 05135. Формат бумаги $84 \times 108^{1/32}$. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Эксельсиор». Офсетная печать. Усл. печ. л. 23,52. Учетно-изд. л. 23,25. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2008. Цена 2 руб. 10 коп.
(в суперобложке), 1 р. 90 к. (без суперобложки)

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Отпечатано в типографии «Курская правда»,
г. Курск, ул. Энгельса, 109. Заказ № 3627.

Larisa_F

